

Майкл МУРКОК

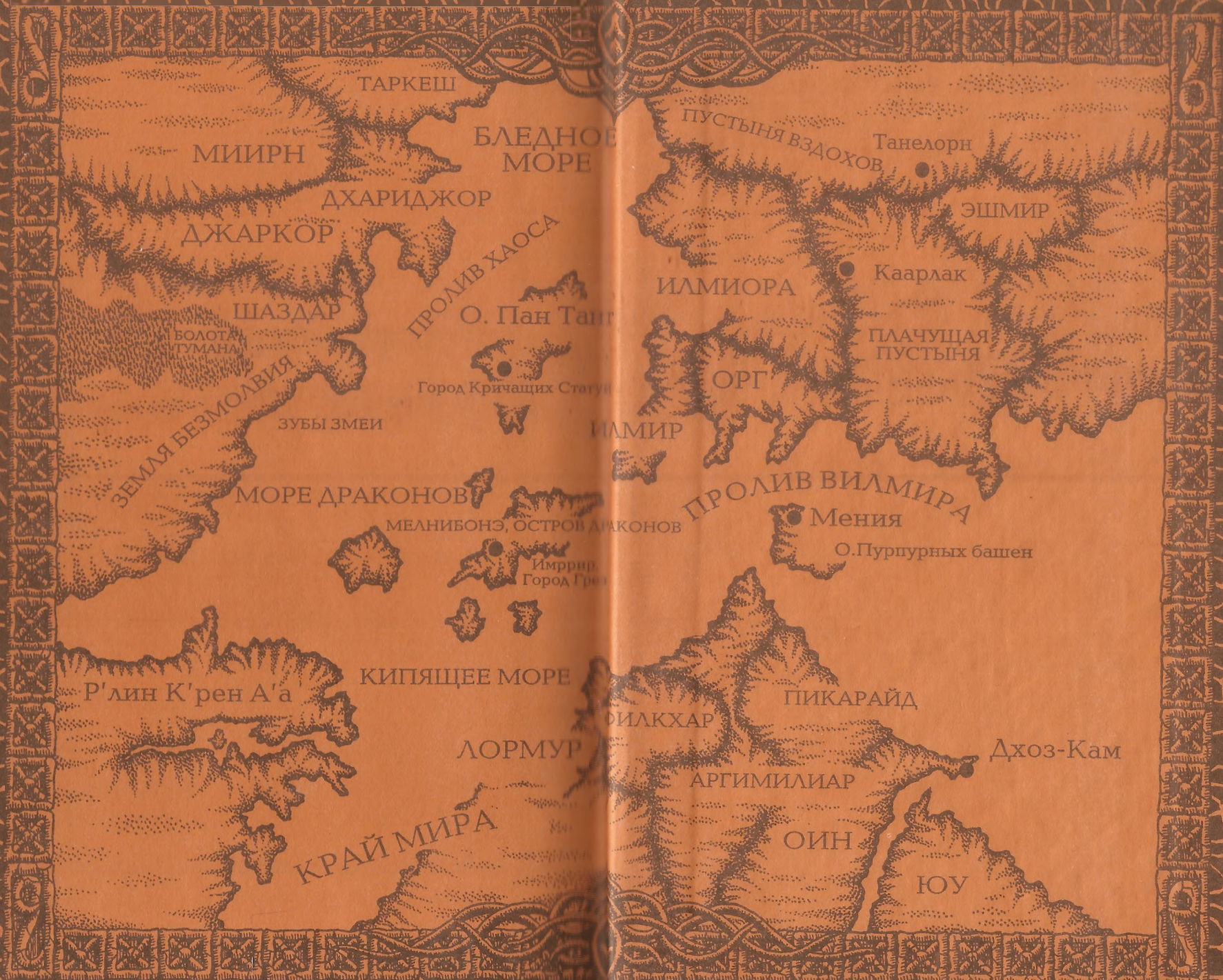
МЕСТЬ РАЗЫГ

Сага об Эльрике
Мелнибонэйском

Майкл МУРКОК

ТАРКЕШ

МИИРН

БЛЕДНОЕ
МОРЕ

ДХАРИДЖОР

ДЖАРКОР

ШАЗДАР

БОЛОТА
ТУМАНА

ПРОЛИВ ХАОСА

О. Пан Таи

Город Кричащих Статуи

ЗУБЫ ЗМЕИ

МОРЕ ДРАКОНОВ

МЕЛНИБОНЭ, ОСТРОВ ДРАКОНОВ

Имррир
Город Грешных

Р'лин К'рен А'а

КИПЯЩЕЕ МОРЕ

ЛОРМУР

КРАЙ МИРА

ПУСТЫНЯ ВЗДОХОВ

Танелорн

ЭШМИР

ИЛМИОРА

Каарлак

ПЛАЧУЩАЯ
ПУСТЫНЯ

ОРГ

ИЛМИР

ПРОЛИВ ВИЛМИРА

Мения

О. Пурпурных башен

ПИКАРАЙД

Дхоз-Кам

Аргимилиар

ОИН

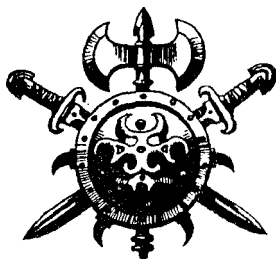
ЮУ

Michael Moorcock

ELRIC OF MELNIBONÉ

3

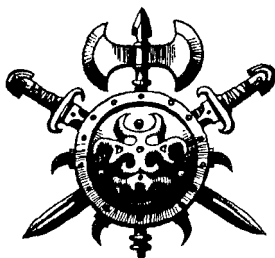

ACE BOOKS

Майкл Муркок

МЕСТЬ РАЗЫГ

3

"СЕВЕРО-ЗАПАД"
Санкт-Петербург
1998

УДК 820(73)
ББК 84.7(США)
М91

Перевод с английского

Авторские права защищены.

Запрещается воспроизведение этой книги или любой ее части, в любой форме, в средствах массовой информации. Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

В оформлении обложки использована работа Michael Whelan. Публикуется с личного разрешения автора и его агентов.

Муркок М.

М91 Месть Розы.: Романы. / Пер. с англ.— СПб.: Северо-Запад, 1998.— 512 с.

ISBN 5-7906-0091-3

Не нашедшая успокоения тень отца обрекает Эльрика Мелнибонэйского на скитания, полные опасностей и преград, в поисках утраченной души.

Через бесчисленные миры и вселенные лежит путь Повелителя Драконов, ищущего ответ на извечные вопросы Жизни и Смерти. Любовь ждет его в конце пути — но сумеет ли альбинос ради нее отказаться от своего проклятого спутника, меча, пьющего души людей?

УДК 820(73)
ББК 84.7(США)

© Michael Moorcock, 1991

© «Северо-Запад», подготовка текста,
серийное оформление, 1998

ISBN 5-7906-0091-3

МЕСТЬ РАЗЫ

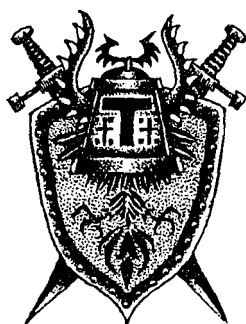

...Недолго Эльрик наслаждался покоем Танелорна. Вскоре он вновь был вынужден двинуться в путь. На сей раз — на восток, в Валедерию, где, ему говорили, находится некий шар, способный показывать будущее. В том шаре он надеялся узреть собственную судьбу. Но в пути альбиноса схватили дикари хаган'иины и подвергли жестоким пыткам. Бежав из плена, Эльрик примкнул к армии Анакхазана и сражался с ними против варваров...

«Хроника Черного Меча»

Часть первая

**О СУДЬБАХ
ИМПЕРИЙ**

Ты говоришь, мы вырождаемся, друг мой?
И, мол, гордыня разум наш спалила,
Самовлюбленность очи нам затмила?..
Ты ошибаешься. Нам нужен лишь покой.
И мы смеемся сами над собой,
И в этом – наша мудрость, власть и сила!

Уэлдрейк
«Византийские беседы»

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Белого Волка настигают отголоски прошлого

ставив позади мирный Танелорн, из Бас'лка, и Нишвальни-Осса, и Валедерии, мчится на восток мелнибонэйский Белый Волк. Ужасен вой его. Он наслаждается вкусом крови...

...Кончено.

Принц-альбинос сгорбился в седле, словно на него давит собственная ярость. Словно ему невыносимо видеть, что творится вокруг.

От всей хаган'иинской орды не осталось в живых никого. Да, рано вздумали дикари торжествовать победу — хотя числом и превосходили войско Эльрика!

Мелнибонзец больше не питает к ним зла, впрочем — и сострадания тоже. Они слишком кичились своей мощью и забыли, что имеют дело с колдуном. А ведь он предупреждал их... но они лишь хохотали в ответ. Насмехались над физической немощью альбиноса. Теперь эти жестокие, тупые твари заслуживали лишь отстраненной жалости — на большее мелнибонзец был неспособен.

Белый Волк потягивается, разминает затекшие бледные руки. Поправляет свой черный шлем. Вкладывает насытившийся клинок в обитые бархатом ножны. Меч, довольный, мурлычет свою песнь, Эльрик прерывисто вздыхает. Он оборачивается на шум за спиной. Усталый взгляд красных глаз упирается в лицо всадницы, остановившейся рядом с ним. И женщина, и ее скакун наделены необычной дикой красотой, оба возбуждены неожиданной победой, оба по-своему прекрасны.

Альбинос целует ей руку.

— Мы победили, графиня.

Улыбка его внушает женщине и страх, и одновременно восхищение.

— Ты прав, господин Эльрик! — Она натягивает перчатку и усаживает заплывавшего жеребца. — Если бы не твоя магия и не отвага моих воинов, мы бы все стали поживой Хаосу сегодня. Воистину, смерть была бы лучшим уделом!

Он кивает со вздохом. Она улыбается, довольная.

— Больше орда не будет разорять чужие земли. А их жены в домах-деревьях — вынашивать жаждущих крови чудовищ. — Она поправляет тяжелый плащ и откидывает за спину щит. Солнце багрянцем горит в волосах, волнами струящихся по плечам; она смеется, но синие глаза полны слез, ибо еще утром она уповала лишь на скорую смерть. — Мы в долгу перед тобой. В неоплатном долгу. По всему Анакхазану тебя прославят как героя.

Эльрик усмехается в ответ. Почести его не слишком трогают.

— Мы действовали каждый в своих интересах, моя госпожа. Я должен был отплатить орде.

— Отплатить тоже можно по-разному, мой господин. И все же, повторяю, мы в долгу перед тобой.

— Мною двигала отнюдь не бескорыстная любовь к человечеству, — возражает он. — Это несвойственно моей натуре.

Солнце скрывается за горизонтом. Небеса рассечены багровым рубцом.

— Я думаю иначе. — Голос ее едва слышен за налетевшим ветром.

Словно незримая рука касается тел погибших, треплет их волосы, шевелит залитые кровью одежды. На поле битвы остались оружие и драгоценности хаган'ииннов, но ни один из наемников графини Гайи не тронул этой добычи. Усталые воины стараются как можно быстрее оставить место сражения. Никто не удерживает их.

— Мне все же мнится, у тебя есть некая цель. Или принципы, которым ты служишь.

Он нетерпеливо встряхивает головой.

— У меня нет ни господина, ни убеждений. Я — сам за себя. То, что ты, госпожа моя, со всем пылом юности спешишь принять за верность какому-то лицу либо делу, есть, по сути своей, лишь твердая и — пусть так! — *принципиальная* решимость держать ответ только за себя самого и за свои действия.

В глазах ее отражается девичье недоумение — но на губах уже расцветает понимающая женская улыбка.

— Дождя сегодня не будет. — Она поднимает тонкую смуглую руку к вечереющим небесам. — Скоро здесь будет невозможно находиться — столько трупов... Лучше поспешим прочь, пока не налетели мухи.

Заслышав хлопанье крыльев, оба оборачиваются. Это вороны спешат на кровавый пир, мостятся среди бесформенных останков, расклеывают полные смертной муки глаза, искаженные в последнем крике рты... Умирая, они молили о пощаде, но им не суждено было получить ее от хохочущего демона Ариоха, покровителя Эльрика, который пришел на зов своего возлюбленного дитища.

Эльрик покинул своего друга Мунглума в Танелорне и отправился на поиски страны, хоть немного похожей на его родные края, где он мог бы обосноваться, но ни одна земля, населенная смертными, не могла сравниться в его глазах с Мелнибонэ.

Он начал осознавать, что потеря невосполнима, и, лишившись возлюбленной, чести и родины, он утратил часть себя самого, утратил ощущение цели и смысла своего пребывания на земле.

И все же именно эти потери, именно эти душевные муки отличали его от прочих мелнибонэйцев — жестоких существ, одержимых властью над миром материальным и духовным, ради которой отреклись от всех прочих достоинств, что были присущи им прежде. Они могли бы стать владыками Вселенной, если бы только знали, как этого достичь; но все же не были богами. И даже полубогами. Стремление к мирской власти привело их к упадку и разорению, подобно всем прочим народам, которые погубила страсть к золоту, завоеваниям или иные устремления, столь же безумные, сколь и ненасытные.

Однако и по сей день Мелнибонэ могла бы существовать, одряхлевшая и слабая, если бы собственный владыка не предал ее.

И сколько бы Эльрик ни твердил себе, что Светлая Империя была обречена и без него, в глубине души он знает, что лишь его неумная жажда мести и любовь к Каймориль низвергли башни Имррира и сделали мелнибонэйцев изгоями в мире, которым они правили прежде.

Это часть горькой ноши, которую влачит бывший император: отчизна его пала жертвой не принципов, но слепой страсти...

Эльрик намеревался проститься со своей временной союзницей, но что-то в ее взгляде привлекло его, и когда она попросила проводить ее

до лагеря, он согласился; после чего графиня предложила отведать вина у нее в шатре.

— Приятно было бы еще немного пофилософствовать, — сказала она. — Мне так не доставало умного собеседника.

И он провел с ней эту ночь и еще много ночей подряд. От тех дней ему осталась память о беспричинной радости и красоте зеленых холмов, поросших кипарисами и тополями, в поместье Гайи, в Западной провинции Анакхазана.

Однако, когда оба они отдохнули и достаточно пришли в себя, очевидно стало, что устремления Эльрика и графини различны, и потому он распрощался с ней и ее друзьями и отправился в путь верхом, ведя в поводу двух лошадей с поклажей. Он направлялся в Элвер и дальше на восток, в неисследованные земли, надеясь обрести душевный покой в том краю, что напомнил бы ему безвозвратно утраченное прошлое.

Он тосковал по башням, изысканным творениям из камня, упиравшимся, точно острые пальцы, в пылающее небо Имррира; ему не доставало живости ума и небрежной, насмешливой жестокости своих сородичей, что казалась столь обыденной в те времена, когда он не стал еще человеком.

И пусть дух его взбунтовался, поставив под сомнение право Светлой Империи править миром людей, этих полуживотных, расселившихся повсюду, точно саранча. Их маги-недоучки, их жалкие армии осмелились бросить вызов колдунам-императорам, чьим последним потомком он был.

Пусть он ненавидел надменность и гордыню своего народа, их готовность с легкостью жертвовать чем угодно ради власти над миром.

Пусть он познал стыд — чувство, неведомое его расе... Но душа его тосковала по дому и всему тому, что он так любил или ненавидел. Ибо в этом Эльрик был похож на людей: он скорее готов был держаться за привычное и знакомое, хоть оно и тяготило его, нежели принять нечто новое, пусть даже обещающее свободу.

Тоска эта усиливалась в душе его, питаемая одиночеством, и альбинос поспешил оставить позади Гайи, истаявшее воспоминание, и отправился в далекий Элвер, на родину своего друга Мунглу-ма, где доселе ему еще не доводилось бывать.

Вдали виднелись холмы, именуемые в этих краях Зубами Шенкха. У их подножия лежала грязная деревушка с глинобитными домами, окруженными частоколом, — великий стольный град Туму-Каг-Санапет-Нерушимого-Храма. На подъездах к нему Эльрик вдруг услышал за спиной протестующий возглас и, обернувшись, с удивлением увидел, как с ближайшего холма кто-то летит вверх тормашками. Вслед незнакомцу неслись серебряные стрелы молний из невесть откуда взявшейся тучи, и лошади альбиноса заржали и попятились в ужасе. Золотисто-алое сияние разлилось по небосводу, словно наступил рассвет, но тут же померкло; взвихрились синие и бурые смерчи, стаей спугнутых птиц разлетевшиеся по сторонам... а затем и они исчезли, оставив лишь пару облачков в обыденном до тошноты небе.

Решив, что явление это достаточно необычно и заслуживает его пристального внимания, Эльрик подъехал к невысокому рыжеволосому человеку, с трудом выбиравшемуся из канавы на краю серебристо-зеленого поля. Тревожно посмотрев на небо, незнакомец попытался запахнуть в потрепанный плащ. Плащ, однако, не сходил с него: все карманы его, внешние и внутренние, были битком набиты книгами. На человеке были серые клетчатые штаны и высокие черные ботинки на шнурках; когда он согнул ногу, чтобы рассмотреть прореху на колене, оказалось, что у него носки ярко-красного цвета. Лицо с жидкой бородкой было бледным и веснупчатым, глаза — голубыми и по-птичьи беспокойными. Огромный острый нос-клюв делал его похожим на зяблика. При виде Эльрика он поспешил отряхнуться и с беззаботным видом двинулся к нему.

— Как вы думаете, сударь, соберется ли дождь? Я вроде как слышал удар грома. Это меня выбило из колеи. — Незнакомец немного помолчал, оглядываясь в недоумении. — Кажется, я держал кружку эля. — Он почесал взъерошенную голову. — Ну да, сидел себе на скамейке у «Зеленого Друга» и пил эль... А вас, сударь, я что-то в Патни не припомню. — Человек опустился на траву. — Боже правый! Похоже, я опять переместился. — Он взглянул на Эльрика повнимательнее, и узнавание отразилось на его лице. — По-моему, сударь, мы где-то встречались. Или вы просто играете роль?

— Боюсь, я не совсем понимаю вас, — отозвался альбинос, спешившись. Чем-то этот странный, похожий на птицу человек показался ему

симпатичен.— Меня зовут Эльрик Мелнибонэйский, я — обычный странник.

— Мое имя Уэлдрейк, сударь. Эрнест Уэлдрейк. Я тоже немало попутешествовал, хотя и не по своей воле: покинул Альбион, прибыл в викторианскую Англию, где ухитрился даже прославиться, затем оказался в елизаветинской эпохе. Понемногу начинаю привыкать к этим внезапным смещениям. Но кто же вы такой, мастер Эльрик, если не актер?

Едва понимая половину из того, что наговорил незнакомец, альбинос тряхнул головой.

— Я наемник. А чем занимаетесь вы?

— Я, сударь мой, поэт! — Мастер Уэлдрейк напыжился, принялся рыться по карманам в поисках какого-то тома, а не найдя, развел руками, словно показывая, что не нуждается в верительных грамотах, и сложил на груди тощие руки.— Я был поэтом и воспевал и Двор, и Сточные Канавы, это известно всем. И до сих пор жил бы при дворе, когда бы Доктор Ди не возжелал продемонстрировать мне бывшее величие Греции. Должен признать, это у него получилось скверно.

— Так вы даже не знаете, каким образом попали сюда?

— Весьма смутно, сударь. Ага! Так я вас вспомнил.— Он щелкнул костлявыми пальцами.— Был такой сюжет!..

Эльрика это не слишком заинтересовало.

— Я направляюсь вон в то селение. Если желаете, поедemте со мной, я почту за честь уступить вам сменную лошадь. Если же у вас нет денег, буду рад предложить ужин и ночлег.

— Весьма признателен вам, сударь. Благодарю.— И поэт поспешил вскарабкаться на коня, пристраиваясь среди пожитков Эльрика.— Я так боялся, что пойдет дождь, ибо последнее время я что-то склонен к простуде...

Узкая извилистая дорога вела с холмов к воротам Туму-Каг-Санапета-Нерушимого-Храма. Высоким, но удивительно звучным, словно птичья трель, голосом Уэлдрейк принялся декламировать стихи, как видно, собственного сочинения:

— *Яростью сердце объято его. Меч он сжимает в руке. Но гордость удержит Проклятый Клинок, не даст совершиться Судьбе. Так борются в сердце Ночь и Рассвет... И все ж он убийцей пребудет вовек.* Там еще много чего говорится, сударь. Он думает, будто победил себя самого и свой меч. Он кричит: «Взгляните, Владыки! Смертной воле подчинил я свой адский клинок, он больше не послужит Хаосу! Истинная цель торжествует, и Справедливость воцарится в Гармонии с Любовью в этом самом совершенном из миров». На этом заканчивалась моя драма, сударь. Скажите, это похоже на вашу историю? Хотя бы самую малость?

— Если только самую малость. Надеюсь, скоро вы сможете вернуться в тот мир демонов, откуда явились.

— Вы оскорблены, сударь. Но я сделал вас героем! Уверяю, мне эту историю рассказала одна дама, достойная всяческого доверия. Увы, но раскрыть ее имя не позволяют приличия. О сударь! Сударь! Что за восхитительный миг, когда мета-

форы вдруг обретают плоть и обывденная жизнь сливается с мифом и фантазией...

Едва слушая, что лепечет странный человечек, Эльрик продолжал путь.

— Взгляните, сударь, что за странная вмятина там, на поле! — воскликнул внезапно Уэлдрейк, прервав чтение стихов на полуслове. — Вы видели? Такое впечатление, что колосья втоптало в землю какое-то огромное животное. Интересно, часто ли подобное встречается в этих местах?

Взглянув в ту сторону, Эльрик также исполнился недоумения. Трава была сильно примята, и не похоже, что это могли сделать люди. Нахмурившись, он натянул поводья.

— Я тоже здесь впервые. Может, тут проводили некий обряд и притоптали колосья...

Но внезапно послышался зловещий стон, от которого земля содрогнулась у них под ногами и заложило уши. словно само поле вдруг обрело голос.

— Вам это не кажется странным, сударь? — Уэлдрейк сухими пальцами потер подбородок. — По мне, так все это весьма удивительно.

Эльрик взялся за меч. В воздухе витало злование, показавшееся ему смутно знакомым.

Затем раздался оглушительный треск, словно гром прогремел вдалеке, и раскатистый вздох, сотрясший, должно быть, весь город, и Эльрик внезапно понял, каким образом Уэлдрейк оказался в этом мире, ибо перед ними появилось существо, сотворившее смерчи и серебряные молнии, — оно-то невольно и затянуло маленького поэта с собой. Перед альбиносом вырос самый

грозный противник, какого он только мог себе вообразить.

Лошади тряслись и испуганно ржали. Кобыла под Уэлдрейком встала на дыбы, пытаясь сбросить всадника, и рыжеволосый человечек опять полетел кувырком на землю. А среди незрелой пшеницы, словно воплощение самой земли, отряхая с себя цветы, и колосья, и пласты чернозема, под которыми скрывался, вырастал, закрывая небо, гигантский дракон. На его узкой морде горели алые и зеленые чешуйки, с острых зубов стекала ядовитая слюна, с шипением падавшая на землю, из ноздрей вырывался дым, а длинный толстый чешуйчатый хвост хлестал, вырывая с корнем деревья и уничтожая остатки посевов. Вновь раздался громоподобный треск — и кожистое крыло развернулось в воздухе, а затем опустилось в волнах непереносимой вони. Поднялось и опало второе крыло. Казалось, рептилия выбирается из необъятной земляной угрозы — рвется на волю сквозь измерения, сквозь границы физические и сверхъестественные. Подняв изящную голову, тварь вновь закричала, затем испустила тяжкий вздох. И ее узкие когти, каждый с кинжал длиной, зазвенели и засверкали на солнце.

С трудом поднявшись на ноги, Уэлдрейк во весь опор припустил в сторону города, и лошади бросились за ним следом. Альбинос остался лицом к лицу с разъяренным зверем. Змееподобное тело грациозно изогнулось, и огромный глаз уставился прямо на Эльрика. Внезапное движение — и мелнибонзец полетел на землю, а его

обезглавленная лошадь рухнула рядом, обливаясь кровью. Альбинос мгновенно вскочил, обнажив шепчущий меч, мгновенно окутанный черным мерцанием. Дракон чуть попятился, не сводя с него глаз. Лошадиная голова хрустнула на огромных зубах, и тварь сглотнула. У Эльрика не оставалось выбора. Он бросился на врага. Огромные глаза пытались уследить за бегущей жертвой, зубы щелкали, извергая потоки яда... Но мелнибонзец вырос среди драконов и знал все их слабые стороны. Если ему удастся подобраться вплотную, он сумеет отыскать уязвимые места и хотя бы ранить рептилию. Это был его единственный шанс.

Чудовище повернуло голову, клацая челюстями и фыркая дымом, но альбинос успел проскочить и нанести удар по шее, в том единственном месте, где чешуя была мягче всего. Дракон отпрянул, взрывая когтями поле, и Эльрик отлетел назад, засыпанный комьями земли.

Рептилия опустила морду, и в тот самый миг, когда свет упал на нее, сердце мелнибонэйца дрогнуло. Не может быть!..

Он и сам еще не успел толком осознать, что делает, а с губ его сорвалось единственное слово на Тайном Языке Мелнибонэ: *друг*. То было начало древней Драконьей Песни, зова, на который животное могло отозваться... если пожелает.

В памяти его звучал ритм, возникал мотив, затем вновь всплыло всего одно слово. Звучанием подобное ветру в ветвях ивы, журчанию ручья среди камней.

Имя.

Засылав его, дракон с шумом захлопнул челюсти. Встопорщенные иглы на хребте опустились, и яд перестал пузыриться в уголках пасти.

Эльрик осторожно поднялся на ноги, стряхивая комья влажной земли, и, не выпуская из рук Принцесса Бурю, сделал шаг назад.

— Скарснаут! Я твой родич, Котенок. Твой воспитанник и наездник, Скарснаут!

Золотисто-зеленая морда с длинным, давно зажившим шрамом под нижней челюстью вопросительно зашипела.

Вложив в ножны ворчащий меч, альбинос принялся исполнять сложные приветственные движения, которым в свое время обучил наследника отец, Владыка Драконов Имррира.

Дракон словно бы нахмурился, тяжелые кожистые веки опустились, и в холодных глазах — глазах зверя, более древнего, чем человек и, может быть, сами боги, — мелькнула тень узнавания.

Огромные ноздри, в которых без труда поместился бы мелнибонзец, дрогнули, приюхиваясь, длинный раздвоенный язык мелькнул, касаясь лица альбиноса, прошелся по его телу, одежде. Похоже, животное успокоилось.

Древние заклинания потоком хлынули в сознание Эльрика, ввергая его в состояние транса. Покачиваясь, он стоял перед рептилией. Вскоре и ее голова закачалась в такт его движениям.

И внезапно дракон с утробным урчанием изогнулся и вытянулся на земле, среди вытоптанных колосьев. Эльрик приблизился, затянув Приветственную Песнь — первую, которой обучил его

отец, когда ему сравнялось одиннадцать лет. С этой Песнью полагалось входить в Драконьи Пещеры, где спали гигантские рептилии, ибо после каждого дня бодрствования тварям полагалось спать не менее века, дабы восполнить запасы огненного яда, способного сжигать целые города.

Каким образом мог пробудиться этот дракон и как он попал сюда, оставалось загадкой. Должно быть, здесь не обошлось без колдовства. Но явился ли он сюда с определенной целью, или его появление было случайным следствием чего-то более важного, подобно появлению Уэлдрейка?

Впрочем, сейчас Эльрику было не до этого. Заученными шажками он приблизился к тому месту на теле дракона, где крыло соединялось с плечом. Там, на загривке рептилии, обычно помещалось седло, но Владыки Драконов порой летали и без него, и альбинос немало гордился этим своим умением. Правда, прошло столько лет, и так многое изменилось с тех пор... так что он едва ли мог доверять воспоминаниям.

Но дракон звал его довольным урчанием, точно мать — сына.

— Скарснаут, брат, Скарснаут, родич мой, твоя кровь течет в наших жилах и наша в твоей, мы едины, мы одно, дракон и всадник, у нас одно стремление, одна мечта. Брат-дракон, отец-дракон, честь моя, гордость моя... — Слова Древней Речи катились, звенели и щелкали у него на устах, слетая с языка без усилий, без малейших колебаний, почти бессознательно, ибо кровь призывала кровь, и все было так, как должно было быть. Так естественно было вскарабкаться на за-

гривок дракону и запеть древнюю радостную песнь-повеление, созданную дальними предками мелнибонэйца... В этом было главное искусство его народа, в этом воплотился их благородный, высокий дух — и Эльрик воспевал их величие, не переставая скорбеть о том, как низко пали они с тех пор. Ибо именно самонадеянность его предков и стремление использовать силу лишь для обретения еще большей силы стали истинной причиной их падения.

Гибкая шея дракона вздымается, покачиваясь, точно зачарованная музыкой кобра, он поднимает морду к небесам, раздвоенный язык пробует воздух, слона с шипением падает, оплавляя землю, довольный вздох вырывается из пасти, он переставляет лапы одну за другой, медленно, покачиваясь и переваливаясь, словно потрепанный штормом корабль, так что Эльрика болтает из стороны в сторону и он лишь с трудом удерживается на могучем загривке, — но вот наконец Скарснаут замирает и поджимает когти. Еще мгновение он как будто бы колеблется... и вдруг, оттолкнувшись от земли, взмывает в воздух.

Оглушительно хлопают широкие крылья. Хвост хлещет по воздуху, удерживая рептилию в равновесии. Она поднимается все выше, сквозь тучи, к чистому вечернему небу, — и вот уже облака остались далеко внизу, подобные заснеженным холмам и долинам, где находят успокоение после смерти мирные души; и Эльрика не заботит, куда несет его дракон. Он счастлив, он наслаждается полетом, как мальчишка, — и делится с ящером

своей радостью, своими эмоциями и ощущениями, ибо такова истинная природа единения между драконами и всадниками. Единение это существовало издревле, уходя корнями в вечность, и было беззаботным и естественным, и лишь много позже его народ научился использовать гигантских рептилий сперва для защиты от врагов, а затем и для нападения. Но им было мало и этого. Мало природных союзников — и они стали искать союзников среди высших сил и заключили союз с Хаосом. С его помощью мелнибонэйцы правили миром десять тысяч лет. Жестокость их становилась все утонченнее, и все меньше оставалось в них человеческого.

Когда-то его предки, думает Эльрик, не помышляли о войнах и власти. Они с трепетом относились ко всему живому и лишь благодаря этому смогли приручить драконов. И сейчас, стрелой мчась по небу, он рыдает от нахлынувшего чувства давно утраченной невинности, и на миг в душе его вспыхивает надежда, что, возможно, точно так же однажды к нему вернется все, чего он думал, что лишился навсегда...

Ведь он свободен! Свободен! Легкий, точно пушинка, дракон несет его сквозь вечеряющее небо. От него пахнет лавандой. Независимый, гордый и счастливый, он взмывает, ныряет и кружится в небесах, а Эльрик, легко удерживаясь у него на загривке, распевает древние песни своих предков. Легенды гласят, они были кочевниками. И однажды пришли на острова, где их встретила еще более древняя раса. И вожди их народов смешались, дав жизнь владыкам нового Мелнибонэ.

Все выше и выше несется Скарснаут, все дальше и дальше, туда, где воздух столь разрежен, что едва держит его. Эльрик дрожит от холода и задыхается — и ящер устремляется вниз с огромной скоростью, словно собираясь приземлиться на облаках, а затем ныряет в прореху в тучах, посеребренную луной. За спиной у них грохочет гром и вспыхивает молния, и облака смыкаются, закрывая дорогу назад. Волна ледяного холода накатывает на альбиноса, ему кажется, что кожа его съеживается, а кости становятся такими хрупкими, что вот-вот сломаются, но Эльрик не испытывает страха, потому что не испытывает страха его дракон.

Тучи над головой исчезают. На бархатистосинем небе желтеет огромная луна, и длинные тени всадника и дракона падают на проносящиеся под ними луга. Вдалеке игольчатые звезды отражаются в полночном море, и лишь сейчас, узнавая места, где они летят, альбинос познает страх.

Дракон принес всадника в страну крушения его грез, его прошлого, любви, его устремлений и надежд.

Принес его в Мелнибонэ.

Принес его домой.

ГЛАВА ВТОРАЯ

О незваных призраках,
о нежеланных узах и
странной судьбе

а смену недавней радости пришла боль. Случайно ли дракон принес его сюда, или его намеренно послали за Эльриком? Может быть, это преданные им сородичи решили отомстить альбиносу и сейчас готовят ему мучительные пытки? Или он зачем-то понадобился самим драконам?

Вскоре показалась Имррирская равнина, и Эльрик увидел

город — уродливые остовы обгоревших зданий. Неужели это Город Грез, уничтоженный его предательством?

Однако, когда они подлетели ближе, Эльрик не узнал эти места. Сперва он решил, что это огонь изуродовал здесь все до неузнаваемости, но потом понял, что ошибался. Перед ним был совсем другой город. И он засмеялся сам над собой. Иллюзия! Должно быть, в глубине души он так стремился в Мелнибонэ, что был рад обмануться...

Но ведь он узнал и холмы, и леса, и побережье за городом. Точнее, там, где должен был бы находиться Имррир. Скарснаут мягко пошел на снижение, и лишь когда он опустился на густую траву, Эльрик понял. Перед ним был не Имррир Прекрасный, но город, который его предки называли Х'хай'шан — Столица Острова на Тайном Языке Мелнибонэ, — погибший за одну ночь в единственной за всю историю его народа междоусобице, когда владыки страны сражались за то, вступить ли им союз с Хаосом или остаться верными Равновесию. Война длилась всего три дня, и еще месяц над Мелнибонэ висел густой покров маслянистого черного дыма. Когда же дым рассеялся, то обнажились чудовищные руины. Однако врагов, что пытались напасть на ослабленную внутренними распрями страну, ждало жестокое разочарование, ибо пакт, заключенный с демоном Ариохом, сделал мелнибонэйцев стократ сильнее, чем прежде. Правда, природа силы, дарованной им, была такова, что, узрев ее, некоторые лишили себя жизни, а иные бежали в другие измерения

или на Континент. И остались лишь самые черствые сердцем, сумевшие стиснуть мир в стальном кулаке. Те, кто сполна наслаждался своим господством.

Так, по крайней мере, гласила одна из легенд его народа, записанная в Книге Мертвого Бога.

Эльрик понял, что Скарснаут доставил его в далекое прошлое. Но как мог ящер с такой легкостью находить путь во времени? И зачем все-таки он принес его сюда?

В надежде, что дракон продолжит путь, альбинос еще немного подождал, но напрасно. Рептилия не шелохнулась. И он неохотно соскочил на землю, пропев положенные слова: «Я-буду-рад-если-ты-и-впредь-не-покинешь-меня», и, поскольку ничего иного не оставалось, зашагал к заброшенным руинам.

— О, Х'хай'шан, прекраснейший из городов, если бы я мог оказаться здесь хотя бы тремя днями ранее и предупредить о грозящей опасности... И о том, что принесет твоему народу союз с Хаосом... Впрочем, едва ли это понравилось бы Ариоху, моему господину. — Альбинос горестно усмехнулся. Что за нелепое желание изменить прошлое — так, чтобы в настоящем ему не пришлось нести бремя вины!

— Быть может, вся наша история написана Ариохом! — Он сам заключил союз с Владыкой Преисподней, который обещал ему помощь в обмен на кровь и души. Кровь и души — такова была пища Приносящего Бурю, рунного меча Эльрика... и легенды гласили, что меч этот является воплощением самого Повелителя Хаоса. Альби-

нос не скрывал своего отвращения, но ему не доставало сил отказаться от магического клинка. А Ариоху его чувства были безразличны, покуда мелнибонэец соблюдал их уговор. И Эльрик это хорошо понимал.

Тропинки, по которым он ступал, были знакомы ему с детства. Когда-то давным-давно, бывало, они отправлялись на прогулку с отцом, и тот уносился прочь на коне, оставляя сына со слугами, дабы тот вернулся домой пешком. Мальчик должен был знать наизусть все дороги Мелнибонэ, ибо в этих тропинках и путях, трактах и дорогах записана вся их история, геометрия мудрости великого народа, ключ к самым древним его тайнам.

И эти пути, и пути иных миров Эльрик уложил в памяти, вместе с сопроводительными заклинаниями и движениями. Он был магом из рода магов и гордился своим призванием, хотя и не одобрял того, как использовали свою силу его предки... да и он сам, если уж на то пошло. Он мог прочесть тысячи смыслов в изгибах ветвей единственного дерева — но не понимал метаний собственной души, своих страданий, что гнали его все дальше и дальше по свету.

Темные чары и заклятия порой являлись к нему во сне, грозя овладеть его разумом и погрузить в пучину безумия. Мрачные воспоминания. Отчаянная жестокость. Эльрик не мог сдерживать дрожи, приближаясь к развалинам, и в то же время находил особую красу в залитых лунным светом руинах.

Перебравшись через остов обуглившейся стены, он двинулся по улице, вдыхая запах гари и

чувствуя, как пружинит под ногами теплая земля. Ближе к центру города там и тут тлели костры, точно ветер трепал желтое тряпье, и копоть покрывала все вокруг. Альбиносу казалось, она липнет к коже, забивает нос, проникает сквозь одежду — то был пепел его далеких предков, чьи обгоревшие тела лежали повсюду, застигнутые огнем в самых невероятных позах. Он не мог оторваться от созерцания этого мига, ставшего поворотным в истории его народа. Через разломы в стенах он пробирался в комнаты, смотрел на останки людей, их домашних любимцев, на игрушки и инструменты; заходил на площади, где прежде плескали фонтаны, в храмы и общественные здания, где горожане собирались для философских бесед и решения насущных дел, покуда императоры Мелнибонэ не забрали себе всю власть... Эльрик задержался в мастерской, в обувной лавке, оплакивая мертвецов, ушедших из жизни десять тысяч лет назад.

Развалины древнего города пробудили в нем тоску по тем далеким временам, когда мелнибонэйцы еще не согласились из страха обрести ту силу, что позволила им покорить мир.

Башенки и фронтоны, почерневшие крыши и разбитые перекрытия, груды камня и кирпича, вещи и домашняя утварь — все это наполняло его сердце сладостной печалью, и он то и дело останавливался взглянуть на колыбель или прятку... ибо предметы эти показывали Эльрику его народ совсем с иной стороны, и то, что он видел, было дорого ему.

Со слезами на глазах он бродил по улицам в надежде отыскать хоть одну живую душу, хотя знал, что все поиски тщетны. Городу суждено было простоять пустым еще не менее ста лет.

— О, если бы я мог, уничтожив Имррир, породить Х'хаи'пан! — На площади, среди разбитых статуй и обвалившихся стен, он взглянул на огромную луну, нависшую над головой, снял шлем и встряхнул длинными белыми волосами, простирая руки к разрушенному городу, словно моля о прощении. Затем опустился на каменную плиту. Орнамент на ней, высеченный рукой гениального мастера, был покрыт коркой запекшейся крови. Эльрик уронил голову на руки, вдыхая запах золы, которым пропиталась рубаха; плечи его затряслись, и он застонал, взывая к жестокому Року, приведшему его в это страшное место.

И вдруг за спиной его послышался голос, такой далекий, точно донесся сквозь тысячелетия, но звучный и грозный, словно гул Драконьих Порогов, где погиб один из предков альбиноса (сражаясь, как гласили легенды, с самим собой). Властный голос, который Эльрик надеялся никогда больше не услышать в этой жизни.

На миг он решил, что сошел с ума. К нему обращался Садрик Восемьдесят Шестой, его покойный отец.

— Эльрик, я вижу, ты плачешь. О, истинный сын своей матери, за это я люблю тебя, ибо мне любо все, что напоминает о ней, хотя именно ты стал причиной смерти единственной женщины, которую я любил. И за это я ненавижу тебя несправедливой ненавистью.

— Отец? — Альбинос поднял бледное, как мел, лицо и обернулся на голос. Позади, опираясь на обломок колонны, стоял Садрик. На устах его играла улыбка, жуткая в своей безмятежности.

Эльрик изумленно воззрился на отца, ничуть не изменившегося со дня смерти.

— От несправедливой ненависти нет укрытия, кроме как в смерти. Но здесь, как ты видишь, я лишен и этого прибежища.

— Я часто вспоминал тебя, отец, и как ты был разочарован во мне. О, если бы я мог стать таким сыном, о каком ты мечтал...

— Ты никогда не сумел бы им стать, Эльрик. Ибо самым своим рождением скрепил злой Рок для той единственной, кого я истинно любил. Все знамения предупреждали нас, но мы были бессильны отвести ужасную судьбу... — И глаза Садрика вспыхнули безумной ненавистью, познать которую способны лишь неупокоенные мертвецы.

— Но как ты оказался здесь, отец? Я думал, ты был призван Хаосом для служения Владыке Ариоху.

— Ариох не смог забрать мою душу, потому что перед смертью я заключил договор с Машабekom, его заклятым врагом. — Мертвый император хохотнул.

— Так твою душу получил Машабек, граф Хаоса?

— Хотел получить — точно так же, как и Ариох. Но я сумел колдовством перенестись сюда, к истокам нашей подлинной истории, и ненадолго обрел здесь пристанище.

— Так ты скрываешься от Повелителей Хаоса, отец?

— Мне удалось выиграть немного времени, пока они ссорились между собой. Теперь с помощью самого сильного из известных мне заклятий я должен суметь освободиться от них и отправиться в Лес Душ, где твоя мать уже ждет меня.

— Ты знаешь, как попасть в Лес Душ? Я думал, это лишь легенда! — Эльрик оттер со лба ледяной пот.

— С помощью Скрижали Мертвых я послал туда душу твоей матери, и ныне она пребывает в вечном покое, коего алчут все умершие, но обретают лишь немногие. Я поклялся, что сделаю все, чтобы отыскать ее там.

Призрак приблизился и коснулся лица Эльрика почти с нежностью. Но когда рука опустилась, в глазах старика читалось лишь страдание. Его сын сочувственно спросил:

— Так ты здесь совсем один?

— Почти. Мы с тобой — единственные, кто бродит среди этих руин.

Альбинос содрогнулся.

— Значит, я тоже пленник?

— Да, ибо такова моя воля, сын. Теперь я дотронулся до тебя, и мы связаны навеки, даже если ты покинешь это место. Ибо такова власть подобных мне: привязывать к себе первое живое существо, которого коснешься. Теперь мы едины, Эльрик, — точнее, скоро станем едины.

В голосе Садрика звучал такой неистовый восторг, что сын невольно задрожал всем телом.

— Но не могу ли я освободить тебя, отец? Я был в Р'лин К'рен А'а, откуда пришли наши далекие предки. Там я искал наши истоки. Я мог бы...

— Наше прошлое у нас в крови. Оно повсюду с нами. Эти выродки из Р'лин К'рен А'а нам не родня. Они смешались с людьми и исчезли с лица земли. И не имеют ничего общего с величием Мелнибонэ...

— Легенды говорят разное, отец... — Эльрик был рад побеседовать с отцом. Ему так редко выпадала такая возможность при жизни Садрика.

— Мертвые способны отличить ложь от истины. Им открывается то, что сокрыто от живущих. И я знаю правду. Мы ведем свой род не из Р'лин К'рен А'а. Спорить об этом бессмысленно. Нам ведомо, кто мы есть. И не должно тебе, сын мой, подвергать сомнению истоки своего народа. Разве я не учил тебя этому?

Эльрик предпочел промолчать.

— С помощью колдовства я призвал дракона из пещеры. Это стоило мне многих сил, но он явился, и я послал его за тобой... Драконья магия. Первая и самая чистая магия нашей расы... Но я не мог указать ему, что делать. Либо дракон узнает тебя, либо уничтожит. И то и другое в конце концов свело бы нас вместе. — Призрак криво усмехнулся.

— И тебе было безразлично, буду я жить или погибну?

— Я не мог ничего поделать. Я так тоскую по твоей матери. Мы должны были быть вместе вечно. Ты призван помочь мне соединиться с ней! И сделать это нужно быстро — ибо действие закла-

тия кончается, у меня нет больше сил поддерживать его. Скоро Ариох или Машабек заберут мою душу... или уничтожат ее в своей борьбе!

— И ты никак не можешь обмануть их? — Альбинос вдруг почувствовал, как у него мелко затряслась левая нога, и лишь усилием воли он сумел унять дрожь. Лишь сейчас он вспомнил, как давно не принимал своих снадобий. Силы его были на исходе.

— Есть еще один способ, но тебе он вряд ли придется по вкусу. Теперь мы связаны с тобой, и моя душа может укрыться в твоём теле, слившись воедино с твоей собственной. Там они никогда не разыщут меня!

Волна холода накатила на Эльрика, точно из отверстой могилы. Безумие грозило поглотить его, и он взмолился в душе, чтобы скорее взошло солнце: может, тогда призрак отца исчезнет...

— Солнце не взойдет никогда, сын мой. Здесь — никогда. Пока мы не обретем свободу или не погибнем. Именно поэтому мы здесь.

— Но что скажет на это Ариох? Ведь он по-прежнему мой покровитель.

— Он слишком занят сейчас и не сможет ни помочь, ни покарать тебя. Борьба с графом Машабеком полностью занимает его. Так что тебе придется повиноваться мне и исполнить то, что я не сумел при жизни. Неужели ты не сделаешь этого, сынок? Для отца, который хоть и ненавидел тебя, но всегда исполнял свой отцовский долг...

— Но если я сделаю то, о чем ты меня просишь, избавлюсь ли я от тебя?

Садрик молча кивнул.

Альбинос дрожащей рукой ухватился за меч и вскинул голову. Волосы его вспыхнули серебряным ореолом в лунном свете. Алые глаза уставились в лицо мертвого владыки.

Эльрик вздохнул. Ему было страшно, но в глубине души он знал, что не сможет не исполнить желания отца. Жаль только, что тот не оставил ему выбора. Но не в обычаях мелнибонэйцев было полагаться лишь на узы крови. И слово «выбор» было им неведомо.

— Объясни, что я должен сделать.

— Разыскать мою душу, Эльрик.

— Твою душу?

— Сейчас я существую лишь благодаря воле и древнему колдовству. Душу я сокрыл, чтобы после смерти ее не отыскиали Ариох с Машабеком. Но случилось так, что теперь я и сам не могу отыскать ее. Найди ее, сын мой.

— Но как я узнаю, что искать?

— Она хранилась в ларце черного дерева. Он был весь украшен розами и издавал аромат роз. Ларец твоей матери.

— Но как ты мог потерять такую драгоценность?

— Когда Машабек, а следом и Ариох явились за моей душой, с помощью колдовства я создал подделку — помнишь то заклятие из «Посмертных Чар», которому я тебя учил? И пока они спорили из-за лжедуши, моя подлинная душа скрылась в ларце. Диявон Слар, мой слуга, должен был хранить его в строжайшей тайне.

— И что же?

— Он решил, что заполучил величайшее сокровище и теперь сумеет подчинить себе могущественного мага, и бежал в Пан Танг. Каково же было его разочарование, когда он обнаружил свою ошибку!.. Тогда он вознамерился продать добычу тамошнему владыке. Но предатель так и не добрался до Пан Танга, попав в руки пиратам с Пурпурных Островов. Ларец оказался у морских разбойников. И душа моя была потеряна окончательно. — Призрак едва заметно усмехнулся.

— А что пираты?

— О них я знаю лишь то небольшое, что поведал мне Диавон Слар... Я же предупреждал этого глупца, что месть моя будет ужасна... Скорее всего, разбойники вернулись в Мению, и ларец был продан с торгов. Теперь он окончательно покинул наш мир. — Садрик шевельнулся — словно тень колыхнулась в лунном свете. — Но я чувствую свою душу. Она странствовала между мирами, там, куда долетел бы только дракон: это помешало мне вернуть ее. Пока я не призвал тебя сюда, я был бессилен, ибо прикован к этому месту, а теперь и к тебе, Эльрик. Но ты должен вернуть ларец. Лишь тогда я отыщу твою мать и избавлюсь от несправедливой ненависти к сыну. А ты избавишься от меня.

Не в силах унять дрожь, Эльрик отозвался:

— Отец, твое поручение выполнить невозможно. Мне кажется, ты выдумал все это из одной лишь ненависти ко мне.

— Да, я ненавижу тебя — но я не лгу! Сын мой, я должен найти твою мать! *Я должен ее найти!*

Зная, как безумно любил Садрик супругу, альбинос поверил ему.

— Не подведи меня, сынок.

— Но если мне удастся это сделать, что будет с нами тогда?

— Верни мне душу, и мы оба обретем свободу.

— А если нет?

— Тогда душа моя покинет свою темницу и сольется с твоей. Мы будем едины до самой твоей смерти. И до конца жизни ты будешь нести в себе мою ненависть и все то, что ты сам больше всего ненавидишь в мелнибонэйцах.— Казалось, отец его наслаждается этой угрозой.— Таково будет мое утешение.

— Меня это едва ли утешит.

Садрик кивнул и негромко засмеялся.

— Верно.

— И тебе больше нечем мне помочь, отец? Каким-нибудь заклятием или советом?

— Ты поможешь себе сам, сын мой. Верни мне ларец, и мы каждый пойдем своей дорогой. Иначе души наши будут связаны навеки! И тебе никогда не избавиться от меня, от своего прошлого и от Мелнибонэ! Но ты ведь сделаешь это, правда?

Эльрика охватила дрожь.

— Мне пора возвращаться, отец. Я потерял все снадобья и совсем ослабел...

Садрик пожал плечами.

— Так отыщи скорее каких-нибудь смертных и напои их душами свой меч. Я предвижу, тебя ждет кровь! Предвижу и еще кое-что... но все словно в тумане...— Он нахмурился.— Ступай!

Альбинос застыл в нерешительности. Ему хотелось сказать отцу, что он давно уже не убивает людей просто так, из прихоти. Но Садрику, как истинному мелнибонэйцу, было этого не понять. Для него рунный меч был лишь полезным инструментом, подобно костылю для калеки. Хитрый и ловкий маг, сумевший обмануть двоих Владык Хаоса, его отец по-прежнему был уверен, что человеку необходимо покровительство высших сил, чтобы выжить в этом мире.

Мечта Эльрика о месте, подобном Танелорну, где все Силы Космоса придут в равновесие и никто не сможет использовать власть во вред другим, была недоступна отцу. Для него, как и для всех его предков, пакт с Хаосом стал основой религии и философии, и духовные потери и извращения, неизбежные в таком союзе, были возведены в ранг достоинств, породив новую этику и мораль. Эльрику хотелось объяснить, что существуют на свете и иные взгляды, иная жизнь, где не было места ни жестокости, ни колдовству, ни завоеваниям и что он узнал это не только в Молодых Королевствах, но и из истории их собственного народа...

Но он знал, что это бессмысленно. Садрик и теперь готов был возложить все свои недюжинные силы на алтарь прошлого. Он не ведал иной жизни, как, впрочем, и смерти.

Альбинос отвернулся. Подобной тоски он не испытывал, даже когда от его клинка умерла Каймориль, даже когда у него на глазах полыхал Имррир, и он впервые осознал, что обречен на беспросветное будущее и смерть в одиночестве.

— Отец, я отправлюсь на поиски ларца. Но с чего мне начать?

— Дракон знает. Он отнесет тебя туда, откуда ларец исчез. Больше я не могу ничего поведать тебе. Предсказания даются с трудом. Силы мои уменьшаются с каждым мигом. Возможно, тебе придется убивать, чтобы получить желаемое. Убивать множество раз.— Голос призрака звучал едва слышно, словно шелест ветвей на ветру.— И не только это...

Эльрик с трудом держался на ногах.

— Отец, я совсем обессилел.

— *Драконий яд...*— И Садрик исчез в лунном мерцании.

Альбинос с трудом заставил себя двинуться с места. Теперь каждая рухнувшая стена казалась неодолимым препятствием. Он медленно пробирался среди развалин, через мусор и груды камней, через журчащие источники и поросшие травой террасы холмов, пока наконец из последних сил не вскарабкался на пригорок, где ожидал его Скарснаут. Черный силуэт на фоне заходящей луны — дракон застыл в неподвижности, сложив огромные крылья, пробуя языком ветер.

Эльрику вспомнились последние слова отца, и в памяти всплыли наставления старого травника. Особым образом разбавленный, драконий яд придавал силу слабым и ловкость воинам, которые с его помощью могли пять дней сражаться без усталости. Так что, прежде чем вскарабкаться на загривок дракону, он подставил ему свой шлем. Стать зашипела, когда единственная капля упала туда. Этого было достаточно. Скоро она засты-

нет, как смола. Ему хватит и крошки — только нужно развести яд в воде.

А пока ему остается лишь стойко переносить боль и претерпевать слабость. Дракон несет его все выше, прямо в облако ледяной тьмы, за луной. И вот ударяет серебряная молния, и громы-хает гром в затаенном безмолвии небес, дракон вздымает голову, хлопает огромными крыльями и ревет, бросая вызов стихиям...

...А Эльрик поет древние песни Владык Драконов и несется на спине гигантской рептилии сквозь ночь — прямо в ослепительное сияние летнего полудня.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Встреча странников. Спор о значении свободы

ловно чувствуя слабость седока, дракон летел неспешно и плавно, затем изящно спланировал к самому лесу, такому густому, что Эльрику чудилось, будто они несутся над зелеными облаками. Но вот чаща уступила место холмам и лугам; вдали стремилась чистые воды широкая река, и пейзаж этот вновь показался альбиносу знакомым. Но на сей раз не вызвал страха.

На обоих берегах реки привольно раскинулся город, небо над ним было серым от дыма. Город из дерева, кирпича и камня, с домами, крытыми черепицей, тростником и лесом,— тысячи запахов и шумов смешивались там. Статуи, рынки и храмы мелькали под широкими крыльями дракона. Люди с ужасом и восторгом смотрели на огромную тень, что кружила над их головами, иные что-то кричали вслед, другие бежали в укрытие. Но Скарснаут вдруг с силой взмахнул крыльями и уверенно взмыл в небеса, как будто желал лишь осмотреть город поближе и что-то не пришлось ему по душе.

Стоял солнечный летний день. Дракон еще несколько раз намеревался было приземлиться — посреди поля, у какого-то селения, на болоте или на опушке леса,— но всякий раз стремительно уносился прочь, словно не найдя того, что искал.

Эльрик заранее привязал себя поясом к роговому выступу на шее рептилии, но сейчас он с трудом удерживался у нее на спине, слабея с каждым мигом. Однако ныне смерть не казалась ему желанной отрадой. Худшей участи, чем оказаться навеки связанным с душой отца, он не мог себе представить. Наконец, когда дракон пролетал сквозь тучи, ему удалось набрать в шлем немного воды и растворить в ней кроху застывшего яда. Последняя надежда... Он одним глотком выпил дурно пахнущее и омерзительное на вкус снадобье. И тогда началось самое страшное. Огонь пронзил его тело тысячами игл, ему хотелось терзать собственную плоть, вырвать себе жилы,

мышцы, сорвать с себя кожу, лишь бы избавиться от непереносимой боли. Ему подумалось, что он избрал на редкость мучительный способ воссоединиться с Садриком... Хотя сейчас даже смерть показалась бы ему благословением.

Но вместе с болью тело наполнила сила. Она оживила слабеющего альбиноса, и с помощью этой же силы он сумел изгнать боль, закрыться от нее, пока огонь не перестал обжигать и не наполнил его сияющим, живительным теплом. Энергия, которую он получил от дракона, была светлее и чище той, что дарил ему рунный меч.

Он продолжал полет в темнеющих небесах, ощущая себя превосходно, как никогда. Чудесная эйфория наполнила душу Эльрика. Он вновь затянул древнюю Драконью Песнь, звонкую и причудливую, полную тысячи смыслов. Да, несмотря на всю свою жестокость, мелнибонэйцы умели наслаждаться жизнью, всеми ее дарами и капризами, и это умение альбинос унаследовал в полной мере.

Несмотря на физическую немощь, ему порой казалось, что в крови его есть нечто иное, что восполняет слабость тела: острота эмоций и ощущений, столь непереносимая, что порой волна чувств захлестывала, угрожала поглотить не только его самого, но и всех близких. Это было еще одной причиной, почему он мирился с одиночеством.

Теперь ему было все равно, куда унесет его дракон. Яд придал ему сил. Теперь они с гигантской рептилией побратались по-настоящему. Они летели все дальше. И вот наконец, над полем,

отливавшим медью в лучах заходящего солнца, где пораженный крестьянин в остроконечном колпаке что-то восторженно закричал им вслед и вспугнутая стайка скворцов расчертила небеса таинственным иероглифом, Скарснаут, широко расправив кожистые перепончатые крылья, спланировал к земле. Сперва Эльрику показалось, что впереди лежит обычная дорога, вымощенная базальтом, но когда они приблизились, увиденное поразило его. Подобно гигантскому шраму, дорога шириной в добрую милю рассекала равнину, выходя из бесконечности и уходя в нее же. На ней не было ни души — если не считать бесчисленных ворон и стервятников, копошившихся на горах мусора по обе стороны дороги. Альбинос едва не задохнулся от вони. Чего здесь только не было! Отбросы, кости, объедки, обломки мебели и осколки посуды — бесконечные валы мусора простирались вдоль идеально ровного тракта на всю его длину, сколько хватал глаз. Эльрик пропел дракону, чтобы тот взлетел выше и унес их как можно дальше от этого кошмара, в чистоту небес, но тот не послушал всадника, повернул сперва на север, затем на юг и наконец понесся прямо вдоль дороги, видом и цветом и впрямь напоминавшей незаживший шрам, и приземлился точно посередине.

Скарснаут свернул крылья и распластался на земле, явственно указывая, что не намерен двигаться дальше. Эльрик с неохотой прыгнул с драконьего загривка, смотал кушак и вновь повязал его на поясе, словно надеялся, что тот и в дальнейшем будет хранить его от всех преврат-

ностей судьбы, затем пропел прощальную песнь благодарности. На последних строках дракон вскинул огромную вытянутую голову и звучным голосом допел мелодию вместе с Эльриком. То был словно глас самого Времени.

Затем рептилия сомкнула челюсти, полуприкрытые тяжелыми веками глаза взглянули на альбиноса почти с любовью, раздвоенный язык тронул воздух, она расправила крылья, оттолкнулась от земли, так что та едва не раскололась от сотрясения, и наконец взмыла в небо. Гибкое тело зазмеилось в воздухе, стремительно уменьшаясь в размерах, и в последних лучах заходящего солнца огромная тень пронеслась по равнине. Серебристая молния сверкнула на горизонте, и Эльрик понял, что Скарснаут наконец вернулся в свое измерение. Он помахал ему рукой на прощание. Яд был воистину бесценным подарком. Но дракон подарил ему и нечто неизмеримо большее...

Однако сейчас ему хотелось лишь одного: убраться со странной дороги как можно скорее. Покрытие ее блестело, точно полированный мрамор, но теперь альбинос видел, что это не более чем глина, утоптанная настолько, что сделалась тверже камня. Может, и под глиной тоже скрывались гниющие отбросы? Мысль эта показалась ему неприятной, и он поспешил к южному краю дороги, утирая пот с лица. Интересно, кому мог служить этот тракт? Мухи роились вокруг, а стервятники косились на него с явным вожделением. Он закашлялся от вони. К несчастью, чтобы выбраться на вольный воздух, ему предстояло еще перебраться через завалы мусора.

— Счастливого тебе добраться до родной пещеры, Скарснаут, — прошептал мелнибонзеец. — Похоже, ты подарил мне не только жизнь, но и смерть. Хотя я на тебя не в обиде.

Прикрывая кушаком рот и нос, Эльрик принялся карабкаться по вонючим отбросам, среди крошащихся костей и кишачих наекомых, распутивая птиц и злобно шипящих крыс. Он не знал, что за тварь могла оставить подобную тропу. Ясно одно, то не могло быть делом рук человеческих... Так что альбиносу не терпелось как можно скорее выбраться в поле. Оно, по крайней мере, не таило в себе никаких загадок.

Наконец он вскарабкался на гребень завала и стал осторожно сползать вниз. Эльрик не мог даже вообразить, что за странный народ стал бы сносить все свои отбросы к тропе, проложенной неведомым чудовищем... Внезапно внизу, у самой границы поля, ему почудилось какое-то движение, и он насторожился. Ничего. Он продолжил спуск.

Может быть, все это — подношения? Может быть, так местные жители поклоняются змееподобному божеству, которое оставило этот след, странствуя по подвластному ему миру?

Он спрыгнул на землю — и вновь шорох привлек его внимание. Из колосьев показалась мягкая фетровая шляпа... и по-птичьи внимательные глаза уставились на него в радостном изумлении.

— Боже праведный, сударь! Это не может быть совпадением. Как вы полагаете, зачем Судьба опять сводит нас? — Уэлдрейк выбрался навстречу альбиносу. — Что там у вас за спиной? Какой отвратительный запах!

— Там целые горы мусора. А между ними — странная дорога, пролегающая строго с запада на восток. Мрачное зрелище.

— Я вижу, вам не терпится оказаться отсюда подальше.

— Как можно дальше. У меня нет особого желания встречаться с тем созданием, что оставило этот след и принимает такие подношения. Увы, полагаю, едва ли наши лошади оказались в этом измерении с вами вместе.

— Насколько мне известно, нет. Я был уверен, что вас давно уже съели. Но, как видно, рептилии питают слабость к истинным героям.

— Что-то в этом роде... — Странно, но Эльрик был благодарен встрече с насмешником-поэтом. Приятная перемена после беседы с отцом. Отряхнув вонючую труху с одежды, он от всей души обнял Уэлдрейка, который восторженно зашебетал:

— Сударь, до чего же я рад! До чего же я рад!

Рука об руку они направились к реке, замеченной Эльриком с высоты. Там он видел город, до которого, как ему показалось, было не больше дня пути. Он сказал об этом Уэлдрейку, добавив, что, к несчастью, у них совершенно нет провизии. Придется голодать — или жевать неспелые колосья.

— Не беда, — задорно отозвался на это поэт. — В юности я немало браконьерствовал в Нортумберленде. Силки и ружье — жаль их нет сейчас со мной. Но я вижу, ваш кушак изрядно потрепан. Если не возражаете, я воспользуюсь им. Остается лишь надеяться, что старые умения не подведут.

Пожав плечами, Эльрик протянул спутнику вязанный кушак. Тонкие пальцы проворно задвигались, распуская и связывая нити, пока не получилась длинная веревка.

— Надвигается вечер, сударь. Лучше мне не терять времени.

Они достаточно удалились от мусорных завалов и теперь вдыхали лишь густые ароматы летней межи. Уютно устроившись среди колосьев, альбинос внимательно наблюдал за действиями Уэлдрейка, и вскоре, расчистив небольшую площадку и выкопав ямку для очага, путники смогли насладиться восхитительным ароматом кролика, поджаривающегося на вертеле... это также была идея поэта.

Станный мир — необозримые поля, но не видно ни единого работника! Оба были немало удивлены.

Поболтав немного, Эльрик вынужден был признать, что Уэлдрейку довелось странствовать по измерениям куда больше, чем ему самому.

— Может, и так, сударь, но и для меня сей мир — суцая загадка. Однако путешествую я отнюдь не по собственной воле. Во всем виноват некий доктор Ди, с кем мы дискутировали о греках. Все дело в размере, сударь. В стихотворном размере. Мне было необходимо *услышать* язык Платона... В общем, это долгая история, и в ней нет ничего необычного для всех нас, невольных странников по множественной Вселенной. Но, если быть точным, я довольно долгое время провел в одном-единственном измерении, хотя и в разные времена, пока наконец не оказался в Патни.

— Вам хотелось бы вернуться туда, мастер Уэлдрейк?

— Еще как, сударь! Что-то староват я стал для путешествий. К тому же я человек привязчивый. И мне жаль потерять стольких друзей.

— Надеюсь, вы отыщете их вновь.

— Желаю удачи и вам, сударь. Надеюсь, вам удастся отыскать то, что вы ищете. Хотя, боюсь, вы из тех, кто вечно пытается обрести недостижимое.

— Может быть, — коротко ответил Эльрик, пробуя мясо. — Хотя боюсь, даже вы поразились бы, узнав, насколько недостижимо то, что я ищу сейчас.

Уэлдрейк, похоже, собирался пуститься в расспросы, но передумал и ненадолго замолк, с нескрываемой гордостью любуясь приготовленным ужином. И альбинос с удивлением отметил про себя, что в обществе беззаботного поэта все его тревоги ненадолго отступили в тень.

Тем временем тот отыскал в своих бездонных карманах увесистый том и приготовился при свете костра порадовать слух спутника поэмой о похождениях некоего полубога из его родного измерения, одолевшего многих врагов и обретшего трон и корону... как вдруг за спиной у них слышится поступь лошади — осторожная и неспешная, словно поводья держит умелый наездник. Эльрик окликает его:

— Приветствуем тебя, странник. Не желаешь ли разделить с нами трапезу?

Молчание. Затем до них доносится приглушенный голос:

— Буду рад ненадолго разделить с вами тепло костра, господа. Для меня в этих краях весьма прохладно.

Лошадь так же медленно, шаг за шагом, приближается к ним, наконец у костра вырастает тень, всадник спешивается и не спеша идет к огню. Это крупный мужчина, с головы до ног закованный в броню, отливающую золотом, серебром и синева-серым металлом. Шлем его венчает рыжее перо, на груди красуется черно-желтый знак Хаоса, герб слуги Владык Невероятного, изображающий восемь стрел, разлетающихся из единой точки, — символ разнообразия и множественности Хаоса. Боевой жеребец у него за спиной покрыт сверкающей серебристо-черной шелковой попоной, высокое седло украшено слоновой костью и черным деревом, серебряная узда — с золотыми кольцами.

Эльрик встал, пораженный видом незнакомца, готовый отразить нападение. Больше всего его удивил стальной шлем, совершенно глухой, скрывавший лицо и шею воина. Узкие щели для глаз смотрели на мир недобро и подозрительно. Но во взгляде странника чувствовалось затаенное страдание, как нельзя лучше понятное мелнибонэйцу, и тот мгновенно ощутил родство с незнакомцем, усевшимся рядом с ним у огня. Воин протянул к костру руки, закованные в стальные рукавицы, и странное ощущение возникло у Эльрика при взгляде на него: казалось, доспехи слишком тесны для этого человека — или не-человека — и предназначены не столько защищать его от враждебного мира, сколько пленять внутри

себя некую невероятно мощную, неодолимую силу. И все же незнакомец двигался, как самый обычный человек, потягивался, разминая суставы, вздыхал и явно наслаждался неожиданным комфортом...

— Не желаете ли отведать кролика, сударь? — Уэлдрейк гостеприимно указал на жарившуюся над огнем тушку.

— Нет, благодарю вас.

— Может быть, тогда хотя бы снимете шлем? Уверяю вас, здесь вам ничто не грозит.

— Я верю. Но, к несчастью, снять сей шлем пока не в моих силах. И, сказать правду, я давно не пробовал обычной человеческой пищи.

Уэлдрейк нахмурил рыжие брови.

— Неужто Хаос нынче принуждает своих слуг к людоедству?

— Хватает и таких. — Закованный в сталь воин повернулся к огню спиной. — Но я не из их числа. Я не вкушал ни мяса, ни плодов уже добрых две тысячи лет. Возможно, больше. Я давно утратил счет времени. Есть измерения, где царит вечная Ночь, измерения вечного Дня, а есть и такие, где день сменяет ночь с непостижимой для нас быстротой.

— Вы, должно быть, приняли обет, сударь? — заинтересовался Уэлдрейк. — Отправились в священный Поход?

— Почти так, но цель моих поисков куда скромнее, чем вы могли бы подумать.

— И чего же вы ищете, сударь? Может быть, свою нареченную?

— Вы весьма проникательны.

— Просто довольно начитан. Но ведь все не так просто, да?

— Я ищу смерти, мой друг. Такова печальная участь, на которую обрекло меня Равновесие, когда я предал его многие тысячи лет назад. Также участь моя — сражаться со служителями Равновесия по всей Вселенной, хотя именно Равновесие я люблю и стремлюсь к нему всем сердцем. Мне было предречено — хотя я не знаю, можно ли верить тому оракулу, — что я познаю покой лишь от руки слуги Равновесия... каким я и сам был когда-то.

— Так кем же вы были прежде? — Уэлдрейка история незнакомца явно заинтересовала куда больше, чем Эльрика.

— Я был принцем Равновесия, служителем и доверенным лицом той Силы, что поддерживает, славит и любит все живое во всей Вселенной... той самой Силы, которую с радостью низвергли бы, если бы могли, и Порядок, и Хаос... Но однажды, в миг великого Соединения, которое объединило Ключевые Измерения и дало толчок новому развитию миров, где Равновесию могло больше не найтись места, я поддался искушению. То, что творилось у меня на глазах, было слишком грандиозно, чтобы устоять перед соблазном вмешаться. Любопытство, безумие и самонадеянность погубили меня. Я был уверен, что служу интересам Равновесия, хотя, в действительности, служил лишь собственной гордыне. И сейчас плачу за это.

— Но это же не вся история! — с воодушевлением воскликнул Уэлдрейк. — Сударь, уверяю,

вы ничуть не утомите меня, если поведаете еще немного!

— Увы, не могу. Я рассказываю то, что мне дозволено. Остальное знаю я один — и сложу с себя это бремя, лишь когда обрету свободу.

— Свободу в смерти, сударь? Боюсь, тогда поделиться с кем-либо вам будет весьма затруднительно.

— Это решать Равновесию, — отозвался незнакомец без намека на улыбку.

— Так ты ищешь смерти вообще? Или для тебя она имеет имя? — поинтересовался Эльрик сочувственно.

— Я ищу трех сестер. Кажется, они были здесь несколько дней назад. Не видели ли вы их по дороге?

— Сожалею, но мы лишь недавно оказались в этом мире, и к тому же не по собственной воле, а потому лишены карт и ориентиров. — Эльрик пожал плечами. — Я надеялся расспросить об этих местах тебя самого.

— Мы находимся в Девятимиллионном Кольце, как его именуют местные маги. В так называемых Срединных Мирах Особой Значимости. Здесь и правда есть что-то необычное, хотя что именно — я пока не сумел понять. Это не истинный Центр Вселенной, ибо таковым может считаться лишь Мир Равновесия, но я бы назвал его квази-центром. Надеюсь, вы простите мне этот философский жаргон. Я несколько веков был алхимиком в Праге.

— В Праге! — восторженно восклицает Уэлдрейк, захлебываясь. — Ах эти колокола и башни!..

А может, вы бывали и в Майренбурге, сударь? Что за чудное место!

— Должно быть, и впрямь чудесное, раз я утратил память о нем,— отзывается воин.— Я так понимаю, вы двое тоже что-то ищете в этом мире?

— Что касается меня, то едва ли, сударь,— улыбается Уэлдрейк.— Разве только возможности вернуться в Патни и допить-таки свой эль.

— Да, я ищу одну вещь,— осторожно согласился Эльрик. Он надеялся получить от незнакомца географические сведения, а отнюдь не мистические или астрологические.— Меня зовут Эльрик Мелнибонэйский.

Похоже, на закованного в броню воина его имя не произвело особого впечатления.

— Я — Гайнор, бывший принц Равновесия, ныне прозывающийся Проклятым. Не доводилось ли нам встречаться прежде? С иными именами или даже лицами? В других перерождениях?

— По счастью, я не помню своих прошлых жизней.— Расспросы Гайнора встревожили альбиноса.— И в твоих словах мне многое непонятно. Я — обычный наемник, ищу, к кому наняться на службу. И к сверхъестественному отношения не имею.

За спиной у Гайнора Уэлдрейк выразительно поднял брови. Эльрик и сам не знал, что заставило его скрыть истину. Несмотря на то что он чувствовал в Гайноре родственную душу и оба они служили Хаосу, в этом человеке крылось нечто пугающее, что препятствовало всякой откровенности. Хотя воин явно не желал ему зла,

и было видно, что он не из тех, кто убивает просто ради забавы. Но все же уста Эльрика оставались сомкнуты, точно и ему их сковало само Равновесие, запретив говорить о себе правду. И вскоре все трое улеглись спать — три крохотные фигурки в бесконечности колосющихся полей.

На следующее утро Гайнор вновь уселся в седло.

— Благодарю за гостеприимство, господа. Если вы направитесь в ту сторону, то наткнетесь на весьма приятный городок. Там торговцы всегда радушно встречают путников. Больше того, относятся к ним с невероятным пиететом. А я отправлюсь своей дорогой. Мне сообщили, что три сестры собирались в Страну Цыган. Вы не слышали о таком месте?

— Увы, нет.— Уэлдрейк вытер руки огромным красным носовым платком.— Мы новички в этом мире и невинны, как младенцы. Не знаем ничего ни о здешних нравах, ни о людях, ни о богах. Кстати, простите меня за прямоту, но не являетесь ли и вы сами божеством или полубогом?

Ответом ему был смех, в котором слышались гулкие отголоски — точно плем принца скрывал за собой бездну.

— Я же говорил вам, мастер Уэлдрейк, я был принцем Равновесия. Но это было давно. Ныне же, уверяю вас, в Гайноре Проклятом нет ничего божественного.

Пробормотав, что он все равно не в силах понять значение титула принца, Уэлдрейк перевел разговор в более прозаическое русло.

— Если мы можем чем-то помочь вам, сударь...

— А что это за женщины, которых ты ищешь? — поинтересовался Эльрик.

— Три сестры, совершенно похожие друг на друга. Они странствуют с некоей сокровенной, лишь им одним известной целью. Насколько я мог понять, они разыскивают не то пропавшего соотечественника, не то брата и хотят попасть в Страну Цыган. Им указали дорогу, но едва ли могли сообщить что-то еще. Я лично советую вам избегать этой темы в разговоре с кем бы то ни было. К тому же, подозреваю, если вам доведется столкнуться с этими бродягами, навряд ли вам придется по душе их общество.

— Спасибо за совет, принц Гайнор, — отозвался мелнибонзеец. — А не знаешь ли ты, кто и зачем растит все это зерно?

— Их называют оседлыми крестьянами. А когда я задал тот же вопрос, местные ответили со смехом, что зерно нужно, чтобы прокормить саранчу. Что ж, я слышал и о куда более странных обычаях. Подозреваю, местные, вообще, не в ладах с цыганами. Они не любят говорить об этом. Страна эта именуется Салиш-Квуун — если помнишь, так назывался город в Книге Кости. Странная ирония судьбы. Меня это весьма позабавило. — С этими словами он повернул лошадь, полностью уйдя в свои мысли, и неспешно направился к обозначившимся далеко на горизонте холмам — грудам отвратительного мусора, — над которыми, подобно клубам черного дыма, вились мухи и воронье.

— Ученый, — заметил Уэлдрейк, когда принц отъехал достаточно далеко. — И говорит загадками. Полагаю, вы понимаете его лучше, чем я, принц Эльрик. Жаль, ему с нами не по пути. Что вы думаете о нем?

Альбинос теребил рукоять меча, подыскивая слова.

— Я его боюсь, — вымолвил он наконец. — Боюсь больше, чем любого живого существа, смертного или бессмертного. Участь его и впрямь ужасна, ибо ему ведомо было Прибежище Равновесия, о котором я могу лишь мечтать. А он обладал им — и потерял...

— Да будет вам, сударь. Вы преувеличиваете. Конечно, он человек со странностями. Но, мне показалось, весьма любезен. Учитывая обстоятельства.

Эльрик содрогнулся. Он был рад, что принц Гайнор наконец покинул их.

— И все же я страшусь его больше всех на свете.

— Кроме, может быть, себя самого? — Уэлдрейк заметил, как переменился в лице Эльрик при его словах, и смущенно взмолился: — Сударь, прошу меня простить! Я не хотел оскорбить вас своей прямоотой.

— Вы слишком проникательны, мастер Уэлдрейк. Глаза поэта куда зорче, чем я думал.

— Это чистая случайность, сударь, уверяю вас. Инстинкт, если угодно. Я не понимаю ничего — и говорю *все*. Это мой рок! Не такой ужасный, как у многих других, полагаю, но он доставляет мне довольно неприятностей, хотя порой и вызволяет из них...

На этом мастер Уэлдрейк принимается затапывать костер, затем ломает вертел, прячет самодельные силки в один карман с каким-то древним, давно лишившимся обложки томом, набрасывает плащ на плечи и устремляется через межу вслед за Эльриком.

— А читал ли я вам, сударь, мою эпическую поэму о любви и смерти сэра Танкреда и леди Мэри? Она написана в подражание нортумберлендским балладам — это была первая поэтическая форма, что я услышал в своей жизни. Наша усадьба стояла в жуткой глуши, но мне не было там одиноко.

Рыжеволосому стихоплету приходилось то семенить, то бежать вприпрыжку, чтобы угнаться за длинноногим альбиносом, но звенящий голос его не сбился ни в единой строчке бесконечного стихотворения.

Спустя четыре часа они вышли на берег широкой реки и на живописных утесах на другой стороне узрели город, который искал Эльрик. Уэлдрейк наконец дочитал торжественные строки бессмертной баллады — и, похоже, воспринял окончание чтения с таким же облегчением, что и мелнибонзед.

Город, казалось, был высечен резцом искусного мастера прямо из скалы. К нему вела узкая тропа, которая вилась над белой водой, понемногу карабкаясь все выше, и наконец переходила в широкую улицу, петлявшую среди высоких многоэтажных зданий и складов, лавок и постоянных дворов, ухоженных парков и цветущих садов, затем терялась среди проулков и аллей, чья паутина

раскинулась у подножия заросшего лозой и плющом древнего замка, что возвышался над городом и тринадцатyarочным мостом, стягивавшим реку в самой узкой ее части и ведущим к небольшому поселку на другом берегу, где, по-видимому, располагались летние резиденции местной знати.

Городок лучился самодовольством и благополучием, и Эльрик обрадовался, не увидев вокруг крепостных стен: жителям явно не приходилось страшиться осады. Люди здесь носили пестрые, расшитые одежды, ничем не напоминавшие его собственное платье или костюм Уэлдрейка, и здоровались с путниками радушно и без смущения, ничуть не опасаясь чужеземцев.

— Уж если они приняли Гайнора, — заметил поэт, — то, полагаю, и наш вид не покажется им слишком странным! На мой взгляд, в этом городе чувствуется французский дух. Он мне напоминает берега Луары — не хватает только собора. Как вы полагаете, каким богам они здесь поклоняются?

— Может быть, никаким. Я слышал о таких народах.

Но Уэлдрейк, похоже, не поверил своему спутнику.

— В Бога верят даже французы!

Они миновали первые дома, нависшие над скалами, и террасы над ними, с самыми прелестными висячими садами, что только доводилось видеть Эльрику. В воздухе витал аромат цветов, краски и горячей еды, и путешественники понемногу расслабились, с улыбкой отвечая тем, кто приветствовал их. У молодой женщины в пышном крас-

но-белом платье альбинос поинтересовался, как называется этот город.

— Агнеш-Вал, мой добрый господин, как же еще! А там, за рекой, — Агнеш-Нал. Как вы здесь оказались, друзья? Должно быть, разбили лодку на Форлиевых Порогах? Тогда вам в Приют Бедствующих Путников, это в переулке Пяти Медяков, за Пироговой аллеей. Там вас хотя бы покормят. У вас есть значок Гильдии Поручителей?

— Увы, нет.

— Жаль. Тогда вам удастся воспользоваться только нашим гостеприимством.

— Это более чем щедро, сударыня, — отозвался Уэлдрейк, хитро подмигивая женщине. А затем поспешил вслед за Эльриком.

Пропетляв довольно долго по старым мощным улочкам, они достигли наконец Приюта Бедствующих Путников. Здание с островерхой крышей было таким древним, что кренилось во все стороны разом, опираясь на соседние дома, точно пьянчуга на собутыльников, причем стены и перекрытия его изгибались и выпячивались столь невероятным образом, что Эльрик готов был поручиться, что здесь не обошлось без вмешательства самого Хаоса.

В дверном проеме, почти сливаясь с ним, сидел человек — казалось, плоть от плоти самого дома, такой же неуклюжий, перекошенный и несуразный. Тощий, похожий на паука, невероятно дряхлый — у него был столь тоскливый и жалкий вид, что Эльрик невольно поспешил извиниться и поинтересовался, туда ли они попали.

— Точно так, мой добрый господин, милостью Зрящего, сюда вы и пришли. За подаянием, да? За подаянием и добрым советом?

— Мне сказали, что здесь нам окажут гостеприимство! — возмущенно застрекотал Уэлдрейк. — В милостыне мы не нуждаемся! — Побагровев, он стал походить на тетерева.

— Какая разница, что за вычурные слова одевают истину? — Существо зашевелилось, складываясь и разворачиваясь под самыми невероятными углами, пока наконец не поднялось во весь рост. — Я лично зову это *подаянием*! — Огоньки вспыхнули в глубине черных глазниц, и кривые зубы застучали в шамкающем рту. — Мне все равно, что за опасности вас подстерегали, какие несчастья выпали на вашу долю, что за потери вы понесли, какими вы были богачами и какими нищими стали теперь. Если бы вы не знали, чем рискуете, то не забрались бы в такую даль и остались бы по ту сторону Раздела! Так что вам некого винить в своих злоключениях, кроме самих себя.

— В Приюте нам был обещан стол и кров, — ровным тоном заметил Эльрик. — А уж никак не грубость и оскорбления.

— Проклятые лицемеры, они солгали вам! Приют закрыт на ремонт. Скоро здесь будет богатая харчевня. Если повезет, она даже станет приносить прибыль.

— В моем мире, сударь, подобные меркантильные соображения давно уже вышли из моды, — ответил на это Уэлдрейк. — Как бы то ни было, просим нас простить за беспокойство. Нам неверно указали путь, только и всего.

Эльрик, непривычный к подобному обращению и все еще мелнибонзеец в душе, сам не заметил, как схватился за меч.

— Старец, твоя дерзость мне претит... — Но Уэлдрейк предостерегающе тронул альбиноса за плечо, и тот взял себя в руки.

— Старик лжет! Лжет! Лжет! — За спиной у них, сжимая в руке огромный ключ, на холм вскарабкался толстяк лет пятидесяти, с торчащими из-под шапки седыми волосами и спутанной бородой. Одевался он явно впопыхах, и вообще вид у него был такой, будто его только что подняли с постели. — Да лжет он, добрые господа. Все лжет. Ступай прочь, Гнилой Язык, позорь какое-нибудь другое заведение! Этот человек — пережиток такого далекого прошлого, о котором мы с вами даже и не слыхивали. Он судит всех лишь по богатству и воинской славе, а не по добрым делам и спокойствию духа. Доброго утра вам, господа. Доброго утра. Надеюсь, вы отобедаете с нами?

— Холоден и пресен хлеб милосердия! — Старик с ворчанием двинулся вниз по улице, расталкивая сбежавшихся ребятишек своими паучьими руками. — Равновесие и самодостаточность. Они погубят наш народ. Мы все погибнем. Все окажемся на плахе, помяните мое слово!

И, свернув на улицу Древностей, исчез в толчее магазинов и лавок.

Добродушный толстяк взмахнул ключом и вставил его в замок.

— Не слушайте его. Он говорит лишь сам за себя. Такие в любом городе найдутся... Я так

понимаю, наши друзья-цыгане взяли с вас свой «налог»? Что вы нам везли?

— Золото большей частью, — немедленно на-
шелся Эльрик, верно оценив положение. — А так-
же самоцветы.

— Отважные люди. Это была смелая попытка.
Они вас отыскиали по эту сторону Раздела?

— Похоже на то.

— И обчистили до нитки. Вам повезло еще,
что сохранили хотя бы оружие и одежду. И что
они не застали вас на самом Разделе.

— Мы долго выжидали, прежде чем рискнуть, —
подавал голос Уэлдрейк, с восторгом включивший-
ся в игру.

— Увы, как видно, недостаточно долго.

Дверь отворилась бесшумно, и они оказались
в освещенном желтыми лампами коридоре. Сте-
ны его были такими же кривыми, как и снаружи;
не пойми откуда поднимались ведущие в никуда
лестницы; в самых неожиданных местах открыва-
лись проходы и помещения причудливых форм
со множеством углов, одни — освещенные свеча-
ми, другие — мрачные и пыльные. Но вот нако-
нец путники оказались в просторном светлом зале
с огромным дубовым столом посередине. На лав-
ках вокруг него могло бы разместиться не мень-
ше десятка голодных странников, но, кроме них,
здесь оказалась всего одна гостья. Она накладыва-
ла себе густое рагу из котла над очагом. Это
была девушка в простом дорожном костюме не-
ярких цветов, крепкая, мускулистая, с копной
рыжеватых волос. На поясе у нее висели тонкий
меч и кинжал. Кивнув новоприбывшим, она мол-

ча уселась за стол и принялась за еду, всем своим видом показывая, что не расположена к беседе.

Хозяин шепотом произнес, указывая на нее:

— Насколько мне известно, эта красавица — ваш товарищ по несчастью. На ее долю выпали ужасные злоключения, и сегодня она не слишком общительна... Здесь вы найдете все, что нужно, господа. В случае чего слуга поможет вам. А я вернусь через пару часов узнать, как вы устроились. Мы в Агнеш-Вале стараемся поддерживать даже тех купцов, кого по дороге к нам постигла неудача, — иначе торговля совсем захиреет! Наш принцип — помогать обездоленным и получать прибыль с тех, кому повезло больше. Такой подход нам кажется здравым и справедливым.

— Совершенно верно, сударь! — Уэлдрейк одобрительно закивал. — Вы, я вижу, из либералов. Слишком много тори встречаешь, странствуя по Вселе... по миру.

— Мы верим в разумную выгоду, мой добрый господин, подобно всем цивилизованным народам. Ведь это, прежде всего, в интересах общества — ненавязчиво способствовать тому, чтобы каждый мог заниматься своим делом. Но садитесь же за стол, господа! Садитесь!

Все это время Эльрик ощущал на себе пристальный взгляд незнакомки и, искоса оглядев ее, сказал себе, что, пожалуй, ему не доводилось видеть более очаровательного и решительного создания, с тех самых пор как умерла Каймориль. Синие глаза девушки смотрели на мир уверенно и твердо, в ней не было заметно ни тени самолো-

бования, а лицо оставалось непроницаемым. Внезапно она отвела взор от Эльрика и вновь принялась за еду, но перед тем на устах ее мелькнула странная улыбка, которая совершенно озадачила альбиноса.

Положив себе по полной тарелке ароматного жаркого, приятели уселись за стол и молча принялись за еду, как вдруг девушка обратилась к ним. Причем, неожиданно для Эльрика, голос ее звучал тепло и приветливо, и это еще больше расположило его к незнакомке.

— Что вы им наплели, друзья, чтобы заработать этот прекрасный обед?

— О, с нашей стороны здесь не было лжи — лишь некоторые недоговорки, — дипломатично отозвался Уэлдрейк, облизывая ложку и с сомнением поглядывая на дымящийся котел: поэт явно колебался, не взять ли ему добавки.

— Вы такие же купцы, как и я, — засмеялась девушка.

— Совершенно верно. Я же говорю, недоразумение. Просто эти люди, как видно, не могут себе представить, чтобы странники забрели в их город по иной надобности, кроме торговой.

— Похоже на то. А вы, как я вижу, совсем недавно в этом мире? Верно, спустились по потоку?

— Боюсь, я вас не совсем понимаю. — Эльрик еще соблюдал осторожность.

— Но вы же ищете трех сестер?

— Такое впечатление, что их ищут все на свете, — усмехнулся альбинос. Ответ его прозвучал намеренно двусмысленно — пусть думает что

хочет.— Я Эльрик Мелнибонэйский. А это мой друг, мастер Уэлдрейк, поэт.

— Я слыхала о мастере Уэлдрейке.— В голосе незнакомки сквозило восхищение.— Но ваше имя, боюсь, мне незнакомо. Меня называют Розой, это мой меч — Быстрый Шип, а кинжал мой именуется Малый Шип.— Эти слова она произнесла с гордостью и не без вызова, словно в предупреждение, хотя Эльрик не мог понять, чего она опасается от них.— Я странствую по временным потокам в поисках отмщения.— И девушка невесело усмехнулась, уставившись в пустую тарелку, словно смущенная столь постыдным признанием.

— Но зачем вы ищете этих загадочных сестер, госпожа моя? — чарующим голосом поинтересовался Уэлдрейк.

— Они очень много значат для меня. Они владеют тем ключом, что отопрет мне двери, за которыми лежит вожаделенная цель. Единственная цель, что осталась мне с тех пор, как я принесла свой обет. Они дадут мне возможность исполнить свою мечту, мастер Уэлдрейк. Кстати, вы ведь тот самый Уэлдрейк, что написал «Восточные грезы»?

— М-м, сударыня... — Поэт явно был смущен.— Тогда я только прибыл в новую эпоху. Мне пришлось заново завоевывать себе репутацию. А Восток был как раз в моде. Однако как зрелую работу это едва ли можно рассматривать...

— Поэма весьма сентиментальна, верно, мастер Уэлдрейк. Но она скрасила мне несколько печальных часов. И я все еще люблю ее. Не мень-

ше, чем «Песнь Иананта», хотя это, без сомнения, ваше лучшее творение.

— Во имя Неба, сударыня! Но я же еще не написал эту поэму! Остались только наброски, там, в Патни.

— Она превосходна, сударь. Но больше я не скажу вам ни слова.

— Весьма признателен вам за это, сударыня. И... — спохватился поэт, — за вашу похвалу. Сказать правду, я тоже весьма привязан к ориенталистскому этапу своего творчества. Не доводилось ли вам часом читать такую вещь — она вышла совсем недавно — «Манфред, или Хоорийский вельможа»?

— Боюсь, он еще не входил в число ваших сочинений, когда я в последний раз была в цивилизованных местах, сударь.

Они продолжали с увлечением толковать о поэзии, и Эльрик, утомленный, опустил голову на руки — пока из дремы его не вырвала реплика Уэлдрейка:

— Но почему же никто не приструнит этих цыган? Разве в этих краях нет ни власти, ни закона?

— Я мало что знаю о них. Это народ бродяг, — негромко отозвалась Роза. — Возможно, целая кочевая орда. Сами себя они именуют Вольными Странниками или Народом Пути. Мне кажется, местные жители немало опасаются их. Судя по тому, что мне говорили, наши три сестры присоединились к ним. Поэтому я тоже намереваюсь отправиться на поиски цыган.

Эльрику вспомнился утоптаный широченный тракт, и он невольно задумался, не имеет ли эта

дорога отношения к Цыганскому Народу. Хотя едва ли эти бродяги могли вступить в союз со сверхъестественными силами. Любопытство альбиноса достигло предела.

— У нас, у всех троих, одна проблема,— заметила между тем Роза.— Наши хозяева решили, что мы стали жертвами цыган, и мы не разубеждали их в этом заблуждении. Однако это означает, что теперь мы не можем никого расспрашивать о них напрямую, а вынуждены идти к цели окольными путями. Либо сознаться в обмане.

— Едва ли это поможет нам завоевать их расположение. Эти люди гордятся своей щедростью по отношению к торговцам. Но мы ничего не знаем о том, как они относятся ко всем прочим. Возможно, их судьба куда печальнее.— Эльрик вздохнул.— Впрочем, мне это безразлично. Если вы не возражаете против нашего общества, сударыня, мы отправимся на поиски сестер вместе с вами.

— Хорошо. Пока я не вижу в подобном союзе ничего дурного,— разумно отозвалась Роза.— Но что вы знаете о них?

— Не больше, чем вы сами,— искренне ответил Эльрик.

Поскольку иных путей ему пока не представилось, он решил следовать этому и посмотреть, куда же тот выведет его. Возможно, три сестры помогут ему отыскать похищенный ларец и душу его отца.

Но не только. В обществе этой загадочной женщины он испытывал редкое наслаждение, какового уже не надеялся ощутить когда-либо вновь:

взаимопонимание и доверие, которое, невзирая на осторожность, вызывало в душе желание поведать ей все свои секреты, все чаяния и страхи, все устремления и утраты, но не ради того, чтобы отяготить ее сердце, а просто предложить ей нечто, что, возможно, ей захочется с ним разделить. Ибо он явственно видел, что у них, помимо цели путешествия, еще очень много общего.

Проще говоря, у него было такое чувство, словно он обрел сестру. И, похоже, она также ощущала это родство, хотя Эльрик был мелнибонэйцем, а она нет. И это не уставало поражать альбиноса, ибо такое же чувство родства — хотя и абсолютно иной природы — ему довелось недавно испытать с Гайнором.

Наконец Роза попрощалась с ними и удалилась к себе, объясняя, что провела без сна уже тридцать шесть часов. Уэлдрейк был от нее без ума.

— Прекраснейшая женщина, что я когда-либо видел, сударь! Восхитительная женщина! Юнона во плоти! Диана!

— Мне мало что известно о ваших местных божествах, — заметил на это Эльрик, однако согласился с Уэлдрейком, что им и впрямь довелось повстречать необыкновенное создание.

Он погрузился в мысли о поразительном родстве, объединяющем отцов и сыновей, сестер и братьев, и о том, какие удивительные встречи довелось ему пережить за последнее время. Ему казалось, он улавливает в этом дыхание Равновесия — хотя куда вероятнее, что к этим случайностям и совпадениям приложили руку Силы Хаоса или Порядка. Теперь ему сделалось очевидно, что

между Владыками Энтропии и Повелителями Постоянства назревает очередной нешуточный конфликт. Это объясняло то напряжение, что он ощущал буквально в самом воздухе, то напряжение, что чувствовал и пытался выразить его отец, хотя и был мертв и лишен души. Может стать, в постепенно возникающем вокруг него сплетении жизней и судеб виднелось отражение более масштабной космической конфигурации? На мгновение Эльрик ощутил, заметил краешком глаза отблеск беспредельности множественной вселенной, ее сложности и неоднозначности, реальности и будущности, ее безграничных возможностей — чудес и кошмаров, красоты и уродства — нескончаемых и неопределимых, свершенных и конечных даже в малом.

Когда же вернулся седовласый хозяин Приюта, чуть более опрятно одетый и все столь же доброжелательный, Эльрик спросил его, почему в городе не опасаются прямого нападения Цыганского Народа.

— Насколько я знаю, у них на этот счет свои законы. Они соблюдают установленный порядок вещей, понимаете? Хотя, разумеется, таким, как вы, от этого не легче...

— У вас договор с ними?

— Что-то вроде этого, сударь. Всевозможные договоренности и все такое прочее. Так что за Агнеш-Вал мы не опасаемся, сударь, — только за тех, кто хочет с нами торговать... — Он с извиняющимся видом развел руками. — У цыган свои обычаи, знаете ли. Для нас все это непривычно, и я никогда не стал бы иметь с ними дела напря-

мую, однако во всем надо видеть как дурное, так и хорошее.

— Да, зато они свободны, — мечтательно отозвался Уэлдрейк. — Об этом замечательно сказано в «Полях Романии».

— Может, оно и так, сударь, — с сомнением отозвался их хозяин. — Не уверен, что верно понял, о чем вы говорите. Это какая-то пьеса?

— Поэма о радостях вольной дороги, сударь.

— А, должно быть, цыганская. Увы, мы не покупаем их книг. Да, кстати, господа, не желаете ли вы воспользоваться помощью, которую город предлагает попавшим в беду путешественникам. Мы готовы продать вам любое снаряжение в кредит. Если же у вас нет денег, город согласен получить взамен любые ценности. Может быть, одну из этих книг, о которых толковал мастер Уэлдрейк, вы отдадите в обмен на лошадь?

— Книгу за лошадь? Сударь?!

— Тогда за двух лошадей? Сожалею, мне неизвестно рыночная цена этого товара. Среди нас мало книголюбцев. Возможно, нам стоило бы этого стыдиться, но горожане предпочитают мирные удовольствия вечерней арены.

— Двух лошадей и, может быть, провизии на несколько дней пути? — предложил Эльрик.

— Если вы согласны на такой обмен, сударь.

— Мои книги! — Уэлдрейк заскрежетал зубами и вздернул свой длинный нос. — Это... Они мое второе я, сударь. В них моя душа! Я — их защитник и хранитель. К тому же, несмотря на дар телепатии, что мы используем для общения, мы способны только *понимать* язык, но не можем

на нем *читать*. Вы знали это, сударь? Способности наши на это не распространяются. Впрочем, в каком-то смысле это логично... Так что нет, сударь, я не расстанусь ни с единой страницей!

Однако когда Эльрик напомнил ему, что у Уэлдрейка имелась по меньшей мере одна книга на языке, который он и сам не мог распознать, и к тому же их жизни, возможно, зависели от того, удастся ли им последовать за Розой, у которой, кстати, лошадь имелась, Уэлдрейк скрепя сердце согласился расстаться с Омаром Хайямом, которого до сих пор теплил надежду однажды прочесть.

Расспросив любезных горожан, они выяснили, что проще всего им добраться до Страны Цыган вдоль реки — так, по крайней мере, они могли быть уверены, что не заблудятся. И наутро Эльрик, Уэлдрейк и Роза отправились в путь по дороге, что кружила и петляла, следуя за прихотливым неспешным потоком. Уэлдрейк читал свою «Песнь 'Равии' зачарованной Розе, Эльрик же ехал отдельно, чуть впереди, гадая, не во сне ли все это видится ему и отыщет ли он когда-нибудь душу отца.

Они добрались до незнакомого отрезка дороги, и Эльрику показалось, что именно здесь пролетел дракон, когда, простившись с ним, унесся в неведомые дали — как вдруг его чуткое ухо уловило неизвестный звук, источник коего он затруднялся определить. Он сообщил об этом своим спутникам, но те ничего не смогли расслышать. И лишь полчаса спустя, поднеся к уху ладонь, Роза заметила, нахмурившись:

— Какой-то гул. Или рев.

— Я давно слышал его, — немедленно отозвался Уэлдрейк, немало уязвленный тем, что у него, поэта, оказался самый скверный слух. — Я просто не думал, что вы говорите именно об этом гудящем, ревушем звуке. Мне казалось, это просто шумит река. — Однако же он покраснел и, пожав плечами, устремил взор куда-то в поэтическую бесконечность кончика собственного носа.

Еще через два часа им наконец удалось установить источник звука: это ревела вода, неукротимым мощным потоком продираясь сквозь пороги, по которым и самый опытный мореход едва ли рискнул бы провести свое судно. Река гудела, свистела, гремела, точно живое существо во власти безудержного гнева. Земля сделалась скользкой от брызг, и путники с трудом перекрикивали шум; видеть они могли всего на несколько шагов вперед и чувствовали лишь запах свирепой воды. Но вскоре дорога свернула прочь от реки и спустилась в ложбинку — и грохот сразу стал доноситься глуше.

Скалы вокруг блестели от долетавших сверху пены и брызг, но относительная тишина показалась им неземным блаженством, и путники вздохнули с видимым облегчением. Уэлдрейк, проскакав чуть вперед, вернулся с вестью, что дорога сворачивает вдоль утесов. Возможно, они наконец выйдут к морю...

Покинув ущелье, они вновь оказались на открытой местности. Вскоре о недавно пережитом кошмаре напоминали лишь клубы серебристо-серого тумана над яростно реющим горизонтом. Теперь дорога шла по самому краю скалы,

над пропастью столь глубокой, что дно ее терялось во тьме. Именно в эту бездну устремлялась грохочущая река, и Эльрик, подняв глаза, не смог сдержать возгласа восхищения. Он увидел дамбу над головой — дамбу, что вела, изгибаясь, от утесов восточной бухты до западных скал; ту самую дамбу, что он уже видел прежде: продолжение исполинского тракта, на котором оставил его дракон. Однако эта дамба явно была сооружена не из утоптанной глины. Мощный изгиб ее был соткан из сучьев, костей и обломков металла, создававших конструкцию, которую скрепляли сотни уложенных одна на другую шкур, промазанных вонючим костным клеем. Альбинос поразился примитивному и одновременно невероятно точному искусству таинственных строителей. Когда-то и его народ был способен возводить подобные сооружения — прежде чем магия заменила для них все иные ремесла, искусства и наслаждения. Он не уставал восхищаться загадочной дамбой все то время, что они ехали вдоль нее. Наконец Уэлдрейк окликнул его.

— Похоже, именно это место они именуют Разделом. Неудивительно, что оно пользуется столь дурной славой.

Эльрик невольно усмехнулся.

— Может быть, эта дамба ведет в Страну Цыган?

— *К смерти ведет, униженью и горю, прямо ведет к злему лорду Аррою!* — отозвался торжественно Уэлдрейк. Как случалось порой, его прихотливая память выдала подходящую случаю са-

моцитату.— ...Поднял свой меч тогда Ульрик от-
важный. Голову снес злому лорду однажды.

Даже Роза, верная поклонница поэта, не ста-
ла аплодировать, ибо сочла строки, во-первых,
не слишком удачными, а во-вторых, мало подхо-
дящими к случаю. Ее тоже поразил этот вид, где
с одной стороны бурлила и ревела река, с дру-
гой высились скалы и чернела бездна; над всем
этим, простираясь на добрую милю от утесов до
утесов, высоко над водяным туманом, тянулось
это невероятное сооружение, а вдали виднелось
озеро, сонно блестящее под солнцем. Синева
его манила, обещая покой и мир, к которым
Эльрик стремился всей душой. Однако он созна-
вал, что покой этот может оказаться иллюзор-
ным.

— Смотрите, господа! — Роза пустила лошадь
в галоп. — Там, впереди, какие-то строения. Воз-
можно, это постоялый двор.

— Самое подходящее для него место, — при-
ободрился Уэлдрейк.

Небо внезапно затянуло тяжелые тучи, солнце
сияло теперь лишь над далеким озером; из рассе-
лины доносился жуткий грохот и вой, жадный и
яростный. Трое путников натужно посмеялись
над тем, как в одно мгновение переменилось
настроение природы, и с тоской вспомнили спо-
койную, неспешную реку и золотое полей — с ка-
ким наслаждением они вернулись бы туда!

Подъехав ближе, они убедились, что это и
впрямь постоялый двор — покосившееся двухэтаж-
ное строение, украшенное странной вывеской:
дохлой вороной, прибитой к доске с надписью,

прочесть которую путешественники оказались не в состоянии.

— «Дохлая ворона», я полагаю. Весьма оригинально. Что ж, меня это вполне устраивает.— Уэлдрейк, похоже, нуждается в отдыхе куда больше своих спутников.— Подходящее место для пиратских сборищ и тайных убийств. Ваше мнение?

— Согласна.— Роза встряхивает золотистыми кудрями.— Я бы никогда и близко не подошла к такому заведению, будь у нас хоть какой-то выбор. Но выбора, собственно, нет. Посмотрим, может быть, нам удастся хотя бы узнать здесь что-то полезное.

В тени гигантской дамбы, на краю бездны, трое спутников неохотно препоручили своих лошадей замызганному, хотя на вид вполне радушному конюху и вошли внутрь. Кроме них гостеприимством «Дохлой вороны» уже наслаждались шестеро других странников.

— Приветствую вас, господа. И вас, сударыня,— обратился к ним один, приподнимая шляпу, увешанную всевозможными перьями, лентами и драгоценностями настолько, что очертания головного убора совершенно терялись под этой пестрой грудой.

Наряд остальных также отличался своеобразием: они были разодеты в кружева, атлас и бархат самых ярких расцветок и носили шляпы, шапочки и шлемы самых невероятных форм и размеров; черные волосы мужчин были напмажены, а бороды завиты, у женщин же темные локоны ниспадали на смутлые плечи. Все шесте-

ро были вооружены до зубов и явно не отличались мирным нравом.

— Издалека ли вы будете?

— Достаточно издалека и порядком устали, — отозвался Эльрик, стягивая перчатки и плащ и подсаживаясь к огню. — А вы, друзья? Откуда вы пришли?

— Ниоткуда, — ответила одна из женщин. — Мы — Странники Бесконечного Пути. Вечные путники. Такой мы дали обет. Мы идем туда, куда ведет дорога. Цыгане — наши дальние родичи. Мы — чистокровные романы, уроженцы Южной Пустыни, и наши предки бродили по свету еще до появления всех прочих народов.

— Счастлив познакомиться с вами, сударыня! — Уэлдрейк встряхнул шляпу над очагом, и огонь принялся шипеть и плеваться. — Ибо именно цыган мы и ищем.

— Искать цыган бесполезно, — заметил самый высокий мужчина, разодетый в алый и белый бархат. — Они сами придут к тебе. Нужно только ждать. Повесь табличку над своим порогом и жди. Время близится. Скоро они будут здесь. И тогда ты узришь их бредущими по Мосту Договора, где проложена наша древняя дорога. Это истинный путь цыган.

— Так мост принадлежит вам? И дорога тоже? — Уэлдрейк был озадачен. — Но как могут цыгане владеть всем этим — и оставаться цыганами?

— Я чую блевотину ума! — Одна из женщин вскочила, схватившись за кинжал. — Чую помет ученой птицы! Воняет глупыми мыслями — а здесь не место для глупых мыслей!

Эльрик поспешил разрядить обстановку, втиснувшись между ней и Уэлдрейком.

— Мы никому не желаем зла. Мы хотим торговать.— Это было первое объяснение, что пришло ему на ум. Единственное, которое могли принять эти люди.

— Торговать? — Цыгане заулыбались и зашептались между собой.— Это замечательно, господа. Страна Цыган принимает всех, кого влечет жажда странствий.

— Вы отведете нас туда?

И вновь его слова, похоже, показались им забавными, и Эльрик подумал, что, должно быть, среди обитателей этого мира мало кто высказывал желание отправиться в путь вместе с цыганами.

Что касается Розы, то ей эти шестеро головорезов были явно не по душе и идти с ними девушке не хотелось, однако желание отыскать трех сестер было слишком велико, и ради этого она была готова на все.

— Кстати, тут должны были проходить одни наши знакомые. Где-то в этих местах, не столь давно,— заметил Уэлдрейк. Как всегда, он нашелся первым.— Три молодые дамы, очень похожие внешне. Возможно, вы встречали их?

— Мы романи из Южной Пустыни и обычно не тратим время на пустую болтовню с *диддикой-имами*.

— Ха! Среди цыган тоже есть снобы! — восклицает Уэлдрейк.— Как бы многолика ни была вселенная, в ней все одинаково. Нет ничего нового, ни в одном из миров. А мы еще чему-то удивляемся...

— Сейчас не время для подобных наблюдений, мастер Уэлдрейк, — сурово замечает ему Роза.

— Для них всегда есть время, сударыня! Иначе чем мы лучше животных? — Уэлдрейк принимает оскорбленный вид. Затем подмигивает высокому цыгану и затягивает песню: — *А я с табором уйду, там ребенка заведу. Смуглый деточка — беда! Пожалеешь ты тогда...* Вам знаком этот мотивчик, друзья?

Ему не нужно много времени, чтобы окончательно очаровать цыган и заставить их расслабиться. Они рассаживаются вокруг него кружком, и он потешает их байками об удивительных племенах и народах, включая, разумеется, свой собственный; Эльрика за его необычную внешность вскоре нарекают Горностаем, и он принимает это новое прозвище, как принимает все имена, что дарят ему те, кому вид альбиноса кажется слишком непривычным или отталкивающим. Он выжидает с терпением, обретающим почти физически ощутимую плотность, словно это скорлупа, в которую он прячется от мира — чтобы заставить себя ждать.

Он знает, что ему достаточно лишь извлечь из ножен Приносящего Бурю — и минутой позже шестеро цыган, лишенные души и жизни, падут на грязный дощатый пол; но он знает также, что тогда, скорее всего, умереть придется и Розе либо Уэлдрейку, ибо его рунному мечу всегда недостаточно жизней одних только врагов. Так что он обладает властью над всеми ними, но поскольку ни одно живое существо здесь, на краю света, даже не подозревает об этом, альбинос

чуть заметно улыбается сам себе. И пусть цыгане принимают это за дружескую улыбку, пусть подшучивают над ним, мол, он такой тощий, что может слопать целый садок кроликов,— ему все безразлично.

Он Эльрик Мелнибонэйский, Владыка Руин, последний в роду, он ищетместилище души своего отца. Он мелнибонеец и черпает силу в этой нелепой гордыне, вспоминая ту прежнюю, почти чувственную радость, когда он ощущал себя высшим существом, господином над всеми тварями мира дольного и горнего, и это чувство защищает его, подобно броне, но оно же приносит боль воспоминаний. Такую пронзительную боль...

Тем временем Уэлдрейк разузнает с цыганами песню с громким и не слишком пристойным припевом. А Роза пускается в обсуждение меню с владельцем постоялого двора. Тот предлагает им кускус из кролика. Это единственное, что у него есть. Роза соглашается за всех троих, они наедаются до отвала, после чего укладываются спать на вонючем сеновале, невзирая на насекомых, ползающих повсюду в поисках поживы. Поиски насекомых не увенчаются успехом — в том, что касается альбиноса. Его кровь их не привлекает.

На следующее утро, не дожидаясь, пока проснутся остальные, Эльрик пробирается на кухню и, отыскав кувшин с водой, разводит в кружке немного драконьего яда. Проклятое зелье вновь несет смерть каждой клетке и атому его тела, и альбинос с трудом удерживается от крика — но

вскоре его силы восстанавливаются, а с ними возвращается и привычная надменность. Он чувствует, как крылья вырастают у него за спиной, готовые унести его в небо, где ждут братья-драконы. Драконья песнь рвется с его уст, но он сдерживает этот порыв. Он здесь, чтобы узнать что-то новое, а не привлекать к себе внимание. Только так он сможет отыскать душу отца.

Двое его спутников, спустившись, застают своего товарища в бодром расположении духа, смеющимся над простенькой байкой о голодном хорьке и кролике — у цыган, как видно, неисчерпаемый запас шуток подобного рода, которым они сами не устают радоваться, будто слышат в первый раз.

Эльрик пытается рассмешить их в ответ — но все его попытки вызывают лишь сдержанное недоумение, но тут вступает Уэлдрейк с целой коллекцией перлов о пастухах и овцах, и лед сломан окончательно. К тому времени, как они отправляются к дамбе над западными холмами, цыгане окончательно принимают их в свою компанию и заверяют, что Страна Цыган окажет им самый радушный прием.

— Гав-гав, ай-яй-яй, слышен там собачий лай! — заливается вовсю Уэлдрейк, размахивая кружкой портера, которую предусмотрительно прихватил с собой с постоянного двора. Едва не вываливаясь из седла, он пытается окинуть взглядом открывающуюся картину. — Сказать правду, мастер Эльрик, в Патни мне начинало порядком надоедать. Хотя мы и строили планы переехать в Барнс.

— Послушать вас, так это не самые приятные места? — Эльрик, что с ним редко бывает, от души наслаждается обычной дружеской болтовней. — Древняя магия и все такое прочее? Я немало повидал таких стран.

— Хуже, — кривится Уэлдрейк с видом крайнего отвращения. — *Они расположены к югу от реки.* Боюсь, я не сумею объяснить вам весь ужас этого факта. Сказать правду, теперь мне кажется, я слишком много писал. В Патни больше нечего делать, понимаете? Но Кризис — вот истинный исток творчества. Кризис, и только он. Переживания, смятение души... А единственное, в чем можно быть уверенным твердо, сударь, это что в Патни Кризис вас не настигнет.

Эльрик выслушивал все это с самым любезным выражением лица, как обычно слушают друга, когда тот обсуждает нечто для него особенно важное, — но даже не думал вникать в смысл, позволяя воркованию Уэлдрейка убаюкивать свою истерзанную душу. Болезненное действие яда по-прежнему ощущалось во всем теле. Но, по крайней мере, теперь, если цыгане обманут их или заманят в ловушку, он знал, что сумеет убить их без всякого труда. На репутацию этих бродяг ему было в высшей степени наплевать. Может быть, местные селяне и боятся этих головорезов, но для опытного бойца совладать с ними не стоило труда. К тому же он не сомневался, что в драке всегда сможет положиться на Розу, хотя Уэлдрейк, скорее всего, окажется обузой. Во всех движениях поэта ощущались неуверенность и неловкость. Он был из тех людей, кто — дай им в

руки меч — скорее смутит и насмешит, чем испугает противника.

Альбинос время от времени переглядывался со своими друзьями, но пока ни один из них не выказывал тревоги. Правда, общество вооруженных до зубов цыган, с их буйным и непредсказуемым нравом, едва ли способствовало душевному покою, но до сих пор те вели себя вполне смирно. К тому же, поскольку загадочные сестры отправились в Страну Цыган, самым разумным для троих искателей приключений было также отыскать туда дорогу. А для этого их нынешние спутники годились как нельзя лучше.

На глазах у Эльрика Роза, должно быть, чтобы хоть немного сбросить напряжение, пустила лошадь в галоп по узкой тропе вдоль пропасти — да так, что комья земли и камешки полетели из-под копыт во тьму, где ревела невидимая река. Цыгане радостно поспешили за ней следом, совершенно не думая об опасности, крича и вопя, словно в жизни не знали развлечения лучше, и Эльрик расхохотался, ощущая их веселье, а Уэлдрейк захлопал в ладоши и заулюлюкал, точно мальчишка в цирке. Но вскоре перед ними вырос зловонный мусорный завал, куда выше того, что альбинос видел прежде. Там, у разрытого в стене отбросов прохода, их встретили другие цыгане, сердечно приветствовавшие своих шестерых собратьев. Эльрика, Розу и Уэлдрейка они приняли с нескрываемым презрением, как и любого, кто не принадлежал к их племени.

— Они хотят присоединиться к нам, — объяснил высокий мужчина в красно-белых одеждах. —

Я им сказал, мы никогда не гоним прочь новичков.— Он прыснул от хохота, вгрызаясь в переспелый персик, преподнесенный ему кем-то из приятелей.— Совсем нечем подкормиться. Так всегда в конце сезона и в самом начале.— Он склонил голову набок.— Но время наступает. Уже скоро. Мы выйдем их встречать.

Эрику внезапно показалось, что земля дрогнула у него под ногами и где-то далеко-далеко слышался гул, подобный рокоту огромного барабана. Может, это их бог переползает вдоль дамбы из одного логова в другое? Неужели цыгане собрались принести их в жертву своему божеству? Над чем они так смеются?

— О каком времени ты говоришь?! — воскликнула Роза, приглаживая длинными пальцами непокорные кудри.

— О Времени наших Странствий,— отозвалась одна из женщин, сплевывая в пыль сливовые косточки. Затем она вскочила в седло и, первой миновав проход в завале, выбралась на выстеленную шкурами поверхность гигантской дамбы. Дорога теперь сотрясалась и вздрагивала, точно при землетрясении, и, приглядевшись, у самого горизонта на востоке Эльрик узрел какое-то движение. Шум сделался громче. Что-то страшное приближалось к ним — а они шли прямо ему навстречу.

— Боже правый! — В изумлении Уэлдрейк приподнял шляпу.— Что же это такое?

Впереди была тьма, сотканная из мерцавших теней с редкими проблесками света. Земля теперь дрожала с такой силой, что с мусорных

завалов по краям дороги осыпалась грязь и с тревожным карканьем вспархивали перепуганные птицы-падальщики. Но до тьмы еще оставалось несколько миль пути.

Цыганам зрелище это казалось столь привычным, что они не обращали на него ни малейшего внимания, однако Роза, Эльрик и Уэлдрейк были не в силах отвести глаз.

Дамба теперь уже не просто дрожала — она мерно раскачивалась у них под ногами, точно невидимая рука качала их всех в огромной колыбели, а тень на горизонте выросла, затмив дорогу от края до края.

— Мы — вольный народ! Мы идем по дороге, и у нас нет хозяев! — во весь голос прокричала какая-то женщина.

— Ура! Ура! — заливается Уэлдрейк. — Ура вольной дороге! — Но голос его прерывается, когда они подъезжают ближе и видят, что именно надвигается на них — первое среди многих.

Оно подобно кораблю, но это не корабль. Это гигантская деревянная платформа шириной с добрую деревню, которая катится вперед на неимоверной величины деревянных колесах. По нижнему краю ее окружает непроницаемый кожаный полог, по верхнему идет частокол, а над ним возвышаются крыши домов и шпили — там, похоже, скрывается целый город, и все это движется, движется на исполинской платформе.

Одной из многих и многих сотен.

За первой платформой следует вторая, которая также несет на себе селение, со своими зданиями, своими флагами. За ней — другая. Вся

дамба запружена платформами, которые, скрипя и гудя, мерно движутся вперед черепашьям шагом, сбрасывают на землю мусор и грязь и еще больше утрамбовывают и без того ровную дорогу.

— Бог мой,— шепчет Уэлдрейк.— Кошмар, достойный кисти Брейгеля! Так Блейк мог бы представить Апокалипсис!

— Действительно, впечатляющее зрелище.— Роза потуже затягивает пояс и хмурится.— И впрямь нация кочевников!

— Насколько я могу судить, вы вполне самодостаточны,— обращается Уэлдрейк к одному из цыган. Тот с важностью кивает.— Но сколько же таких городов-кораблей плывут по этому пути?

Цыган трясет головой и пожимает плечами. Откуда ему знать!

— Тысячи две,— предполагает он.— Но не все идут так быстро, как эти. За ними следом идут города Второго Времени. А за теми — Третьего.

— А потом Четвертого?

— У нас нет четвертого времени года. Его мы оставляем вам.— Цыган смеется над ним, словно над слабоумным.— Иначе откуда бы нам брать зерно?

Эльрик слышит крики и гам на огромных платформах, смотрит на людей, что выглядывают из-за ограды, приветствуя друг друга. До него доносится шум самого обычного города, самые обычные городские запахи, и он поражается этим устройствам из дерева с заклепками и скрепами из стали, бронзы или меди, из дерева столь древнего, что твердостью сравнялось с

камнем, с колесами столь огромными, что могли бы раздавить человека с той же легкостью, как садовая тачка — муравья. Он видит белье, сохнущее на веревках, вывески ремесленников и торговцев. А платформы уже совсем рядом — и вскоре ему приходится задирать голову, чтобы взглянуть на промасленные оси древних, окочеванных металлом колес, каждая спица которых была высотой едва ли не с башню Имррира... и повсюду этот запах... запах жизни во всем ее разнообразии. Высоко над ними гогочут гуси, псы встают у частокола на задние лапы и рычат и лают, просто потому что им нравится рычать и лаять, а дети укрдкой выглядывают вниз и пытаются плюнуть чужакам на голову, выкрикивая нелепые детские дразнилки, пока их не уведут родители, отпускающие пренебрежительные замечания по поводу странной внешности троих спутников, чье появление цыган, похоже, отнюдь не доставляет удовольствия.

Повсюду теперь скрипят колеса, а за ними на дорогу валятся все новые и новые груды отбросов; вслед за платформами идут мужчины, женщины и дети с метлами, они сметают мусор в кучи, распугивая пожирателей падали, поднимая тучи пыли и мух, а порой останавливаются и падают на колени, выискивая в отбросах какой-то лакомый кусочек.

— Вот уж, право, поразительное сборище! — Закашлявшись, мастер Уэлдрейк вытаскивает из кармана огромный красный носовой платок и прикрывает им лицо. — Скажите, сударь, куда ведет эта дорога?

— Куда она ведет? — Цыган недоуменно качает головой. — Повсюду и никуда. Это наша дорога. Дорога Вольных Странников. Она ведет сама за собой, поэт. Она опоясывает мир!

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

О путешествии с цыганами. Необычный спор о природе свободы

П

ройдя немного дальше, Эльрик и его спутники с удивлением заметили огромную толпу, следовавшую за первой шеренгой селений на платформах. Здесь были мужчины, женщины, дети, старики и младенцы, богачи и нищие; они болтали, смеялись и играли на ходу; одни с беззаботным видом шагали за грохочущими колесами, не сводя с них глаз, дру-

гие шли в унынии, рвали на себе волосы и заливались слезами; за ними бежали собаки и прочие домашние животные — так что все это напоминало толпу паломников. Шестеро цыган давно уже ускакали вперед, позабыв о тех, кого привели с собой.

Склонившись с седла, Уэлдрейк обратился к добродушного вида матроне, из тех, что частенько привечали маленького поэта. Он галантно снял шляпу, встряхнул рыжим чубом, круглые петушиные глазки его засверкали.

— Простите, что помешал вам, сударыня. Но мы прибыли сюда совсем недавно. Не подскажите ли, как нам отыскать представителей властей...

— Какие могут быть власти в Стране Цыган, птенчик? — Она засмеялась нелепости вопроса. — Мы здесь все свободные люди. Правда, у нас есть совет, но он соберется еще невесть когда. Так что, если хотите к нам присоединиться, просто отыщите селение, которое пожелает вас принять. Иначе придется топтать пешком. — Она ткнула пальцем назад, не замедляя шага. — Ищите лучше подальше. В первых рядах едут самые чистоплюи. Цыгане в сотом колене. Они новичков не любят. А дальше смотрите — может, вам и повезет.

— Благодарю вас, сударыня.

— Всаднику везде рады, — отозвалась она, похоже, цитируя местную поговорку. — Самые свободные из цыган те, у кого есть лошадь.

Пробираясь сквозь толпу, запрудившую дорогу от одного завала до другого, Эльрик, Уэлдрейк и Роза направились в хвост колонны. Они то и

дело приветствовали кого-то, другие приветствовали их. В воздухе пахло праздником, до путников доносились обрывки песен и смеха, звуки скрипки и даже органа. Но чаще всего звучала одна и та же песня:

Дали мы обет цыган,
Приняли закон цыган,
Смерть всем тем, кто против нас!
Смерть всем тем, кто против нас!

Песня не понравилась Уэлдрейку по соображениям как морально-этического характера, так и эстетического и даже ритмического.

— Я ничего не имею против примитивизма, друг Эльрик, но примитивизма более утонченного. А тут обычная ксенофобия. Едва ли это достойный гимн для великого народа...

...Однако Розе он пришелся по душе.

Эльрик не прислушивался к их спору. Вскинув голову на драконий манер, чтобы понюхать воздух, он вдруг заметил, как из-под колес одной платформы выскочил мальчишка и сломя голову устремился к краю дороги. На руках и на ногах у него были привязаны дощечки — вероятно, чтобы помочь взобраться по грудам отбросов, — но они только мешали ему.

Ребенок вопил во весь голос от страха, но толпа с песнями шла мимо, словно ничего не замечая. Мальчик попытался спуститься обратно на дорогу, но дощечки окончательно увязли в грязи. И вновь его жалобный крик разнесся над победным пением цыган. Как вдруг из ниоткуда вылетела оперенная черным стрела и впилась ему

в горло, заставив беглеца умолкнуть. Кровь струилась у него изо рта. Мальчик умирал. Ни одна живая душа даже не взглянула в его сторону.

Роза направила коня к мусорному завалу, расталкивая толпу. Она проклинала цыган за их равнодушие, еще надеясь успеть на помощь мальчугану, который бился в агонии, все глубже зарываясь в гниющие отбросы. К тому времени, как Роза, Эльрик и Уэлдрейк пробрались к нему, ребенок был уже мертв. Но стоило альбиносу потянуться к нему, еще одна стрела с черным оперением вонзилась мальчику прямо в сердце.

Мелнибонзец в бешенстве оглянулся, и лишь совместными усилиями Розе с Уэлдрейком удалось удержать его от немедленной расправы с неведомым обидчиком.

— Подлая трусость! Подлая трусость!

— Возможно, малец был повинен в еще худшем преступлении, — резонно заметила Роза. Потянувшись к Эльрику, она взяла его за руку. — Наберись терпения, альбинос. Мы здесь для того, чтобы узнать об этих людях как можно больше, а не для того, чтобы бросать вызов их обычаям.

Эльрик согласно кивнул. Он был свидетелем куда более жестоких деяний у себя на родине и прекрасно знал, что то, что одним кажется отвратительнейшей пыткой, другим может представляться воплощением справедливости. Так что он взял себя в руки, но отныне взирал на толпу недоверчиво и с опаской. А впереди уже виднелся новый ряд платформ, двигавшихся вперед нестерпимо медленно, не быстрее старушечьего шага, с ужасающим скрежетом и скрипом, метя землю

кожаными юбками-пологами, точно вдовствующие герцогини на вечерней прогулке.

— Что за колдовство приводит в движение эти селения? — прошептала Роза в полном недоумении. — И как же нам попасть в одно из них? Эти люди не слишком болтливы. Они словно бо-
ятся чего-то.

— Несомненно, — согласился Эльрик, оглядываясь на труп мальчика у обочины.

— Свободное общество, такое, как это, не платит налогов, а значит, не может нанять хранителей порядка — стало быть, родовой уклад и кровная месть становятся основными орудиями правосудия и закона, — заметил опечаленный Уэлдрейк. — Это единственный путь. Полагаю, мальчик поплатился за неподобающее поведение кого-то из родни или за свой собственный проступок. *«Кровь за кровь! — проревел Царь Песков. — Глаз за глаз будь отдать ты готов! Только солнце взойдет над Караком, знайте все: он умрет, как собака!»* Нет, нет, это не мое! — воскликнул он поспешно. — Но среди жителей Патни эти стихи пользовались большой любовью. Мне говорили, их автор некто О'Крук, популярный актер пантомимы...

Похоже, маленький поэт, как обычно, бормотал невзвешенно, просто чтобы отвлечься, а потому Роза с Эльриком не обратили на его болтовню внимания. Девушка окликнула ближайшую к ним платформу, и шуршащий кожаный полог разошелся, давая дорогу мужчине в костюме из ярко-зеленого бархата с алой оторочкой, с золотым кольцом в ухе и золотыми цепями на шее, запястьях и на поясе. Он окинул путников оценивающим

взглядом черных глаз, помотал головой и вновь скользнул под полог. Уэлдрейк вознамерился было последовать за ним, но в последний миг заколебался.

— Интересно, что в нас его не устроило?

— Узнаем методом проб и ошибок,— отозвалась Роза. Откинув волосы с лица, она размяла свои сильные пальцы и натянула поводья. На следующей платформе им так же кратко и без объяснений отказала женщина в красном чепце, на мгновение выглянувшая из-за частокола. И дальше отказ следовал за отказом. Цыгана в крашеном кожаном жилете, казалось, больше заинтересовали лошади, чем всадники, но и он в конце концов отрицательно махнул рукой. Эльрик пробормотал сквозь зубы, что с него довольно унижений и он, пожалуй, попробует отыскать иной способ достичь желаемого.

У следующего селения их встретил дородный пожилой цыган с повязкой на голове, в расшитой рубаше и черных бархатных штанах, заправленных в белые гетры.

— Лошадки нам бы не помешали,— заявил он.— Но вы трое, похоже, из умников. А нам в деревне таких не надо. От вашего брата одни только неприятности. Так что ступайте с миром.

Уэлдрейк засмеялся.

— Похоже, здесь не оценили ни нашу красоту, ни мозги — только лошадей, да и тех не очень высоко.

— Терпение,— призвала его помрачневшая Роза.— Нам необходимо отыскать сестер. И сдается мне, селение, которое их приняло к себе, будет очень похоже на то, что примет нас.

Альбиносу ее логика показалась не слишком убедительной, и все же это была хоть какая-то логика, тогда как ему самому было нечего предложить взамен.

Еще на пять платформ обращались путники, и еще пять раз слышали отказ, и наконец с шестой, которая им показалась размерами чуть меньше прочих, но более ухоженной, соскочил высокий тощий мужчина. Изящный праздничный костюм выдавал в нем любителя всяческих удовольствий, хотя строгие, почти суровые черты лица противоречили этому впечатлению; голубые глаза искрились живостью и весельем.

— Доброго вам вечера, почтенные господа,— приветствовал он их музыкальным, слегка манерным голосом.— Меня зовут Амарин Гудул. Есть ли у вас что-нибудь интересенькое? Вы, часом, не художники? Или, может быть, хорошие рассказчики? Или с вами самими происходило что-то забавное? Видите ли, мы здесь, в Троллоне, отчаянно скучаем.

— Мое имя Уэлдрейк, я поэт.— Рыжий петушок горделиво выступил вперед, совершенно позабыв про своих спутников.— Я писал стихи для королей, герцогинь и престолоудингов. Мои поэмы публиковались многие века, и своему призванию я следовал во многих воплощениях. Мне дарована легкость ритма, сударь, коей многие завидуют... равные мне и даже лучшие, чем я, поэты. К тому же, скажу я вам, у меня есть дар стихотворной импровизации. Вот, послушайте, например... *В Троллоне, медленном и плавном, жил Амарин Гудул всеславный. Был меж друзьями знаменит он тем, что...*

— Меня называют Розой, — бесцеремонно прервала рифмоплета девушка. — Я странствую в поисках отмищения и побывала во множестве миров.

— Ага! — вскричал Амарин Гудул. — Так выплыли по мегапотоку! Пересекали незримые границы множественной вселенной! А что же вы, сударь? Вы, наш бледный друг? Каким даром обладаете вы?

— На родине, в моем скромном тихом городке, меня считали философом, — отозвался Эльрик учтиво.

— Неплохо, сударь. Полагаю, вы не оказались бы в столь изысканном обществе, если бы не были интересным человеком. Должно быть, ваша философия весьма своеобразна?

— Боюсь, она вполне обычна.

— Ничего, сударь. Ничего. Зато у вас есть лошадь. Входите, прошу вас. Добро пожаловать в Троллон. Полагаю, вам у нас понравится, вы найдете здесь не одну родственную душу. Признаться, мы в Троллоне все немного со странностями! — Он вскинул голову и дружелюбно заржал.

Откинув кожаный полог, он провел странников вперед, и они оказались в непроглядной тьме, которую не под силу было разогнать тусклым фонарям. В их свете они сперва не могли различить ничего, кроме туманных очертаний. Но вот постепенно из мрака проступили детали конструкции, и путешественникам показалось, что они попали в огромную конюшню, где стояла шли рядами, уходя в бесконечность. Здесь пахло лошадьми и людским потом, и, проходя по центральной галерее, Эльрик заглянул в один из рядов. Увиденное потрясло его. Мужчины, женщины

и дети, обнаженные до пояса, обливаясь потом, изо всех сил налегали на балки, доходившие им до груди, приводя таким образом в движение все исполинское сооружение. Чуть дальше рядами брели, упираясь копытами, лошади, также вносившие свою лепту в общее дело с помощью грубых канатов, привязанных к потолочным балкам.

— Оставьте коней вон тому пареньку. — Амарин Гудул ткнул пальцем в тощего оборванного подростка. Подбежав к ним, тот немедленно протянул руку и, получив монетку за труды, радостно улыбнулся путникам. — Вы получите за них расписку и все прочее. Достаточно кредиток, чтобы ближайшие пару сезонов жить спокойно. А если повезет и хорошо устроитесь — то и навсегда. Берите пример с меня! Хотя, конечно, — он понизил голос, ступая на ведущую вверх деревянную лестницу, — у вас будут и другие обязанности.

Бесконечно завивавшаяся вокруг самой себя винтовая лестница вывела их на поверхность, и друзья оказались в ничем не примечательном переулке. Редкие прохожие и зеваки в окнах косились на них без особого интереса, не прекращая болтать между собой. Тем разительнее был контраст между этой потрясающе обыденной сценой и тем, что видели они внизу.

— Скажите, сударь, эти люди, там внизу, они что — рабы? — спросил Гудула Уэлдрейк.

— Рабы? Да ни в коем случае! Это вольные цыгане, как вы и я. Так же вольны бродить по великому Пути, что опоясывает мир, и вдыхать воздух свободы. Просто сейчас их очередь толкать платформу... как рано или поздно приходит

черед каждого из нас. Они исполняют свой гражданский долг, сударь.

— А если они не пожелают его исполнять?— негромко поинтересовался Эльрик.

— Ага, сударь, теперь я и впрямь вижу, что вы философ. Но, боюсь, подобные сложности вне моего разума. Хотя в Троллоне найдется немало любителей обсудить с вами столь возвышенные идеи.— Он одобрительно потрепал мелнибонэйца по плечу.— Право, я больше чем уверен, многие мои друзья будут счастливы свести с вами знакомство.

— Цветущий городок этот ваш Троллон,— заметила Роза, глядя сквозь просвет между домами на соседние неторопливые платформы.

— Да, сударыня, мы стараемся держаться на достойном уровне. А сейчас прошу меня извинить — я должен заняться вашими лошадьми.

— Думаю, едва ли мы станем вам их продавать,— заметил Эльрик.— Мы здесь ненадолго и скоро вновь отправимся в путь.

— Разумеется, сударь, как же иначе. Страсть к путешествиям у нас в крови. На то мы и цыгане! Но тем временем ваши лошадки должны работать. Иначе,— он коротко хохотнул,— мы далеко не уедем, правда?

Альбинос вознамерился было ответить, но Роза взглядом велела ему замолчать. Однако тревога об отце не давала ему покоя, и Эльрик чувствовал, что терпению его подходит конец.

— Мы весьма признательны за ваше гостеприимство,— дипломатично заметила Роза.— Скажите, а кроме нас за последние дни в Троллоне больше никого не принимали?

— Вы ищете друзей, сударыня?

— Да, трех сестер,— отозвался Уэлдрейк.

— Сестер? — Гудул покачал головой.— Увы, нет. Но я поинтересуюсь в соседних селениях. А пока, если вы голодны, я с удовольствием одолжу вам пару кредиток. У нас в Троллоне есть прекрасные харчевни.

Городок был небедным, это бросалось в глаза. Свежая краска, блестящие стекла, чистые, аккуратные улочки — такое нечасто увидишь.

— Всю грязь и черновую работу, похоже, они оставили внизу,— прошептал Уэлдрейк.— Буду рад как можно скорее оставить это место, друг Эльрик.

— Это может оказаться не так-то просто.— Роза огляделась, чтобы убедиться, что их не подслушивают.— Они что, хотят сделать из нас рабов, как из тех бедняг?

— Не думаю, чтобы таковы были их намерения в ближайшее время,— ответил Эльрик.— Однако очевидно, что в нас их привлек не только ум, но и физическая сила... и лошади, разумеется. Однако лично я не собираюсь задерживаться здесь ни секундой дольше, чем потребуется, как только выясню все, что хотел. У меня время на исходе.— К мелнибонэйцу возвращалась его былая гордыня. И нетерпение.

Он пытался приглушить их, ибо знал, что они являются симптомами болезни, каковая и привела к его нынешнему бедственному положению. Он ненавидел свою кровь, свое колдовство и рунный меч, от которого так зависел. Так что когда Амарин Гудул привел их на площадь (самую настоящую городскую площадь, с лавками, магазинами и

общественными заведениями), куда уже вышли их встречать местные жители, Эльрик внутри весь кипел, хотя и прекрасно сознавал, что сейчас пришло время лжи, лицемерия и притворства, а отнюдь не грубой силы. Он даже заставил себя улыбнуться, но его улыбка ни в ком не вызвала ответного веселья.

— Пививетствую, пививетствую вас! — Навстречу им выскочило странное создание в зеленом, с торчащей вперед реденькой бородкой и в огромной шляпе, в которой сам владелец мог бы спрятаться без труда. — От имени всех тволлонцев, добво пожаловать, двузья! Пвоще гововья, считайте, что все мы здесь бватья и сествы! Меня зовут Фиплигвип Нант, я заведу театвом... — После чего человечек принялся представлять их разношерстной толпе людей с самыми диковинными именами, странной манерой речи и в необычайных одеяниях, чей вид, казалось, наполнил Уэлдрейка ужасом узнавания.

— Такое впечатление, что я на заседании Общества Изящных Искусств в Патни, — пробормотал он, — или, хуже того, на коллегии Поэтоведов в Сурбитоне... увы, мне довелось, пусть и против воли, побывать и там, и там, и на некоторых других собраниях. В Икли, помнится, было хуже всего... — И он погрузился в безрадостные воспоминания, с улыбкой, ничуть не убедительнее эльриковой, претерпевая бесконечную церемонию представлений, расспросов и восторгов, но наконец не выдержал, вскинул голову к затянутым тучами небесам и принялся декламировать что-то мрачно-торжественное, как нельзя боль-

ше подходящее к случаю. Маленького поэта мгновенно окружила толпа в зеленом, черном и бордовом бархате, в шуршащих кружевах и шелестящем шелке, благоухающая ароматами сотен садовых цветов и трав — словом, цыганские интеллектуалы. И унесла его прочь.

Розе с Эльриком также досталась своя доля временных поклонников. Очевидно, они оказались в богатом поселении, где отчаянно не хватало новизны.

— Мы здесь, в Троллоне, истинные космополиты. Подобно большинству городов *диддикойим* (ха-ха!) здесь собрались одни только пришлые. Я и сам родом не отсюда. Из другого мира, знаете ли. *Хиишигровинааз* он назывался, может, слышали? — Женщина средних лет в изысканном парике, непомерно накрашенная, ухватила Эльрика за руку. — Меня зовут Парафа Фоз. А мужа моего, разумеется, Баррабан Фоз. Ну не скучотища ли?

— У меня такое ощущение, — пробормотала вполголоса Роза, также осаждаемая восторженными поклонниками, — что это испытание станет для нас самым тяжелым...

Но Эльрику показалось, что происходящее ее немало забавляет. И особенно ее насмешило выражение лица самого альбиноса.

И он с утонченной иронией склонился перед неизбежным.

Им пришлось пройти через бесконечную череду ритуалов, смысл которых полностью ускользал от Эльрика, однако Уэлдрейку они, похоже, были более чем знакомы, да и Роза отнюдь не выказывала недоумения.

Гостей потчевали самыми разнообразными яствами, произносили в их честь речи и здравицы, заставляли смотреть какие-то представления, организовали экскурсию по самым старым и удивительным кварталам городка, прочитали им целую лекцию о его архитектуре и столь замечательно восстановленных домах — пока Эльрик, предававшийся все это время самым мрачным раздумьям, не принялся мечтать про себя, чтобы все эти люди обратились в нечто такое, с чем ему куда проще было бы иметь дело... пусть даже в зловонных, сочащихся ядом порождений Хаоса или каких-нибудь безумных полубогов. Желание обнажить меч сделалось нестерпимым — лишь бы прекратить эту глупую болтовню. Разговоры этих людей представляли собой чудовищную смесь предрассудков, невежества, снобизма и предвзятости. Зато каждый из них выступал так уверенно, громогласно, совершенно убежденный в своей абсолютной правоте, неуязвимости и полной власти над происходящим, что оставалось лишь диву даваться...

И все это время альбиносу не давала покоя мысль о беднягах, что томились внизу, налегая всем телом на неподъемные брусья, дабы этот проклятый городишко мог продолжать свой путь в никуда, бок о бок с остальными.

Тем временем Уэлдрейка уволокли, словно почетный трофей, на какой-то торжественный обед, и Эльрик, который не привык добывать нужные сведения окольными способами, предпочитая им обычные пытки, окончательно ушел в себя, предоставил Розе самой визнавать у обитателей платформы все, что ей удастся.

Наконец они остались одни. Их поместили в гостинице — как уверили путешественников, лучшей в городе, — пообещав на завтра показать свободные дома, чтобы они могли подобрать что-то подходящее для жилья. Роза была явно довольна собой.

— Похоже, первый день мы пережили успешно, — заявила она, присев на низкий комод, чтобы снять сапоги из оленьей кожи. — Они убедились, что мы представляем собой некоторую ценность, и оставили нам жизнь, относительную свободу и, что особенно важно, как мне теперь кажется, наше оружие...

— Так значит, вы тоже считаете, что им нельзя доверять? — поинтересовался альбинос у Розы. Та тряхнула золотисто-рыжими волосами, скинула коричневую кожаную куртку и осталась в темно-желтой блузе. — Мне никогда прежде не доводилось встречать таких людей.

— Если не считать того, что они собрались здесь со всех концов вселенной, у них много общего с теми, кого я знала много лет назад. А бедняга Уэлдрейк общался с подобными же созданиями еще совсем недавно... и, похоже, надеялся никогда больше их не встретить. Увы ему! Но, главное, сестры попали сюда на неделю прежде нас. Мне об этом сказала одна женщина, у которой есть подружка в другом селении. Похоже, сестер принял один из первых городов.

— И мы сможем их там отыскать? — Облегчение, которое испытал Эльрик, было столь велико, что он лишь сейчас осознал всю глубину своего недавнего отчаяния.

— Все не так просто. Чтобы попасть в другой город, нужно приглашение. А чтобы его получить, нам придется потрудиться. Кстати, оказывается, и Гайнор тоже здесь. Но он почти сразу исчез, и никто не знает, где он.

— Но он еще тут, в Стране Цыган?

— О да, покинуть ее нелегко, даже таким, как Гайнор,— с горечью отозвалась Роза.

— Это запрещено?

— Конечно нет.— Роза саркастически усмехнулась.— В Стране Цыган нет запретов. Единственное, что запрещено,— это любые новшества и перемены!

— Так за что же они убили мальчишку?

— Они заявили, что ничего об этом не знают. Что нам, скорее всего, померещилось. Для них неприлично даже просто смотреть в сторону мусорных завалов... там копошатся такие гадкие твари!.. Ха! В общем, по их словам, никакого мальчишку никто не убивал.

— Однако он явно пытался бежать. Мы видели. Но что же его так напугало, как вы думаете, сударыня?

— Нам этого никто не скажет, принц Эльрик. Говорить о таких вещах здесь считается дурным тоном. Это, вообще, насколько я могу судить, свойственно любому обществу, которое накладывает систему запретов на все то, что составляет глубинную основу его существования. Поразительно, как страх перед реальностью сковывает дух человеческий!

— Боюсь, в настоящий момент я едва ли способен обсуждать подобные вопросы, сударыня,—

сухо отозвался Эльрик. После всей болтовни, которую ему пришлось выслушать за этот день, даже размышления Розы показались ему невыносимы. — По-моему, нам следует оставить этот Троллон и двинуться назад, к тому городу, куда поднялись наши сестры. Вам сказали, как он называется?

— Дунтроллин. Странно, что они вообще приняли сестер. Насколько я могла понять, это платформа некоего воинского ордена, призванного защищать дорогу и путников на ней. Вся Страна Цыган, похоже, состоит из сотен и тысяч таких единиц, у каждой из которых свое собственное назначение. Этакая мечта демократического совершенства!

— Если не считать тех несчастных, внизу, — хмуро отозвался Эльрик, которому не давала покоя мысль об истощенных мужчинах, женщинах и детях, продолжавших толкать платформу даже сейчас, когда сам он предавался блаженному отдыху.

Ему плохо спалось этой ночью, хотя привычные кошмары и не тревожили его. И он был благодарен даже за эту небольшую милость.

На завтрак трое друзей собрались в общем зале, где не было видно ни одного бедняка и даже на стол подавали румяные девицы в красочных крестьянских нарядах, по лицам которых видно было, что работа для них скорее игра или удовольствие, а не тяжкая повинность. Теперь пришел черед Уэлдрейка поделиться со спутниками тем немногим, что удалось выведать накануне.

— Похоже, они вообще никогда не останавливаются, — сказал он. — Сама мысль об этом для них омерзительна. У них бытует поверье, что

стоит им хоть на миг задержаться, и весь мир провалится в тартарары. Поэтому платформы продолжают двигаться во что бы то ни стало. Отчасти их тянут лошади. Отчасти — бродяги, преступники и всевозможные правонарушители, из той толпы, что бредет следом за городами. Что касается пеших, это самые обычные обыватели, изгнанные из селений за какую-то провинность. У них еще есть шанс вернуться наверх, и они за него цепляются с отчаянием обреченных, больше всего опасаясь оказаться *под* платформой. Собственно, такой судьбы здесь боятся все до единого... Постоянное движение вперед является краеугольным камнем всей их морали и законов. Насколько я могу понять, мальчик не захотел больше идти. А правило здесь простое: Иди или Умри. И Всегда Иди Вперед. Мне довелось жить в эпоху Глорианы, Виктории и Елизаветы, но никогда прежде я не встречал столь поразительно-го и своеобразного лицемерия.

— И никаких исключений? Все должны двигаться? — спросила Роза.

— Никаких исключений. — Уэлдрейк положил на тарелку мяса и сыра. — Однако, должен сказать, кухня здесь превосходная. Когда приходится все время путешествовать, привыкаешь ценить подобные вещи. Доведись вам, к примеру, оказаться в Райпоне — если вы не любитель пирогов, вы бы просто умерли с голоду. — Он налил себе светлого пива. — Таким образом, сестер мы отыскали. И, возможно, с ними Гайнор. Так что теперь, полагаю, нам осталось раздобыть приглашение в Дунтроллин. Кстати, как вы думаете, почему

они не попросили нас сдать оружие? Насколько я видел, тут никто не носит мечей.

— Думаю, они помогут нам продержаться сезон-другой наверху, — с усмешкой отозвался Эльрик, который успел уже задуматься над этим вопросом. — Им незачем отбирать у нас оружие — они уверены, что и без того его скоро получат... в обмен на крышу над головой, пищу... или что там еще обычно люди предпочитают свободе... — И альбинос принялся жевать сухой хлеб, погрузившись в невеселые воспоминания.

Так на жестокости стоит тирана Трон,
Так держит немощная вера Альбион, —

затянул заунывным голосом маленький поэт, пришедший в печальное расположение духа.

— Ну почему роскошь одних всегда держится на страданиях других? Есть ли где-нибудь мир, где все были бы равны?

— О да, — отозвалась Роза неожиданно горько. — Такой мир есть. Тот, откуда я родом! — Но тут же замолкла, словно устыдившись собственной горячности, и уставилась в тарелку с кашей, оставив своих спутников в полном недоумении.

— И все же не могу понять, почему нам не позволено покинуть этот рай? — удивился мелнибонзец. — Как цыгане оправдывают эти строгости?

— Тысячами совершенно однообразных доводов, я уверен, друг Эльрик. Причем не выходящих за пределы логического круга. И вполне самодостаточных. Странствуя по вселенной, волей-неволей приучаешься во всем видеть метафоры.

— Согласен, мастер Уэлдрейк. Но, возможно, лишь таким образом нам суждено что-то понять в собственном существовании.

— Истинно так, сударь. Не стану спорить.

Теперь пришел черед Розы вполголоса напомнить Уэлдрейку, что они собрались здесь не философствовать, а найти способ добраться до трех сестер, которые владели некими весьма ценными предметами или хотя бы указанием на то, где сии предметы искать. Уэлдрейк, признавая за собой слабость увлекаться отвлеченными спорами, поспешил извиниться. Но друзьям не удалось продолжить эту тему и принять хоть сколько-нибудь конкретный план действий.

Двери гостиницы распахнулись, и на пороге возникла монументальная фигура в пышном шелковом одеянии и необъятном парике. Это был мужчина, так умело накрашенный, что макияжу его позавидовала бы и джаркорская наложница.

— Простите, что прервал ваш завтрак. Вайладез Ренч, к вашим услугам, господа. Я пришел предложить вам помощь с жильем, чтобы наши гости поскорее смогли почувствовать себя как дома в нашем славном городке. Уверен, вы не откажетесь взглянуть...

У друзей не было иного выбора, к тому же они не желали возбуждать подозрений, а потому покорно поплелись вслед за Вайладезом Ренчем по чистеньким, прилизанным улочкам живописного селения. А Страна Цыган все так же катилась пядь за пядью по веками утоптанной дороге в своем неукротимом порыве. Извечно возвращаясь все в ту же точку прибытия и отправления.

Они осмотрели дом на краю платформы, с видом на пешую толпу и соседние платформы. Осмотрели апартаменты в полуразрушенных зданиях и в бывших лавках и складах. Все это время речь Вайладеза Ренча, подобно туго закрученной фуге, вращалась вокруг единственной темы Собственности, ее стоимости и престижа. И, слушая его, друзья даже не заметили, как оказались перед крохотным домишком с садом, стенами, заросшими ползучими розами с крупными золотистыми и пурпурными цветками, окнами с кружевными занавесочками... и над всем этим витал столь сладостный и свежий аромат трав, что Роза невольно всплеснула руками от восторга. Искушение было слишком велико. Должно быть, в глубине души она жаждала обычного покоя и уюта, что так щедро обещал этот домик с острой черепичной крышей над черными балками. Эльрик видел, как на миг она изменилась в лице.

— Милый домишко, — заметила она. — Может быть, мы могли бы поселиться здесь все вместе?

— О да. Здесь живет одна семья. И немаленькая. Но у них свои проблемы, им придется уехать. — Вайладез Ренч вздохнул, затем с ухмылкой погрозил ей пальцем: — А вы выбрали самый дорогой. У вас есть вкус, сударыня!

Уэлдрейк, сразу невзлюбивший этого Поборника Собственности, нелюбезно пробурчал что-то себе под нос, но на него, по разным причинам, никто не обратил внимания. Поэт сунул нос в пионовый куст.

— Это от них здесь так пахнет?

Вайладез Ренч постучался в дверь, которую, как ни старался, не сумел открыть.

— Им уже выдали все бумаги. Они должны были уехать. Там в семье стряслось какое-то несчастье... Ладно, полагаю, нам следует проявить милосердие и возблагодарить звезды за то, что судьба пока была к нам добра. Нет хуже участи, чем быть обреченными вечно идти пешком или, того хуже...

Дверь внезапно распахнулась настежь — и перед ними оказался растрепанный, круглоглазый, краснощекий субъект, тощий и высокий, хотя и чуть ниже Эльрика, с пером в одной руке и чернильницей в другой.

— Сударь! Сударь! Прошу вас! Я сейчас пишу одному нашему родственнику. Он немедленно вышлет нам денег. Но вы же знаете, как медленно идет почта между платформами... — Он почесал пером немытые волосы, и струйка зеленых чернил потекла по лбу, придавая ему вид изготавившегося к драке дикаря. Цепкие глаза его перебежали с одного лица на другое. Он взмолился: — Поймите, такие уж у меня клиенты. Мертвые денег не платят. И те, кто разочаровался, тоже. Я ясновидящий. Таково мое призвание. Матушка моя тоже ясновидящая, и все братья и сестры, и, главное, мой сын Коропит. Наш дядюшка Гретт был славен по всей Стране Цыган и за ее пределами. Но еще более славен был наш род до своего падения...

— Падения, сударь? — переспросил заинтересованно Уэлдрейк, мгновенно восплававший симпатией к незнакомцу. — Вы говорите о долгах?

— Долги, сударь мой, преследуют нас по всей вселенной. Это постоянная величина. Для нас, во всяком случае, постоянная. Но я говорю о том, как род наш попал в немилость к правителю земель, где мы так надеялись обосноваться. Салгарафад назывался этот мир, давно забытый и заброшенный Старым Садовником. Но Смерть вызвали не мы, сударь! Нет. Мы друзья со Смертью, но мы ей не служим. А правитель заявил, будто мы накликали чуму тем, что предсказали ее. И нам пришлось бежать. Политика, мне кажется, сплошная политика. Без нее не обошлось. Но нам запретили отныне общаться с рулевыми, не говоря уже о владыках Высших Миров, коим наша семья усердно служит, пусть и на свой лад.

Завершив таким образом речь, человек глубоко вздохнул, упираясь измазанным чернилами кулаком в правый бок; руку с чернильницей он прижал к груди.

— А деньги скоро придут. Уверю вас.

— Тогда мы не преминем отыскать вас, сударь, и вы сможете вернуться в город. Может быть, разве что поселитесь в другом доме. Но, напомню, в обмен на кредитки именно ваша сестра и дядя должны были оказывать обществу определенные услуги — а они здесь больше не проживают.

— Так вы же отправили их вниз! Толкать платформу! — воскликнул несчастный. — Признайтесь!

— Я об этом ничего не знаю. Эта собственность, сударь, вам больше не принадлежит. Вот новые жилыцы...

— Нет! — восклицает на это Роза. — Нет. Я не желаю, чтобы из-за нас этого человека с семьей выселяли из дома!

— Эмоции! Глупые эмоции! — Вайладез Ренч взвыл от хохота, оскорбительного и безжалостного. — Сударыня, дорогая, это семейство снимало дом не по средствам. А вам он по средствам! Это простое, естественное правило, сударь. Так устроен мир. — Последние его слова были обращены к несчастному должнику. — Впустите нас, сударь. Впустите! На нашей стороне вековой традицией освященное Право Осмотра! — С этими словами он отодвинул в сторону опешившего письмописца и поволок вслед за собой ошарашенную троицу. Они оказались в темном коридоре, ведущем на лестницу. С площадки на них с любопытством уставились блестящие, круглые, как у ласки, глаза. Они вошли в просторную неприбранную комнату, где среди обшарпанной мебели и растрепанных манускриптов в кресле-каталке из слоновой кости и кабаньего дерева ютилась крохотная, сморщенная фигурка. Одни только глаза казались живыми — черные, пронзительные, но на первый взгляд без проблеска разума.

— Матушка! Они явились! — возопил изгоняемый жилец. — О, сударь, как безжалостно вы следуете долгу! Неужто вам не жаль эту старую женщину? Как она может идти пешком? Как она двинется с места?

— Толкайте ее, мастер Фаллогард! Катите — как катятся наши платформы. Вперед, только вперед. К лучшему будущему, мастер Фаллогард. Мы все к этому стремимся, вы же знаете. — Вай-

ладез Ренч склонился над старухой.— Лишь так мы сохраним нашу великую Страну!

— Я где-то читал,— заметил негромко Уэлдрейк, входя в комнату и осматриваясь так внимательно, словно и впрямь вознамерился здесь поселиться,— что общество, озабоченное лишь тем, чтобы сохранить свое прошлое, вскоре утрачивает все остальное. Почему нельзя остановить город, мастер Ренч, чтобы этой женщине не пришлось идти пешком?

— Возможно, подобные нелепицы в ходу в том мире, откуда вы явились, сударь. Но здесь, уверяю вас, вы ими никого не позабавите.— Вайладез Ренч усталился на кончик своего длинного носа.— Платформы должны *всегда* двигаться вперед. Страна должна *всегда* двигаться вперед. Цыгане *никогда* не стоят на месте. А те, кто встанет у нас на пути,— наши *враги*! Те, кто без дозволения цыган ступит на дорогу, — наши *смертельные* враги, ибо они — посланцы тех, кто намерен встать у нас на пути и остановить Страну Цыган, которая обошла весь мир уже тысячи и тысячи раз, по морю и по суше, следуя единственно верной дороге. Свободной Дороге Вольного Цыганского Народа!

— Меня тоже в школе заставляли заучивать наизусть всевозможные благоглупости, дабы объяснить безумства моей державы.— Уэлдрейк со вздохом отвернулся.— Мне не о чем спорить с такими, как вы, сударь, нищими духом, кому нужны подобные заклинания, чтобы защититься от неведомого. Чем больше я странствую по вселенной, тем сильнее мне кажется, что именно вера в подобные нелепости объединяет смертных повсюду.

Миллионы и миллионы племен и народов — и у каждого своя единственная истина, за которую они готовы положить жизнь.

— Браво, сударь! — воскликнул Фаллогард Пфатт, взмахивая пером (и щедро поливая зелеными чернилами книги, бумаги и собственную матушку). — Но спешу вас предупредить, здесь не то место, где вы найдете понимание. Хотя мы разделяем ваши чувства. Вся наша семья думает так же — но здесь, как и во множестве миров, эти мысли под запретом! Так что забудьте об откровенности, если не желаете последовать за моим дядюшкой и сестрицей вниз, на Долгий Путь к Забвению.

— Еретик! У вас нет права занимать такую чудесную Собственность! — Гнев искажает сумрачные черты Вайладеза Ренча, размалеванное лицо его вспыхивает — точно у них на глазах расцвел и обрел голос некий экзотический райский плод. — Скоро вас явятся выселять — и это придется не по вкусу Фаллогарду Пфатту и всей семейке Пфатт!

— Скорее, тому, что от нее осталось, — бормочет враз помрачневший глава семьи. Кажется, он ожидал поражения. — Передо мной дюжина разных будущих. Какое выбрать? — Он закрывает глаза и вдруг принимается скрести лицо ногтями, словно тоже отведал драконьего яда, и голосить, точно невинная душа, что внезапно узрела Справедливость в облике Химеры, а все проявления ее осознала как бессмысленную, не имеющую ответа загадку. — Дюжина грядущих, но никакой надежды для простых людей! Да где же он, этот рай, этот Танелорн?

Но Эльрик, единственный из всех, кто мог бы дать Пфатту вполне конкретный, а не метафизический ответ, хранит молчание, ибо дал в Танелорне обет, подобно всем, кто обрел покой и защиту в его стенах. Лишь тем, кто истинно стремится к миру, суждено отыскать Танелорн, поскольку Танелорн — в душе каждого из смертных. И возникает он там, где собираются люди, объединенные общим стремлением творить благо...

— Мне говорили, — прошептал он, — что каждый человек способен обрести Танелорн в самом себе.

Фаллогард Пфатт отложил перо и чернильницу и, не поднимая глаз, подхватил заранее собранную котомку, подтолкнул матушкино кресло к выходу и принялся созывать остальное семейство. И вскоре они уже плелись прочь со своими скудными пожитками.

Вайладез Ренч проводил их торжествующим взглядом и довольно хмыкнул, оглядываясь по сторонам.

— Дом нужно будет только чуть подкрасить — и он засверкает как новенький! — заверил он. — Все это барахло, конечно же, отсюда вывезут и сдадут на хранение. Согласитесь, мы удачно избавились от этих Пфаттов! На меня лично они всегда нагоняли тоску...

К этому моменту Эльрик уже едва владел собой, и если бы не предупреждающий взгляд Розы и не угрюмое молчание Уэлдрейка, он не преминул бы высказать все, что у него на душе. Однако Роза осмотрела дом, согласилась на условия аренды, приняла ключи из изящных пальцев этого султана софистики, поспешно выпроводила его — а за-

тем, не теряя времени, устремилась в погоню за изгнанниками. Они заметили Пфаттов у ближайшей лестницы, что вела с платформы вниз.

Эльрик видел, как она нагнала Фаллогарда, ласково потрепала по плечу девочку-подростка, что-то прошептала на ухо старой матушке, дружески подергала за чуб мальчугана... и повела их, совершенно озадаченных и ошеломленных, назад, к дому.

— Они будут жить с нами — то есть на наши кредитки. Едва ли это может идти вразрез с законами Страны Цыган.

Эльрик взирал на разношерстную компанию с некоторым недоумением. У него не было ни малейшего желания обременять себя семьей, тем более столь никчемной. Девочка, темненькая, хорошенькая особой, капризной красотой, взирала на мир с выражением вечного недовольства и презрения; у мальчишки, как он заметил еще на лестнице, были живые черные глаза ласки, узенькое личико и жидкие, зализанные светлые волосы. Худые пальцы непрерывно шевелились, а нос морщился, точно он уже чуял поживу. В ответ на слова Розы он улыбнулся, обнажив мелкие острые зубки.

— Вы найдете то, что ищете, госпожа. Кровь и сок смешаются вновь — если только Хаос не решит иначе. Между мирами есть дорога, что ведет в иной, лучший мир. Вы должны ступить на Бесконечный Путь, госпожа, и в конце его отыщите ответ на свои вопросы.

Как ни странно, эти поразительные слова не вызвали у Розы ни удивления, ни страха. Вместо этого, нагнувшись, она поцеловала мальчика в макушку.

— Так вы все ясновидящие?

— Именно так, этим и славно семейство Пфатт,— с гордостью отозвался Фаллогард.— Мы издавна гадали по картам, заглядывали в туман хрустального шара и предсказывали будущее. Поэтому сперва мы были рады, когда узнали, что нам предстоит отправиться в Страну Цыган. Но затем поняли, что здесь никто не обладает истинным ясновидением — им только и ведомы что уловки да дешевые трюки. С их помощью они могут влиять на других. Хотя некогда народ этот обладал богатейшими знаниями. Но в бесцельном кружении по миру они мало-помалу утратили их. Променили на надежность и покой. А теперь и нам все наши умения без пользы... — Он вздохнул и принялся нервно почесываться, попутно застегиваясь и поправляя петли и завязки, словно лишь сейчас обнаружил, в каком плачевном виде его одеяние.— Но что же нам делать? Если мы пойдем пешком, то вскоре неминуемо окажемся под платформой.

— Давайте объединим наши силы,— предложила Роза, и Эльрик с изумлением воззрился на нее.— Мы можем помочь вам вырваться из Страны Цыган. А вы поможете нам отыскать тех, кого мы ищем. Три сестры. А теперь, возможно, с ними еще человек в доспехах, никогда не открывающий лица.

— Об этом вам лучше спросить матушку,— отозвался Фаллогард Пфатт в задумчивости.— Или племянницу. Черион унаследовала бабушкины таланты, хотя мудрости ей еще предстоит научиться...

Девочка метнула на него полный негодования взгляд, хотя в душе она, кажется, была польщена.

— А мой сын Коропит Пфатт — величайший из всех нас. — Гордый папаша с видом собственника опустил руку на плечо мальчика. Тот с понимающей улыбкой покосился на отца. — Никогда еще в роду Пфаттов не рождалось столь талантливое отрока. Коропит просто *лучится* психической энергией!

— Тогда нам с ним нужно договориться как можно скорее, — сказала Роза, — ибо в скором времени нам предстоит наметить путь между мирами. Если мы освободим вас, сможете ли вы отвести нас туда, куда мы попросим?

— Это в моих силах, — отозвался Фаллогард Пфатт, — и я с радостью помогу вам чем сумею. Но мальчуган умудряется отыскивать между мирами и такие пути, о которых даже я ничего не слыхивал. А девочка способна следовать за определенным человеком через бесчисленные слои вселенных. Она — настоящая гончая. Терьер. Спаниель...

Прервав череду собачьих уподоблений, мастер Уэлдрейк торжествующе извлек из кармана очередной потрепанный том.

— Вот он! Я же помнил, что он здесь!

Все обернулись к нему в вежливом ожидании. А маленький поэт протянул озадаченному мальчугану горсть недавно полученных кредиток.

— Возьми, Коропит, и ступайте с сестрой на рынок! Я напишу вам список, что купить. Сегодня нас ждет обед, достойный будущих приключений!

Он торжествующе взмахнул книгой в алом переплете.

— Мы с миссис Битон устроим вам пиршество, которое, ручаюсь, вы не забудете до конца своих дней!

ГЛАВА ПЯТАЯ

Беседы с ясновидящими о природе вселенной. Драматическое бегство

осле изысканного, сытного обеда Уэлдрейк побаловал умиротворенных слушателей чтением превосходных сонетов, так что даже Эльрику удалось ненадолго отвлечься от мыслей об отце, ожидавшем его в мертвом городе.

— Мы, Пфатты, всегда жили своим умом! — Отец семейства был уже прилично навеселе. Даже старушка-мать то

и дело подносила бокал к сморщенным губам и хихикала. Сын и племянница то ли спали, то ли скрывались где-то в тени под лестницей. Уэлд-рейк все подливал матушке Пфатт вина. Казалось, все, кроме Розы, давно забыли о том, что свело их вместе. Она, единственная, не пила, однако с удовольствием наблюдала за тем, как веселятся остальные. Эльрик, сидевший за столом напротив нее, потягивал густую иссиня-черную жидкость, тщетно мечтая, чтобы спиртное хоть немного подействовало на него. Но, с усмешкой заметил он про себя, после драконьего яда большинство напитков что-то стали казаться ему пресноватыми...

— На свете есть лишь несколько адептов,— продолжал меж тем Фаллогард Пфатт,— кому удалось изучить хоть ничтожную часть вселенной. И Пфатты, доложу я вам, среди них не из последних. Матушка, к примеру, помнит не менее двух тысяч дорог, что соединяют пять тысяч миров. Правда, ныне ее чувства слегка притупились, зато племянница подрастает на смену. Уж той в таланте не откажешь!

— Так вы намеренно перебрались в это измерение?— вскинула голову Роза, точно слова его отвечали каким-то ее потаенным мыслям.

На что Фаллогард Пфатт разразился таким безумным хохотом, что у него едва не лопнул камзол на груди, лицо побагровело, а волосы встали дыбом.

— Нет, сударыня, в этом-то и вся соль! Никто из тех, кто здесь оказался, не искал этот мир *намеренно*. Однако вокруг Страны Цыган суще-

ствуует, как бы точнее сказать, особая аура... психическая гравитация, что затягивает людей. Действует она как в духовном, так и, как ни странно, во вполне физическом смысле, создавая некий псевдолимб, подлинный мир потерянных душ.

— Потерянных душ? — восторженно воскликнул Эльрик. — Вы сказали, потерянных душ, мастер Пфатт?

— И тел, разумеется, тоже. Большею частью. — Ясновидящий пьяно взмахнул рукой, затем застыл, точно услышал нечто странное, и неожиданно пристально уставился в алые глаза альбиноса. — Именно так, сударь. Потерянных душ.

На мгновение Эльрик ощутил чужое сочувствие и даже покровительство. Но чувство это почти сразу исчезло, а Пфатт уже склонился к Уэлдрейку, потчует того какими-то абстрактными рассуждениями, немало возбудившими обоих, и лишь Роза в задумчивости переводила взгляд с мелнибонэйца на ясновидящего, косясь порой на кивавшую в такт собственным мыслям матушку Пфатт. Та ютилась в своем кресле, держась обеими руками за бокал и загадочно улыбаясь, одновременно настороженная и расслабленная, точно птица на ветке.

— Мне трудно вообразить себе нечто подобное, — говорил Уэлдрейк. — Это так необъятно, что пугает меня. Столько миров, столько народов, и каждый по-своему понимает реальность! И их миллиарды, сударь! Миллиарды и миллиарды — бесконечное множество возможностей и вероятностей. И Порядок и Хаос борются за власть над ними всеми?

— Сейчас война ведется скрыто, — пояснил Пфатт. — Небольшие стычки тут и там, столкновения за мир-другой... в лучшем случае — за какую-то вселенную. Но грядет Великое Единение, и тогда Высшие Владыки попытаются воцариться над всеми Сферами разом. Каждая Сфера содержит в себе вселенную, а их, говорят, миллионы. Это будет действительно явление космического порядка!

— Они борются за власть над бесконечностью! — Уэлдрейк был потрясен.

— Множественная вселенная не бесконечна в буквальном смысле... — пустился в объяснения Пфатт, но его прервал визгливый от негодования голос матери:

— Бесконечна? Болтовня! Как она может быть бесконечна? Конечно, множественная вселенная конечна. У нее есть границы и измерения, хотя только боги порой способны их увидеть — но границы и измерения существуют! Иначе во всем этом не было бы смысла!

— В чем, матушка? — Даже Фаллогард был в недоумении. — Смысла — в чем?

— В существовании семьи Пфатт, конечно. В нашей вере, что однажды нам суждено...

Сын подхватил за ней наизусть:

— ...познать устройство всей множественной вселенной и пересечь ее от Сферы до Сферы, от мира до мира, сквозь клубящиеся облака многоцветных звезд с кружающимися планетами, сквозь галактики, что роятся, подобно пчелам в саду, — о, слава! — сквозь потоки сияния блуждающих светил.

— Скажите, сударь, случались ли вам когда-нибудь видения? Помните ли вы тот миг, когда вдруг замерли, пораженный, удостоившись хоть краешком глаза заглянуть за завесу этой почти бесконечной вселенной? Это могло случиться с вами, когда вы смотрели на облака, или на полено в очаге, или на складку одеяла, или на изгиб травинки... неважно. Вы знаете, что видели, и картина эта влечет за собой иное, куда более величественное видение. Так, вчера, например... — Он вопросительно взглянул на поэта, тот подал ему знак продолжать. — ...вчера, например, я в полдень поднял голову. Серебристый свет стекает, подобно воде, со сгустившихся туч, которые сами столь огромны, что похожи на гигантских морских тварей, служащих пристанищем сотням иных тварей... и даже Человеку. Как будто они всплыли ненадолго из родной стихии, готовые вновь погрузиться в пучины, столь же непостижимые для тех, кто внизу, как загадочен океан для тех, кто живет над ним.

Лицо его покраснелось при этих воспоминаниях, взор устремился вдаль, словно пред ним вновь предстали те облака, необъятные, созданные природой корабли, будто поднятые из неведомой бездны, потерпевшие крушения многие века назад, но удивительно нетронутые, настолько недоступные смертному разуму, что забвенье становилось его единственным прибежищем; эти до дрожи древние твари-корабли, истаивающие в чуждой им стихии, в сиянии солнца и небес, куда очертания их не помутнеют и не смешаются

и не останется лишь небо да солнце, единственные свидетели их неоплаканной кончины.

— Сделались ли они невидимы или исчезли навеки, даже из удивительной памяти нашей крови, из этих крошечных искорок, доставшихся нам от предков, что таят в себе душу нашего рода? Можно ли сказать, что они не существовали и не будут существовать никогда? Но во вселенных было множество странных вещей еще до того, как предки наши выволокли свои плавники на вспененный берег...

Эльрик усмехнулся, ибо память его расы уходила корнями куда глубже, нежели человеческая, по крайней мере в его собственном мире. Предки его некогда бежали через миры и вселенные, спасаясь от последствий катастрофы, которую сами же, возможно, и вызвали.

Воспоминания следуют за воспоминаниями, воспоминания побеждают воспоминания; некоторые из них мы изгоняем в богатые миры собственного воображения — но это не значит, что вещи эти не существовали, не могут или не будут когда-либо существовать — они существуют! Существуют!

Последний из мелнибонэйцев думает об истории и преданиях своего народа и рассказывает друзьям-людям некоторые из них, и однажды писец запишет его слова, порождая тем самым новые бесчисленные мифы, легенды и суеверия, и так зерно дочеловеческой памяти дойдет и до нас, из крови в кровь, из жизни в жизнь. А циклы вращаются, кружатся и пересекаются в самых непредсказуемых точках среди бесконечных ве-

роятностей, парадоксов и совпадений, и так одно предание порождает другое, а невинная шутка дает жизнь целым эпосам. Так мы влияем на будущее, прошлое и настоящее, на все их бесчисленные возможности. Так все мы несем ответственность друг за друга, через мириады измерений времени и пространства, что составляют множественную вселенную...

— Любовь,— произносит Фаллогард Пфатт, оторвавший наконец взор от видения,— вот наше единственное оружие против энтропии...

— Если не будет равновесия Порядка и Хаоса...— Уэлдрейк откусывает кусочек сыра, мимоходом гадая, какой из запуганных народов по обочинам Дороги произвел его,— ...мы лишимся самой возможности выбора. Это удивительный парадокс борьбы Высших Миров. Если один из них возобладает, мы утратим половину того, чем владеем. Порой мне трудно удержаться от мысли, что судьбы наши — в руках существ не разумнее каких-нибудь бобров!

— Власть и разум никогда не питались из одного источника,— шепчет Роза, на миг оторвавшись от собственных мыслей.— Зачастую к власти рвутся глупцы, озадаченные, почему к ним так немилосердна госпожа Фортуна. Кто вправе винить этих болванов? Их оскорбляет непредсказуемость Природы. Возможно, боги чувствуют то же самое? Возможно, они подвергают нас ужасным испытанием, лишь потому что чувствуют наше превосходство? Может быть, они погрязли в старческом слабоумии и забыли смысл заключенного в древности перемирия?

— В одном вы правы, сударыня,— поддержал ее Эльрик.— Природа и впрямь раздает силу с той же бессмысленной неразборчивостью, что ум, красоту или богатство!

— Поэтому перед человечеством и стоит задача,— выпренне говорит Уэлдрейк, выдавая свое происхождение,— исправить допущенные Природой ошибки. Поэтому наша обязанность — помогать тем, кого Природа создала бедными, больными или ущербными в любом ином отношении. Если мы не делаем этого, полагаю, тем самым мы уклоняемся от своего прямого долга. Разумеется,— добавил он поспешно,— я говорю как агностик. Поймите правильно, я чистой воды радикал. Но мне представляется, Парацельс был прав, утверждая...

Но Роза, успевшая поднатореть в этом искусстве, не дала беседе погрязнуть в бесплодных абстракциях, осведомившись у старушки Пфатт, не желает ли та еще сыра.

— На сегодня сыра довольно,— загадочно отозвалась та, но улыбка ее была вполне дружелюбной.— Только вперед. Только вперед. Шаг за шагом идут бродяги. Шаг за шагом, шаг за шагом. Все идут, дорогая моя, надеются убежать от проклятия. Ничего не меняется. Поколение за поколением. Одна несправедливость за другой, и подпитывается третьей. Шаг за шагом идут бродяги. Только вперед. Только вперед...— И она вновь погрузилась в молчание.

— О, такое скверно устроенное общество, сударь! — Сын ее понимающе закивал и одобрительно взмахнул печеньем.— Скверно! Все сплош-

ная ложь, сударь. Удивительное надувательство, этот «вольный народ», который все время движется, но никогда не меняется! Согласитесь, ведь это и есть подлинный упадок, сударь.

— Не такая ли судьба ожидает и Англию? — Уэлдрейк вздохнул, должно быть вспоминая одну из покинутых им отчизн. — Судьба всех неправедных империй... О, боюсь, я узрел пред собой будущность моей родной державы!

— И такова была участь моей. — Усмешка Эльрика открывала куда больше, чем пыталась скрыть. — Именно потому Мелнибонэ рухнула, как изъеденная червями скорлупа, от одного толчка...

— Ладно. — Голос Розы прерывает их излияния. — Давайте за дело.

Она предлагает план, как им ночью добраться до Дунтроллина, проскользнуть под покровом тьмы под платформу, а затем — по лестнице вверх. Там их поведет, как охотничий пес, Фаллогард Пфатт, чьи способности помогут отыскать трех сестер.

— Но нужно еще обсудить детали, — добавляет она. — Я могла упустить какие-то частности.

— Совершенно верно, сударыня, кое-что вы упустили. — Ясновидящий любезно поясняет свою мысль. Щели в кожаных пологах, скрывающих колеса, наверняка охраняют. Воинственные жители Дунтроллина, скорее всего, будут готовы оказать отпор вторжению. Сам он никогда прежде не видел сестер, а значит, на дар его полагаться нельзя. Более того, нет никакой уверенности, что сестры будут рады встрече. И как им потом выбраться из Страны Цыган? Перелезть через

мусорные завалы почти невозможно, стражники всегда начеку. Да и в любом случае Пфаттам об этом нечего и думать, поскольку они здесь, подобно многим несчастным душам, в вечной власти пленившего их психического тяготения и обречены вечно странствовать по Дороге и найти рано или поздно успокоение под ней.

— Так что нас держат здесь не только черные стрелы и стены из отбросов. Страна Цыган правит этим миром. Они обладают необъяснимой темной силой. Они заключили какую-то сделку. Им удалось поставить себе на службу сам Хаос — или часть его. Вот почему, как я думаю, они не смеют остановиться. Все упирается в их беспрестанное движение.

— Тогда *мы* должны остановить Страну Цыган,— просто отозвалась Роза.

— Это невозможно, сударыня.— Фаллогард Пфатт в отчаянии покачал головой.— Она существует, чтобы двигаться. Она движется, чтобы существовать. Поэтому Дорога никогда не меняет направление, а лишь надстраивается, даже когда погрузилась в пучину земля — как в том заливе, который нам вскоре предстоит пересечь. Они *не могут* изменить Дорогу. Я задавал им вопрос, когда мы только прибыли сюда. Они сказали, это слишком дорого, общество не может себе этого позволить. Но это неправда. Они не в силах изменить свой курс, как не может сменить орбиту планета, что кружится вокруг солнца. А любая попытка бежать отсюда подобна попытке камешка избежать притяжения земли. Нам сказали, пусть это нас не беспо-

коит. Что волноваться надо лишь о том, чтобы остаться на платформе, а не *под* ней.

— Так это просто тюрьма, — восклицает Уэлдрейк, продолжая угощаться сыром, — а вовсе не свободная страна! Отвратительное надругательство над естественным ходом жизни! Мертвый порядок, который только на смерти и держится. Неправедный — и держится на несправедливости. Жестокий — и держится на жестокости. Зато все мы видели, как троллонцы не нарадуются своей культурности, доброте и хорошим манерам, а у них под ногами бредут мертвецы, единственная опора их глупости и самообмана! Что за пародия на истинный прогресс!

Матушка Пфатт повернула сморщенную, точно печеное яблоко, головку к Уэлдрейку и добродушно хмыкнула, без всякой издевки:

— То же самое сказал им мой брат. Каждый раз говорил им. Но он умер там, внизу. Я была с ним. Я почувствовала, когда он умер.

— О! — Поэт, казалось, оплакивал эту смерть вместе с ней. — Проклятая насмешка над свободой и справедливостью! Какая бесчестная ложь! Ибо когда хоть одна душа в этом мире страдает, как страдают сотни тысяч или даже миллионы, все они виновны.

— Да, эти троллонцы — славные ребята, — саркастически отозвался Фаллогард Пфатт. — Такие добродетельные и милосердные. Похваляются своей мудростью и терпимостью...

— Нет. — Уэлдрейк встряхивает огненно-рыжей гривой. — Они могут считать, что им *повезло*, но дело не в доброте и не в мудрости! Иначе

в конце концов такие люди соглашаются на все, что угодно, лишь бы сохранить удобства и привилегии, поддерживают своих правителей, избирая их с истинным демократическим и республиканским рвением. Так все устроено, сударь. И они даже не думают, насколько все это несправедливо. Лицемеры до кончиков ногтей! Будь на то моя воля, я бы немедленно остановил всю эту пародию на прогресс!

— Остановить Страну Цыган! — Фаллогард Пфатт издевательски расхохотался, а затем добавил с подчеркнутой серьезностью: — Будьте осторожны, мой дорогой. Здесь вы в кругу друзей, но в ином обществе такие мысли почитают за ересь! Так что молчите, сударь! Молчите!

— Молчать! К этому не устает призывать любая Тирания! Тирания рычит: «Молчите!» — даже своим рыдающим жертвам, даже когда слышит, как стонут и молят о пощаде раздавленные ее железной пятой миллионы. Это падаль, которой черви придают подобие Жизни, труп, трепещущий под весом личинок, гнилой остов идеальной Свободы... Вольная Страна Цыган — это чудовищная ложь! Движение, сударь, это еще не Свобода! — выдохнул разъяренный Уэлдрейк.

Краем глаза Эльрик видел, что Роза поднялась и вышла из комнаты: должно быть, бурные дебаты прервали ее.

— Колесо Времени со скрежетом вращает миллионы зубцов, которые цепляют другие миллионы, и так до бесконечности... или почти до бесконечности.— Фаллогард Пфатт опасливо покосился на свою матушку, которая вновь смежи-

ла очи.— Смертные — лишь его пленники и служители. Такова истина, и никуда от этого не денешься.

— Человеку доступно отражать истину или пытаться смягчить ее,— заметил на это Эльрик.— А иногда можно даже попытаться что-то изменить...

Уэлдрейк отхлебывает из наполненного до краев бокала.

— В моем мире, сударь, истина считалась неизменной и никто не посмел бы утверждать, будто реальность такова, какой нам кажется в этот момент. Мне тяжело слушать такие суждения. Более того, сударь, признаюсь, они тревожат меня. Не то чтобы я был не в силах оценить всей их прелести, равно как и того оптимизма, что вы, на свой манер, выражаете. Просто меня учили доверять своим чувствам и верить, что мироздание в основе своей прекрасно и неизменно, опирается на непреложные естественные законы и в чем-то подобно машине, бесконечно сложной и хитроумной, но все же разумно устроенной. Такова, сударь, Природа, которую я восхвалял и которой поклонялся, подобно тому, как иные поклоняются божеству. То же, что предлагаете вы, кажется мне шагом назад. Эти понятия близки устарелым идеям алхимиков.

И дискуссия продолжалась, покуда спорщики не устали от звука собственных голосов и постель не показалась им желанным убежищем.

Лампа в руке Эльрика отбрасывала огромные тени на стены лестницы. Ему вспомнилось поче-

му-то, как внезапно покинула их сегодня Роза. Неприятно было думать, что что-то могло обидеть ее. Хотя обычно подобные соображения едва ли пришли бы на ум альбиносу, но к этой женщине он питал истинное уважение и восхищался не только ее умом и красотой. От нее неуволимо веяло покоем, подобным тому, что Эльрику довелось испытать лишь в Танелорне. Трудно поверить, чтобы столь целостная натура всю себя посвятила грубой мести!

В крохотной комнатке, что он выбрал для себя,— размерами не больше шкафа,— где едва умещалась кровать, мелнибонзец стал готовиться ко сну. Все пока что шло к лучшему. Пфатты согласились помочь им в их поисках — насколько хватит сил. Тем временем альбиносу требовался отдых. Он смертельно устал и смертельно тосковал по миру, что был утрачен им навсегда. По миру, который он разрушил своими руками.

Альбинос спит, и его бледное тело мечется на ложе; с алых чувственных губ срывается стон, и вдруг красные глаза широко распахиваются, с тревогой всматриваясь в непроглядную тьму.

— Эльрик,— зовет его голос, полный древней ярости и боли,— сын мой. Отыскал ли ты мою душу? Мне плохо здесь. Здесь холодно. И одиноко. Скоро, хочу я того или нет, мне придется войти в твое тело. Я соединюсь с тобой, и мы навеки будем связаны воедино...

Эльрик просыпается с воплем, что заполняет беспредельную пустоту вокруг, и собственный крик отдается у него в ушах, и в унисон ему доносится

другой вопль, так что оба они кричат в один голос, и он ищет лицо отца, но это не отец...

Это старуха — мудрая и любящая, знающая и добрая — вопит, словно обезумевшая, будто в тисках самой страшной пытки, кричит: «НЕТ!»... кричит: «СТОЙТЕ!»... кричит: «ОНИ ПАДАЮТ... О, АСТАРТА, ОНИ ПАДАЮТ!»

Кричит старая Пфатт. Матушке Пфатт явилось видение столь невыносимой отчетливости, что даже криком она не в силах облегчить боль. И она замолкает.

И Эльрик смолкает тоже.

И весь мир смолкает, если не считать рокота громадных колес, мерного топота ног, без остановки идущих по дороге...

«СТОЙТЕ!» — кричит принц-альбинос, сам не зная, что делает. Ему досталась лишь крохотная частичка видения старой Пфатт...

Теперь за дверью слышен самый обычный шум. Он слышит, как Фаллогард Пфатт зовет мать, слышит, как рыдает навзрыд Черион Пфатт, и понимает, что стряслось нечто непоправимое...

С лампой в руке, накинув на себя первое, что попало под руку, Эльрик выскакивает на лестницу. Дверь открыта, и в комнате он видит матушку Пфатт, всклокоченную, с пеной на губах, застывшую неподвижно, точно объятую ужасом.

— Они падают! — стонет она. — О, как они падают!.. Этого не должно было случиться. Бедняги! Бедняги!

Черион Пфатт обнимает бабушку, укачивает ее, точно младенца, испуганного ночным кошмаром:

«Не надо, бабуля, не надо! Не надо, бабуля!». Но по лицу ее видно, что ужасающее видение явилось и ей. И рядом дядюшка, тоже вне себя — раскрасневшийся, взъерошенный, зажимает ладонями уши, точно не желает слышать их криков.

— Не может быть! Не может быть! Она похитила нашего мальчика!

— Нет, нет,— качает головой Черион.— Он сам с ней пошел. Поэтому ты и не почувствовал опасности. Он не думал, что случится что-то плохое!

— Так она подстроила все это? — стонает Фаллогард Пфатт.— Неужели — столько смертей...

— Верни ее! — рывкает матушка Пфатт. Взор ее по-прежнему устремлен в никуда.— Быстрее верни ее. Отыщи ее — и спасешь сына.

— Они отправились в Дунтроллин за сестрами,— поясняет Черион.— И нашли их — но там был другой человек... они стали сражаться... Не знаю. Я ничего не могу разобрать в этой круговерти. Дядя Фаллогард, надо их остановить! — Она корчится от боли, царапает ногтями лицо.— Дядя! О, какой ужас!

Фаллогарда Пфатта тоже начинает трясти, и Эльрик с Уэлдрейком ни от кого не могут добиться, что, в конце концов, происходит.

— Ветер веет над вселенной,— провозглашает Пфатт.— Черный ветер веет над вселенной! О, это работа Хаоса. Кто бы мог поверить?

— Нет,— качает головой его мать.— Она не служит Хаосу. И не она возвала к этим силам. Но...

— Остановите их! — кричит Черион.

И Фаллогард Пфатт вздымает руки в отчаянии:

— Слишком поздно. Мы — свидетели их гибели!

— Еще нет, — восклицает старуха. — Пока нет. Может, мы успеем... Но он так силен...

Эльрик не тратил времени на раздумья. Роза в опасности! Альбинос поспешно вернулся к себе, оделся, прицепил к поясу меч. Вместе с ним Уэлдрейк выбежал из дома и понесся по дощатым улочкам Троллона, то и дело ошибаясь в темноте, пока не отыскал наконец ведущую вниз лестницу. Мелнибонзец, за все время своих странствий так и не выучившийся осторожности, уже извлек из ножен Приносящий Бурю, и черный клинок вспыхнул облаком мрака, и руны зазмеились на лезвии — и вот он уже убивал каждого, кто осмеливался встать у него на пути.

Уэлдрейк при виде лиц мертвецов содрогнулся невольно, не зная, что безопаснее — держаться поближе или как можно дальше от альбиноса; а за ним вслед поспешал Фаллогард Пфатт, волоча за собой племянницу и старуху-мать.

Эльрик знал только, что Розе грозит опасность. Терпение наконец покинуло его, и он почти с облегчением позволил адскому клинку взять свою дань крови и душ и, ощущая, как переполняет его жизненная сила, бежал вперед, выкрикивая непроизносимые имена неведомых богов. Он рассек путы, удерживавшие лошадей, рубанул по цепям, что сковывали несчастных рабов, и вскочил в седло. Огромный черный боевой ска-

кун торжествующе заржал, приветствуя освободителя, вздыбился и устремился на волю.

Откуда-то издалека доносился теперь новый звук — крики ужаса и боли, — и матушка Пфатт зарыдала громче:

— Поздно! Слишком поздно!

Уэлдрейк ухватил лошадь за повод, но та отскочила прочь, не даваясь неумелому всаднику. Не решившись попробовать еще раз, маленький поэт устремился за Эльриком на своих двоих. Тем временем Фаллогард Пфатт на руках снес мать по лестнице — и она разразилась таким отчаянным воплем, что у него заложило в ушах. Тащившая кресло-каталку племянница обливалась слезами.

Вперед, в ночь — Эльрик неся, точно тень возмездия, мимо скрипящих колес гигантских платформ — навстречу ледяному ветру, несущему дождь — в безумную ночь, в которой волчьими глазами светились огни дальних селений и лампы идущих пешком. Дорога слегка пружинила под ногами — а значит, они подошли к мосту над заливом.

Ветер донес до Уэлдрейка обрывки песни. Он хотел пуститься бегом, но вместо того лишь ускорил шаг, делая глубокий вдох, как его когда-то учили. Повсюду слышался смех, разговоры, и на мгновение ему показалось, что это лишь сон, ибо происходящее обладало всей нелепостью и непоследовательностью сна. Но впереди доносились теперь и другие голоса — вопли и проклятия, там, где Эльрик проталкивался сквозь толпу, не желая обнажать рунный меч против безоружных.

А за спиной у него старуха Пфатт подозрительно притихла, зато рыдания ее внучки делались все громче.

Каким-то образом Уэлдрейку с Пфаттами удалось не отстать от Эльрика и даже приблизиться к нему. Протискиваясь через толпу, старуха кричала: «Стойте! Остановитесь!» — и цыгане, слыша столь чудовищный призыв, в ужасе отступали прочь, давая им дорогу.

Повсюду царило смятение. Маленький поэт гадал, не стали ли все они жертвами кошмара, привидевшегося безумной. Ни одно колесо не прекратило вращаться, ни один пеший не остановился — все было точь-в-точь как всегда на огромной дороге. Выбравшись на относительно свободный участок, Эльрик прищипорил коня, удивляясь, почему за ними никто не гонится. Осторожный Уэлдрейк предпочел дожидаться, пока альбинос вложит в ножны меч, и лишь затем приблизился к нему.

— Что происходит, Эльрик?

— Я только знаю, что Роза в опасности. Может быть, кое-что еще. Нам нужно срочно найти Дунтроллин. Глупо было с ее стороны так рисковать. Я думал, она умнее. Подумать только, что она первая всегда призывала нас к осторожности!

Под порывами ветра трещали и хлопали флаги Страны Цыган.

— Скоро рассвет, — заметил Уэлдрейк. Он обернулся взглянуть на Пфаттов: у всех у них на лице лежала печать такого всепоглощающего ужаса, что они казались слепы и глухи к происхо-

дядьему вокруг. Они молили, кричали, зывали, рыдали и вопили. Заслышав этот плач отчаяния и боли, цыгане спешили отойти как можно дальше, так что вскоре вокруг не осталось почти никого.

Но Страна Цыган все так же невозмутимо движется вперед, равномерно и неспешно вращаются колеса, толкаемые миллионами рабов... вперед, вперед, вокруг света...

Но что-то странное там, впереди... что-то странное и тревожное — матушка Пфатт уже видит это, Черион слышит, а Фаллогард Пфатт всей душой жаждет предотвратить!

И лишь когда за спиной у них встает рассвет, и небо расцветает розовым, голубым и белым, и выплывает из ночной мглы дорога, Эльрик понимает, почему кричит старая Пфатт, а Черион зажимает руками уши, и почему искажено от боли лицо Фаллогарда!

Лучи света стремятся вперед, освещая деревянные платформы, бредущую толпу, дым и гаснущие лампы, все обычные мелочи быта... но впереди... впереди лежит то, что явилось ясно-видцам...

Широкая дорога через бухту, поразительное творение кочевого народа, словно рассечена гигантским мечом!

И две части ее медленно вздымаются и опадают на волнах, содрогаясь от чудовищного удара. Неимоверных размеров мост из человеческих костей, шкур животных и всевозможных отбросов трепещет, подобно срубленной ветке, поднимаясь и опускаясь почти неощутимо, под натиском неукротимых волн. Высоко над голо-

вой в белопенных брызгах вспыхивают крохотные радуги.

Один за другим, с ошеломляющей неотвратимостью, деревянные поселения Страны Цыган подползают к краю и устремляются в бездну.

Останавливаться недопустимо. Они не способны остановиться. Они могут только гибнуть.

Теперь и Эльрик кричит во весь голос, устремляя коня вперед. Он кричит в ярости, перед лицом безмерной глупости людей, что готовы принять смерть ради соблюдения принципов и традиций, давно утративших смысл. Они гибнут, потому что скорее пойдут на поводу у привычки, чем согласятся что-либо изменить.

Видя, как, одна за другой, приближаются к пропасти и рушатся вниз платформы, Эльрик вспоминает Мелнибонэ и свой народ, который также предпочел смерть переменам. И оплакивает Страну Цыган, свою родину и себя самого.

Они не остановятся.

Они не могут остановиться.

Повсюду смятение. Суматоха. В селениях паника. Но они не остановятся.

Эльрик скачет сквозь туман, призывая их одуматься и повернуть назад. Он достигает края пропасти, его лошадь храпит и пятится в ужасе. Страна Цыган падает не в океан, но в недра гигантского пульсирующего огненного цветка с желто-алыми лепестками. Альбинос узнает в нем творение Хаоса!

Повернув своего черного скакуна, он галопом несется прочь, слыша отчаянные вопли ма-тушки Пфатт:

— Нет! Нет! Роза! Где Роза?

Спешившись, Эльрик хватает Фаллогарда Пфатта за дрожащие узкие плечи.

— Где она? Ты знаешь? Который из них Дунтроллин?

Но Фаллогард Пфатт лишь бессмысленно трясет головой и шевелит губами. Мелнибонзец кричит в отчаянии:

— Роза!

— Она не должна была этого делать! — восклицает Черион. — Так нельзя!

Даже Эльрик не мог принять происходящего, хотя и невысоко ценил жизнь смертных, и теперь сам готов был воззвать к Хаосу, чтобы остановить бессмысленное разрушение. Но именно Хаос сотворил все это, а потому альбинос знал, что глас его не будет услышан. Он не мог поверить, чтобы у Розы нашлись столь могущественные союзники; ему казалось невозможным, чтобы она стала вольной причиной этого кошмара — там, впереди, ненасытная бездна тысячами пожирала людей, их отчаянные крики стеной стояли в воздухе... а над всем этим сверкали в белопенных брызгах крохотные радуги.

Внезапно сзади до него донесся знакомый голос, и, обернувшись, он увидел Коропита Пфатта, со всех ног устремившегося к ним. Одежда его была в лохмотьях, из мелких порезов сочилась кровь.

— Что она натворила! — возопил Уэлдрейк. — Эта женщина — чудовище!

Но Коропит, задыхаясь, ткнул рукой куда-то назад, и там они увидели, всю в поту и в крови,

обессиленную Розу; с мечом в одной руке и кинжалом в другой, она брела им навстречу, и слезы, подобно алмазам, сверкали у нее на щеках.

Уэлдрейк подскочил к ней первым.

— Зачем вы сделали это? Ничто не может оправдать такого убийства!

Она взглянула на него устало и недоуменно, сиюсья проникнуть в смысл его слов. Затем повернулась к поэту спиной, вкладывая оружие в ножны.

— Вы несправедливы ко мне, сударь. Это работа Хаоса. Лишь ему под силу сотворить такое. У принца Гайнора был союзник. Я недооценила его. Похоже, ему безразлично, кого, как и скольких он убьет в своей тщетной погоне за смертью...

— Так это Гайнор? — Уэлдрейк потянулся взять ее за плечо, но она отстранилась. — Где он сейчас?

— Там, куда, как он думает, я не смогу последовать за ним. Но я все равно его отыщу. — В тоне Розы была усталая решимость. Эльрик заметил, что Коропит Пфатт, вместо того чтобы винить ее в происходящем, дружески гладит женщину по руке.

— Мы найдем его, сударыня. — С этими словами мальчик повел ее прочь.

Но Фаллогард Пфатт встал у них на пути.

— Дунтроллин погиб?

Роза пожала плечами:

— Вероятно.

— А сестры? — спросил Уэлдрейк. — Гайнор их нашел?

— Нашел — и мы тоже, благодаря дару Коропита. Но Гайнор... Гайнору удалось пленить их, в каком-то смысле. Мы стали сражаться. И тогда он призвал на помощь Хаос. Должно быть, он все это продумал заранее. И ждал, пока Страна приблизится к мосту...

— Он бежал? Куда? — Хотя Эльрик, как ему казалось, уже знал ответ. И Роза подтвердила его опасения.

Она ткнула пальцем в сторону бездны:

— Туда, вниз.

— Значит, он все же нашел свою смерть... — Уэлдрейк нахмурился. — И, похоже, решил прихватить с собой как можно больше народа.

— Кто знает, куда он отправился.

Роза медленно приблизилась к краю пучины, над которой висела, покачиваясь, очередная платформа. Обитатели ее визжали и цеплялись за что только можно, но ни один из них по-настоящему не пытался бежать — пока наконец все сооружение не рухнуло с грохотом вниз, и трепещущие огненные лепестки Хаоса не поглотили его.

— Должно быть, это известно лишь ему одному.

Эльрик подъехал ближе. Коропит все еще держал Розу за руку. Альбинос слышал, как он сказал ей:

— Они все еще там, госпожа. Все они. Я смогу их найти. Я сумею последовать за ними. Пойдемте. — Теперь уже мальчик вел ее вперед, вел к самому краю дороги, нависавшей над пылающей бездной.

— Мы поможем вам отыскать дорогу, сударыня! — Внезапный страх охватил Фаллогарда Пфатта. — Вы не должны...

Но он опоздал. Без предупреждения мальчик с женщиной бросились вниз, в пылающую, пульсирующую пасть, такую алчную до душ, устремлявшихся в нее тысячами. Вниз, в самое сердце Хаоса!

Матушка Пфатт закричала вновь. То был единственный вопль, полный отчаяния и нечеловеческой муки. Теперь она кричала не от горя всеобщего разрушения. Теперь скорбь была ее собственной.

Подбежав к обрыву, Эльрик еще успел заметить две кружащиеся в воздухе фигурки, вскоре исчезнувшие в пламени.

Потрясенный их мужеством и отчаянием, превосходившим, казалось, его собственное, он отступил, онемев от изумления...

...и не успел остановить Фаллогарда Пфатта, который с диким возгласом, подтолкнув мать к краю пропасти и сам замешкавшись лишь на миг, ринулся вслед за сыном. Черион рухнула в бездну молча, цепляясь за полу дядинога плаща. И еще три тела устремились в трепещущие недра Хаоса.

Объятый страхом, подобного которому он не ведал прежде, потрясенный и измученный, Эльрик обнажил Приносящего Бурю.

Уэлдрейк встал рядом с ним.

— Ее больше нет, мой друг. Никого больше нет. Вам не с кем сражаться.

Эльрик медленно кивнул. Он вытянул клинок перед собой, затем прижал его к вздымающейся груди, другой рукой касаясь кончика лезвия, где вспыхивали и гасли таинственные руны.

— У меня нет выбора,— прошептал он.— Любая опасность лучше той судьбы, что уготовил мне отец...

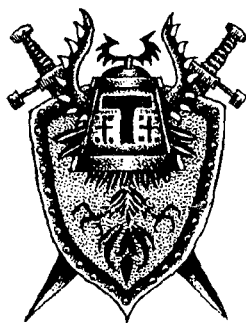
И, выкрикнув имя своего покровителя, Владыки Хаоса, взмахнув мечом, он бросился вниз с безумной песней на бескровных устах...

Последним, что заметил Уэлдрейк, был полный непостижимой уверенности взгляд алых глаз колдуна-императора, стремительно уносившегося прочь, в пылающую бездну Преисподней...

Часть вторая

**ЭСБЕРН СНАР,
СЕВЕРНЫЙ ОБОРОТЕНЬ**

*О тролле по сей день слагают песни
На море Северном, под полною луной.
И моряки клянутся: в день воскресный
Им слышно, как он ссорится с женой.*

*А на холме – о, краше нету места! –
Всем виден им воздвигнутый собор,
Где первым к алтарю привел невесту
Злодея обманувший Эсберн Снорр.*

Уэлдрейк

«Норвежские песни»

ГЛАВА ПЕРВАЯ

О сделках со сверхъестественными силами и об их последствиях

Зеркало падало сквозь столетия страданий, тысячелетия человеческой боли и отчаяния; оно падало, сжимая меч, полыхавший, точно путеводная звезда, падал в самое сердце Хаоса, в смешение красок и видений, в какофонию звуков, сквозь образы лиц, городов и миров, искаженных безумием, распадающихся и возникающих вновь; ибо здесь, в цар-

стве Хаоса властвовал закон вечных изменений.

Он был один.

Внезапно все вокруг застыло. Он ощутил твердь под ногами — хотя то был всего лишь обломок гранита, парящий в полыхающей бесконечности, где сливались, перетекая друг в друга, вселенные, и каждая была лишь полоской света в спектре, единственной гранью иной реальности. Он словно оказался внутри необычайного кристалла, столь чудовищного в своем отчаянном совершенстве и непостоянстве, что взор смертного отказывался вместить увиденное, и делался слеп ко всему, что его окружало, кроме слепящего, мерцающего света, оттенков которого он не в силах был бы назвать, чьи ароматы казались ему смутно знакомыми, а голоса обещали ужас и утешение и не были голосами смертных. Принц-альбинос зарыдал, покоренный и беспомощный, силы оставили его, меч обратился в бесполезный кусок железа, впустую оттягивавший руку. И тогда ласкающий, насмешливый голос донесся из-за пламенной завесы:

— Как ты отважен, о сладчайший из моих рабов! Бесстрашный воитель Непостоянства, где же душа твоего отца?

— Сие мне неизвестно, владыка Ариох. — Эларик почувствовал, как сердце его заледенело, обращаясь в песчинку, готовое остановиться навсегда. Еще мгновение — и его прошлое и будущее обратятся в пыль, не оставив даже воспоминания... Но Ариох уже понял, что он не солгал ему. И холод отступил. Альбинос вздохнул с облегчением.

Никогда еще его покровитель не был столь нетерпелив. Что же стряслось в Высших Мирах, что так взволновало их властителей?

— О смертный, ты мне всех дороже, мой славный лакомый кусочек...

Эльрику было не привыкать к сменам настроения своего хозяина, но они не переставали страшить и зачаровывать его. Душа его жаждала любой ценой заслужить похвалу Владыки Преисподней. Он был готов отдаться на вечную милость Ариоха, сколь бы непредсказуема та ни была, претерпеть любые пытки, коим тот соизволит его подвергнуть, — такова была власть небожителя над своим рабом. Он обольщал и зачаровывал, опекал и пленял, в руках его была безграничная власть над бессмертной душой.

И все-таки, даже теперь, в самом потаенном уголке разума Эльрика жила вера в то, что придет день — и он сумеет навсегда избавить мир от богов... если только один из этих богов по прихоти своей в этот самый миг не задует жизнь его, точно свечу. Здесь, в родной стихии, Ариох был всесилен, и никакие союзы, им заключенные, никакие обещания не имели значения и смысла; здесь, в своем герцогстве, он не нуждался в союзниках, не соблюдал клятв и требовал лишь немедленного повиновения от всех своих слуг, смертных и бессмертных, иначе им грозила немедленная и жестокая гибель.

— Говори, сладкий. Что привело тебя в мои владения?

— Чистая случайность, владыка Ариох, как мне кажется. Я упал...

— Ах, упал! — В тоне, каким это было произнесено, крылась недоступная Эльрику бездна потаенных смыслов. — Ты упал.

— В пропасть между мирами — такую мог сотворить лишь один из Высших Владык.

— Да. Ты упал. *Это был Машабек!*

Эльрика охватило бессмысленное облегчение, когда он понял, что ярость Повелителя Преисподней направлена не на него. Теперь он понял, что произошло: Гайнор Проклятый был слугой графа Машабека, главного соперника Ариоха...

— В Стране Цыган остались твои рабы, мой господин?

— Этот мир, похожий на Лимб, принадлежал мне. Полезная игрушка — многие пытались взять над ним власть. Машабеку это не удалось, и он уничтожил его...

— По собственной прихоти, мой господин?

— Чтобы угодить какой-то корыстной твари, насколько я могу понять...

— То был Гайнор, мой господин.

— Гайнор? Так он теперь тоже играет в эти игры?

Повисло гнетущее молчание. Покровитель Эльрика о чем-то размышлял. Прошло мгновение — или год, — и герцог Преисподней вновь подал голос, теперь уже почти весело:

— Ну что же, мой сладкий, ступай своей дорогой. Но помни, что твоя душа принадлежит мне, как и душа твоего отца. И та, и другая — в моей власти. И ту, и другую я должен получить, ибо таков наш древний уговор.

— Куда же мне идти, господин?

— Как куда? Конечно, в Ульшинир, где три сестры скрылись от своего пленителя. Сейчас они на пути домой.

— В Ульшинир, мой господин?

— Не бойся, ты отправишься туда со всеми удобствами и ни в чем не будешь знать нужды. Воистину, я добр к моим слугам. И даже твоего раба я, пожалуй, пошлю вслед за тобой. — И в тот же миг владыка Высших Миров отвлекся на иные дела, ибо не в природе герцога Хаоса было долго задерживать внимание на чем-то одном, если только то не был вопрос чрезвычайной важности.

Огни погасли.

Эльрик по-прежнему стоял на обломке скалы, но теперь обломок этот лежал на вершине вполне реального холма, откуда открывался вид на небольшую долину, поросшую травой и усеянную кусками песчаника. С небес сыпал мелкий, колючий снег. Воздух был свежим и бодрящим, обжигающе-холодным, и альбинос с наслаждением растер лицо и руки, словно тщась оттереть грязь, ввевшуюся в кожу, после пребывания в Преисподней.

Приглушенное бормотание слышалось откуда-то снизу, и, опустив глаза, Эльрик увидел у самых ног рунный меч, брошенный им в падении. Должно быть, Ариох подхватил его и перенес сюда, и мелнибонзец вновь подивился могуществу своего покровителя. Подняв клинок, он прижал его к груди, точно младенца.

— Мы с тобой по-прежнему неразлучны, верный друг...

Затем он вложил меч в ножны и внимательно осмотрелся по сторонам. Над соседним холмом, кажется, курился дымок. Оттуда он и начнет поиски Ульшинира.

Хорошо, что он хотя бы успел натянуть сапоги, прежде чем броситься в погоню за Розой! Здесь, на острых камнях и колочей сухой траве, они ему здорово пригодились. И холод оказался ему не страшен, после того как Эльрик через силу проглотил очередную порцию драконьего яда.

Не прошло и часа, как по узкой тропинке он приблизился к каменному, крытому соломой домишке, от которого исходил запах тепла и уюта. За первым строением виднелось еще несколько похожих — приземистых, аккуратных, точно вросших в землю.

Эльрик вежливо постучал. Тяжелая дубовая дверь распахнулась, и молодая светлокожая женщина с нескрываемым любопытством уставилась на альбиноса, неуверенно улыбаясь. Краснея от смущения, она указала ему дорогу на Ульшинир. До побережья оставалось еще три часа хода.

Стало теплее. Снег кончился.

Пологие холмы, узкие лощины, вымощенная песчаником дорога, выющаяся среди зеленых лугов, медь и пурпур травы и вересковых пустошей; Эльрик наслаждался прогулкой. Он был рад возможности поразмыслить спокойно о требованиях Ариоха, о том, как же удалось Гайнору отыскать таинственных сестер. О том, что ждет его в Ульшинире.

И еще он гадал, удалось ли Розе остаться в живых.

Он и сам поразился, насколько это волновало его. Нет, поспешил он успокоить сам себя, все дело лишь в том, что ему не терпится до конца узнать ее историю.

Ульшинир оказался обычным прибрежным городком, полным крутоверхих крыш и острых шпилей, припорошенных снежком. В осеннем воздухе тянуло дымком, и это почему-то вселило в его душу покой и уверенность.

В потайном кармашке на поясе у Эльрика еще оставалось несколько монет, что дал ему с собой Мунглум; оставалось лишь надеяться, что золото здесь в ходу. По крайней мере, внешне Ульшинир казался самым обычным городом, похожим на тысячи других в Молодых Королевствах, и Эльрик сказал себе, что, вероятно, мир этот не так далек от его собственного. Это также несколько утешило его.

Горожане, спешившие по своим делам, взирали на альбиноса с явным недоумением, однако были вполне дружелюбны и с удовольствием показали дорогу на ближайший постоялый двор. Харчевня также напоминала тысячи других, где доводилось останавливаться страннику, и хотя не отличалась роскошью, зато оказалась уютной, теплой и чистой. Мелнибонэйцу подали густой эль, отдававший орехами, суп и пирог, и он остался доволен обедом. За ночлег он расплатился загодя, и пока хозяйка заведения отсчитывала сдачу серебром, принялся расспрашивать ее, не появлялись ли в здешних местах еще чужестранцы — к примеру, трое сестер.

— Верно, были они здесь. Темноволосые, бледнокожие красавицы, с такими чудными глазами — разрезом почти как у вас, сударь, только синие-синие. А уж до чего одежда роскошная и все пожитки! В Ульшинире женщины все глаза проглядели, на них любуюсь. Только вчера они отплыли — но куда, сколько мы ни гадали, неведомо. Хотя можете, сударь, представить, языками мы почесали немало. — Женщина снисходительно улыбнулась собственной слабости. — Легенды говорят, такой народ живет за Вязким Морем. А вы им друг будете? Или родственник?

— Просто у них есть одна вещица, что принадлежала моему отцу, — отозвался Эльрик небрежно. — Они случайно захватили ее с собой. Сомневаюсь даже, что они сами об этом знают... Так вы говорите, они уплыли на корабле?

— Вот из той бухты. — Хозяйка указала в окно на берег, где серые волны лизали два длинных причала. На конце каждого из них был установлен маяк. Сейчас там не было никаких суденышек, кроме рыбацких лодок. — На «Онне Пиртон» они уплыли. Это каботажник из Шамфирда, заходит к нам со всякой всячиной — иглками-булавками... Капитан Гнаррех обычно не берет пассажиров, но, мы слышали, сестры столько ему заплатили, что дураком бы он был, если бы отказался. Вот только куда они собирались плыть, нам узнать так и не удалось.

— А когда капитан Гнаррех вернется?

— Да не раньше будущего года.

— А что за земли лежат там, за горизонтом?

Хозяйка покачала головой и засмеялась, словно услышала особо удачную шутку.

— Сначала острова, а потом Вязкое Море. А уж что там, за морем,—если там хоть что-то есть — никому неизвестно. Простите, сударь, но вы странные вопросы задаете...

— И вы меня простите, сударыня, за мое невежество. Беда в том, что не столь давно на меня навели легкие чары, и разум мой отчасти затуманился.

— Тогда вам следует отдыхать, сударь, а не гнаться куда-то на край света!

— А на какой остров они могли бы пожелать попасть?

— Да на любой, сударь,—как тут угадаешь? Если хотите, отыщу вам старую карту. Где-то тут у нас валялась...

Эльрик принял древний портупан с благодарностью и поспешил подняться к себе в комнату, питая странную, ни на чем не основанную надежду, что при первом же взгляде на древнюю карту чутье подскажет ему, куда могли отправиться сестры. Однако полчаса спустя чутье его молчало по-прежнему, и, смирившись, он собрался было лечь спать, как вдруг ему показалось, что снизу донесся знакомый голос.

С радостным сердцем Эльрик, уж и не чаявший вновь увидеть приятеля, подбежал к лестнице и, перегнувшись через перила, увидел внизу, в зале, маленького рыжеволосого поэта, в старом своем камзоле, брюках, жилете и галстук, потрепанных и местами слегка обгоревших. Он торжественным голосом декламировал оду, за кото-

рую надеялся получить приют на ночь или хотя бы миску похлебки.

— *Золото — волосы у Гвиневир, щеки — кораллы, как море — глаза. И губы... от них оторваться нельзя. Изящнее всех и прекраснее всех — ее осияет Трагедии свет.*

— Боже правый, сударь! Я думал, вы тогда погибли, год назад! Как приятно видеть вас вновь! Поможете мне с поэмой, что я написал в вашу память. Боюсь, там много неточностей. Не уверен, правда, что она вам понравится. Помнится, такой стиль был вам не слишком по вкусу. Признаюсь, меня уж слишком потянуло на героикку. И к тому же ныне форму *баллады* многие считают уж слишком вычурной...

Он принялся шарить по карманам в поисках рукописи.

— Что уж там говорить о *триолете*. Или, тем более, о *ронделе*... Принц Эльрик покинул родные края — и вот он вернулся, на крыльях паря. Невеста встречает его во дворце, и радости слезы горят на лице... Должен признать, дорогой друг, как сие ни постыдно, но здесь я пытался потрафить вкусам толпы. Подобные безделицы всегда любимы публикой, а тема, я надеялся, привлечет внимание. Мне хотелось восславить вас и одновременно... Ага! Вот она, кажется... Хотя нет, это о бродяге-хагнитце, с которым мы познакомились на той неделе... Вы скажете, возможно, что *рондель* как размер не слишком-то подходит для эпоса... но в наши дни поэзию приходится *наряжать*... подслащивать, я бы даже сказал. Невинные ухищрения

помогают достичь цели. У меня, понимаете ли, не оставалось ни гроша...

Бедняга внезапно сник. Он устало опустился на лавку, плечи его поникли, и даже рыжий хохолок уныло обвис, а пальцы принялись с отвращением комкать какие-то бумажки.

— Что же, тогда я закажу вам поэму, — заявил ему Эльрик, спускаясь по лестнице в зал. Он ободряюще потрепал поэта по плечу. — В конце концов, разве вы сами не говорили мне, что самое достойное приложение сил для любого принца — это покровительствовать людям искусства?

Уэлдрейк просиял. Видно было, что он счастлив вновь обрести друга, которого уже и не чаял найти в живых.

— Должен признаться, сударь, последнее время мне пришлось нелегко.

В глазах его застыла такая мука, что альбинос не стал ни о чем расспрашивать поэта, лучше чем кто бы то ни было понимая, что тот сейчас жаждет лишь забвения. Тем временем Уэлдрейк, взяв себя в руки, принялся разглаживать на колене очередную бумажку.

— Да, вот она, эта баллада *In Memoriam*... увы, форма, возможно, слегка ограниченная. Но для пародии, сударь, уверяю вас, непревзойденная! *Воин скакал одинокой дорогою смерти. И столь одинокою эта дорога была...* — Искорка бывшего задора вспыхнула в его взоре, но тут же погасла, точно в душе Уэлдрейка не доставало необходимого горючего, чтобы дать ей разгореться. — Сказать по правде, сударь, я весьма

нуждаюсь в пище и питье. Я уже несколько месяцев не ел досыта.

Эльрик поспешил заказать другу ужин, не без удовольствия наблюдая, как тот, насытившись, вновь понемногу становится самим собой.

— Что ни говорите, сударь, но ни один поэт не творил шедевров на голодный желудок, хотя, согласен, за работой многие забывают о еде, но это совсем другое дело.

Уэлдрейк развалился на лавке, поудобнее пристраивая свой костлявый зад на деревянном сиденье, тихонько рыгнул и наконец испустил глубокий вздох, словно лишь теперь смог поверить, что фортуна все же улыбнулась ему.

— Я необычайно рад видеть вас вновь, принц Эльрик. И очень рад, что вы пожелали оказать мне покровительство, как подобает истинному вельможе. Надеюсь, вы позволите, чтобы техническую сторону вашего заказа мы обговорили поутру? Насколько мне помнится, вы лишь поверхностно интересовались стихосложением... вопросы рифмы и размера — Поэтические Вольности, Сочетания, Смешанный Размер — все эти частности, кажется, не слишком привлекали вас?

— Здесь я готов полностью положиться на ваш вкус, мой друг, — поспешил заверить его Эльрик. Он не устал поражаться, какую симпатию вызывает у него этот странный человек, чей блестящий ум был настолько углублен в себя самое, что утратил почти всякую связь с реальностью, цепляясь лишь за константы поэтического искусства. — Спешить нам некуда.

Буду рад, если вы согласитесь сопровождать меня в путешествии. Мы отправимся, как только покажется подходящий корабль. А если нет — я готов даже прибегнуть к небольшому колдовству...

— О нет, сударь, умоляю вас — если только в самом крайнем случае. Сказать правду, за последнее время магии мне хватило с избытком! — Мастер Уэлдрейк отхлебнул эля. — Впрочем, насколько я могу судить, для вас колдовство столь же обыденно и привычно, как для меня пекхэмский омнибус, так что в моих интересах держаться вас и дальше. Вы, по крайней мере, знакомы с Хаосом и его прихотями. Так что я с радостью принимаю и приглашение, и ваш заказ. Я необычайно рад видеть вас вновь, сударь. — С этими словами поэт уронил голову на грудь и захрапел.

Словно малого ребенка, принц-альбинос поднял его на руки и отнес в комнату. После чего, вернувшись к себе, продолжил до рези в глазах вглядываться в старую карту — где за островами большого рифа чернел необъятный, неизученный, загадочный океан, называемый здесь Вязким Морем. Он уже смирился с мыслью, что поутру ему придется искать лодку, чтобы посетить все острова один за другим, и, приняв такое решение, Эльрик наконец погрузился в сон. Разбудил его стук в дверь и бодрый голос горничной, возвещавший, что уже без малого тысяча пятнадцать часов (таково было странное времяисчисление в этом мире) и постоялец рискует остаться без завтрака, если немедленно не спустится в общую залу.

Есть ему не хотелось, однако Эльрик решил, что неплохо было бы выведать у Уэлдрейка, не удалось ли тому узнать что-то новое о трех сестрах. Каково же было его удивление, когда, сойдя вниз, он обнаружил, что поэт декламирует зачарованным слушателям стихи именно на эту тему — так, по крайней мере, ему показалось...

Старый лорд Сулис был маг именитый,
Мудрый, как ночь,
И унылый, как дождь,
И на весь мир знаменитый.

Было три замка у колдуна.
Один — на Восходе,
Другой — на Закате,
А третий — где Землю встречает Луна.

И было три дочери у старика.
Одну звали Жанна,
Вторую — Розанна,
Имя же третьей — как трель ручейка.

У первой корона из чистого золота,
Кольцо у второй,
Ну а третья сестра —
Душою и сердцем она лишь богата.

Горничная, жена и дочь хозяина, как зачарованные, внимали певучему голосу Уэлдрейка. Но Эльрика куда больше заинтриговали слова поэмы...

— Доброе утро, мастер Уэлдрейк. Прекрасные стихи.

— Благодарю вас, сударь.— Поэт поцеловал дамам ручки и с прежней живостью поспешил навстречу альбиносу.— Это баллада приграничья или откуда-то из тех мест...

— Так, значит, написали ее не вы?

— Затрудняюсь ответить честно, принц Эльрик.— Усевшись напротив мелнибонэйца, Уэлдрейк подал тому чашку с травяным настоем.— Только мед положить не забудьте.— Он подвинул горшочек.— Будет куда вкуснее... Есть вещи, которые я и сам не знаю точно, я ли их сочинил, или просто записал, или украл у кого-то из коллег — хотя не уверен, найдется ли среди них хоть один, кто превзошел бы Уэлдрейка. Поймите, я не считаю себя гением, но по части поэтического мастерства как такового мне нет равных. К тому же я написал слишком много. Такова моя натура и, возможно, мой рок. Умри я после того, как издал первый том или два, я бы сейчас покоился в Вестминстерском аббатстве.

Чувствуя, что сейчас он едва ли в состоянии выслушивать долгие и туманные объяснения о природе этого загадочного загробного мира, Эльрик, как уже вошло у него в привычку, попросту пропустил незнакомые слова мимо ушей.

— Но кто он такой, этот лорд Сулис?

— Чистой воды выдумка, насколько мне известно. Мне эта баллада вспомнилась при виде трех очаровательных дам на этом постоялом дворе, хотя возможно, что и три наши неуловимые сестры также сыграли свою роль. Конечно, если я вспомню дальше слова, я вам их немед-

ленно прочту. Но, сдается мне, это лишь совпадение, принц Эльрик. Множественная вселенная опирается на числа силы, а тройка издавна пользовалась особой любовью поэтов: видите ли, с помощью трех имен очень удобно вносить перекликающиеся изменения в длинные поэмы... именно такова природа повествовательных стихов. Увы, они понемногу выходят из моды. Артист может считать себя превыше сиюминутных требований, но кошелек его, к несчастью, нет. Но взгляните, что за странный корабль вошел ночью в бухту!

Эльрик не видел никакого корабля. Отставив чашку в сторону, он вместе с Уэлдрейком подошел к окну. Жена трактирщика с дочерью тоже высунулись полюбоваться на загадочное судно, все в черных и желтых разводах, гордо несущее на носу эмблему Хаоса. На мачте трепетал ало-черный флаг, посреди которого был начертан неведомый знак никому не известного алфавита.

На носу, занимая почти всю палубу, находилось огромное сооружение, затянутое черной тканью, — из-за его тяжести передняя часть корабля глубоко сидела в воде, а корма торчала над волнами. Время от времени сооружение сотрясали мощные конвульсии, затем все вновь успокаивалось. Невозможно было понять, что кроется за этим пологом.

Эльрик увидел, что из каюты в носовой части судна на палубу вышел человек и уставился, как показалось альбиносу, прямо на него. Мелнибонэйцу не удалось вернуть взгляд, поскольку в шлеме

не было видно прорези для глаз. Перед ним был Гайнор Проклятый, а флаг на мачте, вспомнил теперь Эльрик, принадлежал графу Машабеку. Два принца были непримиримыми противниками, как и их покровители.

Гайнор вернулся к себе в каюту, и вскоре с борта галеры на причал опустили сходни. Матросы с обезьяньей ловкостью закрепили трап, и на землю сошел парнишка лет пятнадцати, разодетый в шелка и бархат на пиратский манер, с абордажной саблей на поясе, и уверенным шагом завоевателя двинулся в город.

Лишь когда он оказался недалеко от постоялого двора, Эльрик узнал его.

И вновь, в который раз, поразился прихотливому движению вселенских сфер и необычным сочетаниям миров и событий, как внутри, так и вовне измерений Времени, что сделались возможны лишь благодаря неисповедимым путям бесконечности.

В то же время внутренний голос предупреждал его не поддаваться иллюзиям, ибо человек, которого он видел пред собой, вполне мог оказаться их жертвой, быть полностью преданным Хаосу и стать игрушкой в руках Гайнора.

И все же, судя по ее внешнему виду, по тому, как она шла, с задорной улыбкой оглядываясь по сторонам, Эльрик с трудом мог поверить, что слуге Машабека удалось поработить ее. Это было невероятно.

Он отошел от окна к двери, чтобы приветствовать ее, но его опередил Эрнест Уэлдрейк.

Синие глаза поэта широко распахнулись в радостном изумлении.

— Боже мой, Черион Пфатт, одетая под мальчика! Я влюблен! Вы повзрослели!

ГЛАВА ВТОРАЯ

Старые друзья и новые союзники

о времени их последней встречи Черион Пфатт и впрямь достигла расцвета женственности, и что-то во всех ее повадках указывало, что она действительно вполне уверена в себе, и это не пустая бравада. Она почти не удивилась встрече с Уэлдрейком, но глаза ее пытливо обшаривали полумрак таверны, и лишь отыскав Эльрика, она улыбнулась.

— Хозяин корабля поручил мне передать вам... вам, господа... приглашение на вечер,— произнесла она вполголоса.

— И давно вы на службе у принца Гайнора, сударыня? — поинтересовался Эльрик, стараясь, чтобы голос его не выдал никаких эмоций.

— Довольно давно, принц Эльрик... Практически с того самого дня, как мы встретили рассвет там, на мосту...

— А ваша семья?

Она пригладила каштановые волосы, рассыпавшиеся по шелку и кружеву рубахи. Веки на миг опустились.

— Семья, сударь? Именно ради них я и заключила сделку с принцем Гайнором. Мы ищем их все это время, после великой катастрофы.

Она коротко рассказала, что Гайнор освободил ее из заточения в каком-то далеком королевстве, где ей грозила смерть по обвинению в колдовстве. С помощью девушки он надеялся отыскать ее дядю и бабушку, ибо был уверен, что лишь они способны указать ему верный путь меж измерениями и привести к трем сестрам.

— Вы уверены, что они живы? — мягко спросил ее Уэлдрейк.

— Дядя и бабушка — точно, — отозвалась она. — В этом я не сомневаюсь. А мальш Коропит, как мне кажется, оказался очень далеко — или его скрывает от меня какая-то завеса. Но он жив... где-то там... — Простившись с друзьями, Черион направилась в город — купить, как она сказала, пару безделушек.

— Я правда, правда влюблен, — поведал Уэлдрейк мелнибонэйцу, который, не сдержавшись,

указал другу на досадную разницу в возрасте у них с избранницей. Поэту было уже под пятьдесят, тогда как девушке едва сравнялось восемнадцать.

— Это ничего не значит, когда два влюбленных сердца бьются в унисон, — восторженно отозвался Уэлдрейк, не зная точно, цитирует ли самого себя или кого-то из уважаемых им собратьев по перу.

Эльрик хранил молчание, никак не отвечая на излияния приятеля, в душе поражаясь странностям вселенной, этой поразительной сущности, которую он, будучи магом, до сих пор воспринимал лишь на языке символов.

Он размышляет о символе Весов, Равновесия, коего некогда жаждали достичь все философы, пока из любопытства или ради спасения души и тела не принялись заключать союзы — одни с Порядком, но большинство с Хаосом, как с силой более близкой самой природе магов. Так они сами себя лишили возможности добиться вожаделенной цели... для многих назначенной с рождения... для некоторых — предначертанной самой Судьбой. Лишь последним дано было понять, как они были обмануты и чего лишились.

Гайнор, бывший принц Всеобщего, понимал это лучше, чем кто бы то ни было, ибо познал совершенство — и утратил его.

В этот миг, закрывая за собой дверь самого обычного постоянного двора, Эльрик осознает, что страх его изменился, превратившись в необъяснимую решимость. Ледяное безумие ох-

ватывает его. Он ставит на кон не только собственную судьбу, не только душу отца — но нечто гораздо большее. С него довольно быть жертвой обстоятельств, игрушкой слепых сил, он решает вступить в игру между богами и сыграть с ними на равных, за себя и за своих смертных друзей, за тех немногих, кого он любит,— за Танелорн.

Пока это не более чем обещание, которое он дает самому себе, неоформленное и бессвязное,— но оно направит все его действия в будущем, заставляет презреть Тиранию Рока и волю богов, играющих его судьбой, имеющих на него права лишь благодаря сверхъестественной силе, которой он владеет. Отец принимал это как данность, принимал условия игры, где ставкой сделалась его жизнь и душа,— но Эльрик, его сын, отказывается принять ее...

Но не только это. В нем живет еще холодный гнев, ненависть к существу, что одним небрежным жестом уничтожило столько своих собратьев, даже не задумываясь об этом. Гнев его направлен не только на Гайнора, но и на себя самого. Может, именно поэтому он страшится Гайнора, ведь они так похожи! Если верить некоторым философам, они могли бы являть собой различные аспекты одного существа.

Потаенные воспоминания бережат душу, но он не позволяет им подняться на поверхность. И они вновь скрываются во тьме, подобно тварям немыслимой бездны, что внушают ужас всем, кто встретится на пути, однако сами страшатся дневного света...

Другая часть Эльрика, которую сам он называет гласом Мелнибонэ, честит его на все лады: к чему терять время на бесцельное самокопание! Он должен заключить союз с Гайнором — возможно, это даст ему силы бросить вызов противнику и одержать победу.

И даже временное перемирие могло бы пойти ему на пользу, помогло бы достичь определенных целей... но что потом?

Что будет, когда Ариох потребует у Эльрика то, что повелел ему найти? Возможно ли смертному обмануть герцога Преисподней — не говоря уже о том, чтобы одолеть его, изгнать из своего измерения?

Эльрик сознает, что именно эти крамольные мысли владели его отцом и привели к нынешнему печальному положению. С саркастической усмешкой он вновь усаживается за стол, чтобы покончить с завтраком.

До вечера, пока не встретится с Гайнором, он не станет принимать никаких решений.

Уэлдрейк бросает последний пылкий взгляд вслед исчезнувшей красавице.

Он извлекает из одного кармана пергамент, из другого — перо, из верхнего левого кармана жилета — походную чернильницу и принимается за сестину, затем за рондель, затем за виллянель...

После чего вновь возвращается к сестине...

Душа моя на крыльях мчит блестящих,
Но ей не воспарить при свете дня,
Ведь радость тайная Луною рождена
И грезами, что ночью тешат спящих.

Не дослушав, Повелитель Руин ускользает к себе, чтобы вновь погрузиться в созерцание карт и томительные раздумья. А Уэлдрейк делает паузу и с глубоким вздохом принимается за сонет...

— Или, я подумал, может быть, лучше Оду. Нечто подобное я писал в Патни.

Златая волна колыбельку качала.
Она, убаюкана ею, дремала.
И Море втайне благословляло
Ее той Зарей, что над миром вставала.
И тихо шептал ветерок легковейный
Ей о любви моей беспредельной.

— Добрый вечер, принц Гайнор. Полагаю, вы объясните нам, что подвигло вас уничтожить целый народ? По крайней мере, надеюсь, ваша софистика нас позабавит. — Маленький поэт не сводил пламенного взора с загадочного шлема, негодуя вздернув длинный нос и упираясь в бока кулаками. Здесь, на борту корабля, его не сдерживал ни страх перед их загадочным хозяином, ни нормы приличия — ведь речь шла о гибели целой нации!

Что касается Эльрика, он больше помалкивал, стараясь держаться в отдалении, как привык, еще будучи мелнибонэйским принцем. Прохлада в его манерах удивляла Уэлдрейка, но вот Мунглу-ма такое поведение друга ничуть не застало бы врасплох, окажись он сейчас здесь, а не в Танелорне.

Альбинос всегда вел себя таким образом, когда обстоятельства принуждали его к цинизму —

но цинизму необычному, сдобренному иными свойствами, для которых не находилось названия. Длинные пальцы белой, как кость, руки, покоятся на рукояти массивного рунного меча, голова надменно поднята, в глубине алых глаз таится сумрачное выражение, которого порой опасаются даже владыки Высших Миров. И все же он поклонился. Сделал движение правой рукой. Уверенно взглянул в глаза за прорезью шлема — глаза, где дымятся, сверкают, корчатся языки адского пламени.

— Добрый вечер, принц Гайнор. — В голосе Эльрика была обманчивая мягкость и одновременно острота стали, напомнившая Уэлдрейку о колючих когтях, скрытых в подушечках лап.

Бывший принц Равновесия чуть склонил голову набок — возможно, в знак иронии — и отошел напевным, звучным голосом:

— Рад видеть вас, мастер Уэлдрейк. Я лишь недавно узнал, что вы почитаете нас своим обществом. А вас, принц Эльрик, наши общие друзья твердо обещали мне, что я смогу отыскать в Ульшинире. — Он пожал плечами. — Сдается мне, наша встреча — доброе предзнаменование, и удача наконец улыбнется нам. Или мы всего лишь ингредиенты? Яйца в омлете безумного бога? Кстати, у меня превосходный шеф-повар. По крайней мере, мне так говорили.

К ним вышла Черион Пфатт в черном с белым одеянии из бархата и кружев, в котором красота ее сверкала, подобно самоцвету в ларце.

Сияющий Уэлдрейк изысканно приветствовал ее, и она ответила любезной улыбкой. Бок

о бок они двинулись вслед за Эльриком и Гайнором к передней кабине, мимо угрожающе раскачивающегося сооружения, закрытого непроницаемой тканью, на которое, однако, ни девушка, ни принц не обратили ни малейшего внимания.

Им был предложен ужин. И альбинос, обычно равнодушно относившийся к гастрономическим усладам, нашел стол превосходным. Принц позабавил гостей рассказом о своем путешествии в Араманди и Страну Мальв, где отыскал Ксерменифа Блюхе, лучшего повара Волофара. Такое впечатление, что они вновь оказались на званом обеде в Троллоне, позабыв обо всех своих необычайных приключениях и проблемах — о враждующих богах, похищенных душах и пропавших ясновидцах, — обсуждая достоинства суфле.

Принц Гайнор, восседавший во главе стола в резном черном кресле, обитом багровой тканью, повернулся к Эльрику, заметив, что всегда старался поддерживать определенные стандарты, даже в бою или командуя какими-нибудь недоумками, как часто приходится в эти дни. В конце концов, долг каждого, добавил он не без усмешки, удерживать в своей власти то, что еще можно удержать, — особенно сейчас, в преддверии Соединения, когда судьба становится столь неподатлива...

Эльрик, почти не слушая его, нетерпеливо оттолкнул тарелку и прибор.

— Почему бы вам не сказать прямо, принц Гайнор, зачем вы пригласили нас сюда?

— *Если ты мне скажешь, Эльрик, почему так боишься меня,*— неожиданно прошептал Гайнор в ответ, и холод Лимба сковал душу альбиноса.

Но тот не поддался, сознавая, что противник испытывает его.

— Я боюсь тебя, ибо ты готов на все, лишь бы обрести смерть. А поскольку жизнь не имеет для тебя ценности, тебя следует бояться, как всех подобных тварей. Ведь ты жаждешь власти лишь ради этой цели и не ведаешь ни ограничений, ни пределов в своих поисках. Вот почему я страшусь тебя, Гайнор Проклятый. И вот почему ты действительно проклят.

Безликое существо расхохоталось, запрокинуло закованную в металл голову; в прорезях вспыхнули и заметались безумные огни.

— А я боюсь *тебя*, Эльрик, ибо ты также проклят, но ведешь себя так, словно не ведаешь о том...

— Я не заключал таких сделок, как ты, принц.

— Твой народ заключил сделку за тебя! А теперь расплачивается за это: где-то неподалеку отсюда, в мире, что ты зовешь своим родным, последних из твоих сородичей силой сгоняют под знамена Хаоса, готовя к грядущей битве. Правда, то будет не последний бой. Но мы идем к нему. Уцелеешь ли ты, Эльрик? Или будешь испепелен, так что не останется и воспоминания — и даже стихи мастера Уэлдрейка проживут дольше тебя!

— Позвольте, сударь! Вы уже доказали всем, что вы непревзойденный злодей. Так оставайтесь хотя бы джентльменом! — И Уэлдрейк вновь обратил взор к своей возлюбленной.

— Как тебе мысль о вечной смерти, Эльрик? Ведь ты любишь жизнь так же, как я ненавижу ее. Наши заветные желания могли бы исполниться...

— Думаю, ты боишься меня, Гайнор, именно потому что я отказываюсь пойти на эту последнюю сделку,— возразил альбинос.— Я страшусь тебя, ибо ты всецело принадлежишь Хаосу. Но ты страшишься меня, потому что я никогда не буду принадлежать ему до конца!

Из-за шлема раздался негодующий звук, словно хрюкнула космическая свинья. Затем вошли трое матросов с тамбурином, свирелью и музыкальным мечом и затянули хором какую-то заунывную моряцкую песню. Ко всеобщему облегчению, Гайнор поспешил отослать их прочь.

— Прекрасно, сударь,— заявил Проклятый Принц, наконец взяв себя в руки.— Могу ли я тогда сделать вам предложение?

— Если вы хотите предложить, чтобы мы объединили наши силы для поиска трех сестер,— я готов подумать об этом,— отозвался Эльрик.— Что касается остального, то, полагаю, нам больше не о чем говорить.

— Достаточно будет и первого. Я хотел поговорить с вами именно о том, можем ли мы действовать заодно. Насколько я могу судить, всем нам нужно от сестер что-то свое. Нас швыряет туда-сюда по вселенной волею Рока и Высших Сил, ибо здесь замешаны интересы многих Владык. Вы согласны с этим, господа? — Теперь он обращался и к Уэлдрейку. Черион Пфатт откинулась на стуле. Ей, похоже, замысел принца был известен.

Все согласно кивнули.

— В чем-то наши интересы не совпадают,— продолжил Гайнор,— но, в общем-то, нам нечего делить. Я вижу, вы того же мнения. Тогда давайте отправимся на поиски сестер, а заодно и семейства Пфатт. И будем действовать заодно до тех пор, пока нам это выгодно.

Так Эльрик Мелнибонэйский и мастер Эрнест Уэлдрейк приняли предложение Проклятого Принца и согласились отплыть вместе с ним наутро. Оставалось лишь нанять в Ульшинире нескольких матросов из числа самых храбрых или отчаянных.

— Кстати, принц Гайнор,— заметил Эльрик на палубе, помимо воли прислушиваясь к шорохам, парканью и стуку, доносившимся сверху, из-под завешенного тканью сооружения.— Вы до сих пор ничего не сказали нам о том, куда направляетесь. Должны ли мы довериться вам в выборе направления, или вы скажете, на какой остров направились сестры?

— Остров? — Шлем Гайнора потемнел, словно в удивлении, и черно-синие сполохи замерцали, вихрясь, на гладкой непроницаемой поверхности.— Какой остров, сударь? Острова нам ни к чему.

— Так куда же тогда подевались сестры?

— Туда же, куда направимся и мы. Хотя, я боюсь, что по пути нам их едва ли удастся перехватить.

— А куда направляемся *мы*? — поинтересовался Уэлдрейк со вполне оправданным нетерпением.

Шлем вновь склонился вбок, словно выражая насмешку, и музыкальный голос отозвался с нескрываемым самодовольством:

— Сударь, я думал, вы давно догадались. Завтра утром мы отплываем и берем курс на Вязкое Море.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ
Странствия
по Вязкому Морю;
потерянный клинок

Лишь когда Ульшинир скрылся за горизонтом, а рифы еще не возникли впереди, Гайнор Проклятый распорядился «дать ящерке немного света», и матросы, неохотно повинувшись, скатали черную ткань, обнажив огромную стальную клетку. В ней оказалось странное чешуйчатое существо, помесь ящерицы с жабой. Огромные глаза навывкате растерянно мигали,

ноздри подрагивали, и длинный розовый язык трепетал в полуоткрытой алой пасти. Конечности твари были узловатыми и мощными, точно стволы. Похоже, ей было тяжело дышать — ящерожаба дрожала и корчилась с каждым вздохом.

Прикрытые зелеными веками глаза, похожие на черные самоцветы, устремились на Гайнора, стоявшего на нижней палубе. Красные вывороченные губы зашлепали, смыкаясь и разжимаясь, и хриплые горловые звуки сорвались с них — Эльрику понадобилось время, чтобы осознать, что звуки эти складываются в слова.

— *Я недоволен, хозяин. Я голоден.*

— Скоро ты поешь, мой милый. Очень скоро.

С усмешкой вскарабкавшись по сходному трапу, Гайнор ухватился за прутья клетки, глядя на гигантского ящера, размерами и весом превосходившего человека раз в пять, если не более.

Уэлдрейку совершенно не хотелось приближаться к твари. Он отступил, вызвав смех Черион Пфатт, которая бесстрашно подошла к существу, нежно что-то воркуя.

— Что за жалкое создание, — заметил Эльрик, поглядывая на ящера не без сострадания. — Где вы его отыскиали? Или это подарок графа Машабека — тварь, которую не стал бы терпеть и сам Хаос?

— Кхоргах родом из соседнего мира, принц Эльрик, — отозвался Гайнор весело. — Он поможет нам пересечь Вязкое Море.

— А что лежит за ним? — поинтересовался альбинос, наблюдая за Черион Пфатт, которая острием меча принялась почесывать гадине пузо, на

что та отозвалась довольным хрюканьем и урчанием, не переставая, однако, жаловаться на голод.

— Этот Кхоргах жил в Вязком Море?

— Не совсем,— пояснил Гайнор.— Но меня уверяли, что этот океан ему знаком. Я искал его три года, пока не нашел у одних торговцев. После чего мы отправились вдоль берега в поисках Ульшинира...

— Мы искали вас,— сказала Черион.— Я знала, что вы будете здесь. А позже почувствовала и сестер. Мне показалось, они преследуют вас. Но вы тоже ощутили их присутствие. Я и не знала, что вы ясновидец.

— Увы, этого дара я лишен,— ответил Эльрик.— По крайней мере, в вашем понимании. Я не выбирал, где мне оказаться. Насколько я понимаю, для всех вас прошли годы. Но для меня миновало лишь несколько дней с того мига, как я последовал за вами в огненную бездну. Уэлдрейк странствовал не меньше года. Так что, если мы отыщем сестер или вашу семью, они вполне могут оказаться младенцами — или дряхлыми стариками.

— Не нравится мне это,— бормочет Уэлдрейк.— Хаос всегда был мне не по нутру, хотя критики никогда в это не верили. Меня учили, что существуют некие всеобщие законы, коим подчиняется все сущее. Но теперь я понимаю, что законов этих куда меньше, да и они могут меняться по прихоти Высших Сил, и эта мысль тревожит меня.

— Отца это тоже тревожило,— отозвалась Черион.— Он всегда мечтал жить в мире и спокойствии. Но ему не позволили даже этого. Хаос

лишил его брата, жены и сестры. Что касается меня, я смирилась с неизбежным. Я сознаю, что живу в множественной вселенной. Меня учили, что она подчиняется великой и нерушимой логике, у нее свои пути и меры — но в то же время она столь необъятна, столь разнообразна и многолика, что порой кажется, будто правит ею слепой Случай. А значит, жизнь моя подвластна, увы, не постоянству, обещанному Порядком, но прихотям Хаоса.

— Как вы пессимистичны, моя любезная госпожа. — Уэлдрейк бы огорчен до глубины души. — Но не лучше ли считать, что в существовании нашем все же есть логика и смысл?

— Поймите меня правильно, мастер Уэлдрейк. — Девушка ласково тронула его за руку. — Я эту логику приняла — но это логика силы и завоеваний...

— Так же думали и мои предки, — заметил Эльрик негромко. — Они воспринимали вселенную как игру случайностей и создали философию, призванную упорядочить то, что видели перед собой. Им казалось, раз уж их мир во власти непостоянных Высших Владык, то нужно добиться как можно большей власти — стать наравне хотя бы с младшими божествами. Стать сильными, чтобы заставить Хаос считаться с ними. Ну и что дала им эта сила? Куда меньше, полагаю, чем добился ваш отец...

— Папа глупец, — отрезала Черион, положив тем самым конец разговору. Она отвернулась и принялась почесывать ящеру спину, не сводя задумчивого взора с горизонта, где появились темные хребты островов — последняя преграда, если

верить ульшинирцам, отделявшая обитаемый мир от необитаемого.

До путешественников донесся рокот прибоя, бурлившего у подножия черных вулканических скал.

— *Я недоволен, хозяйка. Я голоден.* — Ящер посмотрел на Черион в упор, и Уэлдрейк вдруг осознал, что у него есть соперник. Подобного смешения эмоций — смеха, ревности и глубокого ужаса одновременно — ему еще испытывать не доводилось.

Эльрик также заметил, с каким выражением смотрела тварь на Черион, и нахмурил брови. Тревожное предчувствие шевельнулось в душе, но оно было слишком расплывчатым. Со временем, он знал, чувство созреет, проникнет в сознание, будет облечено в слова. А пока он улыбнулся, наблюдая за смятением Уэлдейка.

— Не бойтесь, дружище. Пусть вам не достает красоты и очарования этого удивительного создания, но умом вы явно его превосходите.

— Вы правы, сударь. — Поэт смеялся сам над собой. — Хотя ум в любовной игре зачастую мало что значит! Но пока не придумано стихотворной формы, чтобы передать такую историю — как человек соперничал с рептилией из-за красавицы! О, какая сердечная боль! О, неуверенность! О, сладкое безумие!

Внезапно он запнулся, поймав устремленный на него взгляд чудища, которое, казалось, ловило каждое его слово.

Затем оно открыло пасть и с расстановкой проговорило:

— *Ты не получишь мое яйцо...*

— Совершенно верно, сударь. Именно об этом я и толковал моему другу. — С преувеличенно изысканным поклоном, поразившим Эльрика, Уэлдрейк отправился на корму, где у него, похоже, вдруг нашлись срочные дела.

Из вороньего гнезда раздался крик впередсмотрящего, и Гайнор — который все это время взирал вдаль, стоя совершенно недвижимо, точно душа оставила его, — вдруг пробудился к жизни.

— Что? Ах, да. Штурман. Приведите штурмана.

И вот с правого борта нижней палубы поднимается седоволосый человек, чья кожа иссечена дождем и ветром, но давно не знала солнца, чьи глаза взирают на свет с болью и одновременно с радостью. Он растирает запястья, на которых еще видны рубцы от веревки. Он втягивает соленый воздух и улыбается, как будто вспоминает о чем-то.

— Штурман. Теперь ты можешь заслужить свободу, — говорит ему Гайнор, указывая на мерно вздымающийся и опускающийся нос судна, которое набирает ход, подгоняемое ветром, и несется прямо на скалистые острова, что торчат впереди, точно черные гнилые зубы в оскаленной пасти океана.

— Да, могу убить нас всех и забрать с собой в Преисподнюю, — отзывается тот небрежно. На вид ему лет сорок пять. Волосы и борода у него клочковатые, с проседью, взгляд серо-зеленых глаз странно пронизывающий, и он щурится, хотя солнце осталось у него за спиной; в каждом движении сквозит наслаждение вновь обретенной свободой. Не обращая внимания на гигантского ящера,

точно видит таких красавцев каждый день, он огибает клетку и подходит к Гайнору.

— Лучше бы вам выбрать парус, как только сможете! — Штурман силится перекрычать поднявшийся ветер. — Или разверните галеру и попробуйте зайти еще раз. Еще немного — и нас выбросит на скалы!

Обернувшись, Гайнор принялся отдавать приказы. Эльрик с удовольствием наблюдал за ловкими, слаженными действиями команды. Корабль развернули так, что парус обвис, и поспешили убрать, пока ветер не наполнил его вновь. Не теряя времени, штурман прокричал матросам, чтобы те сели на весла — только так можно было пройти эти рифы на краю света.

Желтый с черным корабль медленно и осторожно двинулся вперед. Подводные течения норовили утащить его каждый в свою сторону; галерато и дело терлась бортами о камни, протискиваясь между базальтовыми и обсидиановыми столпами; ветер ревел и стонал, волны обрушивались на скалы, и весь мир казался во власти первозданного Хаоса. К полудню им удалось преодолеть лишь первую полосу рифов и бросить якорь в спокойных водах перед второй грядой. Штурман велел команде как следует поесть и отдохнуть. До завтра они все равно с места не двинутся.

На другой день они вновь устремились в какофонию и сумятицу обезумевшего моря. Штурман держался уверенно. Он выкрикивал команды, порой сам брался за руль, порой забирался на мачту, чтобы своими глазами увидеть, что их ждет впереди. Ясно было, что он уже не раз проходил эти рифы.

И вновь река прозрачной синевы и белый песок на дне; еще одна полоса спокойствия — и штурман дал им еще день отдыха.

Лишь на двенадцатый день они достигли последних рифов, и все взоры с опаской устремились на черные волны, подобно жирному дыму ложившиеся на побережье из оплавленного, отполированного обсидиана. Воды Вязкого Моря вздымались и падали с ужасающей неспешностью, с низким гулом, едва слышным человеческому уху. В остальном же над темными медленными водами царило абсолютное безмолвие.

— Оно словно из холодного расплавленного свинца, — воскликнул Уэлдрейк. — Это противоречит всем законам природы! — И тут же сам пожал плечами, словно гадая, чему же тут удивляться. — Но как мы его переплывем? Мне представляется, что поверхностное натяжение здесь гораздо...

Штурман, устало сидевший у бортика, поднял голову.

— Переплыть его можно. Это доказано на опыте. Да, океан этот соединяет многие миры, но есть мореходы, для кого он столь же привычен и знаком, как те воды, что мы оставили позади. Смертные изобретательны и ухитряются проникнуть куда угодно.

— А это море не опасно? — поинтересовался Уэлдрейк, взирая на него с неподдельным отвращением.

— Весьма опасно, — отозвался штурман, но в голосе его звучало пренебрежение. — Хотя некоторые, возможно, сказали бы, что когда опасность узнаешь ближе, она уменьшается...

— Или наоборот, возрастает,— с чувством заметил Эльрик. Взглянув напоследок на Вязкое Море, он ушел вниз, в их с Уэлдрейком каюту. В тот вечер он остался там, предаваясь размышлениям, коими не мог поделиться ни с одним живым существом, тогда как Уэлдрейк присоединился к команде, праздновавшей успешное прохождение через рифы и набиравшейся отваги перед дальнейшим путешествием.

Однако поэт напрасно надеялся разузнать там побольше о загадочном штурмане, которого Гайнор взял на борт всего за несколько дней до стоянки в Ульшинире. Не удалось ему также познакомиться с обожаемой Черион. Возвращаться в каюту ему не хотелось, к тому же он опасался потревожить Эльрика, а потому остался на палубе, слушая, как лениво плещет вода о гладкий обсидиан и вспоминая египетскую Книгу Мертвых и легенды о божественном лодочнике Хароне,— ибо Уэлдрейку и впрямь чудилось, будто он оказался на берегу загробного океана, чьи волны лижут берега самого Лимба.

Рядом в клетке, крепко зажмурившись, спало чудовище. Оно храпело, сопело и причмокивало толстыми пористыми губами, и в этот миг поэт ощутил нечто сродни жалости к этому созданию, пойманному Гайнором в ловушку, как и все остальные на корабле. Луна выскользнула из-за туч, отражаясь в чешуйках твари, озаряя синеватым светом кожистые складки шкуры и полупрозрачные перепонки между огромными пальцами, и, глядя на это, Уэлдрейк поразился столь странному сочетанию уродства и красоты.

Затем он подумал о себе самом, на ум ему пришла строка, ритм, он зашарил по карманам в поисках пера, чернил и пергамента и при свете луны принялся сочинять поэму, полную романтических противопоставлений Поэта Уэлдрейка и Ящера Кхоргаха — что было отнюдь не просто, подумал он не без самодовольства, особенно если попытаться сделать это двухстопным ямбом...

Труба гремит.
Душа болит.
Кто поздно встал —
Тот проиграл.

Это занятие так поглотило его, что лишь под утро голова поэта наконец коснулась подушки, и он погрузился в сладостные любовные грезы.

На рассвете все, кроме Уэлдрейка, собрались на палубе. С низко нависшего неба лениво сочился дождь. За ночь стало очень жарко и влажно. Эльрик от всей души пожалел, что не может ходить обнаженным. Такое впечатление, что он двигался в теплом меду. Штурман был на носу, рядом с ящером; казалось, они о чем-то совещаются. Затем седоволосый моряк вернулся к Гайнору, Черион и Эльрику, дожидавшимся под навесом, по которому с унылой монотонностью барабанили дождевые капли. Он стряхнул воду с рукава шерстяной рубахи.

— Эта гадость как ртуть. Попробуйте проглотить пару капель. Вреда не будет, но у вас это вряд ли получится: придется жевать. Ну ладно, принц Гайнор Проклятый, мы заключили сделку и пер-

вую часть я исполнил. Теперь ты должен вернуть то, что мне принадлежит. Ты обещал сделать это, прежде чем мы войдем в Вязкое Море.

Взгляд серо-зеленых глаз был прикован к мерцающему племени. Это был взгляд человека, не знавшего страха.

— Верно, — говорит Гайнор. — Так мы договорились... — Он колеблется, точно раздумывая, не нарушить ли обещание, но решает, что больше выигрывает, если исполнит его... — И, разумеется, я сдержу слово. — Он уходит с палубы вниз, возвращается с небольшим свертком, похожим на свернутый плащ, и отдает его штурману. На миг глаза того вспыхивают странных огнем, рот кривится в усмешке, затем лицо его вновь становится невыразительным. Со свертком под мышкой он возвращается к клетке и перебрасывается еще несколькими словами с ящером. Затем принимается отдавать команды:

— Впередсмотрящего наверх! Гребцы по местам! Парус поднять!

Штурман уверенно расхаживает по черному с желтым кораблю — опытный мореход, человек недюжинного ума и способностей, такой, каким и должен быть истинный капитан, — он подбадривает, насвистывает, шутит со всеми, даже с гигантским ящером, который, выбравшись из отпертой Черион клетки, вскарабкался потихоньку на нос и улегся там на палубе, глядя, как судно входит в узкий проход между скалами (указанный штурманом), где черные волны встречаются с белыми и легкая пена смешивается с висящими в воздухе каплями жидкого свинца. Нос корабля — острый, точно бритва, на манер *бакрасимов*

Вильмирского полуострова,— взрезает эту густую массу.

Теперь приказы хриплым ревом отдает ящер, а штурман передает их рулевому, и они входят в Вязкое Море, входят во тьму, входят в мир, где от неба, похожего на растянутую шкуру, отражаются все звуки и отголоски звуков, и кажется, будто голоса мириад мучеников бьются в истерзанные уши, и за их гвалтом ничего нельзя расслышать. Они уже готовы просить принца Гайнора, который сам встал теперь у руля, развернуть корабль, ибо еще немного, и все они погибнут от этой пытки.

Но Гайнор Проклятый не внемлет. Мерцающий плем ограждает его от буйства голосов, закованное в броню тело бросает вызов вселенной, ее природным и сверхъестественным силам и любовью иной угрозе! Смерть никогда не страшила его.

Ящер храпит и машет лапами, штурман передает команды знаками, Гайнор поворачивает рулевое колесо то туда, то сюда, совсем понемногу, как умелая ткачиха — свое полотно, а Эльрик, зажав уши руками, ищет, чем бы их заткнуть, ибо страдания его невыносимы и мозг грозит лопнуть от боли. На палубу поднимается бледный, как призрак, Уэлдрейк...

...и шум стихает. Безмолвие смыкается над кораблем.

— У вас то же самое,— вздыхает поэт с видимым облегчением.— А я боялся, это вчерашнее вино. Или поэзия...

Пораженный, он взирает, как медленно кружит вокруг них слоистая мгла, возводит взгляд к

небесам, с которых все еще катятся капли дождя, и без слов возвращается в кабину.

Вязкое Море колыхнется, и корабль медленно движется сквозь жидкий лабиринт. Ящер урча отдает приказы, штурман кричит, и Гайнор поворачивает к югу. Тварь судорожно машет перепончатой лапой, рулевое колесо крутится вновь, и судно плывет вперед. На лицах команды сумрачное ликование, они принюхиваются к запаху страха, исходящему от черных волн. Как псы — крови, они жаждут этого страха, втягивают в себя густой воздух, они чуют опасность и смерть, они пробуют ветер, как хлеб. А ящер со стоном отдает приказы, пасть его влажная от вождения, и пар от дыхания клубится у темных ноздрей, ибо скоро его ждет пища.

— *Хозяин, я голоден!*

— Скоро, Кхоргах, уже скоро!

Волны перекачиваются по палубе, подобно ртути, и кажется, что еще чуть-чуть, и нос галеры завязнет в них. Наконец судно останавливает ход. Схватив веревку, ящер бросается в воду, растопырив лапы, и, едва натяжение разрывается, совершает очередной прыжок, волоча корабль за собой. На несколько мгновений вода сохраняет отпечатки, но нос взрезает волны, стирая их, а ящер уже движется дальше, фыркая от наслаждения, когда тяжелые капли падают на чешуйчатую спину.

Звуки отражаются откуда-то сверху и отдаются слабым эхом, так что кажется, будто они оказались в огромной пещере, живом воплощении Хаоса. Затем тварь возвращается, медленно карабкается на борт, вновь пробирается на нос и

укладывается у самого бушприта, штурман становится рядом, а Гайнор берется за руль.

Эльрик, зачарованный, смотрит, как тяжелые капли с блестящей шкуры скатываются в море. В мутной мгле над головой появляются грязно-бурые и синие проблески — это солнце, не похожее ни на одно виденное ими прежде. Воздух такой густой, что они задыхаются в нем, как вытасченные на берег рыбы, и кто-то из матросов падает на палубу без чувств, но Гайнор ни единым движением, ни единым кивком не предлагает им остановиться. Да никто больше и не просит его об этом.

Эльрику приходит на ум, что теперь они все едины: столько испытав на своем пути, они больше не боятся того, что их ждет впереди. И меньше всего — гибели. В отличие от Гайнора, эти люди не стремятся умереть. Хотя, без сомнения, убили бы себя, если бы жизнь не казалась им привлекательнее смерти. Их чувства сродни тем, что нередко испытывал и Эльрик, — это ужасная, невыносимая скука перед лицом человеческой продажности и глупости, — но альбиносу было ведомо и иное ощущение, оставшееся ему в наследство от предков, еще до основания Мелнибонэ, когда народ его был мягкосердечен и смирялся с реальностью, не пытаясь изменить ее силой; в нем жила память о справедливости и совершенстве.

Встав у бортика, он смотрел на медленно вздымавшиеся воды Вязкого Моря, гадая, как же отыскать трех сестер в этой мутной тьме. Да и у них ли еще эта шкатулка из черного дерева? И там ли еще душа его отца?

Показались Черион Пфатт с Уэлдрейком, который декламировал какие-то стихи с завораживающе простым ритмом. Внезапно сконфузившись, поэт умолк.

— Что-то в этом роде было бы полезно для гребцов,— заметила девушка.— Им нужен мерный ритм. Уверяю вас, мастер Уэлдрейк, у меня нет ни малейшего намерения выйти замуж за этого ящера. Я вообще не хочу замуж. Я же рассказывала вам, что думаю об опасностях семейной жизни.

— Безнадежная любовь! — взвыл Уэлдрейк почти с облегчением. Он швырнул за борт листок бумаги, и тот закачался на тяжелых волнах.

— Как вам будет угодно, сударь! — Она задорно подмигнула Эльрику.

— Я вижу, вы пребываете в отличном расположении духа,— заметил альбинос.— Это странно, учитывая все опасности нашего путешествия.

— Я чую близость сестер,— ответила она.— Я так и сказала принцу Гайнору. Ощутила их час назад. И теперь чувствую. Они вернулись в этот мир. А раз они здесь, то скоро мои отец и бабушка, а может, и брат тоже отыщут их.

— Вы надеетесь, сестры помогут вам встретиться с родными? Поэтому вы и разыскиваете их?

— Я верю, что если они живы, то мы обязательно встретимся. И без сестер нам не обойтись.

— Но ведь Роза с мальчиком погибли.

— Я говорила, что не знаю, где они. Я не говорила, что они мертвы... — Она явно страшилась худшего, но не желала это признавать.

Эльрик не стал настаивать. Он знал, что такое скорбь.

Корабль Хаоса плыл все дальше, в гнетущем безмолвии Вязкого Моря, которое нарушали лишь урчание огромного ящера и голос штурмана.

Ночью они бросили якорь, и все, кроме Гайнора, ушли вниз. Проклятый Принц расхаживал по палубе мерным шагом, почти в такт ленивым волнам, и несколько раз Эльрик, которому не спалось, слышал, как тот вскрикивал удивленно:

— Кто здесь?

Альбинос не знал, что за твари могут обитать в Вязком Море. Может быть, подобные их ящеру, но куда более опасные?

Когда Гайнор вскрикнул в третий раз, мелнибонзеец не выдержал и, одевшись и прицепив меч, поднялся на палубу. Уэлдрейк, пробудившись, что-то встревоженно пробормотал ему вслед, но альбинос не отозвался.

Он озирался в солоноватом тумане в поисках Гайнора, как вдруг совсем рядом за бортом заметил очертания какого-то огромного сооружения. Это не могло быть нечем иным, кроме корабля, однако внешне он скорее походил на зубчатую башню, с вершины которой уже сползали на веревках полдюжины пиратов, вооруженных пиками и гарпунами... оружие примитивное, но вполне пригодное для боя.

Однако, заметил Эльрик про себя с усмешкой, с рунным мечом никакого сравнения!

И, обнажив черный клинок, он, как был босиком, устремился на нападающих.

Над головой у них, на носовой палубе, на миг показался штурман, взглянул на происходящее и принялся карабкаться вверх по снастям.

— Драмийские морские разбойники! — крикнул он Эльрику. — Им нужен наш ящер! Без него мы погибнем!

Штурман исчез. Первый пират бросился на альбиноса, норовя проткнуть того пикой...

...и умер почти мгновенно, не успев даже понять, что произошло, извиваясь, как выброшенная на берег рыба. Душу его всосал Приносящий Бурю...

Рунный меч заурчал от удовольствия. Песнь его делалась все более звучной и алчной — и разбойники гибли один за другим.

Эльрик, привыкший сражаться со сверхъестественными силами, стоял среди трупов, подобный косарю в летний солнечный день. На долгу команды и Черион выпало прикончить остальных, которые тщетно искали спасения на своем корабле...

...Но мелнибонэец, опередив их, сам вскарабкался по веревке, которую один из пиратов в отчаянии пытался рассечь своим гарпуном. Эльрик добрался до него раньше и вонзил разбойнику клинок меж ребрами, глядя, как тот корчится в агонии. Пират пытался удержаться за канат, затем обеими руками уцепился за меч, словно пытаясь помешать его пиршеству. Он пытался выдернуть клинок из груди, затем бросился в воду, темневшую между бортами кораблей, и, повинуясь неожиданному импульсу, Эльрик выпустил Приносящего Бурю из рук, невозмутимо взирая, как падают в бездну адский меч и его жертва. Безоружный, альбинос вскарабкался на башню и, перебравшись через зубчатое ограждение, принялся разглядывать пиратское судно. Оно отлича-

лось поразительной стройностью — должно быть, лишь такие корабли могли плавать в этом странном море. Утлегари судна были подобны конечностям огромного водного насекомого.

Внезапно из открывшегося люка на палубу, ухмыляясь в предвкушении добычи, хлынули вооруженные гарпунами и длинными кинжалами пираты. Как он мог так сглупить?! Эльрик попятился, отыскивая путь к спасению.

Разбойники явно наслаждались своим превосходством и не собирались торопиться. Первый взмахнул кривым ножом, похожим скорее на ятаган. Широкое изогнутое лезвие просвистело в воздухе.

Им почти удалось окружить альбиноса, как вдруг где-то над головой он услышал утробное урчание. Первой мыслью Эльрика было, что это ящер незаметно пробрался на корабль пиратов. Но нет. Огромный серый пес с грозным рыком бросился вперед и впился в глотку одному из нападавших, а затем принялся терзать тело, пока не полетели кровавые ошметки. И горделиво вскинул голову, глядя вслед обратившимся в бегство пиратам. Эльрик не знал, откуда взялся его неожиданный спаситель, да это не слишком и заботило его сейчас. Поблагодарив пса, он отглядел палубу чужого корабля, где его спутники расправлялись с последними разбойниками. При виде его Черион взмахнула окровавленным кинжалом и торжествующе закричала.

Немногие уцелевшие в панике метались от борта к борту, ибо теперь к ним приближалась — шамкая жирными губами, хрипло и тяжело дыша, алчно блестя глазами — та самая тварь, за которой они явились сюда. Серый пес исчез.

Кхоргах помедлил мгновение, неспешно перевалился через борт и вопросительно склонил голову.

С корабля Хаоса донесся голос Гайнора, полный злобного восторга:

— *Да, ящер! Да, мой славный, теперь ты можешь поесть!*

Позже, когда останки пиратского судна догорали во тьме Вязкого Моря, а Кхоргах, сложив лапы на раздувшемся пузе, храпел в своей клетке, рядом с которой устроилась на палубе Черион, словно лишь там чувствовала себя в безопасности, Эльрик неспешно прошелся по палубе в поисках рунного меча.

Он не верил ни на миг, что сумел избавиться от клинка, когда швырнул его в море. В прошлом, сколько он ни пытался расстаться с Приносящим Бурю, тот всегда отыскивал хозяина. Но не теперь... Он уже горько пожалел о недавней бравате. Меч мог вскоре понадобиться ему. Неужели некая потусторонняя сила похитила клинок? В волнении альбинос продолжил поиски.

Он искал рунный меч повсюду на корабле. Это было невозможно! Эльрик ни на миг не сомневался, что тот вернется к нему. Но пропали также и ножны, а это наводило на мысль о краже. Искал он также и загадочного пса, который появился из ниоткуда, чтобы спасти его, и так же стремительно исчез. У кого на борту могла быть собака? Или она жила на корабле пиратов и воспользовалась шансом отомстить бывшим хозяевам?

Он стоял на палубе, прямо над каютой Гайнора, когда вдруг услышал знакомый звук — низкий, призывный вой. Сила Проклятого Принца

привела его в смятение: никому из смертных не удалось бы взять в руки рунный меч, особенно когда тот насытился душами убитых.

Эльрик на цыпочках приблизился к двери. Теперь за ней воцарилось молчание.

Дверь оказалась не заперта. Гайнор не боялся никого из смертных.

Помедлив мгновение, альбинос ворвался в кабину. Вспышка желтого света ослепила его, и раздался оглушительный визг. Принц вышел ему навстречу, поправляя шлем. Одна рука его, как обычно, была в стальной рукавице, другой он сжимал черный меч. Руны на клинке трепетали и шипели, словно сам меч сознавал, что произошло нечто невероятное. Однако Эльрик заметил, что Гайнор дрожит от напряжения и ему пришлось стиснуть рукоять обеими руками, чтобы удержать оружие, хотя внешне он старался казаться невозмутимым.

Эльрик протянул раскрытую ладонь:

— Даже тебе, Проклятый Принц, не дано безнаказанно владеть моим рунным мечом. Неужто ты не знаешь, что мы с ним — одно? Не знаешь, что мы с этим клинком — братья? И что у нас есть и другие родичи, что всегда готовы прийти нам на помощь? Ведомо ли тебе, что за оружие ты держишь в руке?

— Лишь то, о чем гласят легенды.— Гайнор вздохнул.— Но мне захотелось узнать самому. Не одолжишь ли ты мне свой меч, принц Эльрик?

— Проще мне было бы одолжить тебе руку или ногу. Верни мне его.

Гайнор медлил. Он внимательно разглядывал руны, изучал балансировку клинка. Затем вновь стиснул рукоять.

— Я не боюсь смерти от твоего меча, принц Эльрик.

— Не думаю, что у него достанет на это силы, Гайнор. А ты желал бы этого, не так ли? Он способен забрать твою душу. Может изменить тебя, превратить в чудовище. Однако лишит тебя жизни — сомневаюсь...

Прежде чем вернуть альбиносу оружие, закованный в броню воин задумчиво провел по клинку пальцем.

— Может, это и есть сила противоравновесия...

— Никогда о такой не слышал. — Эльрик повесил ножны на пояс.

— Говорят, эта сила превышает даже владык Высших Миров. Самая опасная, жестокая и действенная во всей множественной вселенной. Говорят, противоравновесие способно одним ударом изменить всю природу мироздания.

— Мне ведомо лишь одно: Рок свел нас с этим мечом, — промолвил Эльрик. — Наши судьбы связаны неразрывно. — Он не без любопытства осмотрелся по сторонам. Кабина Гайнора показалась ему более чем скромной. — Меня мало интересуют вопросы мироздания, принц. И желания мои куда скромнее, чем у большинства. Мне нужны лишь ответы на некоторые вопросы, которые я задаю сам себе. Я был бы рад никогда в жизни не знать о владыках Высших Миров, их затеях и интригах. Да и о Равновесии тоже.

Гайнор отвернулся.

— Странное ты создание, Эльрик Мелнибонэйский. И мало пригоден быть слугой Хаоса, как я погляжу.

— Я, вообще, мало для чего пригоден, сударь,— отозвался на это Эльрик.— Служение Хаосу — это просто семейная традиция.

Шлем Гайнора развернулся к альбиносу.

— Так ты думаешь, что возможно полностью изгнать и Хаос, и Порядок... Изгнать их из всей вселенной?

— Не уверен. Но я слышал о таких местах, где ни Порядок, ни Хаос не имеют власти.— Эльрик поостерегся в открытую поминать Танелорн.— И слышал о таких, где царит Равновесие...

— Я тоже слышал о них. И даже жил в таком месте...— Из-под переливающегося шлема донесся жуткий смехок. Проклятый Принц отошел в дальний угол каюты и уставился в стену.

Последние слова он произнес с такой ледяной яростью, что Эльрик отшатнулся, словно от удара. Как будто стальной клинок пронзил его до самого сердца...

— О, Эльрик, как я завидую и ненавижу тебя! Ненавижу за твою ненасытную любовь к жизни! За то, каким я был прежде и каким стал ныне, я ненавижу тебя! А за то, к чему ты стремишься, я ненавижу тебя сильнее всего...

В дверях альбинос обернулся взглянуть на Гайнора. И ему подумалось, что броня, сковавшая тело Проклятого Принца, служит не для того, чтобы защищать хозяина от всего, что могло бы причинить ему вред. Нет, броня эта давно уже превратилась в клетку.

— Что до меня, Гайнор Проклятый,— произнес он мягко,— то мне от всей души жаль тебя.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Земля!

Конфликт интересов. О природе ликантропии

В

моем мире, сударь, как ни жаль это признавать, но человеческие пред-
рассудки могут сравниться
лишь с человеческой глупос-
тью. Конечно, никто сам не
упрекнет себя в предубежден-
ности. И мало кто рискнул
бы сам себя назвать дура-
ком... — Так говорил Эрнест
Уэлдрейк, обращаясь к штур-
ману за завтраком. Свинцовое
море нависало над ними не-

померной тяжестью, а густые черные волны катились вдаль с извечной неспешностью.

Эльрик, пытаясь прожевать малосъедобный кусок солонины, заметил, что такова природа любого общества, в любом мире множественной вселенной.

Штурман обратил на альбиноса пронзительный взгляд серо-зеленых глаз. Но голос его звучал неожиданно добродушно:

— Мне встречались целые Сферы, где разум и доброта, уважение к себе и другим не мешали ученым и философским изысканиям — и где мир сверхъестественного поминали лишь в легендах...

Уэлдрейк не мог сдержать улыбки.

— Даже в моей родной Инглии, сударь, такое совершенство было редкостью.

— Я и не говорил, что совершенство легко отыскать,— пробормотал Эсберн Снар. Гибким движением он поднялся с места, взглянул в черно-зеленое небо, потянулся, облизал тонкие губы, втянул в себя ветер и направился на нос к спящему в клетке ящеру, чьи вопли утром пробудили всех пассажиров.— Там, наверху, комета! — Он ткнул пальцем в небосвод.— Значит, умер какой-то принц.— В голосе его звучало странное удовлетворение.

— Там, где я жил прежде,— донесся до них мелодичный голос Гайнора Проклятого, лишь сейчас показавшегося из каюты,— говорили, что комета появляется, когда умрет *поэт*.— Он хлопал Уэлдрейка по плечу закованной в сталь рукой.— У вас на родине нет такой приметы?

— Я вижу, нынче утром вы в недобром расположении духа,— отозвался тот негромко. Гнев пересилил страх.— Должно быть, подобно вашему ящеру, страдаете от несварения желудка?

Гайнор убрал руку, кивком признавая свою вину.

— Прошу простить меня за неудачную шутку, сударь. Многие принцы куда больше жаждут смерти, чем простые люди. А поэты, как мы знаем, любят жизнь. Приветствую вас, Черион.— Он поклонился, и шлем его вспыхнул.— Принц Эльрик. А! А вот и мастер Снар... — Он обернулся к штурману, который, едва завидев принца, устремился к ним.

— Я искал тебя, Гайнор! У нас был уговор.

— Не стоит лелеять пустых надежд.— В голосе Проклятого звучало сочувствие.— Она умерла. Погибла под развалинами церкви. Теперь, Эсберн Снар, тебе придется искать свою невесту в Лимбе.

— Ты обещал, что скажешь...

— Я обещал, что скажу правду. И это правда. Она мертва. Душа ее ждет тебя...

Седой штурман склонил всклокоченную голову.

— Ты же знаешь, что я не могу пойти за ней! Я отрекся от права на загробную жизнь! Взамен чего... о, помоги мне Небо! Я стал нелюдем, неподвластным смерти.... — И Эсберн Снар бросился на нос корабля и замер там, слепо уставившись в пустоту.

Из-под шлема Гайнора Проклятого донесся глубокий вздох, и Эльрик понял, что роднило между собой этих двоих.

Но Уэлдрейк, задохнувшись от радости, всплеснул руками, едва не опрокинув остатки завтрака.

— Сударь, скажите, умоляю, ведь этот человек — Эсбьорн Снорре? Теперь я понял, как вы это произносите... и он тоже, замечу. Я не в обиде. Хвала Небесам, что телепатия позволяет общаться между собой выходцам из разных миров, даже в самых суровых условиях — так что можно простить Мать-Природу за эти местные особенности произношения — в благодарность за несомненную заботу о нашем процветании в самых разных культурах. Поразительно, не правда ли?

— Вы были знакомы с нашим штурманом? — Черион удалось ухватить смысл этой сумбурной тирады.

— Мне доводилось слышать о нем. Но та легенда была со счастливым концом. Он хитростью заставил тролля построить церковь, чтобы им обвенчаться с невестой. Жена тролля случайно выдала его имя, так что Эсберн Снар смог разорвать сделку. Говорят, под Ульшойским холмом до сих пор слышны ее причитания. Я написал об этом балладу в *«Норвежских песнях»*. Виттиер ее, конечно, у меня украл, но не будем об этом. Должно быть, он нуждался в деньгах. Хотя лично я считаю плагиат бесчестным, только когда деньги, которые на этом заработаешь, меньше, чем те деньги, что украл.

И вновь Черион отважно устремилась прямо к сути.

— Так он женился, и все кончилось хорошо? Но вы же слышали, что сказал ему Гайнор?

— Похоже, это дополнение к первоначальной легенде. Но я знаю только то, что поведал

вам. Должно быть, трагическая часть была утрачена в современном фольклоре. Знаете, порой мне кажется, что все это — лишь сон, где все герои и злодеи из моих стихов ожили и явились осаждать меня, чтобы сделать одним из них. Да, в Патни мне едва ли удалось бы собрать столь изысканное общество...

— Так вам неизвестно, как Эсберн Снар оказался на борту этого корабля, мастер Уэлдрейк?

— Не более, чем вам, сударыня.

— А вам, принц Эльрик, — привлекла она блуждающее внимание альбиноса. — Вам известна его история?

Эльрик покачал головой.

— Я только знаю, что он — оборотень, создание, проклятое Небесами и людьми. И в то же время добрейший и разумнейший человек. Представьте же, каковы должны быть его мучения!

Даже Уэлдрейк склонил голову в волнении. Ибо чья судьба может быть ужаснее, чем у бессмертных душ, разлученных в смерти с теми, кого они любили при жизни. Им ведома лишь агония умирания — но не экстаз вечности. Радости и наслаждения их скоротечны, а страдания не знают конца.

И это напомнило Эльрику о судьбе отца, пленника древних руин, утратившего свою единственную возлюбленную, ради того чтобы выторговать у демона-покровителя — да еще и обманув его при этом! — как можно больше незаслуженной власти на земле.

Это заставило альбиноса задуматься о природе любых сделок с потусторонними силами, о его

собственной зависимости от Приносящего Бурю, о том, с какой легкостью он всегда готов призвать на помощь Владыку Преисподней, не думая о том, во что это может ему обойтись, и, главное, о том, почему он *не хочет* отыскать способ излечиться от болезненной тяги к сверхъестественному; ибо часть его сознания желала следовать назначенной ему судьбе и познать, что за печальный конец уготован ему, — узнать окончание собственной саги. Возможно, лишь тогда он поймет, ради чего были все эти страдания.

Сам того не заметив, Эльрик прошел на носовую палубу, мимо храпящего ящера, и встал рядом со штурманом.

— Куда ты направляешься, Эсберн Снар?

Седоволосый склонил голову, точно прислушиваясь к далекому, но знакомому свисту. Затем серо-зеленые глаза его вперились в алые глазницы альбиноса, он испустил тяжкий вздох, и слеза скатилась по щеке.

— Никуда, — отозвался штурман. — Теперь уже никуда, сударь.

— Но ты останешься на службе у Гайнора? Даже когда появится на горизонте земля?

— Это уж как придется. Сами скоро увидите, сударь. До берега не больше мили.

— Ты видишь отсюда? — Удивленный, Эльрик пытался хоть что-то разглядеть в бурлящих испарениях Вязкого Моря.

— Нет. Но я его чую.

И вскоре, действительно, показалась земля. Земля, медленно вздымающаяся из густых волн; земля, подобная разбуженному чудовищу, недо-

брая тень, вся в изломах скал и остриях рифов; беломраморные утесы; угольно-черные пляжи и серые буруны, струящиеся, точно дымы Преисподней...

Земля столь негостеприимная, что в сравнении с ней даже Вязкое Море показалось путешественникам почти домом родным; и Уэлдрейк предложил плыть дальше, пока не найдется более подходящее место, чтобы сойти на берег.

Но Гайнор покачал головой в мерцающем племе, вскинул сияющий кулак и опустил стальную ладонь на хрупкие плечи Черион Пфатт.

— Ты сказала, дитя, что твои родичи уже здесь. Они нашли сестер?

Девушка покачала головой. Лицо ее было серьезно, а взор устремлен куда-то в иные миры.

— Они их не нашли.

— Но они здесь? И сестры тоже?

— Вон там... да... там... — с трудом вымолвила она, указывая на неприступные утесы, окутанные черной пеной. — Да... там... и они идут... уже... о, дядя! Теперь я поняла! Сестры едут дальше. А дядя? Где же бабушка? Сестры движутся на восток. Теперь они все время будут идти в ту сторону. Ибо они направляются домой.

— Хорошо, — удовлетворенно произнес Гайнор. — Нужно найти, где нам высадиться на землю.

Уэлдрейк шепотом заметил Эльрику, что Проклятый Принц, похоже, вознамерился бросить корабль на скалы, лишь бы скорее добраться до цели.

Но судно благополучно причалило к черному берегу, на который лениво накатывал и так же лениво отползал прибой.

— Как черная патока,— с отвращением выговорил поэт, с опаской ступая в воду.— Какова ее природа, мастер Снар?

Со свертком под мышкой Эсберн Снар перебрался на берег.

— Всему виной небольшие искажения ткани времени. В этой Сфере подобные места не редкость. Там, откуда я родом, они встречались куда реже. Однажды я наткнулся на одно такое — совсем небольшое, в несколько футов,— в районе Северного полюса. Полагаю, это было где-то в начале вашего века, мастер Уэлдрейк.

— Которого именно, сударь? Я родился во многих. Если угодно, это своего рода бессмертие. Возможно, таков мой Рок... Забавно, не правда ли? Ха-ха-ха.

Эсберн Снар поднялся по берегу к скалам, где глубокая расщелина прорезала белый мрамор. Из иззубренной щели лился водянисто-желтый свет.

— Похоже, мы нашли путь наверх,— заметил он.

Зажав сверток в зубах, он принялся карабкаться по камням, похожий на огромного серого паука. Благодаря его советам остальным не составило труда последовать за ним самым простым путем. Эльрик поднимался последним. По приказу Гайнора матросы уже сталкивали корабль обратно в воду, когда с носовой палубы раздался тоскливый вой пробудившегося ящера. Чудовище лишь сейчас осознало, что навсегда расстается с предметом своего обожания.

Вскоре все они стояли у края утеса, пытаясь разглядеть то, что осталось внизу, но над водой

уже сгустился черный туман, скрывая Вязкое Море из виду, и они могли лишь слышать, как скребется о берег прилив... но и этот звук делался все тише, словно океан отступал — или скалы возносились ввысь.

Эльрик повернулся. Они оказались над облаками, и дышалось здесь куда легче. Впереди на сколько хватал глаз расстилалась сверкающая каменная равнина — беспредельное мраморное плато, в котором тут и там светились огоньки, точно в камнях обитали создания столь плотные, что могли дышать мрамором, как люди — кислородом.

Эсберн Снар первым подал голос, неприязненно глядя по сторонам:

— Похоже на страну троллей. Неужели пришлось забраться в такую даль, чтобы вновь очутиться в Трольхейме? Что за насмешка судьбы!

Гайнор перебил его:

— Если каждый из нас примется оплакивать свою судьбу, мы останемся тут навеки. Учítывая, что среди нас, по меньшей мере, двое бессмертных, это может оказаться довольно скучным. Так что прошу тебя, Эсберн Снар, не причитать и не стенать больше. Твои страдания здесь никого не волнуют.

Седой штурман нахмурился, удивленный столь суровой отповедью, которой прежде всех заслуживал сам Гайнор. Но принц не желал признавать за собою такой вины. В этой разношерстной компании он единственный отказывался относиться к другим с тем терпением и пониманием, которых так жаждал сам, — именно эти качества были воп-

лощением Равновесия, которому он некогда служил и которое предал. Проклятый Принц, казалось, с каждым мигом все больше нервничал и точно страшился чего-то — возможно, он что-то таил от остальных? Знал об этих краях и их обитателях нечто такое, что внушало ему опасения?

Но теперь он смолк и не подавал голоса, пока мрамор под ногами не сменился землей и травой. Дорога пошла под уклон и привела путников в очаровательную долину. Здесь журчали ручьи, склоны густо поросли деревьями, но не было ни следа жилья. Воздух становился все холоднее, и наконец путешественникам пришлось натянуть на себя предусмотрительно захваченную с корабля теплую одежду.

Лишь Эсберн Снар упорно отказывался развернуть сверток и лишь крепче прижимал его к груди, словно опасаясь чего-то. Эльрик не мог без сочувствия взирать на этого человека, который только сегодня лишился последней надежды. Его пробрала невольная дрожь...

На ночлег они остановились в сосновой рощице. Вскоре там уже вовсю ревел костер, защищая людей от пронзительного холода; в прозрачном зимнем небе возшла большая серебристая луна, отбрасывая длинные тени — такие огромные и неподвижные, по контрасту с мечущимися тенями от костра...

Вскоре огонь стал столь жарким, что Эльрику, Черион и Уэлдрейку пришлось отодвинуться подальше, чтобы не обгореть во сне. И лишь Эсберн Снар с Гайнором Проклятым остались сидеть, озаренные отблесками пламени, — два об-

реченных бессмертных создания, тщетно пытавшиеся согреться, изгнать озноб вечной ночи; два создания, что с радостью предпочли бы огни Преисподней своим нынешним страданиям; они тосковали по иному бытию, которое знавали прежде, где не было боли, где мужчинам и женщинам не приходило в голову продать душевный покой за пестрые и бесцельные радости потустороннего мира.

— Как прекрасно крылышко бабочки,— произнесла Черион неожиданно, словно отзываясь на мысли Эльрика.— Вся щедрость природы в прелести розы. Знаете эти строки, мастер Уэлдрейк?

Поэт был вынужден признать, что нет. Размер заинтересовал его. Едва ли он избрал бы подобный ритм для выражения своих чувств.

— Думаю, пора спать,— вымолвила она с сожалением.

— Сон — одна из моих любимых тем,— воодушевился Уэлдрейк.— У Дэниела есть прекрасный сонет. По крайней мере, с академической точки зрения. Вам он знаком?

О, сладкий Сон, сын Черной Ночи,
Брат Смерти, что рожден в безмолвной тьме,
Даруй покой ты и сомкни мне очи,
Тревоги пусть исчезнут в тишине...
И лишь наутро станет вновь несчастный
Скорбеть о юности, растраченной напрасно.

Он продолжал читать, не замечая ни холода, ни ветра, пока глубокий сон не сморил его, как и остальных...

На рассвете пошел снег. Единственным, кто обрадовался этому, был Эсберн Снар: он с наслаждением вдохнул морозный воздух, облизнул губы, пробуя снежинки на вкус, и с удвоенным усердием принялся разводить костер и готовить завтрак. Остальные ежились, проклиная судьбу, как вдруг раздался гневный голос Гайнора:

— Разве вы забыли, что мы заключили сделку, сударыня? Вы сами это предложили!

— Никакой сделки больше нет, сударь. Я исполнила все, что обещала. И теперь свободна. Я привела вас сюда. Можете дальше искать сестер — но без меня.

— У нас одна цель! Это безумие, вы не вправе покинуть нас! — Принц Гайнор угрожающе схватился за меч; но гордость не позволяла ему обнажить оружие. Он был уверен, что сумеет убедить девушку, подчинить ее своей воле, и был уязвлен до глубины души. Это читалось в каждом его движении, в каждом слове. — Ваша семья тоже ищет сестер. Они найдут их! Зачем нам разлучаться?

— Нет! — воскликнула Черион. — По какой-то причине — не могу понять почему — сестры отправились туда, но мой дядя — в другую сторону. И я пойду за дядей, сударь!

— Мы договорились, что будем искать сестер вместе.

— Это было до того, как я узнала, что дядя с бабушкой в опасности. И я пойду за ними! Иначе и быть не может.

И, без единого слова прощания, она устремилась прочь, точно не могла больше терять ни секунды. Только снег посыпался с ветвей...

Уэлдрейк, собиравший книги и нехитрые пожитки, закричал ей вслед. Он пойдет с ней! Ей нужен защитник! И, наскоро простившись с остальными, бросился за возлюбленной. На лесной поляне опустилось ледяное молчание, и трое оставшихся переглянулись. Во взглядах их сквозили неуверенность и смущение.

— Ты пойдешь со мной за сестрами, Эльрик? — наконец подал голос Гайнор. Он первым пришел в себя, но в голосе слышалась мольба.

— У них та вещь, которую я ищу. Поэтому я должен их отыскать.

— А ты, Эсберн Снар? — спросил его принц. — Ты с нами?

— Ваши сестры мне не нужны, — отозвался штурман. — Вот если бы у них был ключ к моей свободе...

— Два ключа, похоже, у них есть. — Эльрик дружески похлопал седоволосого по плечу. — Почему бы не быть и третьему?

— Ну что же, — пробормотал Эсберн Снар. — Тогда я с вами. Мы идем на восток?

— Да, ибо на восток идут и сестры, — ответил Гайнор.

И трое спутников — высокие, худые, точно горностаи, — двинулись на восток. Путь их лежал вверх по склону долины, по замерзшим холмам, к древней горной гряде, где гранит крошился под ногами. Становилось все холоднее, снег делался глубже, и вскоре им пришлось растапливать лед, чтобы добыть воды. Лишь в полдень солнце начало припекать, и тогда оживало все вокруг, и серебристые ручейки с журчанием струились меж сверкающих ледяных осколков.

Гайнор шел молча, погруженный в мрачные думы, зато Эсберн Снар с каждым шагом делался все оживленнее, точно наконец оказался в родной стихии. Он ни на миг не расставался со своим свертком, даже когда ел или спал. И однажды, пробираясь осторожно по краю засыпанного снегом ущелья, по самой кромке ледника, под шум ревущего внизу потока, пробивавшего дорогу сквозь снег и лед, Эльрик спросил, что за ценность он так бережно хранит. Может быть, это чей-то подарок на память?

Они вдвоем остановились передохнуть на узкой тропе, едва ли в фут шириной, и Гайнор один упрямо двинулся дальше, не замечая ничего вокруг.

— Да, можно сказать, это настоящее сокровище! — Эсберн Снар мрачно усмехнулся. — Ибо я ценю его превыше всего на свете. Как свою жизнь, если угодно. Я бы сказал даже, как свою душу, но, увы, душа моя едва ли чего-то стоит.

— Тогда ты прав, это большая ценность. — Эльрик заговорил со штурманом, больше чтобы развеяться. Ему не доставало общества Уэлдрейка, словно с уходом поэта жизнь лишилась остатков тепла. Альбиносу казалось, что внутри его все застыло, подобно этому леднику, и лишь где-то глубоко-глубоко струился ручей, не в силах найти выхода, — то была жажда обычной человеческой любви и дружбы; но эти простые радости оказались ему недоступны.

Возможно, он не знал нужных слов, не ведал, как выразить обуревающие его чувства, хотя Эль-

рик, лучше чем кто бы то ни было, сознавал, что именно речь способна помочь ему заслужить уважение тех людей, кого он сам уважал.

И все же достичь своих целей он по-прежнему пытался делами, а не словами. Бездумные поступки и слепая страсть заставили его уничтожить все, что ему было дорого. Он пытался исправить содеянное, поступая так, как советовали другие, сделавшись наемником, подобно многим обнищавшим мелнибонэйцам, — и наемником превосходным. И даже сейчас он шел вперед не по своей воле...

Но в глубине души альбинос начинал сознавать, что вскоре должен будет отыскать иной способ достичь того, на что рассчитывал, когда подверг разграблению Город Грез и уничтожил Светлую Империю Мелнибонэ. До сих пор он большей частью смотрел в прошлое. Но там не было ответов на мучившие его вопросы. Одни лишь примеры, которые едва ли могли его чему-то научить сегодня.

Двое мужчин в глубоком молчании стояли на узкой кромке, взирая на другой край пропасти, на безжизненный пейзаж, где не видать было ни зверька, ни птицы, точно Время, замедлившее бег над Вязким Морем, здесь остановилось насовсем, и даже грохот воды под ногами доносился все глуше — пока наконец не стих совсем, и остался лишь звук их дыхания.

— Я любил ее. — Седоволосый штурман содрогнулся, словно от удара. Вновь повисло молчание; но когда он заговорил вновь, голос его звучал ровно:

— Ее звали Хельва, дочь лорда Несвека, и прекраснее ее не было среди смертных. Ей не было равных по живости ума, добродетели, грации и обаянию, притом она была мила и ничуть не спесива. Сам я был из хорошей семьи, но не столь богат, как ее отец, а тот не раз заявлял, что мужем Хельвы может стать лишь самый достойный человек в глазах Господа. По мнению лорда Несвека, достойных Господь непременно благословлял родовитостью и богатством — что может быть естественнее! Так что я едва ли посмел бы просить руки Хельвы, хотя она сама избрала меня. Тогда мне пришлось на ум просить помощи иных сил, и я заключил сделку с троллем. По уговору, тролль должен был выстроить для меня собор — лучший в Северных Землях. Но если к тому времени я не узнаю имени зодчего, он заберет мои глаза и сердце. Мне повезло. Я подслушал колыбельную, что пела своему чаду жена тролля. Она просила его не плакать, потому что скоро Файн, его отец, вернется и принесет на ужин глаза и сердце человека.

Цель была достигнута. И, конечно, лорд Несвек не посмел отказать жениху, который возвел во имя Господне столь величественную (и дорогостоящую!) церковь.

Бедная жена тролля получила от мужа заслуженную взбучку, а я принялся возводить усадьбу на наших землях недалеко от Каллундборга, где стоял собор, чей шпиль был прекрасно виден из окон дома. Строительство двигалось успешно, даже без помощи тролля; вскоре на приданое Хельвы мы уже выстроили главное здание, флигеля и

постройки. И начали обживать новый дом. Все было хорошо. Зимой мы занимались хозяйством, а вечерами наслаждались празднествами, пением и иными развлечениями — пока на наших землях не завелся волк. Огромная тварь, с крупного мужчину ростом, он убивал собак, коров, овец и детей. Даже косточек не оставлял, а те, что мы нашли, оказались выгрызены до мозга, словно зверь кормил еще и волчат. Это было странно в разгаре зимы, хотя мы знали, что волки могут приносить и не один помет в год, особенно после прошлогодней мягкой зимы и ранней весны. Затем волк загрыз беременную жену моего слуги. Мы отыскиали следы кровавого пиршества — но тварь бежала, унося останки несчастной. Конечно же, мы бросились в погоню.

Спустя какое-то время наши спутники отстали, и мы со слугой остались вдвоем. Волчий след привел нас в глубокий замерзший овраг, и мы расположились на ночлег. Но ночью зверь, перепрыгнув через костер, загрыз слугу и уволок тело прочь, пройдя прямо сквозь огонь.

Должен признать, принц Эльрик, я едва не сошел с ума от страха! Я стрелял в эту тварь из лука, успел даже ударить мечом... но не причинил ей вреда. Раны мгновенно затягивались. И тогда — только тогда! — я понял, что это не обычный зверь.

...На этом Эсберн Снар прервал рассказ, и путники двинулись дальше по тропе в надежде отыскать подходящее место для ночлега. Но когда они вновь остановились передохнуть, он продолжил:

— Я вновь пошел по следу волка. Тот наверняка был уверен, что никто больше не станет преследовать его. Возможно, именно затем он и убил моего слугу — не потому, что был голоден, а чтобы напугать охотников. Днем позже я наткнулся на тело бедняги, почти нетронутое, и с удивлением увидел, что кто-то снял с того все вещи. Хотя понятия не имел, кому могла понадобиться разодранная, окровавленная одежда.

Гнев мой и жажда мести были столь сильны, что лишили меня сна. Не ведая усталости, я продолжал преследовать тварь и однажды ночью наткнулся на чью-то стоянку. У огня сидела женщина. Я следил за ней из-за деревьев, не решаясь показаться на глаза, но был готов в любой миг броситься ей на помощь, если появится волк. К моему вящему удивлению, с ней были двое детейшек, мальчик и девочка, одетые в звериные шкуры и какие-то лохмотья. Мальши с жадностью ели суп из котелка над огнем.

У женщины был изможденный вид, и я решил, что она сбежала от мужа, который, возможно, избивал ее, или что ее деревню сожгли разбойники — ибо мы были на самой границе восточных земель, где обитают дикари, не ведающие ни христианского милосердия, ни языческой чести. И все же что-то удерживало меня на месте. И наконец я понял, что использую ее как приманку — в надежде, что волк все-таки нападет. Но волк так и не появился. На дереве, у которого они спали, я заметил развешанную волчью шкуру и решил, что это некий оберег против хищника.

Я следил за ними еще один день и одну ночь, идя следом за женщиной на восток, к горам, где жили дикари. Я думал предупредить ее об опасности, но вскоре стало ясно, что в предупреждениях она не нуждается, ибо чувствовала себя в этих местах вполне уверенно, как человек, привыкший жить вдаль от мира. Я восхищался ею. Легкость и грация ее движений заставили меня забыть супружеские клятвы. Может быть, я следил за ней еще и поэтому. Так, оставаясь неузнанным, я узнавал ее все больше, и это наполняло меня странным ощущением власти и могущества. Ныне мне ведомо, что этим могуществом я и впрямь обладал, подобно ей самой,— и лишь поэтому она не сумела заметить меня. Будь со мной кто-то еще, она обнаружила бы нас тотчас же.

А в полнолуние я узрел, как она накинула на себя волчью шкуру, завернулась в нее, опустилась на четвереньки, прорычала детям, чтобы не отходили от огня,— и обратилась волчицей. Но меня она не заметила и не учуяла. Я оставался невидим. А она понеслась в сторону гор и к полудню вернулась с добычей — двумя овечками и мальчиком-пастушком, чье тело использовала как сани, чтобы дотащить животных. Человеческие останки она бросила поодаль и, когда вернулась к костру, вновь превратилась в женщину. Ягнятину она приготовила детям, и на ужин те наслаждались густой похлебкой, сама же, вновь обернувшись волком, наслаждалась человечиною. Я постарался держаться от нее подальше.

Теперь я, конечно же, понял, что женщина была вервольфом. Самым жестоким из оборот-

ней, поскольку ей приходилось кормить еще двоих детенышей. Эти маленькие создания были еще совершенно невинны и не страдали ликантропией. Полагаю, сама она пришла к такой жизни от отчаяния, чтобы дети не умерли с голоду. Но из-за нее голодать и умирать приходилось другим, а потому я едва ли мог сочувствовать ей. И как только ночью она, насытившись, погрузилась в сон, я прокрался к огню, сорвал с дерева волчью шкуру и опрометью бросился обратно в лес.

Она мигом пробудилась, но теперь, лишенная своей магической защиты, была уже не опасна. И я сказал ей, прячась в тени: «Сударыня, у меня та ужасная вещь, с помощью которой вы погубили моих друзей и их семьи. Я сожгу ее у Каллундборгской церкви, как только вернусь. У меня не хватит духу убить мать на глазах у детей, а потому, покуда вы с ними, вам ничто не грозит. Я не стану мстить. Прощайте».

Бедное создание принялось выть и стенать. Теперь она ничем не напоминала ту уверенную в себе женщину, что так заботилась о своих детишках в лесной чащобе. Но я не слушал ее воплей. Она должна была понести наказание. Я лишь не знал тогда, насколько жестоким оно будет. «А ты подумал, как мне жить теперь, когда ты украл мою шкуру?» — вопрошала она. «Да, сударыня, — ответил я ей. — Но вам придется терпеть. Мяса в котелке вам хватит на пару дней. И есть еще мясо, что вы оставили в лесу... не думаю, что вы будете привередничать. Так что прощайте, сударыня. Вашу шкуру я сожгу на христианском костре».

«О, сжался,— возопила она тогда,— ибо мы с тобой одной крови. Мало кто способен менять облик, подобно мне... и тебе. Лишь ты мог украть эту шкуру. Я знала, что ты опасен. Но пощадила тебя тогда, ибо учуяла родню. Так будь же милостив хотя бы к моим детям!»

Но я не стал больше слушать ее и бросился прочь. Вслед донесся жуткий вой и стенания — вопли и мольбы — страшное звериное рычание — так кричала она, лишившись единственного, что придавало ей гордости и достоинства. Удивительная ирония: нелюди сильнее всего цепляются за остатки человеческой гордости, но источником ее служит нечеловеческая сила. Лишившись одного, они лишаются и другого. Перестав быть оборотнем, они перестают быть и людьми. Нет худшей судьбы для вервольфа, как мне казалось тогда. Правда, теперь мне ведомы и худшие... более утонченные виды страдания.

Итак, я оставил женщину почти обезумевшей. Крики ее были полны невыразимой муки, но еще горшая мука ожидала ее впереди.

А дальше, сударь, была обычная история человеческой глупости и самонадеянности. Застигнутый снегопадом в восточных степях, я был вынужден накинуть волчью шкуру, чтобы согреться... А когда вернулся в Каллундборг, наши узы были куда прочнее, чем супружеские. Я искал спасения у священников, но нашел лишь страх. И тогда я ушел бродить по свету в поисках спасения, в надежде вновь стать прежним и вернуться к моей возлюбленной. Еще многие приключения ожидали меня в разных мирах, а потом я узнал, что

троль отомстил мне, обманом заключив сделку с нашим епископом. Не знаю точно, о чем они уговорились. Но собор обрушился как раз в то время, когда служили молебен по моей душе. И жена моя была там...

Вот что обещал мне Гайнор — рассказать, что за участь постигла Хельву. И вот почему я плачу, сударь. Теперь, когда прошло столько лет...

У Эльрика не нашлось слов утешения для этого благородного человека. Ужасна была его судьба — навеки зависеть от этой проклятой шкуры, совершать самые бесчеловечные деяния... либо кануть в пустоту и никогда больше, даже в смерти, не увидеть своей возлюбленной.

И потому неудивительно, что альбинос, потирая рукоять рунного меча, задумался о том, как сам он связан с пьющим души клинком, и понял, что судьба Эсберна Снара еще ужаснее, чем его собственная.

И когда седоволосый штурман оступился в сумерках, он протянул ему руку, ощущая особое родство между ними. И эти двое, чьи пути были столь различны, а судьбы столь схожи, медленно двинулись в путь над пропастью, где, с трудом пробиваясь сквозь лед и снег, угрюмо бурчала вода.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Владыки Высших Миров;
судьба человека-волка

Принц Гайнор Проклятый остановился на каменистом склоне последнего кряжа, взирая на поросшую жесткой травой долину, за которой начиналась другая гряда.

— Похоже, тут нет ничего, кроме гор, — заметил он. — Но должен же и им когда-то прийти конец. Надеюсь, сестры где-то поблизости. На этой голой равнине мы их не пропустим.

Они доели остатки припасов, но ни на земле, ни в воздухе по-прежнему не было и следа жизни.

— Такое впечатление, что места эти совершенно необитаемы,— сказал Эсберн Снар.— Словно всякая жизнь чурается их.

— Я видел такое и раньше,— бросил Эльрик.— И мне это не по душе. Это знак того, что здесь безраздельно царит Порядок... либо Хаос, еще не проявившийся в полную силу.

Остальные согласились с ним, ибо им также приходилось странствовать в подобных мирах, и Гайнор принялся торопить спутников поскорее добраться до гор, опасаясь, как бы сестры «не отплыли прочь с дальнего берега», но Эсберн Снар без пищи совсем оголодал и стал отставать. Гайнора вела неукротимая решимость, Эльрику помогал драконий яд, но седоволосому штурману нечем было подкрепить тающие силы. Все чаще альбинос замечал, как тот нерешительно мнет в руках волчью шкуру, что-то бормочет себе под нос и рычит, и когда однажды он обернулся, Эсберн Снар ответил ему взором, полным невыразимого страдания.

Наутро, когда они снялись со стоянки, Северный Оборотень исчез, поддавшись искушению. Дважды Эльрику показалось, что он слышит вдали тоскливый вой. А затем вновь наступила тишина.

Еще один день и одну ночь, без единого слова, точно в трансе, Эльрик с Гайнором упрямо шагали к горам. На рассвете они оказались у подножия холма. Судя по звукам, на другом его склоне мог располагаться небольшой город.

Гайнор, придя в отличное расположение духа, дружески похлопал мелнибонэйца по спине.

— Скоро каждый из нас получит то, что искал, друг Эльрик!

Эльрик ничего не ответил на это, гадая, как поступит Гайнор, если вдруг окажется, что оба они ищут одно и то же. Это вновь напомнило ему о Розе, и он затосковал по ней.

— Может, нам стоит сказать друг другу, за чем мы охотимся. Иначе сестры вполне могут заставить нас врасплох.

Гайнор пожал плечами. Он повернулся к альбиносу; взор его был не столь сумрачен, как обычно.

— Нам нужно отнюдь не одно и то же, Эльрик Мелнибонэйский. Будь уверен.

— Я ищу ларец черного дерева, — просто ответил альбинос.

— А я — цветок, — небрежно отозвался Гайнор. — Тот, что цветет с Начала Времен.

Они уже почти добрались до гребня холма, как вдруг земля содрогнулась у них под ногами, так что путники едва не потеряли равновесие. Послышался ужасающий грохот, словно кто-то раз за разом бил в гигантский гонг. Эльрик заткнул уши. Гайнор рухнул на колени, как будто огромная длань прижимала его к земле.

Гонг прогремел всего десять раз, но бесчисленные отголоски его разносились до бесконечности, сотрясая горные пики.

Когда Гайнор с Эльриком наконец смогли продолжить путь и взойшли на вершину холма, их взорам предстало огромное сооружение, которого — они оба готовы были поклясться — здесь

не было еще мгновение назад. Но теперь оно было перед ними, вещественное и осязаемое во всей своей необычайной сложности — конструкция из деревянных желобов, подставок, чудовищных зубчатых колес, медленно вращавшихся с надрывными стонами и хрустом; внутри же извивались и поблескивали медные, бронзовые и серебряные провода, рычаги и противовесы, создавая самые причудливые комбинации и невозможные отражения, — и повсюду были люди, тысячи и тысячи людей, вертящие рукояти, снующие по лесам, таскающие песок и ведра с водой вверх и вниз по лестницам, старательно балансирующие среди кольшкков, вбитых для соблюдения некоего тонкого внутреннего равновесия этого невероятно-го сооружения, которое содрогалось и покачивалось, ежесекундно угрожая обрушиться и погresti под обломками нагих мужчин, женщин и детей, трудившихся на нем.

На верхушке башни находился огромный шар. Эльрику он сперва показался хрустальным, но приглядевшись, альбинос увидел, что тот состоит из прочнейшей эктоплазменной мембраны, и сразу понял, что находится внутри. Не было мага на Земле, кто не пытался бы проникнуть в эту тайну...

Гайнор тоже осознал, что заключено внутри мембраны, и страх объял Проклятого Принца. Тем временем исполинские часы продолжали отсчитывать мгновения, и насмешливый голос раздался словно из ниоткуда:

— Вот видите, сокровища мои, Ариох принес Время в безвременный мир! Сущий пустяк для

Хаоса. Если угодно, мой поклон Космическому Равновесию.

В его смехе звучала пугающе небрежная жестокость.

Огромный механизм тикал, трещал, щелкал, жужжал и гудел, вздрагивал и трясся, готовый в любой миг распасться на части, а из шарообразной мембраны наверху, вращавшейся и содрогавшейся с каждой отсчитанной секундой, выглядывал гигантский гневный глаз, зубастая пасть ярилась в неестественном безмолвии, когти, острее драконьих, хлестали, рвали и царапали — но тщетно, ибо узник был заключен в самую крепкую темницу, известную в Высших Мирах и за их пределами. Эльрик догадался, что пленником мог быть лишь кто-то из Высших Владык: никому больше не понадобились бы столь прочные узы!

Гайнор пришел к тому же выводу и принялся отступать, озираясь, точно в поисках убежища, но спасения не было, и Ариох засмеялся еще громче, наблюдая его смятение.

— Да, мой маленький Гайнор, твои нелепые уловки ни к чему не привели. Когда же вы все наконец поймете, что у вас нет ни силы, ни закалки, чтобы на равных сражаться с богами — даже такими слабенькими, как я... или вот Машабек. — Новый взрыв хохота.

Именно этого и страшился Гайнор. Его хозяин, единственный, кто мог защитить его от Ариоха, потерпел поражение. А это означало, скорее всего, что Садрику тоже не удалось обмануть своих покровителей, лишив их законной добычи.

Но Гайнор на своем веку столь многое утратил, столь много видел ужасов, наблюдал столько отвратительных судеб, причинил и испытал столько страданий, что уже не мог выказать отчаяния. Он выпрямился, скрестив руки на груди, и склонил голову в шлеме, признавая поражение.

— Тогда я готов признать своим господином тебя, Ариох.

— О, да. Я твой истинный господин. Самый заботливый владыка. Мои маленькие смертные очень мне интересны, ведь их упования и страсти во многом отражают наши. Ариох всегда был их главным заступником, к нему они взывали, когда нуждались в помощи Хаоса. И я люблю тебя. Но еще больше я люблю мелнибонэйцев, а среди них всего сильнее — Садрика и Эльрика.

Гайнор, склонив голову, безмолвно ожидал от герцога Хаоса некоей несравненной и утонченной жестокости.

— Видишь, как я забочусь о своих рабах? — Ариох оставался невидим, голос его звучал то с одного, то с другого конца долины, насмешливый и ласкающий. — Часы поддерживают в них жизнь. Случись кому-то из них, юнцу или старику, хоть на миг оступиться, обрушится все вокруг. Так создания мои на опыте познают, что означает зависеть друг от друга. Один штырек не в ту лунку, одно ведро воды не в тот желоб, один ложный шаг, один слишком слабый поворот рычага — и все погибнут. Чтобы жить, они должны приводить в движение часы, причем каждый отвечает за остальных. Конечно, мой друг граф Машабек едва ли пострадает при падении, но мне

приятно было бы взглянуть на него среди руин. Ты видишь своего бывшего хозяина, Гайнор? Что он велел тебе найти?

— Цветок, повелитель. Цветок, что был сорван многие тысячи лет назад, но все еще цветет.

— Странно, почему Машабек сам не пожелал мне этого сказать. Я доволен тобой, Гайнор. Ты будешь служить мне?

— Как пожелаешь, о господин.

— Мой милый раб, я люблю тебя! Милый, милый, послушный раб! О, как я люблю тебя!

— И я люблю тебя, господин,— с горечью отзывался Гайнор, и в голосе его слышались отголоски тысячелетий потерь и разбитых надежд.— Я твой раб.

— Мой раб! Мой прелестный раб! Так не снять ли тебе шлем и не явить ли мне свое лицо?

— Не могу, господин. Мне нечего явить. Под шлемом моим — пустота.

— Да, ибо сам ты — ничто, и жизнь теплится в тебе лишь по моему попущению. Силы тебе дарует адская бездна. И алчность движет тобой. Хочешь, я уничтожу тебя, Гайнор?

— Как тебе будет угодно, господин.

— Я думаю, тебе стоит потрудиться в моих часах. Ты станешь служить мне здесь, Гайнор? Или предпочтешь продолжить поиски?

— Как пожелаешь, владыка Ариох.

Сцена эта преисполнила Эльрика отвращением, и прежде всего к себе самому. Неужто и он обречен служить Хаосу столь же слепо, как Гайнор,— вплоть до утраты всякой гордости и воли? И такую цену платит каждый, кто обратится к

Хаосу? Но в душе он знал, что ему Рок судил иначе. Свобода воли была его наградой — или проклятием. Или то была лишь иллюзия, питаемая Ариохом? Он содрогнулся.

— А ты, Эльрик, не желаешь ли потрудиться в часах?

— Скорее уж я уничтожу тебя, владыка Ариох,— отозвался альбинос ледяным тоном, положив ладонь на рукоять рунного меча.— Мой народ заключил союз с тобой. Но я не закладывал тебе душу. Тебе, мой господин, принадлежат только души убитых мною — не более того.

Он ощущал в себе силу, совладать с которой не сумел бы даже герцог Преисподней. Но если он лишится ее, то станет ничем не лучше Гайнора Проклятого, лишившись остатков надежды и самоуважения...

Он бросил на бывшего принца Равновесия взгляд, где не было презрения — лишь понимание и безграничная жалость к этому растоптанному созданию. Ему самому оставался лишь шаг до столь же униженного состояния.

Изнутри эктоплазменной темницы донесся едва слышный визг, словно граф Машабек радовался смущению соперника.

— Ты мой раб, Эльрик, запомни,— промурлыкал владыка Хаоса.— И останешься им, как все твои предки.

— Все, кроме одного,— возразил Эльрик твердо.— Был один, кто разорвал договор, Ариох. Но я не он. Я обещал тебе, мой господин, что пока ты помогаешь мне, я собираю для тебя жатву душ — тех самых, что заточены теперь в твоих

часах. Мне не жаль их, о величайший из владык, и я не скуплюсь, принося тебе жертвы. Но тебе ведомо, что без моего зова никто из богов не сможет оказаться в моем мире, ибо там нет магов превыше меня. Я один способен призвать тебя через все измерения множественной вселенной и открыть дорогу в свой мир. Ты знаешь это. И потому я все еще жив. И потому ты помогаешь мне. Я — тот самый ключ во вратах мироздания, с чьей помощью Хаос надеется рано или поздно овладеть частью вселенной, доселе не принадлежащей никому из богов. В этом моя сила. И мое право использовать ее как пожелаю и заключать любые сделки с кем пожелаю. Это мое оружие и защита от гнева потусторонних сил, их требований и угроз. Я признаю тебя своим покровителем, Благородный Демон, но не хозяином.

— Это все пустые слова, крошка Эльрик. Пух одуванчика на летнем ветерке. Вот ты стоишь здесь — и не по своей воле. И вот стою я, именно там, где хотел бы быть, благодаря собственным усилиям. Так какая свобода тебе кажется истинной, о мой скверно пигментированный зверек?

— Если ты желаешь спросить, хотел бы я оказаться на твоём месте, Ариох, или на своём, я все же отвечу, что предпочел бы остаться самим собой, ибо извечный Хаос столь же скучен, сколь и безграничный Порядок или любое иное постоянство. Своего рода смерть. И мне кажется, я получаю от мироздания куда больше удовольствия, чем ты, Великий Демон. Я живу. Я еще среди живых.

Принц Гайнор Проклятый взвыл от затаенной тоски и боли, ибо, подобно Эсберну Снару, он не принадлежал ни к живым, ни к мертвым.

И тогда, верхом на эктоплазменном шаре, где рычал и царапался граф Машабек, появился обнаженный златокожий юноша, воплощенная греза Аркадии, чья краса была слаще меда, нежнее сливок, а злые глаза сверкали, полные безумия и яростной жестокости.

Ариох захихикал. Затем ухмыльнулся. И помогил на вспучившуюся мембрану, под которой его соперник, плененный силой тысячи солнц, ярился и грохотал, беспомощный, точно ласка в силках.

— Безумный Джек Поркер опять схватил калеку, прямо мозги ему вышиб, прямо до смерти забил... Жадный Поркер, Жадный Поркер, а ну подвесь его за хвостик... Сидите смирно, милый граф, умоляю, чтобы я мог устроиться поудобнее. До чего же вы невоспитанный демон, сударь. Я всегда это говорил... Хи-хи-хи... Чуете, как пахнет сыром, сударь? У вас что, с собой лед, Джим? Хи-хи-хи...

— Как я, сдается, имел случай заметить ранее,— обратился альбинос к застывшему столбом Гайнору,— не всегда самые могущественные сущности оказываются на поверку самыми умными, здравомыслящими или хотя бы благовоспитанными. Чем ближе узнаешь богов, тем больше убеждаешься в этом...— И повернулся спиной к Ариоху и его часам в надежде, что его демоническому покровителю не придет в голову стереть своего слугу в порошок именно

сейчас. Он знал, что пока эта искорка самоуважения тлеет в нем, ничто не способно сломить его дух. Он ценил ее превыше всего, чем владел; кто-то, возможно, назвал бы ее бессмертной душой.

И все же с каждым словом, с каждым движением он содрогался и все больше слабел, изнывая от желания крикнуть Ариоху, что он его раб навеки, что он готов выполнить любое его желание и принять любую награду... Но даже это ничего бы не изменило. Владыка Преисподней по своему капризу мог уничтожить его и тогда, и сейчас.

В одном Эльрик был уверен твердо: если согнуться перед силой, которая на тебя давит, она тебя сломает. Самый здравый и разумный путь — это сопротивляться до последнего. Ему придавало сил это знание, его ненависть к любой несправедливости и вера в то, что смертные способны жить в гармонии друг с другом и при этом не уходить от мира — он видел это в Танелорне. Это то, что он хранил в неприкосновенности в своей душе, и потому Хаос не мог вобрать его целиком — но это означало также, что груз всех совершенных преступлений лежал на его совести, и день и ночь он был вынужден жить, помня о тех, кто пал от его руки. Должно быть, именно этой тяжести не сумел вынести Гайнор. Но сам он предпочел бы сгибаться под тяжестью собственной вины, нежели под тем бременем, что избрал себе Проклятый Принц.

Он вновь повернулся взглянуть на эти жуткие часы — воистину, жестокую шутку сыграл

Ариох над своими рабами и над поверженным соперником! — и все в душе его взбунтовалось. Он не понимал, как можно быть столь бездумно несправедливым, испытывать наслаждение от чужих страданий и унижений, как можно настолько презирать все сущее, включая себя самого... Цинизм поистине космических масштабов!

— Ты отыскал мне душу твоего отца, Эльрик? Где то, что я велел тебе найти, мой сладкий?

— Я ищу ее, владыка Ариох. — Альбинос знал, что его покровитель еще не до конца проявил свою сущность в этом новом мире. Сила демона была здесь куда меньше, чем в его собственном царстве, куда отважился бы сунуться лишь самый безумный из магов. — А когда я ее найду, я отдам ее отцу. Дальше — решать вам с ним вдвоем.

— Как ты осмелел, мой славный маленький горностаи! Но скоро и этот мир станет моим — и тогда берегись! *Не зли меня, милый. Придет время, и ты станешь покорен мне во всем!*

— Возможно, о Владыка, но время это еще не пришло. Я не стану больше заключать с тобой сделок. И, думаю, тебе проще оставить все старому, чем лишиться моей помощи насовсем.

Ариох, рыча от ярости, замолотил кулаками по эктоплазменному шару, внутри которого бесновался от хохота граф Машабек. Герцог Преисподней взглянул вниз, где трудились тысячи и тысячи несчастных, каждый из которых своими безупречно точными движениями поддерживал жизнь остальных, и, ухмыляясь, сделал вид, что вот-вот ткнет длинным золотистым пальцем в од-

ного из рабочих, угрожая обрушить все сооружение.

Затем он взглянул на застывшего в неподвижности Гайнора Проклятого.

— Найди мне этот цветок, и я сделаю тебя Рыцарем Хаоса, и от нашего имени ты станешь править тысячами миров.

— Я отыщу цветок, господин, — отозвался Гайнор.

— Тебя же, Эльрик, мы примерно накажем, — продолжил Ариох. — Прямо сейчас. И тогда Хаос воцарится в этом мире навсегда.

Золотистая рука потянулась к альбиносу, вытягиваясь и все увеличиваясь в размерах. Но Эльрик привычным движением обнажил рунный меч и вскинул его с победным кличем, призывая всех обитателей мира Нижнего, Срединного и Высшего прийти к нему, броситься на него, напитать клинок и его хозяина, хотя хозяином его он едва ли являлся, ибо меч принадлежал лишь себе самому и лишь себе одному был верен, хотя и зависел от Эльрика не меньше, чем Эльрик от него для поддержания своей жизни. Это странное родство, куда более загадочное, чем могли себе вообразить даже лучшие умы, сделало альбиноса избранным детищем Рока, но оно же лишило его всякой надежды на счастье.

— Это невозможно! — Ариох отпрянул в ярости. — Сила не должна идти против силы! Не сейчас! Только не сейчас!

— Во множественной вселенной существуют и иные силы, кроме Порядка и Хаоса, мой господин, — спокойно заметил Эльрик, не опустив

меча.— И среди них есть и твои враги. Так что не гневи меня слишком сильно.

— О, опаснейшая и отважнейшая из моих душ, не зря я избрал тебя среди прочих смертных, дабы править во имя мое, силой моей. Целые миры склонятся пред тобой, Эльрик... Сферы будут покорны твоей воле. Любые удовольствия. До бесконечности. Без всякой платы и последствий. Вечное наслаждение, Эльрик!

— Я уже говорил тебе, что думаю о любой бесконечности, мой господин. Может статься, однажды я решу вручить тебе свою судьбу. Но пока...

— Я могу лишить тебя памяти. На это я еще способен!

— Лишь отчасти, Ариох. Но над снами даже ты не властен. А во сне я помню все. Однако с этой беготней из мира в мир, из Сферы в Сферу, из вселенной во вселенную реальность мешается с грезами, воспоминания с мечтами. Да, ты можешь лишить меня разума, мой господин. Но не души.

Обезумевший Машабек внезапно завохтал:

— *Гайнор!* — Лишь сейчас взор его упал на бывшего слугу. — *Вызволи меня отсюда, и награда превзойдет все ожидания!*

— Смерть, — неожиданно подал голос Проклятый Принц. — Смерть, смерть, смерть — вот все, чего я жажду. Но ни один из вас не желает дать мне ее!

— Потому что мы слишком ценим тебя, дорогой... — пропел медово-сладкий юноша, вскинув голову. — Я — Хаос. Я — все. Я — владыка Не-

линейности, капитан *Свободных Частиц* и величайший гений Энтропии! Я — ветер из ниоткуда и вода, что размывает миры, я — повелитель Бесконечных Возможностей! Что за блистательные перемены расцветут на лице мира, что за странные браки будут освящены жрецами Преисподней, как чудесно и прекрасно это будет, Эльрик. Ничего предсказуемого. Единственная справедливость во вселенной — ведь все, даже боги, подвластны случайности рождения и смерти! Вечные перемены. Непреходящий кризис мироздания!

— Боюсь, я слишком долго жил в Молодых Королевствах, — отозвался Эльрик негромко, — и твои соблазны не трогают меня. Как не пугают и угрозы. Мы с принцем Гайнором шли своим путем. И, если ты желаешь, чтобы я и дальше служил тебе, лучше отпусти нас обоих.

Ариох заерзал на податливом шаре, и в голосе его прозвучала обида:

— Проклятый может идти дальше. Тебя же, о непокорный, я не могу покарать напрямую, но обещаю, что задержу насколько смогу, чтобы сей более достойный доверия слуга мог достичь цели первым. Его я награжу щедрее, чем обещал Машабек, — я дарую ему истинную смерть.

Из-под шлема Гайнора донеслись рыдания, и он упал на колени.

Ариох поднял руки, в которых оказались два золотых молота. Черты его юного лица исказились злорадством, он с силой ударил по эктоплазменному чреву. Раздался гром, точно от исполинского гонга, и граф Машабек скорчился, затыкая

чешуйчатыми лапами уши и беззвучно завывая от боли.

— Время пришло! — кричит Ариох. — Время!

Эльрик падает, зажав уши ладонями. И падает Гайнор, с таким пронзительным визгом, что его слышно даже за грохотом золотого молота.

Слышится тихий свист, и Эльрик чувствует, как его затягивает все глубже из этого мира в другой. Он пытается сопротивляться силе, проявить которую мог лишь владыка Преисподней, ибо она разрывает бытие целых миров, но все было тщетно, и даже рунный меч не в силах помочь ему. Приносящий Бурю рад оставить эту безжизненную вселенную; он жаждет живых душ, а здесь ему нечем насытиться.

У Эльрика в глазах мутится, огромные часы меркнут и исчезают, силуэт Гайнора делается прозрачным на фоне призрачных гор — и в этот миг он видит, как несется прямо к нему серая тень. Сверкают серо-зеленые глаза, клацают огромные клыки, и он понимает, что перед ним оборотень, изголодавшийся и доведенный до отчаяния настолько, что готов сразиться даже с рунным мечом!

Но волк поворачивается, нюхает воздух, оскаленная пасть ухмыляется, горячая пена каплет с губ, уши встают торчком, затем прижимаются, хищник словно складывается в воздухе пополам и устремляется напрямик на Ариоха. Тот смеется — а затем взвизгивает от неожиданности, когда клыки оборотня смыкаются на шее того, в ком Эсберн Снар признал своего истинного мучителя.

Ариох оказался застигнут врасплох, силы его были на исходе, и потому он не успел изменить облик; бежать же он не пожелал, опасаясь, что плененный соперник ухитрится выбраться из темницы. И потому он схватился с оборотнем на вершине башни, внутри которой несчастные обреченные души суматошно забегали, стараясь восстановить утраченное равновесие. Тело волка вспыхнуло золотым и алым, точно объятые пламенем.

Но вот эктоплазменная сфера накренилась и покатилась на землю, а вместе с ней, сцепившись,— Ариох с Эсберном Снаром. Вспышка ослепила Эльрика, затем нахлынула тьма, и поглотила его, и повлекла безудержно сквозь тысячи расколотых измерений, каждое из которых кричало от боли, каждое из которых вспыхивало от гнева. Последние силы, что призвал себе на помощь Ариох, мощным потоком закружили альбиноса в водовороте множественной вселенной.

Эсберн Снар знал, что так может случиться, и именно этого ждал, чтобы прийти на помощь своим спутникам.

Ибо Эсберн Снар, воистину, был человеком редкой доброты и порядочности.

Слишком долго он жил под гнетом злых сил. Все, что он любил, было уничтожено ими у него на глазах. И хотя он не мог вернуть себе бессмертную душу, но обеспечил ей память в веках.

Он совершил деяние, благодаря которому имена его и возлюбленной, соединиться с которой ему

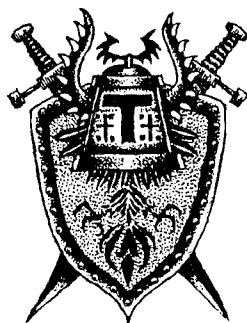
было не суждено ни при жизни, ни после смерти, остались в веках, в легендах и сказаниях всех миров, во всех мыслимых грядущих, что ждали их впереди.

Так Эсберн Снар, Северный Оборотень, спас если и не душу свою, то честь.

Часть третья

**РОЗА ИСКУПЛЕННАЯ;
РОЗА ОЖИВШАЯ**

Три меча для трех сестер.
Первый – алчен и остер,
Из слоновой кости он.
Камнем был второй рожден.
В третьем – злата чистый блеск,
Что затмит огонь небес.
Первый носит имя «Честь»,
А второй – «Святая Месть»,
Третьему – «Свобода» имя.
Меч тот старший над другими.

Уэлдрейк
«Баллады Приграничья»

ГЛАВА ПЕРВАЯ
Оружие, наделенное
собственной волей;
поиски возобновляются

льрик из последних сил пытался воспротивиться ярости Ариоха. Он вытянул левую руку, словно желая ухватиться за ткань пространства-времени и замедлить свой полет сквозь измерения, а правой цеплялся за рунный меч, воющий и содрогающийся от гнева на владыку Преисподней, который все остатки энергии потратил на эту мелкую, бессмысленную месть

своему слуге. В этом Ариох был ничуть не лучше прочих обитателей Хаоса, всегда готовый пренебречь вечным ради сиюминутного. Впрочем, Хаос в этом отношении был достоин доверия ничуть не более Порядка, каковой также был склонен к бессмысленным жертвам — только ради давно утративших всякий смысл принципов, а потому приносил смертным не меньше бед во имя Рассудка, чем Хаос — во имя Чувства.

Альбинос размышлял об этом, проносясь сквозь миры множественной вселенной — *и полет его длился почти целую вечность*, — ибо когда вечность ускользает от понимания, то вскоре разуму остается лишь непреходящая боль ожидания, которое *никогда* не исполняется. Вечность есть конец всякого времени, конец мукам ожидания, это начало жизни, жизни безграничной!

И Эльрик стремился объять величие и красоту этого *возможного* совершенного мироздания, пребывающего в вечном изменении, на грани Жизни и Смерти, Порядка и Хаоса — все приемлющего, все любящего, всеобъемлющего — мироздание вечно меняющихся обществ, природных сознаний, развивающихся реальностей, ценящих свои и чужие отличия, постоянно пребывающее в гармоничной анархии — ибо, как ведомо истинным мудрецам, таково естественное состояние всякой и каждой твари во всяком и каждом мире, кое некоторые представляли единой разумной сущностью, совершенной Суммой Единения.

Любовь человеческая, размышлял альбинос, по мере того как вселенные поглощали и исторгали его одна за одной, — это единственное, что есть у

нас постоянного, единственное качество, с помощью которого мы способны одолеть неизбежную логику Энтропии.

В этот миг меч затрепетал в его руке, изогнулся, точно пытаясь вырваться на волю, возмущенный подобным сентиментальным альтруизмом. Но Эльрик крепко вцепился в рукоять, ибо это ощущение сделалось для него единственной оставшейся реальностью, единственным якорем в обезумевшем потоке Пространства и Времени, где смысл цвета сделался бездонным, а смысл звука — непостижимым.

Приносящий Бурю вновь попытался выскользнуть. Альбинос стиснул кулак, и рунный клинок своей волей начал полет сквозь измерения. Мелнибонзец преисполнился благоговения перед силой черного меча, казалось бы, рожденного Хаосом, но не хранящего верность ни Хаосу, ни Порядку, хотя он не служил и Равновесию. Рунный меч был силой настолько самоценной и самодельной, что ей редко нужны были внешние проявления, однако коренным образом противостоящей всему, что ценил и за что сражался Эльрик — словно был глубокий иронический смысл в этом одновременном противостоянии и симбиотическом единстве пламенного идеалиста и циничного солипсиста; возможно, то был символ сил, борющихся в сознании каждого человека, нашедший свое крайнее драматическое воплощение в слиянии Приносящего Бурю и последнего из Владык Мелнибонэ...

Альбинос летел теперь вслед за рунным мечом, который теперь сам прокладывал им путь — слов-

но рвался назад, против воли Ариоха, противопоставляя его силе свою собственную. Эльрик не мог понять, что движет Приносящим Бурю. Едва ли то был гнев, упрямство или иные, столь же примитивные эмоции. Он скорее готов был поверить, что клинок стремится — по ему лишь одному ведомым причинам — встать на защиту некоего принципа, которого придерживался столь же неукоснительно, сколь Порядок — своих незыблемых правил; словно меч тщился излечить загадочную деформацию космической материи, предотвратить событие, которое невозможно было допустить...

Эльрик оказался захвачен межмировым ураганом; в сознании его сосуществовали тысячи противоположностей, в один миг он становился тысячами разных созданий, проживал десятки жизней, и столь огромным сделалось мироздание, столь необъятным, что он сходил с ума, пытаясь осмыслить хоть малую толику всего того, что угрожало здравости его рассудка. И альбинос молил меч замедлить бег, хоть немного передохнуть, пощадить его.

Но он сознавал, что для меча забота о нем лишь вторична, а главное — оказаться там, в той единственной точке множественной вселенной, где он считал, что оказаться ему необходимо... Возможно, то был просто импульс, неосознанный инстинкт...

Ощущения Эльрика размножились и изменились.

Розы испускали томительно-сладостный звон, музыка его отца струилась по венам с изумленной печалью... с изнуряющим страхом... словно давая понять, что время на исходе, и вскоре у

Садрика не останется иного выхода, кроме как навеки соединиться душою с сыном...

Завывающий рунный меч содрогнулся, словно мысль эта была противна его устремлениям, логике его неосмысленной решимости выжить, не идя на компромиссы ни с одним живым существом — даже с Эльриком, ибо тому предстояло угаснуть, как только он исполнит предначертанную ему судьбу, смысл которой до сих пор был не ведом никому, даже рунному мечу, существовавшему в ином Прошлом, Настоящем и Будущем, недоступном обитателям Нижнего, Срединного и Верхнего мира; и все же клинок стремился к своей цели, призывая на помощь столь могущественные силы, какие никогда не использовал прежде, даже когда забирал души для Ариоха...

— Эльрик!

— Отец, боюсь, я потерял твою душу!..

— Мою душу тебе никогда не потерять, сын мой...

Яркая внезапная вспышка золотисто-розового сияния клинком полоснула по глазам, ледяной воздух хлестнул кожу, и послышались ритмичные звуки, такие знакомые, такие чудесные, что сперва одна, затем другая слезинка скатились на замерзшие щеки...

Да, Гайнор Трон заполучил
И трех сестер он захватил.
Одна — прелестный Лепесток,
Другая — осени Цветок,
А третья — розовый Бутон,
Что не для счастья был рожден.

Рыдая, Эльрик рухнул в широко раскрытые объятия маленького поэта с большим сердцем, мастера Эрнеста Уэлдрейка.

— Сударь, дорогой мой! Мой добрый старый друг! Приветствую вас, принц Эльрик. За вами кто-то гонится? — И он указал на склон горы, по которому съехал альбинос, прорезав в снегу глубокую борозду.

— Я счастлив видеть вас вновь, мастер Уэлдрейк! — воскликнул мелнибонзеец, стряхивая с одежды снег и гадая, уже не в первый раз, не привиделся ли ему весь этот головокружительный полет сквозь вселенные... или всему виной был, к примеру, драконий яд, затуманивший ему рассудок. Осмотревшись на утоптанной, окруженной заснеженными березами полянке, он увидел Приносящего Бурю, небрежно прислоненного к дереву, и на краткий, чистый миг познал неизъяснимую ненависть к рунному клинку, эту часть себя самого, без которой он не мог существовать или же (как твердил ему тихий внутренний голос) с которой он сам не желал расставаться, ибо лишь в ярости кровавого боя обретал забвение от мук совести.

Нарочито неспешно он подошел к дереву, взял оружие и вернул его в ножны, точно самый обычный меч, затем вновь обернулся к приятелю.

— Как вы здесь оказались, мастер Уэлдрейк? Вам знакомо это измерение?

— Вполне знакомо, равно как и вам, принц Эльрик. Мы все еще в мире Вязкого Моря.

Лишь теперь альбинос осознал, что Черный Меч вернул их в тот самый мир, откуда пытался изгнать Ариох. А значит, у адского клинка были свои причи-

ны находиться здесь. Но он ничего не сказал об этом Уэлдрейку, и тот принялся рассказывать, как им с Черион Пфатт удалось отыскать ее бабушку и дядю.

— Однако Коропита мы так и не нашли,— заключил поэт.— Фаллогард убежден, что сын его где-то поблизости. И потому мы тешимся надеждой, милый принц, что вскоре все Пфатты вновь соберутся дружной семьей.— Он понизил голос до заговорщического шепота.— Поговаривали даже о нашем браке с дражайшей Черион...

Но, прежде чем он вновь принялся читать подходящие к случаю стихи, послышался шум и из-за заснеженных деревьев на поляну уверенным шагом вышла Черион, несущая носилки, где, улыбаясь и кивая, точно королева, восседала старуха Пфатт. С другой стороны носилки поддерживал ее сын, как всегда взъерошенный и растрепанный, который дружески улыбнулся при виде альбиноса, как будто встретил давнего знакомого в местной таверне. И лишь Черион приняла его настороженно.

— Я ощутила вашу гибель больше года назад,— заметила она негромко, опустив носилки на снег.— Был взрыв — и вы утратили всякое существование. Как вы ухитрились выжить? Вы что, подобны Гайнору, или это просто оборотень в обличье Эльрика?

— Уверю вас, сударыня,— отозвался альбинос,— я по-прежнему тот, кого вы знали. Не знаю почему, но Рок пока не позволяет мне погибнуть. Скажу больше, пока что мне всякий раз удавалось пережить свою гибель вполне безболезненно.

Эта шутка окончательно убедила ее, что с мелнибонэйцем все в порядке, и она с виду успокои-

лась. Но он чувствовал, что мысленно и всеми доступными ей способами она продолжает прощупывать его.

— Вы поистине поразительное создание, Эльрик Мелнибонэйский,— промолвила наконец Черион Пфатт и повернулась к бабушке.

— Рад, что вы отыскиали нас сударь! А мы как раз получили весьма любопытные сведения о моем пропавшем сынишке,— воскликнул радостно Фаллогард Пфатт, как видно, не разделявший подозрений племянницы относительно Эльрика.— Так что постепенно мы все вновь соберемся вместе. По-моему, вы уже знакомы с женихом Черион?

Девушка встыхнула до корней волос, к собственному смущению, но взор, брошенный ею на маленького поэта, ничем не отличался от того, что бросал на нее саму некий ящер, ибо в выборе влюбленных нет ничего, кроме загадок и парадоксов.

А матушка Пфатт открыла рот, где еще поблескивали несколько острых зубов, и завопила что есть мочи:

— Динь-дон, колокол звонит! Динь-дон, красиво говорит! — Словно в старческом слабоумии вообразила себя безумным попугаем.

Но избраннику внучки она помахала вполне дружески и тут же подмигнула Эльрику, а когда он подмигнул ей в ответ, хитро улыбнулась.

— Темные дни для лилейного молодца, светлые дни для темного юнца! Пир для добрых, пир для злых, пир для Хаоса чумных. Пир для черта, пир для Сына, мрачный день для исполина. В ночь расцветут бутоны лесные, по земле поплывут корабли морские. Динь-дон лилейному молодцу, динь-

дон негодяю и храбрецу. Моря засевай, по чацобе плыви, Хаос пришел в ту землю, где Три.

Но когда они принялись допытываться, что за смысл в ее нескладных стихках, да и есть ли он там вообще, она захихикала и потребовала чаю.

— Матушка Пфатт — жадная старуха, — доверительно прошептала она Эльрику. — Но свой долг она выполнила, разве не так, викарий? Матушка Пфатт под деревом спала; пятерых сынов она Вечности дала.

— Так вы говорите, Коропит где-то рядом? — обратился Эльрик к Фаллогарду Пфатту. — Вы чувствуете его?

— Слишком много Хаоса, понимаете, — ответил ясновидящий. — Трудно разделить его... трудно что-то разглядеть. Трудно позвать. Трудно слышать ответ. Все в тумане, сударь. Космос всегда неспокоен, когда действует Хаос. Видите ли, этот мир под угрозой. Первые попытки его захватить были сделаны давно. Но что-то мешает им.

Эльрик сперва подумал о рунном мече, но он знал, что адский клинок не помогает, но и не препятствует событиям идти своим чередом; клинок лишь стремился вернуться в тот мир, где хотел оказаться в определенный момент времени. Так что Хаосу здесь противостояла иная сила. Может быть, таинственные три сестры? Он ничего не знал о них, кроме того, что они несли с собой сокровища, за которыми охотились и он, и Гайнор... ну и еще балладу Уэлдрейка, но она была сочинена самим поэтом, и там не было ничего, кроме выдумок.

Да и существовали ли эти сестры на деле? Может, они были сотворены воображением бар-

да из неведомого Патни? Может, все тратили время в погоне за химерами — плодом поэтической фантазии романтического ума?

И вот за Гайнором в погоню,
Не зная страха, три сестры,
Чтобы вернуть свои дары,
Отправились, себя не помня...

— Ну так что же, сударь,— говорит Эльрик, помогая разводить огонь, ибо Пфатты собирались устроить привал на этой поляне еще до его внезапного появления,— могут эти ваши стихи помочь нам отыскать сестер?

— Признаюсь, сударь, я слегка изменил их, включив все новое, что узнал за последнее время, так что в поисках истины на меня едва ли стоит полагаться — разве что в самом глубинном смысле. Как и на большинство поэтов. Что касается Гайнора, кое-что мы о нем разведали. Но о мастере Снаре — увы, ничего. Любопытно, что случилось с ним.

— Он пожертвовал собой,— отозвался альбинос просто.— Больше того, он спас меня от смерти. Мне кажется, он сумел изгнать Ариоха из этого измерения — и погиб от руки владыки Преисподней.

— Так вы потеряли союзника?

— Потерял союзника, мастер Уэлдрейк, и потерял врага. Потерял, похоже, еще год жизни. Но не могу сказать, чтобы мне не хватало общества моего покровителя, герцога Энтропии...

— И все же угроза Хаоса остается,— заметил Фаллогард Пфатт.— В этом мире я чую его повсюду. Пока он выжидает — но готов пожрать все, до чего сумеет дотянуться!

— Неужели мы так нужны Хаосу? — удивилась его племянница.

— Нет, дитя. — Дядя покачал головой. — Нельзя сказать, что он *алчет* нас. Мы для него, по-моему, просто раздражитель. Совершенно бесполезный. Но он был бы рад разделаться с нами. — Он прикрыл глаза. — Он гневается, я чувствую это. А теперь еще Гайнор... Зрю его — чувствую на вкус — на запах — Гайнор — сейчас я найду его — вот он скачет... исчез, исчез... Вот он опять — скачет куда-то — все еще ищет сестер. И скоро найдет их! Он желает обрести некую странную силу. Те, кому он служит, жаждут заполучить ее. Без нее им не покорить это измерение. А, сестры — вот и они — наконец я чую их. Они тоже кого-то ищут. Гайнора? Хаос? Что же? Союз? Они ищут — нет, не Гайнора... Проклятый Хаос, он слишком силен!.. Опять туман. Все расплывается... — Вскинув голову, он со всхлипом втянул в себя сумеречный воздух, словно едва не захлебнулся в море видений.

— Гайнор направлялся к восточным горам, — заметил Эльрик. — Сестры все еще там?

— Нет. — Фаллогард Пфатт нахмурился. — Они давно уже покинули Майнс, но... время... Гайнору удалось выиграть время... ему помогли... неужели ловушка? Что? Что такое? Я его не вижу!

— Нам нужно пораньше сняться с лагеря, — заявила Черион с присущей ей практичностью, — и попробовать отыскать сестер до Гайнора. Но первый наш долг — по отношению к семье. Коропит здесь.

— В этом измерении? — удивился Эльрик.

— Или в ближайшем отсюда. — Она отломил кусок засахаренной шкурки и предложила альбиносу, но тот покачал головой: ему не по вкусу были сласти ее родного мира, где, по уверению Уэлдрейка, повара были еще хуже, чем у него на родине.

— Интересно, — пробормотала она чуть погодя, — знает ли хоть кто-то, кроме меня, насколько сам Гайнор устремлен ко злу? — И уставилась в огонь, пряча глаза от остальных.

Поутру пошел мягкий снег, скрывая оставленные ими накануне шрамы, заматавая тропы впереди, и мир застыл в ледяном безмолвии. Путники двинулись в путь, ориентируясь по видневшимся над головой утесам и определяя направление по размытому солнечному свету, — но шли они без колебаний, упрямо, ведомые психическим чутьем ясновидцев, в этом мире, где они оказались едва ли не единственными смертными.

Они останавливались ненадолго, чтобы передохнуть, согреть матушке Пфатт травяного настоя — травы и сладкое вяленое мясо были их единственными припасами. Затем они вновь шли, выбирая места, где меньше снега, собирая кору и мох, которые приносили показать старухе, и та, рассмотрев все как следует, заявила, что мир этот лежит под снегом уже больше года и здесь, несомненно, видна рука Хаоса, помянула также Ледяных Исполнителей и Народ Холода, о котором рассказывали в ее родных краях. По ее словам, эта раса правила в Корнуэле задолго до того, как тот получил свое имя на языке людей. Был один принц, сказала она,

из древней расы, и он взял в жены девушку человеческого рода. То были ее предки по матери.

— Отсюда мы обрели дар Второго Зрения, — доверительно прошептала она Эльрику на стоянке, потрепав того по плечу. Она обращалась с альбиносом, точно с любимым внуком. — И были те люди похожи на тебя, только не такие бледные.

— Мелнибонэйцы?

— Нет-нет! Слова не имеют значения. Они называли себя вадхагами, те, что были еще до мабденов. Так что, может статься, мы с тобой родня, принц Эльрик? — На миг она перестала притворяться слабоумной, и, взглянув на нее, альбинос подумал, что смотрит в лицо самому Времени.

— Что ты об этом думаешь, принц Эльрик?

— Вполне возможно, сударыня, — мягко отошел тот. Он чувствовал, что она несет на плечах тяжелое бремя, и был рад, что может хоть немного облегчить ее ношу задушевным разговором.

— И, боюсь, мы рождены, чтобы влачить на себе всю скорбь мира.

После чего старуха вновь заклохоталась и запела хриплым голосом:

— Динь-дон-дон! Старый Пим идет в свой дом! Мальчик юный, мальчик славный, сердце пусть отдаст для Мая. Кровь цветет, кровь растет, пусть богатство прирастет! — И принялась выбивать сумасшедший ритм ложкой о миску. — И из крови прямо в мозг боль придет, придет, придет!

— Мапочка! О, Чресла моего Творения! Мало мне туманов Хаоса, да тут еще ты с этими дикарскими напевами! — взмолился Фаллогард Пфатт, заламывая руки.

— Пусть приходят, обгложут мамочкины косточки! — с пафосом воскликнула старуха, но сын ее не пожелал продолжать игру.

— Мама, мы почти нашли Коропита, но дальше дорога пойдет тяжелее. Надо беречь силы. И придерживать язык, и не сыпать заклинаниями и стишками — а то мы оставим за собой такой след в астрале, что хоть армию за нами вслед пускай! Это неосторожно, мама.

— Осторожностью крыс не морят, — отозвалась матушка Пфатт, но подчинилась, признав правоту сына.

Эльрик заметил, что воздух понемногу становится теплее, иней тает на деревьях и хлопья снега падают на землю. После полудня, под лучами палящего солнца, они увидели строй покрытых коркой льда зверолодей — диковинно вооруженных воинов, застывших в самых причудливых позах; под слоем обжигающе горячего на ощупь льда глаза статуй жили, рты кривились в безмолвном крике боли. Маленькая армия Хаоса, согласился Фаллогард Пфатт с Эльриком, побежденная неведомым колдовством — возможно, силами Порядка? Теперь они оказались в пустыне, по которой струился явно искусственного происхождения поток — сводой, вполне пригодной для питья.

На другой день пустыня кончилась, и глазам их предстал густой лес. Листва деревьев была длиной в рост человека, а стволы — тонкие и гибкие, как девичьи тела, кроны полыхали золотом, багрянцем, киноварью и аквамарином, но каждый лист пронизывали розоватые, алые и серые жилки — точно лес этот питался кровью.

— Похоже, именно здесь мы отыщем блудное дитя! — воскликнул Фаллогард Пфатт, но мать его с сомнением взглянула на густосплетение ветвей, стволов, цветов и листвы. Нигде не было видно тропинки сквозь чащу.

Фаллогард Пфатт, возглавив отряд, уверенно потрусил вперед, так что племяннице, несшей носилки с ним вместе, приходилось почти бежать. Она просила его замедлить шаг — но он не слушал, пока наконец не оказался в гуще липкого змееподобного леса.

Обрадовавшись тени, Эльрик прислонился к податливому стволу. Он словно провалился в мягкую плоть. Выпрямившись, он перенес вес тела на другую ногу.

— Это работа Хаоса, — сказал он. — Мне знакомы эти создания — полуживотные-полурастения — первые, кого Хаос отправляет завоевывать новый мир. Обычно их создают из опметков неудавшегося колдовства, и ни один император Мелнибонэ не унизился бы до подобной дряни. Но у Хаоса, как вы, должно быть, уже успели заметить, не хватает вкуса. Тогда как у Порядка его, напротив, слишком много.

Идти по лесу оказалось куда проще, чем они боялись. Лишь порой случайная почка нежно прилипала к лицу или к руке, или сверкающее зеленое щупальце обнимало кого-то за плечи. Но тварям этим явно не хватало подпитки Хаоса, и они не могли надолго задержать целеустремленных путников.

Пока наконец, совершенно внезапно, лес из органического не сделался кристалльным.

Свет мириадов оттенков падал сквозь призму древесных крон, сверкал, отражаясь от ветвей, хрустальных листьев, стекал по стволам и лианам — но Фаллогард Пфатт упрямо продолжал свой путь сквозь джунгли, и ничто не могло задержать его.

— А это, должно быть, работа Порядка? — спросила Черион у Эльрика. — Вся эта бесплодная красота...

— Согласен, — отозвался тот, любуясь игрой света, падавшего, преломляясь тысячами оттенков, заливая все вокруг, так что путники шли словно по колена в рубинах, изумрудах и аметистах. Огни играли и у них на коже, так что Эльрик наконец перестал отличаться внешне от своих спутников, разряженный, подобно им, в сияющий пестротой шутовской костюм, ежесекундно, с каждым шагом меняющий цвета и оттенки.

И вот наконец они ступили под своды огромной пещеры, залитой серебристым сиянием, где слышалось лишь далекое журчание ручья, — и вздохнули с облегчением, ощутив покой, что прежде Эльрик испытывал лишь в Танелорне.

Здесь Фаллогард Пфатт наконец остановился, и они с племянницей опустили носилки на ароматный мох, устилавший пол пещеры.

— Мы пришли туда, где не правит ни Хаос, ни Порядок, — возможно, здесь царство Равновесия. Здесь мы найдем Коропита.

И вдруг откуда-то сверху, из дальней галереи, раздался истошный крик:

— Быстрее, глупцы! Сюда! Там Гайнор! Он схватил сестер!

ГЛАВА ВТОРАЯ

Нежданные встречи. Еще один странный поворот Колеса Судьбы

К

оропит, свет души моей!
Радость моя! О, плод мо-
их чресел! — Фаллогард

Пфатт вглядывался в пересе-
кающиеся лучи света, отражав-
шиеся от потолка пещеры, в
хитросплетения зеленой ли-
ствы и темного камня, в пау-
тину ветвей и ароматных цве-
тов, протягивая к сыну руки.

— Быстрее, папа! И вы все!
Сюда! Мы должны помешать
ему! — В голосе мальчика,

звонком, как горный ручеек, слышалось отчаяние.

Эльрик отыскал высеченные в скале ступени, что вели наверх. Не тратя времени на раздумья, он устремился вперед, а за ним — Фаллогард Пфатт и Черион, оставив матушку Пфатт на попечение Уэлдрейка.

Покой и величие огромной пещеры делали ее похожей на собор, о чем не преминул заметить задыхающийся Фаллогард: «Словно сам Господь Бог поставил ее здесь нам в назидание!». (По рождению и воспитанию он был монотеистом.) И если бы сын не кричал ему сверху, он непременно остановился бы полюбоваться на это чудо.

— Вот он! А теперь их двое! — подал голос Уэлдрейк, остававшийся внизу. Никто не понял, что он имел в виду. — Еще немного! Осторожнее, душа моя! Присматривайте за ней, папа!

Но Черион не нуждалась в присмотре. С мечом в руке она бежала по ступеням вслед за Эльриком и давно обогнала бы его, не будь лестница столь узкой.

Они оказались в галерее со стенами из живой изгороди, явно выращенной специально, чтобы создать этот проход, и Эльрик подивился, до чего искусен был народ, что жил здесь прежде. Пережил ли кто из них приход Хаоса? И где же они тогда?

Галерея расширилась, переходя в просторный туннель.

Там их поджидал Коропит, задыхавшийся от волнения и быстрого бега. При виде отца слезы выступили у него на глазах.

— Быстрее, папа! Гайнор убьет ее, если мы не поторопимся! Он их всех убьет!

И он метнулся вперед, то и дело оглядываясь и подгоняя их криками. Он сильно вырос за это время и здорово похудел, сделался таким же нескладным и угловатым, как отец. Они бежали по галереям, залитым зеленым светом, по залам, чей покой ничто не нарушало, кроме их шагов, по анфиладам комнат, чьи окна под самым потолком выходили в серебристую пещеру; нигде не было ни души, дух запустения царил повсюду. Они бежали вверх по спиральным лестницам и изгибающимся коридорам, по этому странному городу-дворцу — или по дворцу, огромному, как город, — где мягкий, незлобивый народ жил некогда в мире и гармонии...

...и вдруг слышатся звуки боя — на психическом, магическом и физическом уровне... все вокруг взрывается вспышкой желто-алого света — обрушивается непроглядная тьма, водоворотом кружатся краски, неведомые человеческому глазу, и слышатся гулкие звуки, подобные сердцебиению...

...и Эльрик первым вбегает в зал, масштабами, красотой и утонченностью напоминающий пещеру, оставшуюся внизу, — словно он был возведен в подражание ей...

...и на полу голубого мрамора, пронизанного серебристыми жилками, видит распростертое тело девушки, которую сразу узнает по одежде и рассыпавшимся золотистым волосам. Меч выпал у нее из правой руки. Но левая еще сжимает кинжал.

— Нет! — в ужасе кричит Коропит Пфатт. — Она не могла умереть! Этого не может быть!

Эльрик, вернув в ножны Приносящего Бурю, опустился рядом с ней на колени, нащупывая пульс. Голубоватая жилка билась на горле слабо, но ровно, и спустя миг девушка открыла прекрасные карие глаза.

— Гайнор? — прошептала она.

— Похоже, он сбежал, — отозвался Эльрик. — И сестры, видимо, с ним.

— Нет! Я была уверена, что сумею их защитить! — Роза попыталась подняться, но усилие оказалось для нее слишком велико. Коропит Пфатт выглядывал у Эльрика из-за плеча, жалобно бормоча слова утешения. Она ободряюще улыбнулась. — Я не ранена. Просто очень устала. — Дыхание ее было прерывистым. — По-моему, Гайнору помогал кто-то из Владык Хаоса. У меня на него ушли все заклятия, что я купила в Оио. Почти ничего не осталось.

— А я и не знал, что ты колдунья, — заметил Эльрик, помогая ей сесть.

— Мы владеем природной магией, — отозвалась она, — но мало кто ею пользуется. Зато Хаосу сложнее с ней бороться, и это меня здорово выручило. Хотя я надеялась на большее: что сумею пленить его и кое о чем расспросить.

— Мне кажется, он по-прежнему на службе у графа Машабека, — предположил альбинос.

— Уж это мне хорошо известно, — произнесла Роза с напором, но ничего больше не пояснила.

И лишь спустя некоторое время, уже после того как Коропит вернулся с Уэлдрейком и ма-

тушкой Пфатт,— которых провел сюда более длинным, зато куда более безопасным путем через внутренние туннели,— Роза оправилась достаточно, чтобы начать рассказ.

Пробравшись в пещеру («сквозь измерения, тайком, как воришка»), она отыскивала прячущихся там сестер, которые потерпели неудачу в своих собственных поисках во множестве вселенных. Роза вновь предложила им помощь, и те с благодарностью согласились, но Гайнор со своей цитадели, всего в пятидесяти милях отсюда, почувал неладное, должно быть ощутив разрывы в ткани пространства, и во главе целого отряда явился сюда за сестрами и их сокровищем. Он не ожидал встретить сопротивление — тем более от Розы, чью утонченную магию Хаосу понять не под силу.

— Мое колдовство берет истоки не из Хаоса или Порядка,— пояснила она,— а из мира Природы. Порой проходят годы, прежде чем одно из наших заклятий достигнет цели. Зато действуют они наверняка, и спасения от них не существует. Наше призвание — выискивать и уничтожать тиранию в любых видах. И нам это столь хорошо удавалось, что вызвало гнев владык Высших Миров, которые правили посредством тех людей.

— Так вы Дщери Сада! — перебил ее восхищенный Уэлдрейк и тут же смутился, когда все взоры устремились на него. — Я слышал одно персидское сказание. Или багдадскую сказку — не помню точно. Иначе их называли еще Дочери Справедливости... Но вы приняли мученическую смерть... Прошу простить меня, сударыня. Это звучало так:

Тяжелой поступью Малкольм
Явился в сад, один.
В его руке пылал Огонь,
Он нес цветам и смерть, и боль...
И так погиб Брандин.

Боже правый, сударыня, порой мне кажется, что я оказался в плену огромной нескончаемой поэмы моего собственного сочинения!

— А вы помните конец баллады, мастер Уэлдрейк?

— Их было несколько разных,— уклончиво ответил поэт.

— И все же вы должны его вспомнить!

— Кажется, вспоминаю, сударыня.— В голосе Уэлдрейка звучал ужас.— О, не надо, сударыня, нет!

— Да,— отчеканила Роза. И проговорила уверенным, усталым голосом:

Как смерч, ворвался он в Брандин,
Цветы готовый погубить.
В живых остался лишь один —
Дабы скорбеть и слезы лить.

Я была тем самым последним цветком,— пояснила Роза,— который не стубил «граф Малкольм» из вашей баллады. Тот, прежде кого к нам пришел Гайнор со своими лживыми рассказами о том, как героически он сражался против сил Зла.— Голос ее прервался.— Он обманул нас и застал врасплох. Мы верили Гайнору. Я первая защищала его! Теперь я знаю, насколько он не изобретателен — всех обманывает одними и теми же сказками. Спустя несколько часов наша доли-

на превратилась в выжженную пустыню. Мы были совершенно не готовы устоять против Хаоса — ведь тот мог войти к нам лишь с помощью смертных. С помощью Гайнора. О, несчастные глупцы, обманутые им...

— Сударыня! — вновь подает голос Уэлдрейк, и она дружески протягивает руку, словно чтобы утешить его. Но в утешении нуждается она сама. — Этот единственный цветок...

— Была еще одна, — печально промолвила Роза. — В отчаянии она прибегла к самым сильным чарам — и умерла ужасной смертью...

— Так значит, сестры вам не родня? — прошептал Фаллогард Пфатт. — А я был уверен...

— Сестры по духу, может быть, хотя у них иное призвание. Но враг у нас один, и потому я пришла им на помощь. Ибо, помимо прочего, они владеют ключом, нужным мне, чтобы достичь цели.

— Но куда мог забрать их Гайнор? — воскликнула Черион. — Ты говоришь, его крепость в пятидесяти милях отсюда?

— И там же собраны легионы Хаоса, которые только и ждут команды, чтобы двинуться на нас войной. Но я не думаю, что он сумел отыскать сестер.

— Как это? — изумилась Черион.

Роза покачала головой. Силы понемногу возвращались к ней, и она уже могла передвигаться без посторонней помощи.

— Мне пришлось спрятать их от него. Времени оставалось слишком мало. Спрятать сокровища я не успела. Не знаю только, все ли получилось как надо.

Ясно было, что она больше не хочет говорить об этом, и потому они принялись расспрашивать их с Коропитом о том, что случилось тогда на мосту в Стране Цыган.

Она рассказала, что отыскала сестер и Гайнора в тот самый миг, как Машабек разрушил дамбу. Разумеется, это Гайнор призвал его.

— Я пыталась остановить Машабека и спасти хоть кого-то. Но за это время Гайнор успел бежать, хотя и без сестер — те в суматохе скрылись. Я пробовала остановить цыган, а когда поняла, что это бесполезно, отправилась за Гайнором... или за Машабекком. Несколько раз нам с Коропитом почти удалось их настичь, а потом мы узнали, что, вслед за сестрами, они вернулись в этот мир. Хаос набирает силу. Это измерение почти полностью в его власти. Только мы и сестры смогли устоять против него.

— Не знаю, хватит ли мне смелости отправиться ко Двору Хаоса, сударыня, — медленно произнес Уэлдрейк, — но если вам нужна моя помощь, прошу рассчитывать на меня во всем. — И он отвесил ей церемонный поклон.

Черион, стоя бок о бок со своим возлюбленным, также предложила Розе свой меч.

Та с благодарностью приняла их помощь.

— Однако еще рано строить планы. Мы пока не знаем, каково истинное положение вещей. — Изящным движением поднявшись на ноги, она вскинула голову и издала мелодичный свист.

Издалека донесся цокот когтей по мраморным полам и жаркое дыхание — словно Роза призвала на помощь Псов Преисподней; и в зал

вбежали три огромные собаки — три волкодава с огромными клыками и вывалившимися набок розовыми языками — белый, серебристо-серый и золотистый. Все трое готовы были сразиться с любым врагом, преследуя его хоть до края вселенной. Они уселись у ног Розы, заглядывая ей в глаза, готовые исполнить любое ее приказание.

Как вдруг один из псов, взглянув в сторону, увидел Эльрика. Он тут же заметно занервничал, негромким рыком привлекая внимание собратьев, и первая мысль, пришедшая на ум альбиносу, была — что перед ним родичи Эсберна Снара, которым пришлось не по душе то, как вервольф пожертвовал собою ради мелнибонэйца.

Волкодавы поднялись и направились к альбиносу, не обращая внимания на негодующий окрик Розы. Она велела им вернуться.

Они ее не слушали.

Но Эльрик, как ни странно, совсем не боялся их. Было в этих псах нечто вселявшее уверенность в собственной безопасности. Однако он был весьма озадачен.

Приблизившись, собаки обошли его кругом, принохиваясь, вопросительно глядя друг на друга и порывая, затем, удовлетворив любопытство, невозмутимо вернулись к Розе.

Та была в полном недоумении.

— Я как раз хотела объяснить, почему нам придется подождать, ничего не предпринимая. Эти собаки — заколдованные сестры. Я наложила на них чары, чтобы скрыть от Гайнора и дать им возможность защитить себя, ибо их собственная

магия на исходе. Они не нашли того, что искали, а потому сейчас совершенно беззащитны.

— И что же они искали? — спросил Эльрик негромко, делая шаг вперед и не сводя удивленного взора с собак, которые в ответ взглянули на него с тоской.

— Мы искали тебя, — ответил золотистый пес, струящимся движением поднимаясь на задние лапы и превращаясь в прекрасную женщину. На ней было шелковое платье того же цвета, что шкура собаки, а лицо — утонченное и продолговатое, как у мелнибонэйцев.

Серебристо-серый мех стал серебристо-серым шелком, а белый — белым, и вот уже все три сестры стояли перед ним.

— Мы искали тебя, Эльрик Мелнибонэйский, — повторили они.

Черные волосы обрамляли точеные лица, подобно шлемам. У них были огромные, чуть раскосые фиалковые глаза, бледная кожа цвета самой светлой меди, изогнутые, подобно лукам, губы...

...и они говорили с ним одним. На Тайном Языке Мелнибонэ, который не понимал даже Уэлдрейк.

От неожиданности Эльрик попятился. Но тут же спохватился, застыл на месте, коротко поклонился... и опомнился, когда губы его уже шептали слова, которые он клялся никогда больше не произносить, — слова древнего приветствия, принятого меж знатными семьями Светлой Империи:

— Я чту вас и ваши желания...

— ...как мы — твои, Эльрик Мелнибонэйский, — поддержала его женщина в золотом. — Я

принцесса Тайарату, а это мои сестры, также принадлежащие к Касте: принцесса Мишигуйя и принцесса Шану'а. Принц Эльрик, мы искали тебя многие тысячелетия, в тысячах Сфер!

— А я вас — всего несколько веков и, быть может, в пятистах Сферах, — отозвался альбинос скромно, — но, сдается мне, оказался как тот хвост, что гонялся за лисицей...

— Как когда Безумный Джек Поркер заложил свою ногу! — в восторге выкрикнула матушка Пфатт, наслаждавшаяся жизнью на мягком ложе, на свежих простынях. — Кругами друг за дружкой гонялись, да? Вот так-то! Я же говорила, в этом есть какой-то смысл. Если поискать, смысл есть всегда! Динь-чик, дон-чик, потерял малец бубенчик! Знаменитая гонка была, знаете ли. Испытание Случаем. Последний его бросок — это уж было чистой воды героизм. Все так говорили. Дамы и господа, они прибивают нам ноги к земле. Это не честная игра! — Она принялась вести какой-то комический диалог сама с собой, явно вспоминая юность на театральных подмостках. — Буффало Билл против Вечного Жида! Какой отличный был финал! Последний штрих.

Всю эту тираду сестры выслушали с безупречным терпением и наконец продолжили:

— Мы искали тебя, дабы обратиться с мольбой, — произнесла принцесса Тайарату, — и взамен принести тебе дар.

— Располагайте мною, как собственными руками, — привычно отозвался Эльрик, следуя ритуалу.

— А ты — нами, — поддержали его хором все три сестры.

Принцесса Тайарату опустилась на одно колено и взяла его за руки, заставив встать рядом с собой, так что теперь они оказались на коленях друг против друга.

— Твоя власть надо мной, господин, — промолвила она, подставляя лоб для поцелуя. Тот же обряд повторили и остальные.

— Чем я могу помочь вам, сестры? — спросил их Эльрик наконец, когда они обменялись тройным родственным лобзанием. Древняя мелнибонэйская кровь бурлила в его жилах, и он с неведомой прежде силой ощутил тоску по утраченной родине, по речи и обычаям своего народа. Эти женщины были ему ровней. В первый же миг между ними установилось понимание, глубже, чем кровные узы, глубже, чем любовь. Альбинос чувствовал, что во владении магией они не уступают ему самому — пока силы их не растратились на погоню за ним. Он знал и любил многих прекрасных женщин, среди них — его нареченная невеста Каймориль, колдунья Мишелла и многие другие, но, если не считать Розы, эти три принцессы были самыми удивительными из всех, кого он встречал на своем пути с тех самых пор, как превратил Имррир в погребальный костер своей усопшей возлюбленной.

— Я польщен вашим вниманием, ваши величества, — заметил он, из вежливости переходя на обычный язык, понятный и остальным присутствующим. — Чем могу вам служить?

— Нам нужен твой меч, Эльрик, — без предисловий заявила принцесса Шану'а.

— И вы его получите — и меня вместе с ним, — любезно отозвался он, как повелевала честь, однако ему не давала покоя мысль о призраке отца, что таился где-то неподалеку, готовый при первом же признаке опасности навеки слиться с душой сына в его теле... А ведь Гайнору также хотелось заполучить его Черный Меч!

— И ты не хочешь спросить, зачем нам твой клинок? — удивилась принцесса Мишигуйя, присев рядом с Розой. — Ты не потребуешь ничего взамен?

— Я и без того рассчитываю на вашу помощь, — невозмутимо отозвался альбинос. — Ведь мы дали друг другу кровную клятву. Теперь мы — одно. И наши цели едины.

— Но в тебе живет страх, Эльрик, — подала вдруг голос Черион Пфатт. — Ты боишься того, что может случиться, если ты согласишься помочь этим женщинам! — Она говорила, как ребенок, слепо требуя справедливости, не задумываясь о том, почему альбинос ни с кем не желает делиться своими опасениями.

— Да, но ведь и они не сказали, чего боятся *они*, если я соглашусь им помочь, — возразил ей альбинос. — Каждого из нас несет страх, сударыня, и остается лишь покрепче ухватиться за поводья.

Черион Пфатт покорно кивнула, украдкой метнув гневный взгляд на Уэлдрейка, словно призывая того вмешаться. Но поэт хранил дипломатическое молчание, не слишком хорошо понимая,

что за игра идет и каковы в ней ставки, готовый, однако, ринуться в бой по первому знаку возлюбленной.

— И куда же я должен отправиться со своим мечом? — спросил Эльрик сестер.

Принцесса Тайарату, переглянувшись с остальными, промолвила мягко:

— Ты сам — никуда. Мы говорим вполне буквально. Нам нужен только твой меч. Сейчас я все объясню, принц.

И она поведала им о мире, где все жили в гармонии с Природой. В этом мире не было городов в обычном смысле слова, а все поселения строились, не нарушая естественных очертаний холмов и долин, гор и потоков, перетекая в леса, но не уничтожая их, так что случайный гость не заметил бы и следов существования цивилизации на этом континенте. Но Хаос явился по следам Гайнора Проклятого, который просил их о гостеприимстве и предал, как предавал множество людей и народов на протяжении веков, призвав в их земли своего демона-повелителя, что наложил печать Хаоса на этот край.

— Мы были надежно защищены Вязким Морем, так что мало кто знал о том, что эти места обитаемы. А леса были столь густы и реки столь широки, что мало кто решался отправиться на поиски нашего народа, поверив легендам, случайно подслушанным где-нибудь на краю света. Это правда, мы жили в раю. И этот рай был для всех. Но за считанные дни он был уничтожен, и не осталось ничего, кроме нескольких цитаделей, подобной этой, где с помощью магии нам

удалось удержать остатки прежнего мира, каким он был до прихода Хаоса.

— А долго ли Хаос осаждал вас, сударыня? — поинтересовался Фаллогард Пфатт сочувственно и поднял брови в изумлении, услышав ответ:

— Около тысячи лет длилось противостояние. Многие из нас покинули этот мир и отправились в другие измерения, но некоторых долг заставил остаться и дать Хаосу отпор. Мы — последние из них. Но пока мы искали Эльрика, многие здесь погибли в беспрестанных стычках, ибо Хаос постоянно атаковал нашу твердыню.

— Почему же теперь наступило затишье? — удивился Эльрик.

— Двое владык Преисподней принялись враждовать между собой, и это отвлекло их внимание. Особенно когда Ариоху удалось с помощью невероятных хитростей заманить Машабек в тот мир, где он был особенно силен, — то есть в наш — и пленить его здесь. Лишенный демонической помощи, Гайнор мог надеяться лишь на то, что сестры приведут его обратно. Но теперь все изменилось. Что-то произошло, и перемирие было нарушено. Машабек вернулся и намерен бросить против нас все свои силы. Тот, кто нарушил Равновесие, лишил нас времени для передышки...

Эльрик не сказал ничего, вспоминая, как отважно набросился Эсберн Снар на герцога Преисподней, чтобы прийти на помощь другу, — и сам того не желая, изменил баланс сил не в пользу сестер.

Тем временем преисполненный безумной решимости Гайнор, оставленный своим покрови-

телем, в одиночку пробивался сквозь измерения, поклявшись завоевать этот мир уже не для Машабека, а для себя самого! Он бросил вызов Хаосу, как когда-то Равновесию! Он не желал признавать над собой ни одного господина! Бывший принц Всеединства заблудился и был вынужден на протяжении многих лет субъективно-го времени отыскивать дорогу в это измерение. Он шел на любые ухищрения, на любые уловки — проклиная своего всемогущего покровителя, который, похоже, оставил его, — чтобы добиться цели. В конце концов, он принял решение повсюду следовать за сестрами, ибо рано или поздно они должны были возвратиться на родину. Изначально в погоню за сестрами послал его Машабек, велел добыть у тех вечноживую розу. Но теперь, когда демон забыл о нем, роза утратила для Гайнора интерес. Меч Эльрика был ему куда нужнее.

А теперь он вернулся, и даже в этом дворце от него не было спасения. Он явился сюда и, угрожая сестрам мечом, потребовал легендарные Три Сокровища, которые они привезли с собой, чтобы вернуть тому, кто им их некогда одолжил. Замысел Гайнора был прост: силой или хитростью заманить сестер к восточному выходу из пещеры, где уже дожидалась его орда — ибо отродья Хаоса сами не смели ступить под своды дворца.

С помощью Коропита Пфатта, едва не надорвавшегося в отчаянной попытке, Розе удалось наконец пробиться в это измерение — как раз вовремя, чтобы успеть наложить защитные чары на сестер и дать бой Гайнору. Меч и магия помог-

ли ей изгнать проклятого принца из дворца. И в этот миг подоспели Эльрик с друзьями.

— Мы уже готовились к смерти,— промолвила принцесса Шану'а.— Но теперь мне хотелось бы знать, почему мы оказались здесь все вместе. Что за силы свели нас? Что вы думаете об этом, мастер Пфатт? Способны ли вы узреть длань Судьбы в том, что происходит?

— Это Равновесие,— с уверенностью отозвался ясновидящий.

Эльрик не сказал ничего. Но он твердо знал, что Приносящий Бурю не служит Равновесию, а ведь именно благодаря рунному клинку он сам оказался здесь. Однако знал ли меч, что потребуют от него?

Как вдруг чудовищная мысль поразила альбиноса. Что, если он уже исполнил то, ради чего Черный Меч нуждался в нем, и теперь их союз больше не нужен Приносящему Бурю? Это привело его в панику — и одновременно переполнило отвращением к самому себе. Как же сильно он зависит от своего клинка!.. Отцепив ножны, он сделал то, в чем отказал Гайнору: протянул меч сестрам.

— Вот то, что вы просили, сударыни.— Он отдавал им оружие, не задавая вопросов ни словом, ни жестом, ни выражением глаз, без колебаний и сомнений. Таково было веление чести.

Принцесса Тайарату сделала шаг вперед и с поклоном приняла клинок в свои маленькие ручки. Мышцы ее напряглись от тяжести меча, но она даже не шелохнулась. Женщина была куда сильнее, чем казалась внешне.

— У нас есть своя руна,— сказала она.— Всегда была. Еще с тех пор, как народ наш только пришел в этот мир и обосновался здесь. Даже когда ушли драконы, мы не испытывали страха, ибо руна наша была с нами. Руна Последней Надежды, как некоторые ее называли. Но у нас не было меча. А Руна Последней Надежды должна быть произнесена в ходе особого обряда, в присутствии Магического Предмета. Необходимо, чтобы там был Черный Меч; затем владелец меча должен пропеть руну с нами вместе. И еще надо знать имена сущностей, коих мы желаем призвать. И все это нужно собрать воедино. Таков узор, что мы должны создать. Он станет отражением узора, что уже существует, и их двойственность освободит жизненную силу мироздания. И лишь тогда, если все исполним в точности, мы сумеем пробудить союзников, что помогут нам против Хаоса — и изгонят Машабека, Гайнора и их орды из нашего измерения! Если нам это удастся, принц Эльрик, мы предложим тебе любое из наших сокровищ...— Она бросила взгляд на Розу.

Но Уэлдрейк не дал ей договорить, восторженно декламируя:

Поискам долгим положен конец!
Найден из черного древа ларец
И розы цветущей весенний венец.
Остались лишь три вересковых кольца —
Чтобы пленить Ледяного Отца.

— Именно,— подтвердила принцесса Мишигуйя, чуть приподняв брови, словно недоумевая,

как могла столь сокровенная тайна сделаться достоянием менестрелей.

— У него хорошая память на стихи.— Черион Пфатт, кажется, стало неловко за своего суженого.

— Да,— вскинулся Уэлдрейк, уязвленный тем, что он счел за высокомерие.— Особенно на свои собственные. Осуждайте меня, если угодно. Я отдаюсь во власть рифм и ритмов...— И он принялся бормотать себе под нос какие-то строки.

Принцесса Мишигуйя улыбнулась с извиняющимся видом. Роза поспешила заступиться за поэта:

— Без помощи мастера Уэлдрейка мы так никогда и не нашли бы друг друга. Его таланты были для нас неоценимы.

— Если все окончится удачно,— сказал Эльрик,— я приму тот дар, что вы мне обещали. Ибо, признаюсь, моя собственная судьба во многом зависит от одного из тех предметов, что были у вас...

— Мы не могли знать, какой из трех ты согласишься взять. Мы не ведали даже, что ты нам родня — хотя, конечно, давно должны были догадаться. Увы нам, но этих даров больше нет...

— Не может быть! — воскликнула Роза взволнованно.— Мы же спрятали их от Гайнора...

— Тебе удалось спасти нас самих,— вздохнула принцесса Тайарату,— но не наши сокровища. Гайнор похитил их и укрылся с ними на *Корабле Былого*. Так что все они уже в руках Хаоса. Я думала, ты знаешь об этом.

Роза медленно опустила на мраморную скамью. Глухой стон сорвался с ее уст. Наконец, подняв голову, она обратилась к сестрам:

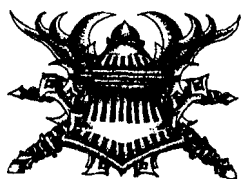
— Теперь ваш обряд для нас особенно важен...

Женщины унесли Черный Меч в недра дворца, где должна была состояться церемония, и, следуя за ними, Эльрик не мог удержаться от мысли, что теперь и он, и отец его воистину обречены.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Обряды крови, обряды железа. Шесть мечей против Хаоса

В

четвером они шли аркадами, украшенными алой и розовой мозаикой, узкими проходами среди цветущих кустов, освещенных отраженным солнечным светом, падавшим из скрытых под самой крышей окошек, галерей, заполненных полотнами и скульптурами.

— Все это напоминает мне Мелнибонэ, и все же это не Мелнибонэ, — заметил альбинос.

Принцесса Тайарату была оскорблена.

— Здесь нет ничего от твоего Мелнибонэ, смею надеяться. Мы не несем клейма этого воинственного рода. Мы происходим от вадхагов, что бежали от мабденов, которым пришел на помощь Хаос...

— Тогда как мы, мелнибонэйцы, решили, что никогда и ни от кого не будем спастись бегством,— негромко отозвался Эльрик. Он мог понять предков, взявшихся изучать боевую науку, чтобы отстоять свои земли. Чего он не принимал, так это того, что случилось с ними потом.

— Я никого не осуждаю,— смутилась принцесса.— Но сами мы скорее отправимся в изгнание, чем станем подражать тем, кто готов нас уничтожить...

— Однако теперь,— возразила принцесса Шану'а,— мы будем биться с Хаосом, чтобы защитить то, что принадлежит нам.

— А я и не говорила, что мы не станем сражаться,— твердо промолвила ее сестра.— Я сказала, что мы не станем строить империй.

— Это я могу понять,— кивнул альбинос.— Различие существенно. И я никогда не разделял подобных устремлений моих сородичей.

— Есть множество способов достичь безопасности,— загадочно заметила принцесса Мишигуйя. И они продолжили свой путь по прекрасному дворцу самого мирного племени на свете.

Принцесса Тайарату по-прежнему несла Черный Меч, хотя ноша была нелегкой. Но когда Эльрик предложил помочь ей, она с гордостью отказалась, точно это был долг, который никто не мог выполнить, кроме нее самой.

Новый коридор вывел их в открытый сад, с трех сторон окруженный каменными стенами. Над головой было синее небо; пахло розами. Посреди сада журчал фонтан, трехгранный цоколь которого, с высеченными на нем фигурами, венчала каменная чаша, украшенная изображениями дев и драконов, кружащихся в танце. Из чаши струилась серебристая вода, и Эльрику показалось кощунством принести в такое место Черный Меч.

— Мы в Рунном Саду,— заметила принцесса Мишигуйя.— Здесь — средоточие нашего мира, его сердце. Когда вадхаги пришли сюда, этот сад был первым, что они создали.— Она с наслаждением вдохнула аромат роз. И задержала дыхание, точно этот вдох мог стать для нее последним.

Положив рунный меч на мраморную скамью, принцесса Тайарату опустила руки в прохладную воду и плеснула ее себе на чело, точно ища благоговения. Что до принцессы Шану'и, то она быстрым шагом прошла в боковую галерею и вернулась с золотистым, украшенным рубинами цилиндром, который передала Мишигуйе. Та извлекла из цилиндра другой, чуть поменьше, из слоновой кости, опоясанный золотом, и вручила его Тайарату. Которая, в свою очередь, достала жезл из серого камня с высеченными на нем синими рунами, подобными тем, что украшали клинок Приносящего Бурю. Эльрик видел такие еще лишь на Мече Скорби, втором рунном клинке, что некогда поднял на него Йиркун. Кажется, он что-то читал и о других магических предметах, украшенных этими письменами... Что же у них может быть общего?

Принцесса Тайарату держала серый жезл на вытянутых руках, как зачарованная глядя на искрящиеся, извивающиеся руны — словно никогда прежде не видела их ожившими, — и губы ее шевелились, складывая слова давно забытого языка, которые заучила, прежде чем узнать обычный алфавит. Руна Власти была ее наследием...

— Лишь три девы, рожденные от одной матери и одного отца, в одно и то же время, могут знать Рунный Обряд, — прошептала Шану'а. — Но ритуал может быть завершен, лишь когда мы узрим Черный Меч и вслух прочтем начертанные на нем письма в Рунном Саду. Все должно сойтись воедино. Потом, если Руна была произнесена верно и если древняя магия не истерлась и не растратилась за долгие века, мы обретем сокровища, что принесли наши предки в этот мир.

Принцесса Мишигуйя приблизилась к скамье, где лежал меч, взяла его и поднесла своей сестре Шану'е, ожидавшей у фонтана, и та приняла его и, ухватившись за рукоять, стала медленно, медленно вытягивать клинок из ножен. Алые руны недобро вспыхнули на черном лезвии, и меч запел — так, как Эльрику никогда прежде не доводилось слышать.

Любому другому, даже Гайнору, Приносящий Бурю никогда не дался бы без борьбы и, обнаженный, немедленно обратился бы против святотатца, так что даже просто удержать его в руках сумел бы лишь самый сильный маг. Но сейчас песнь клинка была столь странной и сладостной, столь пронзительной и горестной, полной тоски

и несказанной печали, что альбинос пришел в ужас. Он и помыслить не мог, что меч его способен на такое.

Под томительное пение Приносящего Бурю Шану'а воздела его над головой и уверенно опустила клинок острием в резную чашу фонтана. Вода мигом иссякла — и в саду воцарилось безмолвие.

Даже небеса как будто застыли над головой, застыл сад, точно все до единого лепестки и травинки ждали чего-то; застыли даже стены, словно сам камень готовился к чему-то необычайному, что вот-вот должно было произойти.

И сами три сестры застыли посреди творимого обряда.

Эльрик попытался в благоговении, чувствуя себя здесь лишним, но в этот миг принцесса Тайарату с улыбкой повернулась к нему, протягивая сияющий рунный жезл.

— Ты должен прочесть, что написано здесь, — сказала она. — Лишь у тебя, единственного во всех мирах множественной вселенной, есть сила и право на это. Вот почему мы так искали тебя. Ты должен прочесть нашу руну — как мы прочли твой меч. Только тогда откроются ворота нашей магии, и мы сможем исполнить то, что было предназначено нам с рождения. Поверь и доверься нам, принц Эльрик.

— Я дал вам клятву, — отозвался он просто. Он сделает все, что они потребуют, даже если погибнет, лишится бессмертной души, обречет себя на вечные скитания в Преисподней. Он доверится им без остатка.

Огромный меч торчал из каменной чаши, продолжая свою песню, и руны вспыхивали и гасли на сияющем черном клинке. Казалось, меч готов заговорить, готов принять иной облик — возможно, свой подлинный. И Эльрик содрогнулся невольно, ибо ему показалось, что он на миг заглянул в будущее и узрел там свою судьбу, к коей нынешний день был приготовлением. Но он взял себя в руки и постарался сосредоточиться на том, что предстояло совершить.

Сестры стояли вокруг постамента, не сводя взоров с меча. Они запели, и голоса их слились с голосом меча, так что невозможно стало отличить один от другого...

А Эльрик протянул вперед руки, крепко удерживая рунный жезл, и губы его беззвучно принялись шептать слова...

Они искали его из-за меча, но не только. Лишь Эльрик Мелнибонэйский, единственный из смертных, был способен прочесть столь глубокие магические символы, произнести их в точности, как они должны звучать, так, чтобы каждый звук сопрягался с каждой деталью знака. Эту руну сестры знали наизусть, но они должны были прочесть ту, что сияла на Черном Мече. И сейчас все четверо объединили свои способности, свои магические силы, дабы произнести двойную руну, величайшую из всех Рун Власти.

Рунная песнь звучала все громче и делалась все причудливее и сложнее...

...ибо теперь четверо адептов сплетали вневременные чары, выходя за пределы слышимости, и сам воздух содрогался, разделяясь на тысячи

серебристых нитей, которые маги вылетали в свое кружево...

...они сплетали магию необычайной силы, и облака над головой пузырились и вились, и ветви и цветы в саду трепетали в такт их пению.

Все вокруг ожило, мир смешивался и разделялся, изменялся и превращался. Цвета струились потоками. Фонтанами взрывались безымянные силы. И лишь чаша, меч и жезл оставались неизменны.

Лишь теперь Эльрик до конца ощутил, насколько мощной была психическая энергия, сосредоточенная в этом месте. Отсюда, догадался он, они черпали силы, чтобы противостоять Хаосу, — и их хватило бы не на одно такое горное поселение. Однако когда к мощи этой добавилась магия Черного Меча, Рунный Сад обрел свой истинный лик.

...сотрясти Алхимический Меч и сделать силу Единую — Триединой...

Он понял, что слышит легенду, вплетенную в руны, идущую параллельно с проводимым ими обрядом. Легенду о том, как дракон вел за собой этот народ сквозь измерения — дракон, некогда обитавший внутри меча. Подобных сказаний было много у его народа, и относились они, скорее всего, к каким-то давно забытым эпизодам прошлого. Но вот наконец они пришли в эту землю, где, кроме них, не было людей, и назвали эту землю своей, и стали возводить на ней дома и дворцы, очень бережно, стараясь не потревожить ни рек, ни лесов, ни гор... Но сперва они разбили Рунный Сад. И там сокрыли свою великую магию, в помощь и спасение далеким потомкам.

Рунная песнь все лилась и лилась. Сказание продолжалось. Внутри источника были помещены «орудия последней надежды», как их называли. И тайна сия вместе с рунным жезлом передавалась из поколения в поколение, от матери к дочери, ибо тот народ считал, что лишь женщины могут стать достойными хранительницами его величия.

Использовать эти орудия дозволено было только против сил Хаоса и только когда все прочие средства были бы исчерпаны. И прибегнуть к ним можно было лишь вкупе еще с одним великим Магическим Предметом. Те же Магические Предметы, что сестры некогда позаимствовали и хранили, в надежде купить ими помощь Эльрика — даже не подозревая, насколько он близок им по крови, — не обладали нужным могуществом.

Гайнор украл у них эти сокровища, зная, что Хаос желает их заполучить и страшится их. Одно из них было некогда украдено у Розы и вернулось к ней странным и неожиданным путем. Остальные охранялись куда надежнее. Но ни одно из них не было достаточно насыщено магией, чтобы сыграть свою роль в Рунном Обряде.

Но, пока три сестры искали Эльрика и его Черный Меч, другие люди искали самих сестер и их сокровища. Теперь круг замкнулся. Все элементы головоломки встали на место, и четверо смогли наконец высвободиться, устремляясь сознанием за пределы измерений, Сфер, за пределы самого мироздания, дабы вернуться, обогащенными новыми знаниями, пониманием сложнейшей геометрии, чьи тайны лежали в основе всякой магии, чьи формы были основой всякой поэзии, чей

язык был основой всякой мысли, чьи очертания были основой всей эстетики, красоты и уродства... И теперь четверо принялись сплести рунную песнь заново, добавляя новые мотивы, новую силу, что заживляла раны и разрывы в ткани Времени и Пространства и создавала в то же время неудержимую силу, потребную, дабы оживить три спавших доселе Магических Предмета.

Руны делались все сложнее и причудливее — теперь, когда сознание певцов, единое и неделимое, устремлялось ввысь, в потоках щебечущих радуг, сквозь их собственные физические тела, и вновь уносилось прочь — через тысячи пустых, разоренных миров, сквозь тысячелетия безудержной радости и даже сквозь краткий миг той прекрасной обыденности, коей так жаждет человеческое сердце, но которая так редко достается ему...

Выходцы древней нечеловеческой расы сплетали свое колдовство, пробуждая руны к жизни, крепко держа в повиновении не ведающую добра и зла магию, что хранит верность лишь себе самой.

Теперь уже чары ширились сами по себе, изгибаясь, свиваясь и расплзаясь, точно гибкие плети плюща, и наконец начали создавать то, ради чего были рождены на свет, сотворяя и уничтожая, поворачивая и искривляя, перебрасывая от одного к другому, нюхая, вкушая, касаясь, пока наконец сверхъестественная сила, сосредоточенная над Черным Мечом, не оказалась уравновешена и отмерена в точности, готовая высвободиться в любой миг...

Но песнь должна была продолжаться, чтобы удержать эту силу в повиновении, направить ее, обуздать и оседлать, насытить ее волей и заставить сделать *выбор*, хотя это *нечто*, эта первичная материя, по определению была на такое неспособна, она не умела сделать выбор, принять критерии добра и зла. А значит, ее следовало *заставить*...

Напитать психической энергией, направленной волей и моральной силой, готовой выдерживать любой натиск как изнутри, так и снаружи, неспособной свернуть с избранного пути под воздействием уговоров или угроз...

Четыре существа воздействовали на пра-материю, — существа столь схожие, что были в этот миг почти одним разумом и плотью.

Они устремляли ее вниз, по Черному Мечу, служившему проводником их силе, внутрь живого камня, внутрь скалы, из которой были высечены чаша и постамент многие тысячи лет назад...

Чтобы изменить ее — чтобы не осталось ничего даже близко напоминающего камень, — обратить в сгусток энергии столь необоримой силы, что даже самим adeptам невозможно было вообразить ее мощь...

И теперь энергия эта, вихрящаяся, кружащаяся, сверкающая, слилась с песнью сестер, Эльрика и рунного меча, и голоса их вознеслись к небесам, слышные по всему мирозданию, в каждой Сфере, в каждом мире и измерении. Слышные и сейчас, в этот самый миг, где-то, неведомо где, ибо так они будут звучать вечно, покуда существует вселенная. То была песнь-обещание,

песнь-клятва, песнь-награда. Обещание гармонии, клятва любви, торжество мироздания, обретшего Равновесие. И эта метафизическая гармония помогла им покорить Силу — а затем вновь высвободить ее...

...Высвободить и создать три новых Магических Предмета, показавшиеся, когда растворился в воздухе фонтан, вокруг Черного Меча, в центре небольшого круглого бассейна...

...Три меча, размерами и весом напоминавшие Приносящий Бурю, но в остальном совершенно разные.

Первый был из слоновой кости, с костяным клинком, на удивление острым, костяной гардой и костяной рукоятью, опоясанной золотыми кольцами, словно выросшими в кость.

Второй меч был золотым, такой же острый, как и первый, и отделанный черным деревом.

Третий же оказался из серовато-голубого гранита, украшенный серебром.

Таковы были мечи, что скрывала руна, обладавшие ныне силой под стать Приносящему Бурю...

Принцесса Тайарату, в развевающемся золотом одеянии, протянула золотистую руку к золотому мечу и с глубоким вздохом прижала его к груди...

Ее сестра Мишигуйя, в серовато-голубых шелках, потянулась за гранитным мечом и расплылась в блаженной улыбке...

...А принцесса Шану'а, серьезная и строгая в своем белоснежном платье, взяла меч слоновой кости и поцеловала его.

— Теперь,— обернулась она к остальным,— мы готовы дать бой владыкам Хаоса.

Эльрик, обессиленный колдовством, пошатываясь, забрал свой собственный меч, положив на его место рунный жезл.

Эльрик, сын мой, отыскал ли ты ларец? Сестры вернули его тебе?

Голос отца. Намек на то, что ему предстоит испытывать до конца дней своих, если он потерпит неудачу. А по всему похоже, что так оно и случилось...

Эльрик, время вышло. Мои силы на исходе... Я должен идти к тебе, сын мой... К тому, кого я ненавижу всех сильнее во вселенной... Дабы пребывать с ним вечно...

— Я не нашел твой ларец,— прошептал альбинос, и сестры с удивлением воззрились на него, точно собираясь что-то спросить, как вдруг в сад ворвался запыхавшийся Коропит.

— О, благодарение небу! Вы живы! Там была такая буря!.. Но вы здесь! Они пришли, откуда мы совсем не ждали...

— Гайнор? — воскликнул Эльрик, пристегивая к поясу подозрительно притихший рунный меч.— Он вернулся?

— Нет, это не он... то есть мне так кажется... это войско Хаоса... они идут на нас. О, принц, дорогие принцессы, они нас раздавят!

Все четверо бросились бегом за мальчиком, туда, где их уже ждали остальные. Это была небольшая комнатка, выходившая наружу,— нечто вроде балкона, обрамленного густой зеленью, откуда открывался вид на хрустальный лес,

который безжалостно крушили и ломали на своем пути орды чудовищ, устремившиеся к их убежищу.

Там были зверолоды и человекоподобные животные, некоторые в панцирях, словно жуки, вооруженные пиками, дубинками, мечами и топорами всех видов и разновидностей; одни скакали верхом на других, вторые волокли следом храпящих товарищей, третьи шли в обнимку, ведя загадочные беседы, четвертые то и дело останавливались бросить кости, пока их вновь не загоняли в строй вожаки, чьи шлемы были украшены желтым восьмистрельным гербом Хаоса.

Орда двигалась с рычанием и хрюканьем, сопением и урчанием, визгом, и лаем, и ревом — движимая единой жаждой крови.

Роза обернулась к друзьям. В глазах ее застыл страх.

— Нам нечего противопоставить этому войску. Придется отступить...

— Нет.— Принцесса Тайарату покачала головой.— На сей раз отступить нам не придется.— В руках ее был огромный меч, ростом едва ли не с нее саму, но она несла его с легкостью, точно владела им всю жизнь.

Сестры тоже были вооружены и не испытывали и тени смущения.

— Неужели эти мечи способны одолеть Хаос? — первым пода! голос Уэлдрейк.— Боже правый, ваши величества! Подумать только, как мало рифмы способны передать истинное величие эпоса! Я всегда им так говорю, когда меня упрекают в слишком бурном воображении. Я даже не могу

попытаться рассказать, что происходит в действительности! Что я вижу! — От возбуждения он даже захрипел. — О, если бы мир можно было описать! Так мы наконец сразимся с Хаосом?

— Ты останешься здесь с бабушкой, — велела ему Черион. — Это твой долг, милый.

— Ты тоже останься, дитя! — в ужасе вскричал Фаллогард Пфатт. — Ты же не воительница! Ты ясновидящая!

— Теперь я и то и другое, дядя, — возразила она непреклонно. — Пусть у меня нет особого оружия, зато есть ум и хитрость, а это поможет мне против любого врага. Я многому научилась на службе у Гайнора Проклятого! Позвольте мне идти с вами, сударыни, молю вас!

— Да, — ответила ей принцесса Мишигуйя. — Тебе под силу биться с Хаосом. Мы возьмем тебя с собой.

— Не забудьте и обо мне, — воскликнула Роза. — Пусть магия моя истощилась, но я не раз сражалась против Хаоса и уцелела. Со мной в бою будут меч и кинжал — Скорый Шип и Малый Шип. Ибо если уж нам суждено умереть сегодня, я хотела бы погибнуть сражаясь.

— Да будет так. — Принцесса Шану'а вопросительно взглянула на своего родича. — Итак, пять мечей против Хаоса — или же шесть?

Эльрик не сводил взора с надвигающейся орды. Казалось, всем уродствам, всем порокам и мерзостям человеческой расы нашлось в ней место. Он обернулся, пожимая плечами.

— Конечно, шесть. Но нам не так просто будет их одолеть. Боюсь, мы видим далеко не все

силы, что они способны выставить против нас. Однако и у нас найдется тайное оружие...

Он поднес руку к губам, обдумывая мысль, которая только что пришла ему в голову.

— Остальные пусть останутся здесь и, если придется, спасаются бегством. Мастер Уэлдрейк, поручаю вам позаботиться о матушке Пфатт, о Коропите и Фаллогарде...

— Прошу вас, сударь! Я вполне способен...

— Я чту ваши способности,— возразил ему Эльрик любезно,— но у вас нет боевого опыта. И потому готовьтесь бежать, если Хаос обнаружит вас. Ваш дар поможет вам. Поверьте, мастер Пфатт, это лучшее, что вы сможете сделать, если мы потерпим поражение! Вы хотя бы сумеете спасти остальных.

— Я никогда не оставлю Черион! — воскликнул Уэлдрейк.

— Нет, прошу тебя! — взмолилась девушка. — Дяде будет нужна твоя помощь.

Но по лицу поэта было видно, что он не изменит своего решения.

— Лошади ждут нас на конюшне,— сказала принцесса Тайарату. — Шесть коней из меди и серебра. Как было обещано в легенде.

Уэлдрейк проводил их взглядом. Часть его души, которую он глубоко презирал, радовалась, что ему не нужно идти в бой; другая рвалась за ними следом, горя желанием стать участником эпической битвы, а не просто ее летописцем...

Чуть позже, перегнувшись с балкона, он смотрел, как медленно надвигается уродливая, отвратительная толпа чудовищ, давя и круша все на

своим пути,— и увидел шестерых всадников на гнедых среброгривых конях, что выехали из-за скалы и направились напрямик к хрустальному лесу. Эльрик, три сестры, Черион Пфатт и Роза — они скакали бок о бок, выпрямившись в седле,— на бой с воплощениями зла и алчной жестокости за свое будущее, за прошлое, за искорку воспоминания о том, что некогда они существовали в бескрайности мироздания...

Завидев их, Уэлдрейк отложил перо и, вместо того чтобы сочинить очередную поэму, прославляя шестерых отважных воителей, вознес горячую молитву небесам за души и жизни своих друзей.

Он гордился ими... он страшился за них... и поэтический дар впервые оставил его.

Он видел, как Роза поскакала вперед, к рядам паланкинов, покачивавшихся на спинах похожих на рептилий тварей. Из пастей и ноздрей чудовищ сочилась слизь, свисая до земли грязными лентами. При виде девушки они подняли уродливые головы, вдыхая незнакомый запах существа, не тронутого, не измененного бесконечными жестокими прихотями Хаоса.

Как вдруг из ведущего паланкина, завешанного человеческой кожей и какими-то амулетами, показался человек.

Нет, не человек. Уэлдрейк мгновенно узнал его по шлему.

Это был Гайнор, бывший служитель Равновесия.

Безумец, ищущий смерти, явился самолично насладиться агонией своих врагов.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Бой в хрустальном лесу.
Восставший Хаос. Матерь
Трав. Корабль Былого

ринц Гайнор, — воскликнула Роза гневно, — ты со своими воинами вторгся на земли, которые тебе не принадлежат. Мы приказываем тебе убираться прочь. Ибо мы явились навсегда изгнать Хаос из этого мира.

Гайнор был невозмутим.

— О, прекрасная Роза, ты лишилась ума, узрев нашу мощь. Не пытайся же встать у нас на пути. Мы намерены раз

и навсегда установить в этом мире власть Гайнора. Вам же предлагаем милосердие скорой смерти.

— Ложь! — выкрикнула Черион Пфатт. — Все, что ты говоришь, это ложь! А что не ложь — то пустая похвальба!

Гайнор повернулся к девушке, и из-под шлема донесся смешок.

— Твоя отвага велика, дитя, но ты слишком наивна. Одной отваги недостаточно, чтобы противостоять ордам Хаоса. Которыми командую я.

Голос Проклятого Принца звучал уверенно, как никогда прежде, и Эльрик, заметив это, ощутил смутную неловкость. Похоже, Гайнор был уверен в своих силах. Неужели за его спиной теперь еще кто-то из владык Преисподней? Не станет ли эта битва началом войны между Хаосом и Порядком, которую предвещали столько оракулов прошлого?

Роза тем временем приподнялась в седле, обнажая меч, и Эльрик с восхищением следил за ней. Она бросала вызов тому, кто предал ее, стал причиной гибели ее народа. Но ничем не выдала она своей ненависти и презрения. Однако он уже дважды одерживал над ней верх. Может, в этом и кроется причина его бравады? Может, он всего лишь блефует, пытаясь казаться сильнее, чем на самом деле?

Роза повернула коня, крикнув Гайнору напоследок:

— Запомни, Гайнор Проклятый! То, чего ты боишься больше всего на свете, будет ждать тебя, когда кончится этот бой! Обещаю!

Принц захохотал в ответ, но в смехе его не было веселья, а лишь угроза.

— Я не страшусь никакой кары, сударыня. Пора бы вам это усвоить! Раз уж в смерти мне отказано, я сам найду ее — и пусть миллионы ищут ее вместе со мной! Каждая чужая смерть на миг приносит мне облегчение. Вы гибнете вместо меня. Все вы умрете вместо меня. За меня. — Голос его звучал почти любовно, и слова ласкали ее, словно длань воплощенного Греха. — *За меня, сударыня.*

Когда Роза заняла свое место рядом с остальными, она в упор взглянула на полыхавший и дымившийся шлем Гайнора.

— Никто из нас не умрет. И уж тем более — за тебя!

— Моя замена! — захохотал Гайнор. — Мои жертвы! Идите и примите смерть! Идите! Вы сами не знаете, какое благо я вам дарую!

Но все шестеро уже устремились в бой — Эльрик с Розой чуть впереди — с мечами на изготовку. Гнедые скакуны с серебристыми гривами, выпестованные для войны и привезенные сюда сестрами из далекого варварского мира, рыли копытами землю в предвкушении битвы, тяжелая сбруя звенела в унисон хрустальному лесу. Они нетерпеливо вскидывали головы, раздувая ноздри, точно чуяли запах крови, всхрапывая и прядая ушами, скалясь и закатывая глаза... Ибо ради боя они были рождены и оживали лишь в гуще кровавой схватки.

Эльрик понимал, что за чувства владеют его конем, как жаждет он экстаза и забытья сражения. Ему тоже ведома была эта безумная радость, когда все чувства остры как никогда, жизнь кажется сладостной, а смерть устрашающей, — но

сознавал, сколь бесплодным и опасным может быть это обольщение. Не в первый раз он задавался вопросом, не обречен ли он навеки искать подобных сражений — словно его тоже, подобно этим лошадям, взрастили лишь для одной цели? И, ненавидя себя за это, он всецело отдался восторгу битвы, как только первое из порождений Хаоса оказалось перед ним... и вскоре забыл обо всем, кроме жажды крови...

Уэлдрейк в отчаянии следил за шестью всадниками, бесстрашно устремившимися в бой. Еще немного — и они будут раздавлены, растоптаны, сокрушены! Твари Хаоса были столь огромны, мощь их столь неодолима, что казалось безумием пытаться встать у них на пути!

Но шестеро отважных воителей, в облаке ослепительного сияния, врезались в самую гущу исполинских отродий, с треском ломившихся по хрустальному лесу. Среди мелькающих конечностей, морд и хвостов виднелись шесть вспыхивающих лучей. Один из них темный — то был Приносящий Бурю; два обычных, отливавших стальным блеском; один ослепительно белый, один серебристо-синий и последний, блиставший, точно старое золото. Кроны и стволы хрустального леса разбивали их отражения тысячами сверкающих лучей, и вскоре в этой радужной круговерти Уэлдрейк потерял клинки из виду... а заведя их вновь, был потрясен!

Четыре ящероподобные твари агонизировали, рыча и воя от боли, а паланкины, что они несли на спине, валялись, смятые и растоптанные.

Уэлдрейк заметил Гайнора, в страхе и ярости бегущего прочь, — он искал укрытие в самом сердце адского войска. В руке его появился меч... и странный то был клинок! Черно-желтое лезвие его раздваивалось, трепетало и изгибалось, точно стремясь пронзить все измерения разом...

И поэт понял, что не только сестрам ведомо было древнее искусство рун, не только они владели магией Власти, ибо меч Гайнора не походил ни на один, виденный им прежде.

Однако прочие порождения Хаоса падали пред шестью сверкающими лучами, как падают колосья под серпом косаря...

Прикрывая глаза рукой, чтобы не ослепляло мерцающее сияние хрустального леса, Эльрик без устали размахивал огромным мечом, с жадностью пожиравшим жизни и души несчастных тварей, что некогда были обычными смертными женщинами и мужчинами — прежде, чем разрушительные силы Хаоса поглотили их...

В боине этой не было радости, хотя все они стремились к победе. Но и Эльрик, и те, кто сражался с ним рядом, сознавали, что лишь удача и уверенность в себе помогли им не стать частью этой орды проклятых душ... ибо редкие смертные избирают Хаос по собственной воле...

И все же они должны были убивать — иначе погибли бы сами. И под власть Хаоса попали бы целые измерения, и тогда лавину было бы не остановить...

С грацией танцовщиц и уверенностью лекарей три сестры сражались с теми, кто уничтожил весь их народ.

Черион Пфатт, спешившись, — ибо не привыкла сражаться верхом — металась в гуще схватки, нанося удары то тут, то там, поражая тварей, где они меньше всего ожидали, и ускользая как раз вовремя. Дар предвидения спасал ее каждый раз. Подобно сестрам, она была невозмутима и не испытывала наслаждения в бою...

...И лишь Роза понимала чувства Эльрика, ибо, подобно ему самому, была возвращена для битвы — пусть и с иными врагами, — и Скорый Шип всякий раз находил уязвимые места зверолодей. Стремительность и ловкость были ее лучшей защитой. Гнедой среброгривый скакун нес ее в самую гущу схватки, где она была в цель с поразительной точностью, так что каждый поверженный противник увлекал за собой и нескольких других, нанося им в падении смертельные раны когтями и клыками.

Неистовая боевая песнь предков рвалась с уст мелнибонэйца, и он вгрызался в самую гущу демонической орды вслед за Розой. Черный Меч насыщал его силами поверженных врагов — куда глаза альбиноса не вспыхнули, как у Гайнора, словно и его самого пожирали изнутри жадные языки адского пламени...

Пораженный, Уэлдрейк смотрел, как мелькают то тут, то там тонкие сверкающие иглы, — и вот непобедимое с виду войско Хаоса сократилось уже чуть ли не наполовину. Повсюду громоподобились горы искореженной плоти, отрубленные конечности, огромные головы, скалящие клыки навстречу смерти...

...и, пробираясь через эту бойню, отталкивая протянувшиеся к нему в мольбе лапы и руки, вонзая стальные каблуки в хрипящие пасти и испуганные глаза, карабкаясь по хребтам, хвостам и ребрам, точно по ступеням, в сверкающих доспехах, заляпанных кровью и слизью, шел Гайнор Проклятый, сжимая в руке раздвоенный черно-желтый меч; и на устах его звучали имена — имена, что стали для него проклятием, — имена, что воплощали в себе все, чего он так страшился, ненавидел и чего сильнее всего жаждал...

...но ненависть его выплескивалась в слепой, разрушительной ярости; страх прятался за бездумной агрессией; а жажда была столь ненасытна, столь неутолима, что Гайнор возненавидел ее в себе самом и ненавидел в каждом, кого встречал на своем пути...

...и не кто иной, как Эльрик Мелнибонэйский, кто мог бы стать его вторым «я», его космическим двойником, кто избрал тяжелейшую из дорог, хотя мог выбрать самую простую, сделался для Гайнора Проклятого объектом самой страстной ненависти. Ибо Эльрику еще только предстояло стать тем, кем сам Гайнор некогда был и кем ему стать было больше не суждено...

...и столь силен был дух Хаоса в нем в этот миг, что Проклятый Принц и сам превратился в полузверя. С истошным визгом и рыком полз он по трупам своих поверженных бойцов, нечленораздельно бормотал и чавкал, точно уже вкусил крови мелнибонэйца...

— *Эльрик! Эльрик! Я пошлю тебя вдогонку твоему изгнанному хозяину! Эльрик! Ариох ждет*

тебя. В знак примирения я подарю ему душу его строптивого слуги!

Но альбинос не слышал своего врага. В ушах его звучали древние боевые гимны, а глаза видели лишь ближайших противников, которых он поражал одного за другим, забирая их души.

Он не отдавал их Ариоху, ибо тот предал его и к тому же больше не имел власти в этом измерении. Эсберн Снар в своем отчаянном порыве уволок герцога Преисподней в его собственные владения, где тот еще долго будет набираться сил, прежде чем рискнет вновь строить козни против собратьев.

Черион Пфатт и Роза также продолжали сражаться, а рядом три клинка, братья Приносящего Бурю, опускались и вздымались, прекрасные и неукротимые, как и те женщины, что владели ими. Никогда прежде Эльрик не встречал себе равных среди смертных. И теперь сознание, что они быются с ним бок о бок, наполняло его гордостью, и он продолжал бой с удвоенной силой, пока вдруг смутно, в пылу битвы, не услышал, как кто-то зовет его.

Два отродья Хаоса, похожие на раков в утыканных иглами панцирях, бросились на него одновременно — но где им было устоять против Приносящего Бурю! Эльрик взмахнул мечом — и головы их полетели, точно деревянные бочонки. Третьему он выбил глаз, так что тот, обливаясь кровью, напал на своего же товарища... Сам Эльрик устремился к полуящеру, что готовился напасть сзади на Розу, и ловко перерезал ему сухожилия. Тварь рухнула на трупы собратьев, пронзительно

вереща в бессильной ярости и от осознания близкой гибели...

Но слабый, такой знакомый зов звучал теперь все ближе, все настойчивее...

— *Эльрик! Эльрик! Хаос ждет тебя, Эльрик!* — Тоскливый, протяжный вой, точно завывания ветра.

— *Эльрик! Скоро с тобой будет покончено! Не радуйся до срока!*

Альбинос направил коня вверх, прямо на гору падали, чтобы с высоты оценить, как идет бой...

Уэлдрейк видел с балкона, как Эльрик остановился, взобравшись на трупы чудовищ, видел Черный Меч в правой руке альбиноса, видел, как тот поднял левую руку, чтобы защитить глаза от бьющих лучей, отражавшихся от переломанных хрустальных деревьев. Это смешение красок и огней придавало сцене удивительную глубину и перспективу, и маленький поэт, завидев вдаль то, чего Эльрик пока узреть не мог, вознес небесам горячую мольбу...

...Гайнор, пробиваясь сквозь нагромождения уже начавшей гнить плоти, в доспехах, сплошь покрытых зловонной коркой, с рычанием устремился вперед, забыв обо всем, кроме мщения...

— *Эльрик!*

Едва слышно до ушей альбиноса донесся голос, точно клич дикой птицы, и он узнал Черион Пфатт.

— *Эльрик! Он совсем рядом. Я чувствую его. Он сильнее, чем мы ожидали. Ты должен придумать, как уничтожить его... иначе он убьет нас всех!*

— *Эльрик!* — Гайнор наконец пробился к нему, огненным взором пронзая врага. Черно-желтый меч полыхал и извивался в его руке, точно сгусток лавы, извергнутой жерлом вулкана. — Не думал, что мне так скоро доведется испытать мое новое оружие. Но вот он ты, передо мной. И я — пред тобой!

С этими словами Проклятый Принц устремился на альбиноса, но тот с легкостью блокировал удар, вскинув свой меч. Отчего Гайнор вдруг застыл на месте, не торопясь продолжить бой, и дико захохотал — и лишь тогда Эльрик осознал, что происходит. Ему стоило огромного труда вырвать Приносящего Бурю из цепкой хватки меча-пиявки, высасывавшего из него силы. Ему доводилось слышать о клинках-паразитах, что кормятся энергией рунных мечей, но видел он такое впервые.

— Сдается мне, ты решил прибегнуть к магии самого низкого пошиба, принц Гайнор, — заметил мелнибонзец.

— Понятие чести не входит в список моих достоинств, — отозвался его противник со смешком, небрежно помахивая черно-желтым клинком. — А если бы и входило, я сказал бы, принц Эльрик, что тебе первому недостает мужества встретиться с врагом лицом к лицу, без помощи колдовского оружия. Так что теперь мы на равных, Повелитель Руин.

— Возможно, возможно, не знаю... — Эльрик тянул время в надежде, что кто-то из сестер заметит, в какую беду он попал. И умелым движением ускользнул от очередного, почти шутливого выпада Гайнора.

— Боишься меня? Боишься смерти, не так ли?

— Нет,— возразил альбинос.— Обычной смерти я не страшусь, ибо это лишь переход...

— А той, что ведет к мгновенному уничтожению?

— Ее я не страшусь также. Хотя и не жажду ее.

— Зато ее жажду я!

— Да, принц Гайнор. Но тебе не позволено испытать эту чашу. Ты не получишь свободу таким легким путем.

— Может быть,— загадочно отозвался Гайнор Проклятый. Обернувшись, он увидел, что принцесса Тайарату оставила сестер и скачет прямо к ним.— Не знаю, есть ли в мироздании хоть что-то постоянное? Или Равновесие — всего лишь выдумка смертных, чтобы утешиться во всеобщем смятении? Какие доказательства есть у нас?

— Мы можем сами создать эти доказательства,— возразил Эльрик.— Это нам под силу. Установить порядок, справедливость, гармонию...

— Вы слишком много рассуждаете, сударь. Это признак нездорового ума. Может быть, даже больной совести.

— Да кто ты такой, чтобы говорить со мной так свысока, Гайнор? — Внешне альбинос постарался расслабиться, выжидая подходящий момент для удара.— Совесть не всегда тяжелая ноша.

— О, губитель рода своего! Да что, кроме ненависти, можешь ты питать к самому себе? — Гайнор фехтовал словами, как мечом, умело лишая альбиноса веры в себя и стремления к победе.

— Я убил куда больше злодеев, чем невинных душ,— возразил Эльрик твердо, хотя противнику

удалось задеть его за живое. — Жаль только, я не сумею убить тебя, бывший слуга Равновесия!

— Не сомневайся, я тоже убил бы тебя с радостью! — С этими словами Проклятый Принц сделал выпад — и Эльрику пришлось отбить его мечом. И вновь двурогий клинок-пиявка присосался к Приносящему Бурю, выпивая его жизненную силу. Черно-желтый меч зловеще запульсировал.

Альбинос, неготовый встретить удар такой силы, едва не вылетел из седла, и рунный меч беспомощно повис на запястной петле. Лишь сейчас он осознал, что все, чего они добились, может быть уничтожено в считанные мгновения... Срывающимся голосом он крикнул несущейся к нему принцессе Тайарату, чтобы та спасалась бегством и не пыталась устоять против двурогого меча, ибо теперь тот стал вдвое сильнее, чем прежде...

Но она не слышала его. Грациозно, точно несомый ветром листок, она устремилась на Гайнора Проклятого. Золотой меч сверкал и пел в ее руке, черные волосы развевались за спиной, фиалковые глаза сияли в предвкушении расправы с врагом...

...Гайнор парировал удар. И захохотал. И принцесса с изумлением ощутила, как энергия покидает меч и ее самое...

...затем, небрежным движением, Проклятый Принц выбил ее из седла, ударив рукоятью меча, и она беспомощно распласталась среди окровавленных зловонных останков, — а сам вскочил на сереброгривого коня и во весь опор поскакал туда, где

сражались две других сестры, еще не ведавшие об опасности...

Принцесса Тайарату подняла умоляющий взор на Эльрика:

— Нет ли у тебя иного колдовства, что могло бы спасти нас?

Но тщетно альбинос перебирал в памяти отрывки из древних гримуаров и хартий, что он заучил еще ребенком. Потусторонние силы не отвечали на зов...

— Эльрик, — прошептала Тайарату хрипло, — смотри... Гайнор выбил Шану'у из седла — вон, лошадь ее несется без всадницы... А теперь упала и Мишигуйя... Эльрик, все пропало! Мы погибли, и магия оказалась бессильна!

Альбиносу смутно вспомнилось некое сверхъестественное существо, с коим предки его заключили союз в незапамятные времена, — но в памяти всплыло только имя...

— *Матерь Трав*, — пробормотал он сухими, потрескавшимися губами. Казалось, тело его лишилось всех жизненных соков и при малейшем движении готово растрескаться и рассыпаться в пыль. — Роза должна знать...

— Пойдем. — Тайарату с огромным трудом поднялась на ноги и ухватила за поводья его коня. — Мы должны им сказать...

Но Эльрику нечего было рассказывать. Это была лишь тень воспоминания о старинном договоре с неким природным духом, неподвластным ни Порядку, ни Хаосу... обрывки заклинания, заученного в детстве...

Матерь Трав.

Он не помнил, кто она такая.

Гайнор вновь исчез в гуще своего войска, в поисках Розы и Черион Пфатт. Меч его был теперь вчетверо сильнее прежнего — и ему не терпелось испробовать его на обычной смертной плоти...

Уэлдрейк все еще смотрел, еще молился и видел все с балкона. Он видел, как принцесса Тайарату вложила золотой меч в ножны и отвела лошадь Эльрика туда, где стояли ее сестры, такие же изможденные и обессиленные. Кони их ускакали прочь, вслед за Гайнором.

Однако Проклятому Принцу так и не удалось отыскать Розу, а Черион с легкостью ускользала от него, точно мальчишка-сорванец на рыночной площади, и наконец вернулась к остальным, с жаром принявшись доказывать что-то распрос-тертому на земле альбиносу.

...К ним приблизилась Роза и, мигом осознав неладное, соскочила с седла...

Она опустилась на колени рядом с мелнибонэйцем и взяла его за руку...

— Есть одно заклинание,— вымолвил Эльрик чуть слышно.— Я пытаюсь припомнить. Что-то крутится в памяти... Что-то насчет тебя, Роза, или твоего народа...

— Все они погибли,— отозвалась девушка, раскрасневшаяся в пылу боя.— И, сдается мне, я тоже скоро умру.

— Нет! — Ценой невероятного усилия альбинос поднялся на ноги, цепляясь за лук седла.

Конь его нервно всхрапывал и вновь рвался в бой.— Ты должна мне помочь. Там было что-то насчет существа, которое называли Матерью Трав...

Имя показалось ей знакомым.

— Вот все, что я помню.— Нахмутив брови, она принялась декламировать:

В ту пору давнюю, когда
Земля, юна и молода,
Цвела, не ведая богов,
Жила на свете Мать Цветов
И Трав. В зеленой колыбели
Качала дочь и песни пела
О лете, солнце и морозе
Для дочери своей. Для Розы.

Это сочинил Уэлдрейк. В юности, как он говорил.

И тут она поняла, что, сама того не осознавая, что-то подсказала мелнибонэйцу, ибо Эльрик возвел очи горе, губы его шевелились, и с них слетали странные музыкальные звуки, смысла которых не понимали даже сестры.

То был язык темной глины, узловатых корней и ежевичных зарослей, где некогда, как гласит легенда, резвились дикие вадхаги и растили свое странное потомство, частью — плоть, частью — кора и листва, ибо то был народ леса и забытых садов... а когда он запинаясь, Роза подхватывала его песнь на языке далекого народа, чьи предки смешались с ее собственными и чья кровь текла в ее жилах.

Они пели хором, посылая свои голоса сквозь все измерения множественной вселенной, туда,

где дремлющее доселе существо потянулось, подняло руки, сплетенные из миллионов ежевичных плетей, и обернуло лица из узловатого розового дерева в сторону, откуда доносилась песнь, забытая им сотни тысяч лет назад. Песнь пробудила ее к жизни, придавая ей смысл в тот самый миг, когда она собиралась умереть, и по чистой прихоти, из любопытства Матерь Трав шевельнулась, распутывая свое тело конечностью за конечностью, голову за головой, так что затрепетала вся ее листва, и наконец приняла облик, близкий человеческому.

Затем шагнула уверенно сквозь пространство и время, которого не существовало еще в те времена, когда она решила отойти ко сну, — и оказалась в трясине разлагающейся, дурно пахнущей плоти. И ей это не понравилось. Но сквозь вонь она ощутила и иной запах — свой собственный аромат — и, опустив огромную голову, сплетенную из терна, взглянула по сторонам глазами из листьев и цветов, шевельнула вересковыми губами и спросила голосом столь низким, что от него задрожала земля: зачем дочь призвала ее сюда?

Роза дала ответ на том же языке, а Эльрик спел ей свою историю, и мелодия показалась ей приятной. Матерь Трав теснее подобрала свои ветви и сурово взглянула в сторону Гайнора и остатков войска Хаоса. Те остолбенело взирали на нее — но вот Проклятый Принц вскинул свой черно-желтый меч, и орда устремилась в атаку.

Сестры взяли за руки с Эльриком, Розой и Черион, помогая Матери Трав и указывая ей, что

делать. Она протянула многопалую руку к Гайнору, и тот лишь чудом успел ускользнуть. Но сколько ни рубил он своим мечом — клинок его оказался бессилен против этой древней мощи. Ее невозможно было лишить жизни ни магией, ни оружием смертных, все раны вмиг затягивались на ней.

Со спокойной уверенностью, точно исполняя несложную, хотя и малоприятную, домашнюю работу, Матерь Трав протянула длинные ветвистые пальцы сквозь ряды нападающих, не замечая ни мечей, ни пик, ни топоров, ни когтей, ни клыков... она опутала перепутанных тварей, свивая их, соединяя, изгибая и смешивая между собой, покуда все они не оказались в плену цепких ежевичных плетей.

Лишь одному удалось бежать — и он неся сломя голову по осколкам окровавленного хрустала, настегивая лошадь пресытившимся двурогим клинком.

Матерь Трав потянулась к нему тонкими щупальцами, но силы ее были на исходе, и ей удалось лишь вырвать меч-пиявку у него из рук и торжествующе отшвырнуть прочь, в самую чащу, где мгновенно возникла бездонная черная заводь, обращая в уголь окрестные деревья.

Черно-желтый меч исчез, и Гайнор с яростным криком погнал взмыленного коня прочь из долины — и вскоре скрылся из вида.

Матерь Трав в тот же миг забыла о Гайноре и медленно втянула в себя ветви, высвобождая пронзенные шипами трупы... она даровала им куда более чистую смерть, что ждала бы их от руки Эльрика.

Альбинос, однако, сел в седло и, хотя никто больше не пожелал ему помочь, методично принялся объезжать поле боя, приканчивая раненых, дабы вновь напитать свой меч силой. Он был полон решимости отыскать и покарать Гайнора за все зло, что тот причинил. И, расправляясь с уцелевшими, он не внимал их мольбам.

— Я лишь отнимаю у вас то, что ваш хозяин отнял у нас.

В этих убийствах не было ни чести, ни удовлетворения. Он лишь делал то, что необходимо.

Когда он вернулся к своим спутникам, Мать Трав уже исчезла. Войско Хаоса было разгромлено. В живых не осталось никого.

Но принцесса Шану'а не собиралась успокаиваться на этом.

— Мы одержали победу,— воскликнула она,— но Хаос еще жив в нашем мире. Гайнор здесь. И скоро он вновь нападет на нас.

Ее лошадь вернулась к хозяйке, и та ласково поглаживала ее по холке.

— Мы не позволим ему напасть,— заявила Роза, протирая Скорый Шип куском ткани.— Нужно загнать его обратно в Преисподнюю, чтобы он никогда больше никому не причинил зла!

— Верно,— согласился Эльрик. Он был невелик, и тяжкие раздумья одолевали его.— Нужно выследить это отродье в его логове и пленить — если уж уничтожить его невозможно. Ты найдешь дорогу, Черион?

— Да,— отозвалась девушка. Друзья помогли ей забинтовать раны, к счастью неопасные, и она

была преисполнена решимости вновь ринуться в бой. — Он, должно быть, вернулся на *Корабль Былого*.

— Его твердыня... — прошептала Роза.

— Там он особенно силен. — Принцесса Мишпигуйя уже вскочила в седло. — Но нас это не остановит!

— Да, он очень силен, — кивнула задумчиво Черион. — Куда сильнее, чем здесь. Так почему же он не использовал свою силу на поле боя?

— Может быть, он ждет нас? — предположил Эльрик. — Знает, что мы сами придем к нему...

— И все же нам придется отправиться за ним, — заявила принцесса Тайарату. — Нельзя оставлять ему наши сокровища.

— Согласен, — с жаром отозвался альбинос. У Гайнора был ларец черного дерева. Скоро Ариох или кто-то из владык Хаоса могут прийти за ним — и тогда душа отца устремится в тело сына, чтобы навсегда поселиться в нем...

Эльрик стянул черные боевые рукавицы, голыми ладонями оглаживая шелковистые бока лошади, но ничто не могло изгнать бивший его озноб. Обычное животное тепло было здесь бес- сильно.

— А как же остальные? — спросила Черион. — Мой дядя, бабушка, двоюродный брат и мой жених? Нам нужно их предупредить.

Они медленным шагом двинулись к пещерному городу, оставили лошадей на конюшне и начали долгий подъем по бесконечным ступеням и потайным галереям, пока наконец не оказались на балконе, где их встретил Уэлдрейк.

Он был один. И в полном отчаянии. Слезы стояли в его глазах. Он обнял Черион, но скорее в утешение, чем от радости.

— Они ушли, — сказал он ей. — Увидели, что вы терпите поражение. Им так показалось... Фаллогард должен был думать прежде всего о сыне и о матери. Он не хотел уходить, но я настоял. Он хотел забрать и меня, но времени не было, а я отказался.

— Ушли? — Черион была в растерянности. — Куда они ушли, любовь моя?

— Матушка Пфатт открыла некую «складку», они заползли под нее и исчезли — в тот самый миг, как объявился этот огромный куст. Но было поздно. Я уже не мог их удержать.

— Куда? — вскричала в ярости Черион. — Куда они подевались? Неужели нам придется опять их искать?!

— Боюсь, что да, любовь моя, — мягко отозвался Уэлдрейк, — если мы хотим, чтобы твой дядюшка благословил наш брак.

— Тогда пойдем за ними!

— Позже, — остановила ее Роза. — Сперва мы должны отправиться на *Корабль Былого*. Мне нужно свести счеты с Гайнором Проклятым... и кое с кем еще!

ГЛАВА ПЯТАЯ

Артефакты на продажу; Роза добивается отмщения

руппа всадников наконец остановилась на привал у прибрежных утесов. Лошади, две из которых несли двойную ношу, совсем обессилели. Но они достигли Вязкого Моря! Вот оно колыхалось перед ними, с натужным шипением раз за разом вползая на окруженный высокими скалами берег, усыпанный осколками кварца и известняка, кремнием и самоцветами, — и сползая обратно.

Эльрик тотчас же узнал корабль, бросивший якорь в бухте. Парус был спущен, но тяжелая клетка по-прежнему высилась на носу. Галера Гайнора вернулась к хозяину.

Вдалеке у скал копошились какие-то фигурки. Путники осторожно пустили лошадей вниз по узкой тропинке, ведущей к берегу, — и вот уже цветная галька захрустела под копытами.

Принцесса Тайарату ехала чуть впереди; за ней — сестры, верхом на одной лошади. Следом — Эльрик и Роза, и, наконец, Черион Пфатт с Уэлдрейком, крепко державшимся за пояс своей нареченной. Странная, разношерстная компания — но общие цели объединяли их.

Проехав дальше по берегу и миновав каменистую косу, путники наконец узрели пред собой *Корабль Былого*.

Это было одно из самых нелепых и несуразных сооружений, какие только доводилось видеть Эльрику.

Некогда это и впрямь был корабль. Многочисленные палубы его поднимались все выше и выше, превращая судно в подобие чудовищного плавающего зиккурата, достойного самого Хаоса. Такое впечатление, что это живое существо здесь замучили до смерти, заставляя принимать самые невероятные формы, и потом оно мумифицировалось, превратившись в памятник самому себе и нечеловеческой жестокости своих создателей. То там, то здесь глазу чудились очертания ликов, конечностей и тел невиданных животных и птиц, огромных рыб и каких-то еще, самых немыслимых созданий. Корабль казался порождением Вяз-

кого Моря, лизавшего своим грязным пенистым языком сумрачный берег, где мужчины, женщины и дети — в самых разных одеждах, кто в лохмотьях и шелках и в разномастной обуви, кто в замызганных мехах, снятых с убитого владыки, кто в штанах и куртке безымянного матроса, кто в платьях и белье утопленников, в шляпах, кружевах и украшениях, которыми мертвецы некогда тешили свое тщеславие — бродили среди черных бурунов, среди мусора и падали, вынесенной прибоем, роясь в горах вековых отбросов в поисках неведомых сокровищ, и, отыскав нечто ценное, спешили назад, на свой корабль-муравейник, лежавший, чуть накренившись, на берегу, с задранным левым бортом, уткнувшись правым в камни.

Мертвый остов судна был подобен кишашему червями трупю огромного морского гада. Сновавшие повсюду людишки оскверняли его своим присутствием, своим убожеством, как отбросы ненасытного воронья оскверняют кости павших. Казалось, корабль покрыт живой колышущейся массой, без всякой индивидуальности и разума, достоинства, гордости или стыда — они суетились, ссорились, дрались, визжали, рычали, хныкали и стонали... То были люди, покорные Хаосу, но еще не измененные им; существа, которым Гайнор не оставил иного выбора, придя в их мир под знаменем Машабека. Едва ли теперь создания эти достойны были называться людьми. Ни один из них даже не взглянул на Эльрика и его спутников, когда те въехали под грозную тень *Корабля Былого*.

Они не отвечали на вопросы альбиноса. Не отзывались, когда сестры пробовали заговорить с ними. Страх и стыд пожирали их. Они оставили всякую надежду, даже на жизнь после смерти, уверенные, что Хаос давно поглотил всю вселенную без остатка.

— Мы пришли, — воскликнул наконец Эльрик, — чтобы взять в плен принца Гайнора Проклятого и призвать его к ответу!

Но даже это не тронуло их. Они привыкли к обманам Гайнора, к тому, как в минуты скуки он играл их жизнями и чувствами. Любая речь для них стала ложью.

Семеро подъехали к подъемному мосту, что вел в недра гигантского корабля, и без колебаний двинулись по нему, оказавшись в настоящем муравейнике темных галерей, ведущих в никуда проходов, перегороженных сколоченными на скорую руку дверями, перевязанными бечевой и обрывками сетей; повсюду свисало какое-то рванье и лохмотья, сохло плохо выстиранное белье; чуть дальше были возведены леса и установлены подпорки — прямо на краю пролома. Такое впечатление, что некий морской исполин пробил рогом корабль, нанеся ему смертельные раны и прорвав внутренности.

Мутный свет, вливавшийся сквозь щели, создавал в змеящихся кишках судна месиво светлых и темных теней, делая его обитателей похожими на призраков. Они ютились по углам, давясь там чем-то, кашляя и стоная, — отчаявшиеся настолько, что не решались даже поднять глаз, дабы не усугублять тоску. Повсюду валялись отбросы — му-

сор, не представлявший ценности даже для этих людей. Уэлдрейк, зажимая рот рукой, соскочил с седла.

— Бр-р, это даже хуже, чем кроличьи садки в Степни. Делайте то, что считаете нужным. От меня тут пользы не будет.— И, к полному изумлению Черион, вернулся на берег моря.

— Верно,— заметила Роза.— Проку от него немного в обычном смысле. Зато во всем, что касается поэтического вдохновения и поисков гармонии...

— Это в нем самое прекрасное! — восторженно согласилась Черион. Ей было приятно, что ее восхищение разделяет кто-то еще... это помогает влюбленным уверить себя, что они не сошли с ума окончательно (чего сами втайне опасаются).

Эльрик, однако, начал терять терпение. Он выхватил меч из ножен, и черное сияние Приносящего Бурю залило все вокруг. Меч вновь завел свою гневную песнь, словно жаждал скорее дотянуться до того, кто пытался украсть у него жизнь.

Конь попятился и забил копытами; взор алых глаз альбиноса пронзил слоистую тьму, и он воззвал к тому, кто причинил им всем столько зла, кто создал все это безумие, кто презрел все силы, все обязанности, все пакты и растоптал доверие.

— Гайнор! Гайнор Проклятый! Гайнор, гнусное отродье Преисподней! Мы пришли покарать тебя!

Откуда-то издалека, из крошечной тьмы, донесся смешок.

— Какие красивые слова, мой дорогой принц! Какое бахвальство!

Эльрик направил коня на голос, чудом отыскивая дорогу в полумраке, расталкивая тех, кто случайно попадался на пути, опрокидывая кипящие горшки и топча угли, — он был уверен, что от обычного огня этот корабль не может пострадать.

Роза устремилась за ним с победным кличем, полная решимости исполнить наконец свою месть. Обнажив клинок, она вскинула его над головой, точно боевой штандарт. Сестры также подняли мечи — золотой, гранитный и слоновой кости — и затянули древнюю воинскую песнь. Черион ехала последней, ибо не слишком уверенно себя чувствовала в седле, и к тому же все время оглядывалась, не идет ли Уэлдрейк.

Наконец они оказались перед огромными дверями, украшенными затейливой резьбой. Некогда покои, что находились за ними, принадлежали капитану корабля — кем бы тот ни был — и находились в самом центре судна, но теперь, через дыры и пробоины, даже сюда доносился гул прилива и зловещий шепот волн.

— Возможно, — вновь донесся до них насмешливый голос Гайнора, — мне стоило бы вознаградить вас за отвагу. Милые принцессы, я так старался привести вас сюда, чтобы показать мое маленькое царство, но вы упорно этого не желали! И все же, я вижу, любопытство возобладало!

— Нет, принц Гайнор, на *Корабль Былого* нас привело отнюдь не любопытство. — Принцесса Шану'а соскочила с седла и толкнула тяжелую створку, так что все они, спешившись, смогли протиснуться в образовавшуюся щель. — Мы намерены навсегда изгнать тебя из нашего мира!

— Какие смелые слова, сударыня! Если бы не примитивная земная магия, все вы сейчас были бы у меня в плену. Впрочем, еще не поздно...

В дымном воздухе витали странные ароматы, и чадающие факелы отбрасывали не больше света, чем толстые свечи, с шипением ронявшие на пол желтый воск. В воздухе мерцали нити паутины, а писк по углам наводил на мысли о крысах. Однако Эльрику казалось почему-то, что все это лишь иллюзия, для него на миг словно приоткрылся полог,— и он узрел круговерть и многоцветье Хаоса внутри огромного шара... а затем увидел темный силуэт Гайнора, стоявшего перед подобием небольшого алтаря, на который были возложены какие-то предметы.

— Я рад видеть вас! — провозгласил тот, в безумной уверенности, что вскоре и эти последние противники признают его своим господином. — Ни к чему обмениваться бранными словами, друзья, ибо мне под силу разрешить любые споры между нами! — Шлем его пульсировал багровым огнем, пронизанным черными нитями. — Довольно бессмысленной жестокости, и давайте решим дело полюбовно, как подобает истинно разумным людям.

— Я уже слышала от тебя такие слова, Гайнор,— с презрением воскликнула Роза,— когда ты пытался заставить моих сестер выкупить свою честь или жизнь. Я не стану торговаться с тобой, как не стали и они!

— У вас долгая память, любезная госпожа. Я уже забыл об этой безделице и вам советую. Это было вчера. А я зову вас в сияющее завтра!

— Что можешь ты нам предложить? — удивилась Черион. — Твои мысли для меня — загадка, но я знаю, что ты лжешь. Ты почти лишился власти над этим миром. Силы, что прежде помогали, теперь отвернулись от тебя! Но ты хотел бы вновь привлечь их на свою сторону...

Огромная эктоплазменная сфера за спиной у Гайнора вспыхнула и всколыхнулась, и в недрах ее мелькнули три пылающих злобой глаза и клацающие челюсти — и Эльрик с ужасом осознал, что Машабек так и не вырвался на свободу и Гайнору каким-то образом удалось удержать его в плену.

Благодаря отваге Эсберна Снара Ариох был изгнан из этого измерения, и Гайнор решился на неслыханный шаг: самому занять место владыки Хаоса! Но хотя Машабек был его пленником, Проклятому Принцу не под силу оказалось подчинить его своей воле. Должно быть, именно за этим он пытался, с помощью меча-пиявки, похитить энергию у Приносящего Бурю и у трех других.

— Верно. — Гайнор без слов понял, о чем думает альбинос. — Я рассчитывал обрести силу иным способом. Но я ведь почти бессмертен — как ты уже понял. И с удовольствием поторгуюсь с тобой!

— Тебе нечего мне предложить, — ледяным тоном отозвался Эльрик.

Но Проклятый Принц, насмехаясь, подбросил в руках какой-то предмет.

— Разве? А этот ларчик тебе не нужен, мой друг? Разве не за ним ты так отчаянно гонялся по всем мирам?

Эльрик увидел шкатулку черного дерева, с вырезанными на ней черными розами. Даже отсюда он ощущал ее чудесный аромат. Отцовский ларец!

Гайнор расхохотался.

— Кто-то из твоих предков украл его и подарил твоей матери. Та передала ларчик супругу (который был несказанно счастлив, осознав, что за сокровище попало к нему в руки), но его слуга ухитрился ларец потерять! Купил же его, всего за несколько гроатов, если мне не изменяет память, некий купец в Мении. У пиратов, возвратившихся с добычей. Забавная история, не так ли...

— Ты не смеешь предлагать нам этот ларец! — вдруг выкрикнула Роза.

Эльрик удивился, насколько решительнее она стала, едва они переступили порог зала, будто долго готовилась к этому мигу и теперь точно знала, что говорить и как себя вести.

— Но мне придется, сударыня. — Открыв шкатулку, Гайнор извлек оттуда роскошную алую розу. Казалось, она была сорвана лишь только что. Изумительный, совершенный цветок. — Последнее, что уцелело в ваших краях, сударыня. Кроме вас самой, разумеется. Последний свидетель моей потрясающей победы. Подобно вам, сударыня, этот цветок пережил все козни Хаоса. Вплоть до сегодняшнего дня...

— Он тебе не принадлежит, — подала голос принцесса Тайарату. — Нам дала его Роза, когда узнала о нашей беде. И ей мы должны его вернуть. Это Вечная Роза.

— Да, сударыня, и теперь она — моя. И я вправе делать с ней все, что пожелаю. — В тоне Гайнора звучало нетерпение, словно он говорил с непонятливым ребенком.

— У тебя нет никаких прав на эти сокровища, — сказала принцесса Мишигуйя. — Верни нам вересковые кольца — их давали на хранение мне!

— Но вам они не принадлежат, — возразил Гайнор, — и вы это знаете. Все эти вещи вам одолжили на время, пока вы не отыщете Эльрика.

— Так верни их мне. — Роза выступила вперед. — Ибо все эти вещи мои, и лишь я имею право распоряжаться ими. Это последние сокровища моей земли. Я принесла их сюда, в надежде обрести покой. Но Хаос явился и в этот мир, и сестрам они понадобились больше. Однако теперь они получили свои клинки. Им не пришлось покупать помощь Эльрика. Вот так-то, принц. А теперь мы пришли за ними. Верни же нам то, что тебе не принадлежит, или мы заберем свои сокровища силой.

— Силой, сударыня? — Смех Гайнора сделался резче и пронзительнее. — С какой же силой вы пойдете против меня? Против Машабекы? Пусть я пока не могу им управлять. Но я могу *освободить* его! Выпустить владыку Хаоса в этот мир, сударыня, дабы он проглотил его во мгновение ока — и всех нас вместе с ним. О, как мне было бы приятно сделать это — почти так же, как самому обладать такой мощью. Ибо это по *моей* воле Хаос обрушился бы на вселенную! Одного касания терновой веточки довольно, чтобы дать ему свободу. — Он продемонстрировал тонкую черную ветвь, опле-

тенную медными нитями. — Так о какой силе вы говорите, сударыня? Пока я здесь и терновый жезл у меня в руке, мы все в безопасности — как был в безопасности Ариох, пленивший нашего друга...

Из шара донеслось рычание и хриплый вой — граф Машабек осатанел, заслышав имя своего мучителя. Уродливая физиономия на миг прижалась к стенке сферы, излучая такую ненависть и злобу, что Эльрик и его спутницы невольно отшатнулись.

— А ты, принц Эльрик? — завопил Гайнор, сясь перекричать ревущего демона. — Ты ведь тоже пришел поторговаться со мной? Чего ты хочешь? Что-нибудь на память о своем приятеле? — И он взмахнул в воздухе серой волчьей шкурой.

Но если он рассчитывал оскорбить Эльрика, то промахнулся. Раз шкура оборотня была сброшена, значит, Эсберн Снар погиб человеком. И теперь был свободен!

— Я согласен с моими друзьями, — сказал альбинос. — Я не торгуюсь с такими, как ты, Гайнор Проклятый. У тебя не осталось чести.

— Одни пороки, принц Эльрик. Увы, должен признать, ничего, кроме пороков. Но пороки творческие, я бы даже сказал, *изобретательные*. Не желаете ли послушать, что я могу вам предложить? Видите ли, мне нужны ваши мечи.

— Эти клинки принадлежат нам по праву крови, — возразила принцесса Мишигуйя, — и были даны нам, чтобы изгнать тебя из нашего мира. Ты никогда их не получишь, Гайнор!

— Но я же предлагаю вам взамен те сокровища, что вы одолжили и потеряли. Я буду с вами

честен. Мне нужны четыре меча. А я дам вам целых шесть магических предметов! Разве это не щедрое предложение? Даже глупое, я бы сказал!

— Ты безумен,— сказала ему принцесса Шану'а.— Эти мечи — наше наследие. Наш долг.

— Но разве долг ваш не в том, сударыня, чтобы вернуть все, что вы задолжали? Ну, поразмыслите немного. А я пока предложу Эльрику душу его отца! — Он ласково погладил ларец стальной перчаткой.

Ариох предал его тайну! Эльрик от негодования лишился дара речи. Теперь Гайнор знал, насколько ценен этот ларец для сына Садрика!

— Предпочитаешь соединиться — или освободиться? — медленно произнес Проклятый Принц, наслаждаясь каждым звуком. Он доподлинно знал, что предлагает альбиносу.

Беззвучно выругавшись, мелнибонзеец рванулся вперед — но Гайнор протянул руку, едва не коснувшись терновой ветвью поверхности шара, где ревел и метался Машабек. В глазах пленника бушевало пламя, что казалось способно прожечь стены темницы.

— Душу твоего отца, Эльрик, в обмен на меч. Ну же, чего тут раздумывать? Соглашайся. И получишь свободу. Ты избавишься от своего злого рока...

Соблазн навсегда отделаться от Черного Меча был велик. Еще сильнее — желание освободить отца, чтобы тот мог спокойно отыскать душу матери и укрыться с ней там, где не властны ни Хаос, ни Порядок, ни Космическое Равновесие.

— Ты сможешь отпустить душу отца на волю. Больше не будет страдать ни он, ни ты сам. Меч

не нужен тебе. Ты и без него обладаешь достаточной силой. Отдай мне меч, Эльрик. А я отдам тебе все, чем владею...

— Клинок тебе нужен, чтобы управлять этим демоном,— сказал альбинос.— Должно быть, у тебя есть какое-то заклинание. Но этого мало. Нужно еще внушить Машабеку страх...

И вновь из шара-темницы донесся пронзительный, полный ярости вой...

— ...и ты надеешься, что Приносящий Бурю тебе поможет. Сомневаюсь, принц Гайнор! — Эльрик поражался его безрассудству.

— Верно.— Тот не скрывал усмешки.— Но, к счастью, у меня есть кое-что еще. Роза знает, какое заклинание я имею в виду...

Вскинув голову, девушка плюнула в его сторону, но Гайнор лишь расхохотался в ответ.

— О, как сожалеют впоследствии влюбленные о своей откровенности...

Теперь Эльрик многое начал понимать. Воистину, эта несчастная несла на своих плечах тяжелое бремя!

— Отдай мне меч.— Гайнор протянул Эльрику ларец. В другой руке он держал терновую ветвь.— Тебе нечего терять.

— Да, я только выиграю,— с усмешкой заметил альбинос.

— Разумеется. Кому станет хуже от нашего обмена?

Но Эльрик знал ответ. Хуже будет его спутникам. Всему этому миру. И многим-многим другим — как только Гайнор подчинит себе Машабека. Он не знал точно, каким образом Проклятый

Принц намерен этого достичь, но тот явно знал, что делает. Давным-давно Роза, сама того не подозревая, дала ему в руки средство...

— Или ты хочешь навеки соединиться со своим отцом, Эльрик Мелнибонэйский? — Голос из-под шлема звучал теперь угрожающе. — Я даже согласен поделиться с тобой властью. Твой меч станет тем хлыстом, с помощью которого мы приручим Машабека...

Соблазн был велик. Будь на месте его любой другой мелнибонэец, даже отец, тот согласился бы не раздумывая. Кто угодно — но только не Эльрик.

И он отказался.

Взревев от ярости, Гайнор Проклятый принялся осыпать Эльрика проклятиями, угрожая отдать вселенную на растерзание Машабеку...

Как вдруг откуда-то сверху донесся странный треск, посыпалась штукатурка, попадали толстые свечи, в потолке образовалась дыра, и из нее донеслось вопросительное хрюканье.

Это был Кхоргах, чудовище с корабля. Заглядывая в пробоину, он принюхался, завертел башкой. И увидел Черион. С довольным урчанием он принялся ловко карабкаться вниз по стене, к своей возлюбленной. Тогда как Эльрик, воспользовавшись замешательством Гайнора, одним прыжком преодолел разделявшее их расстояние и выбил у принца из рук терновую ветвь. Гайнор схватился за меч.

Но альбинос был наготове. С истошным, полным ненависти визгом Приносящий Бурю вылетел из ножен и отразил удар. И тут же сам пере-

шел в нападение. Гайнор вскинул клинок, пытаясь заблокировать атаку... но опоздал.

Эльрик, пронзив доспехи, как бумагу, с размаху вогнал меч в то место, где у его врага должно было бы биться сердце. И на острие поднял в воздух Гайнора; завывающего от ярости, боли и беспомощности, — не хуже Машабека в своей эктоплазменной темнице.

— Где найти ту преисподнюю, что стала бы для тебя достойной карой? — сквозь стиснутые зубы спросил альбинос.

И Роза подсказала чуть слышно:

— Я знаю такое место, Эльрик. Ты должен призвать своего демона-покровителя. Призови Ариоха в этот мир!

— Ты сошла с ума!

— Доверься мне. Ариох еще очень слаб. Он не успел восполнить силы. Но ты должен с ним поговорить.

— Да чем он может нам помочь? Ты хочешь вернуть ему Машабека?

— Позови его, — повторила она. — Так нужно. Тебе придется призвать его, Эльрик. Только так мы сможем достичь гармонии.

И альбинос, удерживая своего врага, сучившего ногами, точно паук на прутике, принялся звать к герцогу Преисподней — тому, кто предал его и пытался лишить жизни.

— Ариох! Ариох! Откликнись на зов твоего слуги. Молю тебя!

Ящер к тому времени уже сполз на пол и подбирался к Черион, пожирая предмет своей любви глазами. Девушка погладила его огром-

ные лапы, похлопала по чешуйчатой спине — и вдруг услышала откуда-то сверху радостный голос:

— Ага! Мы все-таки успели! Ящер проделал нам вход! — И в дыру в потолке заглянул мастер Эрнест Уэлдрейк. На лице его была написана тревога. — Я так боялся, что мы опоздаем.

Черион Пфатт засмеялась, почесывая Кхоргаху надбровные дуги.

— Что же ты нам не сказал, что пошел за подмогой, любимый?

— Не хотел зря обещать. Но у меня есть еще хорошие вести. — Обозрев путь, который пришлось проделать ящеру, чтобы добраться до пола, он с сомнением покачал головой. — Постараюсь добраться к вам побыстрее. — И исчез.

— Ариох! — выкрикнул Эльрик. — Приди, о мой покровитель! — Но он не мог предложить тому ни душ, ни жизней.

— Ариох!

В углу сгустилась тень, закружилась темным смерчем — и приняла облик прекрасного юноши... хотя и отчасти прозрачного. В улыбке его была вся сладость пчелиного улья.

— Чего ты хочешь, моя кроха, мой сладкий?..

Роза откликнулась первой:

— А вот теперь можешь торговаться, Эльрик. Нет ли у этого демона чего-то нужного тебе?

Эльрик, переводя взор с Гайнора на Ариоха, заметил, что его покровитель не сводит зачарованных глаз с эктоплазменной сферы.

— Только чтобы он оставил отца в покое, — произнес альбинос.

— Так попроси его об этом! — велела Роза уверенно. — Потребуй, чтобы он забыл о душе Садрика.

— Он не согласится, — вздохнул Эльрик. Даже несмотря на энергию, что придал ему Черный Меч, он начинал уставать.

— Попроси, — повторила она.

Эльрик обернулся к демону.

— Господин мой Ариох. Мой покровитель, герцог Преисподней. Согласен ли ты оставить душу моего отца в покое?

— Конечно, нет, — удивленно отозвался тот. — С какой стати? Он — мой, равно как и ты.

— Ты не получишь ни его, ни меня, если Машабек вырвется на волю, — заметил Эльрик. — И ты знаешь это, о повелитель.

— Отдай его мне! — взвизгнул Ариох. — Отдай! Машабек — мой по праву, ибо это я уловил его в расставленные сети. Отдай мне его — и забирай душу Садрика!

— Увы, я не в силах отдать тебе Машабека, ибо он мне не принадлежит. — Эльрик осознал наконец всю тонкость замысла Розы. — Но я подарю тебе Гайнора. Договаривайся с ним!

— Нет! — завопил Проклятый Принц. — Я не вынесу такого унижения.

Ариох расплылся в улыбке.

— Вынесешь, и еще как, о мой бессмертный предатель! У меня есть совсем новые мучения, о которых ты пока и не подозреваешь, но даже о них ты будешь вспоминать с тоской, когда я займусь тобой по-настоящему. Ты отведаешь все, что я готовил Машабеку...

Золотистый призрак потянулся к Гайнору, который взвыл, заклиная Эльрика всем, что для того свято, не отдавать его герцогу Преисподней.

— Тебя нельзя убить, Гайнор Проклятый, — воскликнула раскрасневшаяся Роза, — но покарать — возможно! Ариох накажет тебя, и все это время ты будешь помнить, что такова месть Розы за все то, что ты сотворил с нашим раем!

Лишь сейчас Эльрик начал понимать, что все происходящее было предуготовлено Розой, замышлившей этот хитроумный план, дабы Гайнор ни с кем больше не обошелся так, как с ее народом. За этим она вернулась сюда. И потому отдала сестрам сокровища своей утраченной родины.

— Так ступай же, Гайнор! — воскликнула она, когда золотистая тень объяла вопящего принца... поглотила его, словно растворив в своем сиянии, и вновь вернулась в угол зала — а оттуда прочь, сквозь узкий туннель меж измерениями, открытый призывами Эльрика.

— Ступай, принц Гайнор, и да будут твои кошмары вечными... — провозгласила она. Искореженное лицо графа Машабек на миг мелькнуло за прозрачной стенкой шара. Налитые кровью глаза с явным удовольствием проследили, как его соперник уносит добычу.

— *Душа твоего отца свободна, Эльрик...*

— А Машабек? — Эльрик лишь сейчас осознал, какую ответственность они взвалили себе на плечи. — Что мы будем делать с ним?

Роза улыбнулась ему ласковой, мудрой улыбкой.

— Увидишь. — Обернувшись, она прошептала что-то трем сестрам, и те взяли мечи — гранит-

ный, золотой и слоновой кости — и торжественно одели на кончики клинков черные вересковые кольца. Три лезвия вспыхнули, но то было мягкое сияние энергии самой Природы, восставшей против безумия Хаоса. И сестры подняли эктоплазменный шар на остриях мечей.

Внутри граф Машабек метался, рычал и вопил на одному ему известном языке; сам факт его пленения сделал демона беспомощным, настолько он привык к неограниченной свободе. Он не умел ни просить, ни умолять, ни торговаться, ни даже хитрить, подобно Ариоху, ибо его сила была прямой и бескомпромиссной. В его привычках было творить все, что вздумается, и уничтожать все, что могло помешать. Но теперь, покричав, поугрожав им, он понемногу затих. Этот звероподобный бог признавал лишь грубую силу. И теперь он со страхом взирал на три сияющих клинка, удерживавших его темницу.

Роза улыбнулась так, словно достигла наконец цели, к которой шла долгие годы.

— Да, чтобы приручить этого демона, придется постараться.

Эльрик восхищался ее отвагой.

— Так значит, все это время ты знала, как укротить Машабека! И подстроила, чтобы все мы оказались здесь в одно время... — Он ни в чем не обвинял ее. Просто высказывал свои догадки.

— Я воспользовалась теми нитями, что уже были, — отозвалась Роза. — И сплела их как сумела. Но до конца не была уверена — особенно когда Гайнор предлагал тебе отцовскую душу в обмен на меч, — каков будет исход. Я до сих пор этого не знаю, Эльрик. Смотри!

Со стола, где Гайнор оставил украденные сокровища, она взяла ларец черного дерева и приблизилась к сестрам, которые бережно, точно мыльный пузырь, удерживали пульсирующую сферу остриями мечей. Клинки вспыхнули, и свет заструился по ним. Дымчато-белый по костяному лезвию, густо-серый — по гранитному, янтарно-желтый — по золотому. Три луча, сплетаясь между собой, принялись спиралью обвивать эктоплазменную сферу.

Роза и сестры затянули магическое песнопение, направляя и усиливая поток космической энергии, и вскоре их окружил мерцающий серебристый кокон.

— Быстрее, Эльрик! — крикнула ему девушка. — Теперь нужен твой меч! Он опять станет проводником! — И она распахнула крышку ларца.

Альбинос двинулся вперед. Тело его, помимо воли, исполняло ритуальные движения, смысл которых был не ясен ему самому.

Он поднял возмущенно вскрикнувший Черный Меч, поместив его между остальных, в самой нижней точке сферы.

Медленно и осторожно Роза поднесла раскрытый ларец прямо к рукояти Приносящего Бурю и воскликнула:

— А теперь бей! Бей, Эльрик! Порази демона в самое сердце!

Альбинос закричал, едва не потеряв сознание, когда от удара жизненная сила Владыки Хаоса хлынула по его клинку — прямо в ларец, который Роза держала наготове.

Лишь сейчас мелнибонзец понял, что натворил!

— Душа моего отца! — воскликнул он. — Демон пожрал ее!

— Теперь он в нашей власти! — Роза раскраснелась от счастья. — Машабек — наш пленник. Пусть смертным не под силу его уничтожить. Но мы его никогда не отпустим. Никогда! Пока у нас его душа, ему придется покориться. Так пусть для начала возродит все те миры, которые уничтожил. — Она захлопнула крышку.

— Как ты сможешь его заставить делать то, что ты хочешь? Это не удалось даже Гайнору. — Эльрик покосился на демона, уныло сидящего в эктоплазменной темнице. Тот словно утратил всякую волю к сопротивлению.

— Так ведь у нас его душа! — Роза улыбнулась. — Наконец моя месть свершилась.

Уэлдрейк выглянул из-за чешуйчатого хребта своего соперника в любви.

— Многим этого бы показалось недостаточно, сударыня.

— Я искала утешения в горе, — заметила Роза, — но давно поняла, что не достигну его путем разрушения. К тому же оба моих врага бессмертны. Но мы позаботились, чтобы от обоих был какой-то прок — это все, к чему я стремилась. Принесли добро там, где было зло. Это единственная месть, что я приемлю.

Эльрик, с ужасом взирая на запертый ларец, не нашелся, что ответить. Столько пережить, столько испытать — и потерпеть неудачу в тот самый миг, когда он уже торжествовал победу! Он не мог в это поверить.

Роза улыбнулась ему. Ее нежные пальчики коснулись его щеки. Он обернулся к ней, но не смог выдать ни слова.

Сестры опустили мечи. Силы их были настолько истощены, что они с трудом смогли вложить клинки в ножны. Черион, оставив ящера с Уэлд-рейком, бросилась им на помощь.

— Возьми. — Вернувшись к столу, Роза взяла цветок и протянула альбиносу. На лепестках еще играла роса, словно его лишь только что сорвали в саду.

— Благодарю вас, сударыня, — промолвил он едва слышно, мыслями обращенный к тому ужасу, что вскоре ему предстояло пережить.

— Отнеси розу отцу, — продолжила она. — Он ждет тебя на развалинах города. Там, где твои предки впервые заключили союз с Хаосом.

Эльрик не нашел в этой шутке ничего смешного.

— С отцом я скоро увижусь и без того, сударыня. — Со вздохом он вложил меч в ножны. Ему не хотелось думать о будущем...

Она засмеялась.

— Эльрик! Душа твоего отца никогда не была в шкатулке! По крайней мере, не была там поймана, как душа демона. Вересковые кольца держат душу Машабека в плену. Ларец был создан именно для этого! Но Вечная Роза неспособна удержать такое создание. Она может быть лишь вместилищем души смертного, который любил другое существо, больше чем себя самого. Душа твоего отца питала этот цветок, Эльрик, а цветок хранил его душу. Поэтому роза до сих пор так свежа. В ней — все лучшее, что было в Садрике. Отнеси ее отцу. Теперь он сможет наконец отправиться за своей возлюбленной супругой. Ариох отказался

от него — а Машабек не сможет причинить ему вреда. Мы используем силу Машабека. Мы заставим владыку Преисподней вернуть все, что мы так любили. Только обратив зло во благо, можно искупить прошлое! Это единственный путь, доступный смертным! Наша единственная месть. Возьми цветок!..

— Я отдам его отцу.

— А потом,— сказала она,— ты отвезешь меня в Танелорн.

Глядя в ее спокойные карие глаза, он замешкался на мгновение, а затем отошел:

— Почту за честь, сударыня.

До них вдруг доносится истошный вопль Уэлдрейка:

— Ящер! Ящер!

Они видят, как тот ползет из зала наружу, по галереям, откуда разбегаются обретшие волю рабы Гайнора — а за ним несется поэт с криками:

— Постой, ящер, дорогой! Стой, мой соперник! Во имя нашей общей любви, стой!

Кхоргах, достигнув выхода, замирает и оборачивается, словно поджидая остальных. А когда те оказываются совсем рядом, выползает на свет, туда, где им навстречу...

...Матушку Пфатт несут в кресле отец и сын Пфатты, измученные и потные,— а старуха подгоняет их гневными возгласами. Но при виде внушки с Уэлдрейком велит им остановиться:

— Ох вы, куколки-пупсики мои! Сладкие-шоколадные!

Отбросив прочь замызганный зонт, которым прикрывала свою мудрую голову, она радостно кричит Уэлдрейку:

— Камушек мой драгоценный! Словорез! До чего же Черион будет счастлива! А как бы я счастлива была, знай я тогда, что ты в Патни! Опустите меня на землю. Опустите меня, мальчики! Мы на месте. Я же говорила, с ними все будет в порядке, Ах ты, мой маленький рифмоплет! Мой хохлатый петушок! Пойдем. Мы отправимся на Край Времени!

— Весьма странное место, как мне помнится, — с сомнением замечает Уэлдрейк. Но ему приятно ее внимание, ее ласковые слова и забота. Он расцветает на глазах.

— Я же говорил, что мы совсем рядом! — гордо воскликнул Коропит, отчего удостоился сурового взгляда от отца. — Хотя, конечно, это ты первым признал берег!

Роза и сестры также вышли приветствовать друзей, но они несли только ларец. Пленный владыка Хаоса оставался пока внутри, чтобы поразмыслить на досуге о своей судьбе и о том, как ему придется создавать все то, что было ему столь ненавистно. В левой же руке Роза несла волочащуюся по камням волчью шкуру — знак того, что Эсберн Снар сумел хотя бы в смерти обрести свободу.

— Сударыня! — Уэлдрейк не скрывал удивления. — Что за странный трофей?

Роза покачала головой.

— Некогда эта шкура принадлежала одной из моих сестер. Она была единственной, кроме меня, кто уцелел после резни, устроенной Гайнором...

Услышав ее слова и сопоставив с рассказом оборотня, Эльрик поразился, какую причудливую

ткань сплела Роза и сколько судеб объединились, чтобы помочь ей достичь цели.

Матушка Пфатт вопросительно подняла брови:

— Так ты добила^{сь} всего, чего хотела, дорогуша?

— Всего,— кивнула Роза.

— Ты служишь великой Силе.— Старуха сползла со своего полуразвалившегося кресла и заковыляла по берегу.— Уж не Равновесие ли это, часом?

Роза, приобняв женщину за плечи, усадила ее на стоявший поблизости бочонок.

— Скажем просто, что я восстаю против любого угнетения, независимо от того, Хаос это, Порядок или что-то иное...

— Тогда ты служишь самой Судьбе,— заявила старуха убежденно.— Ибо это было искусное плетение, дитя. Тебе удалось создать нечто новое во вселенной. И исправить все те повреждения, которые нас так тревожили. Теперь мы можем продолжить путь.

— Куда же вы собрались, матушка Пфатт? — спросил ее Эльрик.— Где вам найти вождельный покой?

— Будущий супруг моей племянницы убедил нас, что мирный семейный очаг нам удастся создать лишь в некоем месте, именуемом «Патни»,— с добродушной улыбкой отозвался Фаллогард Пфатт.— Туда мы, видимо, и отправимся. Он говорит, у него там остался незаконченный двухтомный эпос о каком-то местном герое. В Патни, понимаете? Так что попробуем начать оттуда. Теперь, когда вся семья вновь в сборе, надеюсь, нам больше не придется разлучаться.

— Я тоже пойду с ними, сударыня. — Коропит Пфатт взял Розу за руку и несколько смущенно поцеловал ее. — Мы сядем на корабль, возьмем с собой ящера и вернемся по Вязкому Морю. А оттуда пройдем по тропе между мирами — и неминуемо доберемся до Патни.

— Желаю, чтобы путь ваш был легким и скорым, — сказала она и тоже прижала к губам его руки. — Я буду по вам скучать, мастер Пфатт. Вы были отличным проводником по измерениям. Лучший гончий пес на свете!

— *Покинул Эльрик этот мир, Спеша на родину — на пир. У седца он цветок хранил, Что тайну дивную тайл...* — торжественно продекламировал маленький поэт и виновато пожал плечами: — Боюсь, сегодня я не готов сочинять оды. Все, на что я рассчитывал, это на достойный конец. Пойдем, ящер! Пойдем, Черион! Пойдемте все! В путь через Вязкое Море! К далекому Патни и блаженству семейного очага!

И что-то в душе гордого Владыки Руин, махавшего друзьям рукой на прощание, отозвалось на этот призыв. И сердце его наполнилось печалью.

Повернувшись к Розе, он поклонился ей:

— Пойдемте, сударыня. Нам предстоит позвать дракона и отправиться в путь! Должно быть, отец мой несколько обеспокоен судьбой своей многострадальной души.

**ЭПИЛОГ,
где Владыка Руин
исполняет клятву**

од ярким сиянием полной луны дракон Скарснаут поднял свою великолепную голову, пробуя ветер, и устремил взор во тьму, где скрывался призрак Садрика.

Эльрик вложил вечную розу в бледную руку отца. У него на глазах цветок увял и осыпался, ибо теперь нечему было поддерживать в нем жизнь. Садрик вздохнул.

— В моем сердце нет больше ненависти к тебе, о сын своей матери. Дар, что ты принес, для меня бесценен.

И отец коснулся щеки сына неожиданно теплыми губами — чего никогда не делал при жизни.

— Я буду ждать тебя, сын, в Лесу Душ, где сейчас ожидает меня твоя мать.

И призрак истаял, точно шепоток на ветру. Подняв глаза, Эльрик понял, что Время больше не стоит на месте и кровавая история Мелнибонэ, все десять тысячелетий насилия и жестоких побед, только начинается.

На миг им овладел соблазн что-то предпринять, изменить ход событий в Светлой Империи, сделать свою расу мудрее и благороднее — но, покачав головой, он повернулся спиной к Х'хаи'шану, к собственному прошлому, не раздумывая больше над тем, что стало и что могло бы быть; забрался на драконий загривок и уверенным голосом, где звучала надежда, велел Скарснаугу нести его ввысь.

И они взмыли в вихрящиеся облака, в звездную негу мелнибонэйского неба, в будущее, где на некоем перекрестке, на самом краю Времени, его ждала Роза.

Ибо он обещал ей, что она впервые узрит Танелорн со спины дракона.

ПРОКЛЯТИЕ ЧЕРНОГО МЕЧА

...Вновь судьба повелела Эльрику из Мелнибонэ, проклятому принцу, пуститься в странствие по Молодым Королевствам, путешествовать по землям, полным опасностей. Но, отправляясь в путь, хранитель Приносящего Бурю не знал, что ему предстоит вновь сразиться со своим старинным врагом и после победы встретить в лесу Троос — ту, ради которой ему суждено будет отречься от колдовского клинка.

«Хроника Черного Меча»

ГЛАВА ПЕРВАЯ Похититель душ

днажды вечером в городе под названием Бакшаан, настолько богатым, что утопавшие в роскоши города северо-востока казались по сравнению с ним поселениями бедноты, в таверне за бутылкой доброго вина сидел лорд Эльрик, властитель дымящихся руин Мелнибонэ. Он хищно улыбался, совсем как голодная акула, и, отпуская время от времени грубые

шуточки, вел обстоятельную беседу с четырьмя князьями торговли, которых намеревался разорить в ближайшее время.

Приятель Эльрика, Мунглум Чужеземец, наблюдал за высоким альбиносом с тревогой и восхищением, и на то были веские причины. Мало кому удавалось видеть Эльрика веселым, а если учесть еще и то, что любезные собеседники высокородного лорда были торговцами, то этот случай вообще можно было считать из ряда вон выходящим. Мунглум мысленно поздравил себя с тем, что он скорее друг, чем враг мелнибонэйца, и задумался о возможных последствиях не совсем обычного разговора — высокородный лорд не считал нужным объяснять кому бы то ни было свои поступки.

— Лорд Эльрик, ты великолепный фехтовальщик и могучий чародей. Нам нужна помощь именно такого человека, и, конечно, мы хорошо заплатим. — Пилармо, богато одетый, худощавый, но сильный, говорил от имени всех четверых.

— И как же вы заплатите, господа? — по-прежнему улыбаясь, поинтересовался Эльрик.

Его собеседник, казалось, смутился. Он помахал рукой, словно разгоняя дым, который заполнил небольшую комнату, снятую специально для этой встречи, и торопливо проговорил:

— Золотом. Драгоценностями.

— Цепями. — Эльрик покачал головой. — Я предпочитаю путешествовать налегке.

Мунглум проворно высунулся из надежно укрывавшей его тени и весьма неодобрительно посмотрел на него.

Изумление и досада отразились на лицах торговцев.

— Тогда чего же ты хочешь?

— Я отвечу позже. — Эльрик снова улыбнулся. — Прежде чем говорить о плате, я должен знать, зачем вам мое искусство.

Пилармо кашлянул и посмотрел на своих товарищей. Те кивнули, и тогда он тихо и медленно заговорил:

— Ты, наверное, знаешь, что соперничество между торговцами в нашем городе очень велико. Десятки купцов стремятся привлечь как можно больше покупателей. Бакшаан — богатый город, и большинство его жителей отнюдь не бедствует.

— Это хорошо известно, — согласился Эльрик. Богатые жители Бакшаана нравились ему, как жирные овцы — волку. Темно-красные глаза высокородного лорда-альбиноса хищно сверкнули. Мунглум поежился: столько злобной насмешки таилось в простых словах его опасного друга.

— Здесь, в городе, живет один купец, у которого больше складов и лавок, чем у любого другого, — продолжил Пилармо. — Его караваны огромны, их охрана сильна и многочисленна, и потому он может позволить себе ввозить в Бакшаан крупные партии товаров и продавать их дешевле. Этот человек — настоящий вор! Его уловки разорят всех нас, — торжественно и печально закончил Пилармо.

— Ты имеешь в виду Никорна из Илмира? — спросил Мунглум из-за спины Эльрика.

Пилармо молча кивнул. Эльрик нахмурился:

— Этот человек сам водит свои караваны. Он не боится опасностей в пустыне, в лесах и горах. Он честно заработал все, что имеет.

— Но суть-то дела от этого не меняется! — взорвался напудренный толстяк Тормил, и его многочисленные подбородки затряслись, а коротенькие, похожие на украшенные кольцами колбаски, пухлые пальцы задрожали.

— Нет, конечно, нет. — Медоточивый Келос похлопал по руке приятеля, успокаивая его. — Мы все восхищаемся его храбростью. — Торговцы дружно кивнули, и только молчаливый Дейнстаф, последний из четверки, кашлянул и, покачав лохматой головой, угрожающе поднял плечи. Его грязные пальцы обхватили украшенную драгоценностями рукоять роскошного, но совершенно бесполезного кинжала. — Но, — продолжил Келос, одобрительно взглянув на Дейнстафа, — Никорн не подвергается опасности, когда продает свои товары по бросовым ценам. Он уничтожает других!

— Никорн — это шип терновника, вонзившийся в нашу плоть, — неизвестно зачем добавил Пилармо.

— И я нужен вам, господа, чтобы выдернуть этот шип, — заключил Эльрик.

— Если говорить кратко, то да.

Пилармо слизнул выступившие над верхней губой капельки пота. Казалось, он побаивается этого улыбчивого альбиноса, наслушавшись легенд об Эльрике и его страшных деяниях. Только отчаяние заставило торговцев искать помощи ве-

ликолепного лорда. Им требовался человек, искусный в черной магии и блестяще владеющий клинком, и Эльрик подходил им, как никто другой. Его появление в Бакшаане могло спасти соперников Никорна.

— Мы хотим лишить Никорна силы,— продолжал Пилармо.— Но если для этого его придется уничтожить, то...— Он пожал плечами и робко улыбнулся, заглядывая в красные глаза альбиноса.

— Несложно найти обычного убийцу, особенно в Бакшаане,— тихо заметил Эльрик.

— Да, верно,— закивал Пилармо.— Правда, Никорн оплачивает услуги целой армии охранников и могущественного колдуна. Чародей защищает и Никорна, и его дворец с помощью магии, а воинственные жители пустыни — с помощью мечей, когда магия оказывается бессильной. Убийцы не раз пытались подобраться к торговцу, но, увы, ни одному не повезло...

Эльрик расхохотался:

— Как это печально, друзья мои! Наверное, души убийц обречены услаждать какого-то демона, который иначе терзал бы души более достойных людей.

Торговцы рассмеялись почти искренне, а Мунглум вновь растворился в тени. Он тоже веселился, но беззвучно.

Эльрик налил собеседникам великолепно вина столетней выдержки, пить которое законы Бакшаана категорически запрещали: оно приводило к временному помешательству, а в больших дозах могло и навсегда повредить рассу-

док. Впрочем, на Эльрика эта отравка никак не действовала. Альбинос полюбовался мерцающей желтой жидкостью, поднес кубок к губам и выпил не отрываясь. С глубоким вздохом удовлетворения он слизнул последние капли и прикрыл глаза, наслаждаясь легким жжением и теплом в желудке. Остальные потягивали вино крайне осторожно. Пожалуй, торговцы уже начали жалеть, что так опрометчиво решили связаться с этим альбиносом. За время короткой беседы они уверовали в правдивость невероятных легенд о лорде Эльрике, но даже не это тревожило достойных купцов: они не знали, какую он потребует плату! В самом деле, что нужно человеку с такими странными глазами...

Эльрик налил еще немного желтого напитка в свой кубок. Рука его подрагивала, сухой язык быстро пробежал по бескровным губам, совсем как змеиное жало, и когда он проглотил очередную порцию, его дыхание слегка участилось. Выпитое высокородным лордом за один вечер вино превратило бы любого человека в мяукающего идиота, а Эльрик, казалось, испытывал лишь некоторую жажду и легкое возбуждение. Обычно эту демоническую отраву пили те, кто хотел увидеть сны о призрачных мирах. Красноглазый колдун глотал ее в надежде, что и ему удастся узреть их.

Помолчав немного, Эльрик спросил:

— А кто тот великий чародей, мастер Пилармо?

— Телеб К'аарн, — вздрогнув, ответил купец.

Рубиновые глаза мелнибонэйца сузились:

— Чародей с Пан Танга?

— Да, он называет этот остров своей родиной.

Альбинос поставил кубок на стол и поднялся. Пальцы его прикоснулись к рукояти рунного меча, выкованного из черного железа много столетий назад, который звался Приносящим Бурю. Помедлив несколько минут, лорд уверенно объявил:

— Я помогу вам, господа.

Он заставил себя отказаться от мысли ограбить торговцев. Теперь у него была другая, более важная задача.

«Телеб К'аарн,— думал он.— Неплохое местечко для нового логова нашел друг-приятель. Нам, пожалуй, будет о чем потолковать».

* * *

Телеб К'аарн хихикал. Эти непристойные звуки, слетавшие с тонких губ могущественного чародея, совершенно не вязались с его внешностью — угрюмым лицом, заросшим черной бородой, длинным костлявым телом, укутанным в красное одеяние,— и к тому же полностью разрушали представление о глубочайшей мудрости сурового колдуна.

Телеб К'аарн хихикал и восторженно смотрел на женщину, которая возлежала на кушетке рядом с ним. Он нашептывал ей на ухо неловкие слова нежности, она принужденно улыбалась и перебирала тонкими пальцами его длинные черные волосы так, словно ласкала собаку.

— При всей твоей учености ты глупец, Телеб К'аарн,— проговорила она, разглядывая из-под

полуопущенных век яркие зеленые и оранжевые ковры, которые украшали холодные каменные стены ее спальни. «Умная женщина должна использовать любого мужчину, угодившего в ее сети», — лениво раздумывала она.

— Итана, ты просто стерва, — глупо выдохнул Телеб К'аарн. — Даже вся ученость мира не может справиться с любовью! Я люблю тебя.

Он говорил просто, искренне, не понимая женщину, что лежала возле него. Ему доводилось заглянуть в черную бездну иного мира и сохранить рассудок, ему открылись тайны, от которых мозги обычного человека превратились бы в желе, но в некоторых делах он оставался таким же неопытным, как самый юный из его слуг. Тайну любви он познать не сумел.

— Я люблю тебя, — повторял он и не мог понять, почему женщина пренебрегает им.

Итана, королева Джаркора, оттолкнула чародея и резко поднялась с кушетки — длинные точеные ноги скрылись в волнах шелковых юбок. Это была красивая женщина с черными, как крылья ночи, волосами и такой же душой. Юность ее осталась в прошлом, но она еще не утратила странной способности одновременно отталкивать мужчин и притягивать их к себе. Королева ловко украшала себя многоцветными шелками, и сейчас они, словно радужное облако, полетели вслед за хозяйкой к зарешеченному окну спальни.

Колдун, разочарованный нежеланием Итаны продолжать любовные игры, сердито уставился на нее узкими глазами:

— Что-то неладно?

Королева молча смотрела в окно. Косматые темно-серые тучи, разметанные жестоким ветром, неслись по ледяному черному небу, как хищные чудовища. Полная зловещих предзнаменований, как старая плакальщица, ночь стояла над Бакшааном.

Телеб К'аарн повторил вопрос и снова не услышал ответа. Рассердившись, он встал и тоже подошел к окну.

— Давай сбежим, Итана, пока не поздно. Если Эльрик узнает, что мы в Бакшаане, нам несдобровать.

Она лишь сжала губы и судорожно вздохнула.

Чародей зарычал, хватая ее за руку:

— Забудь своего бродягу Эльрика! Теперь у тебя есть я, а я для тебя могу сделать гораздо больше, чем размахивающий мечом дикарь из прогнившей империи!

Итана зло рассмеялась и повернулась к любовнику:

— Ты глупец, Телеб К'аарн, а как мужчина не годишься Эльрику и в подметки. Три года страданий прошло с тех пор, как он покинул меня, бросившись по твоему следу, но я все еще помню его варварские поцелуи и дикую любовь. Боги! Я хотела только его! Но так и не смогла найти хотя бы похожего на него, а их было так много... Некоторые даже превосходили Эльрика силой и неутомимостью, но я чахла, как трава осенью, пока не появился ты и своими чарами не попробовал изгнать или даже уничтожить мои сладкие воспоминания.— Она усмехнулась.— Ты слишком много времени провел

среди пергаментов, и, увы, у тебя совсем не осталось сил для любви.

Желваки заходили на скулах чародея, он нахмурился:

— Тогда почему ты не прогонишь меня? Я могу превратить тебя в покорную рабыню, и ты знаешь это!

— Но ты этого никогда не сделаешь, ты сам мой раб, могущественный волшебник. Когда ты понял, как я привязана к Эльрику, то напустил на него своего мерзкого демона. Помнишь, Эльрик победил, но из гордости не согласился на сделку. Ты тогда бежал, кстати, позабыв обо мне, и он последовал за тобой, бросив меня! Вот что ты натворил, Телеб К'аарн...— Она рассмеялась ему в лицо.— А теперь твоя неземная любовь не позволяет обратить против меня магическое искусство, и ты губишь только моих любовников. Я не прогнала тебя до сих пор, поскольку порой ты бывал полезен, но если бы вернулся Эльрик...

Телеб К'аарн отвернулся, от обиды и злости стиснув в кулаке длинную черную бороду.

— Да, я ненавижу Эльрика так же сильно, как и люблю! Но это все же лучше, чем просто терпеть тебя!

— Зачем же ты тогда осталась со мной в Бакшаане? Зачем отдала трон своему племяннику, объявив его регентом, и приехала сюда? Я послал тебе письмо, и ты явилась. Значит, хоть какая-то привязанность ко мне теплится в твоём сердце! — взвыл суровый колдун.

Итана снова расхохоталась:

— Я узнала, что бледнолицый чародей с рубиновыми глазами, вооруженный ненасытным рубиновым мечом, отправился в путешествие на северо-запад. Вот поэтому я и примчалась сюда, Телеб К'аарн.

Волшебник побагровел от гнева, протянул руку и впился в плечо женщины длинными ногтями.

— Неужто ты забыла, что этот самый бледнолицый чародей повинен в смерти твоего брата? — Слова слетали с тонких губ, как плевки. — Ты делила ложе с человеком, который истребил твой род, впрочем, то же самое он проделал и со своими близкими. Наткнувшись сопротивление войск Повелителей Драконов, он удрал с флота, который вел, чтобы разграбить собственную страну! Дхармит, твой брат, плыл на одном из этих кораблей, а теперь его обгорелые кости гниют на дне океана...

Итана устало покачала головой:

— Ты не первый раз говоришь об этом, желая устыдить меня. Неужели не надоело? Да, я ласкала того, кто погубил моего брата, но на совести Эльрика есть и более ужасные преступления, и все-таки я его люблю, несмотря на них, а может быть, и благодаря им. И твои слова будят совсем другие чувства, Телеб К'аарн. А теперь оставь меня, я хочу спать. Одна.

Чародей разжал пальцы.

— Как жаль, — сказал он упавшим голосом. — Позволь мне остаться.

— Уходи, — тихо ответила она.

И он, Телеб К'аарн, страдающий от собственной слабости могущественный чародей из Пан

Танга, вышел из спальни. Эльрик из Мелнибонэ был в Бакшаане. Тот самый Эльрик, что принес несколько клятв мести Телебу К'аарну и в Лормуре, и в Надсогоре, и в Таузлорде, а также в Джаркоре. Чернобородый чародей не сомневался, кто победит в последней схватке, если она, конечно, состоится.

* * *

Четверо торговцев ушли, завернувшись в темные накидки. Они сочли неразумным выставять напоказ знакомство с Эльриком. И теперь лорд с глазами цвета рубина сидел перед новым кубком желтого вина и размышлял. Он знал: чтобы добиться успеха, ему потребуется помощь, причем довольно своеобразная. Жилище Никорна было по-настоящему неприступно, особенно благодаря черной магии Телеба К'аарна, и потому альбиносу требовалось очень сильное волшебство. Эльрик понимал, что по силам равен Телебу К'аарну и даже превосходит его в магическом искусстве, но, если он всю энергию истратит на борьбу с этим колдуном, у него не останется сил, чтобы справиться с воинственными кочевниками, которые охраняли торговца. Нужны люди. В лесах к югу от Бакшаана Эльрик мог найти тех, чья помощь была бы ему полезной, но согласятся ли они иметь с ним дело? Он решил поговорить об этом с Мунглумом.

— Я слышал, банда моих соотечественников недавно отправилась на север из Вилмира, и там они разграбили несколько больших городов,— задумчиво проговорил альбинос.— После битвы у

Имррира, четыре года назад, люди из Мелнибонэ сбежали с Острова Драконов и стали наемниками и разбойниками. Имррир пал по моей вине, и они это знают. Но если я предложу им богатую добычу?.. Может, они и согласятся мне помочь?

Мунглум сухо улыбнулся.

— Я не стал бы полагаться на это, Эльрик,— сказал он.— То, что ты там натворил, вряд ли забылось, ты уж прости мою откровенность. Твои соотечественники стали бродягами поневоле, уроженцами стертого с лица земли города, старейшего и величайшего, какой только знал мир. Когда Прекрасный Имррир пал, тебя прокляли и стар и млад.

Эльрик коротко хохотнул в ответ.

— Возможно,— согласился он,— но это люди моего народа, и я знаю их. Мы слишком древняя и прекрасно знающая жизнь раса и потому редко позволяем чувствам влиять на наши поступки.

Мунглум поднял брови в притворном изумлении, и Эльрик поспешил ответить на безмолвный вопрос.

— Какое-то время я был исключением, правда, очень недолго,— сказал он.— Но теперь, когда Каймориль и мой двоюродный брат лежат под развалинами Имррира, я плачу собственными мучениями за все беды, которые принес. Думаю, мои соотечественники поймут это.

Мунглум вздохнул:

— Хотел бы, чтоб ты был прав, Эльрик. Кто возглавляет эту банду?

— Один старый друг,— ответил альбинос.— Он был Повелителем Драконов и возглавил нападение на суда грабителей, разоривших Имр-

рир. Его имя Дувим Твар, в прошлом — Повелитель Пещер Драконов.

— А как же его зверюги, где они теперь?

— Спят в своих пещерах. Их можно будить очень редко: требуются годы, чтобы они могли восстановить силы, очистить яд и накопить энергию. А иначе Повелители Драконов правили бы миром.

— Тогда тебе бы не поздоровилось,— заметил Мунглум.

— Кто знает? Если бы я вел их, все было бы иначе. По крайней мере, мы могли бы создать новую империю, как это сделали когда-то наши праотцы.

Мунглум промолчал. Он подумал, что Молодые Королевства не так легко завоевать. Народ Мелнибонэ был древним, жестоким и мудрым, но даже их жестокость ослаблялась особой болезнью, которая приходит с возрастом. Им не хватало неумной энергии варваров, которые были предками строителей Имррира и других давно забытых городов. Жизненная сила часто заменялась терпимостью — великолепным качеством, присущим мудрецам, тем, кто знал недавнюю славу, но чьи дни шли к концу.

— Утром,— проговорил Эльрик,— мы свяжемся с Дувимом Тваром, и я надеюсь, что воспоминание о потопленном флоте грабителей и когти совести, которая терзает меня, побудят Повелителя Драконов одобрить мой замысел.

— А теперь, думаю, пора спать,— поднимаясь с места, сказал Мунглум.— Мне нужен сон. И конечно, пылкая красotka, которая ждет меня и уже сердится.

Эльрик пожал плечами:

— Как хочешь. А я выпью еще вина.

* * *

Черные тучи, которые носились над Бакшааном ночью, утром заполонили все небо. Солнце взошло, но жители города не увидели его. Начавшийся дождь застиг Эльрика и Мунглума, которые на рассвете ехали по узким улицам, направляясь к южным воротам, чтобы попасть в лес, простиравшийся за ними. Альбинос сменил свою обычную одежду на простой камзол из зеленой кожи с гербом императорского рода Мелнибонэ: на золотом поле красный дракон стоял на задних лапах. Короткий плащ и штаны были голубого цвета, сапоги — высокие, черные. На безымянном пальце Эльрика поблескивало Королевское Кольцо — редкий Акторианский камень в оправе из серебра с рунами. Это кольцо, изготовленное несколько столетий назад, носили могущественные предки Эльрика. На простой, без украшений, перевязи висел Приносящий Бурю.

Альбиноса и меч связывали особые отношения. Эльрик без меча становился полуслепым калекой, не способным самостоятельно двигаться, а меч без него не мог пить кровь и поглощать души, которые поддерживали его существование. Они всегда были вместе, меч и человек, и сказать, кто из них хозяин, не смог бы даже величайший мудрец.

Мунглум, восточный человек, привыкший к теплу, страдал от ужасной погоды гораздо больше, чем Эльрик, и, завернувшись в плащ с высо-

ким воротником, время от времени проклинал стихию.

Через час быстрой езды они добрались до опушки леса. В Бакшаане ходили слухи о появлении разбойников из Имррира, отчасти потому, что раз или два в сомнительных тавернах у южной стены видели высокого чужака, похожего на уроженца Мелнибонэ. Впрочем, жители Бакшаана считали — и, надо заметить, совершенно обоснованно, — что, несмотря на привлекательность города для грабителей, его могучие крепостные стены способны выдержать нападение куда более яростных врагов, чем те, кто захватил слабые вилмирианские поселения. Эльрик не представлял себе, зачем его соотечественники направились к Бакшаану. Возможно, они хотели просто отдохнуть и закупить снедь на шумных бакшаанских базарах.

Дым нескольких больших костров подсказал Эльрику и Мунглуму, где расположились разбойники. Придерживая коней, приятели устремились в чащу. Мокрые ветки хлестали их по лицам, а запахи леса, усиленные животворным дождем, проникали в ноздри. Ощущение беззаботной загородной прогулки, охватившее путников, едва не сослужило им дурную службу: прямо перед мордой коня Эльрика из кустов возник дозорный и, угрожающе выставив длинное копьё, перегородил лесную тропу.

Имррирский воин был одет в меха и сталь. Из-за забрала шлема со сложным рисунком поблескивали глаза, пристально глядевшие на незваных гостей. Он рассматривал путников несколько томительных минут, но, вероятно, забрало и капли

дождя, стекавшие с него, помешали дозорному сразу узнать Эльрика.

— Стойте. Что вы делаете здесь? — наконец проговорил воин.

— Пропусти меня. Я Эльрик, ваш император, — гордо ответил альбинос.

Дозорный ахнул и опустил копье с длинным зазубренным наконечником. Потом он поднял забрало и посмотрел на красноглазого всадника. Гнев, удивление, ненависть и почтение легко читались на лице воина. Но это длилось очень недолго. Видимо, соотечественники Эльрика и в самом деле не отличались чувствительностью.

Дозорный слегка поклонился:

— Здесь нет места для тебя, государь. Ты изменил своему народу и отрекся от него пять лет назад, и, хотя я уважаю кровь императоров, которая течет в твоих жилах, я не могу повиноваться тебе или оказать гостеприимство, которое в другом случае ты имел бы право.

— Конечно, — ответил Эльрик, и Мунглум невольно залобовался царственной осанкой приятеля. — Но позволь твоему вожаку, другу моих детских лет Дувиму Твару, самому решать, как обращаться со мной. Отведи меня немедленно к нему и помни: мой спутник не причинил вам никакого вреда, поэтому обращай к нему с почтением как к другу императора Мелнибонэ.

Дозорный снова поклонился и взял поводья коня Эльрика. Вскоре они вышли на большую поляну, где раскинулся лагерь людей из Имррира. Костры, на которых готовилась пища, горели в середине большого круга, образованного

палатками, и воины с тонкими чертами лица тихо разговаривали, сидя вокруг них. Даже в этот хмурый день ткани палаток казались яркими и веселыми. Такие мягкие тона были присущи только Мелнибонэ: темные и дымчатые оттенки зеленого, лазури, охры, золота, темно-синего, они не просто сочетались друг с другом, а смешивались. Эльрик почувствовал острый приступ ностальгии: ему вспомнились многоцветные башни Прекрасного Имррира.

Когда путники и их провожатый приблизились, все разговоры стихли, и люди начали тихо перешептываться.

— Пожалуйста, оставайтесь здесь,— сказал дозорный Эльрику.— Я сообщу господину Дувиму Твару о вашем прибытии.

Лорд-альбинос кивнул в знак согласия, продолжая величественно восседать на спине нервно переступавшего с ноги на ногу коня и зная, что воины не сводят глаз со своего последнего императора. Никто из них не приблизился к Эльрику, а те, кого наследник имррирских правителей знал лично, явно растерялись. Кто-то из них, мгновенно заинтересовавшись хозяйственными делами, начал шумную возню у костров, некоторые, вдруг озаботившись качеством полировки своих длинных мечей и кинжалов, принялись их начищать, сердито ворча. Впрочем, таких было немного. Большинство же людей испытало настоящее потрясение. И еще любопытство: как мог этот человек, предавший свой народ император, прийти в лагерь тех, кто обречен теперь скитаться по его вине?

На верхушке самой большой палатки — золотой с красными переливами — было укреплено знамя с изображением спящего дракона, голубого на белом. В этой палатке жил Дувим Твар. Торопливо пристегивая пояс с мечом, он откинул полог и вышел на поляну — удивление и тревога светились в его умных глазах.

Дувим Твар, мать которого была принцессой, двукордной сестрой матери Эльрика, выглядел чуть старше наследника имррирских императоров, и на нем также лежала печать вырождения — того, что именовалось мелнибонэйским благородством. Его скулы были высокими, глаза слегка косили, узкий череп еще больше сужался к подбородку, а тонкие, почти без мочек уши, как и у Эльрика, слегка заострялись кверху. Кожа казалась чрезвычайно бледной, даже на чуть тронутых загаром изящных кистях рук с невероятно длинными пальцами, хотя она и не была такой бесцветной, как безжизненная кожа альбиноса.

Сжимая левой рукой рукоять меча, Дувим Твар направился к сидевшему на коне императору Мелнибонэ, и лицо его в тот миг было совершенно бесстрастным. Приблизившись, он медленно поклонился, почти коснувшись подбородком груди, затем поднял голову и впился взглядом в рубиновые глаза альбиноса.

— Дувим Твар, Повелитель Пещер Драконов, приветствует Эльрика, Императора Мелнибонэ, Истолкователя тайных искусств, — торжественно произнес он старинное ритуальное приветствие.

Эльрик, не столь уверенно, как это казалось, ответил:

— Эльрик, Император Мелнибонэ, приветствует своего верного слугу и соглашается на аудиенцию Дувиму Твару.

По древним мелнибонэйским правилам император не мог просить аудиенции у своих подданных, и Повелитель Драконов понимал это. Он сказал:

— Почту за честь, если мой господин позволит сопровождать его в мою палатку.

Эльрик спешился и пошел в палатку Дувима Твара. Мунглум также спрыгнул с коня и хотел последовать за ним, но альбинос жестом велел ему остаться. В палатку вошли двое благородных имррирцев.

Внутри маленькая масляная лампа боролась с тусклым светом дня, проникавшим сквозь плотную ткань. В полумраке виднелись солдатская койка, стол и несколько резных стульев. Дувим Твар поклонился и молча показал на один из них. Эльрик сел.

Несколько мгновений оба молчали, пытаясь справиться со своими чувствами, чтобы не дать им выплеснуться наружу. Они просто сидели и смотрели друг на друга. Наконец Эльрик заговорил:

— Ты считаешь меня изменником, вором и братоубийцей, виновным в гибели могущественного государства, не так ли?

Дувим Твар кивнул:

— С позволения моего господина я соглашусь с ним.

— При личных встречах мы никогда прежде не обращались друг к другу так официально,— заметил Эльрик.— Давай забудем ритуалы и традиции. Мелнибонэ разрушен, и его сыны стали скитальцами. Мы привыкли беседовать как рав-

ные, но только теперь мы по-настоящему равны. Рубиновый Трон погребен в золе Имррира, и нет теперь императора, который бы мог занять его.

Дувим Твар вздохнул:

— Это правда, Эльрик, но зачем ты пришел сюда? Мы были счастливы забыть о твоём существовании. Даже когда гневные мысли о мести тревожили наши умы, мы не пытались отыскать тебя. Ты пришел, чтобы позлорадствовать?

— Нет, Дувим Твар, и ты знаешь это не хуже меня. Я теперь редко сплю, а когда усталость одолевает меня, я погружаюсь в такие сны, что лучше бы мне было бодрствовать. Я вряд ли открою тебе тайну, если скажу, что Йиркун заставил меня поступить так, а не иначе. Тогда он во второй раз узурпировал трон, который я оставил ему как регенту, и снова погрузил свою сестру, которую я любил, в волшебный сон. Помогая флоту грабителей, я надеялся разрушить его козни и избавить Каймориль от чар. Месть вела меня по кровавому пути, но не я убил любимую женщину, а мой меч, Приносящий Бурю.

— Да, я знаю.— Дувим Твар снова вздохнул и провел рукой по лицу. Сверкнули драгоценные кольца.— Но это не объясняет, зачем ты прибыл сюда. Ты не должен возвращаться к своему народу. Мы все опасаемся тебя, Эльрик. Вернувшись и заняв подобающее тебе положение, ты снова пойдешь по своему роковому пути и потянешь нас за собой. Я не хочу такого будущего для себя и моих людей.

— Согласен. Но мне нужна ваша помощь. Только одно небольшое дело, а затем наши пути снова разойдутся.

— Нам следовало бы убить тебя, Эльрик. Но не станет ли это еще большим преступлением? Легко уничтожить изменника. А убить императора? Ты поставил меня перед сложнейшим выбором, когда у меня и так слишком много забот.

— Я всего лишь страница в истории Мелнибонэ,— серьезно ответил Эльрик.— Время все равно бы сделало то, что выполнил я. Я только приблизил этот день, перенес его из будущего в то время, когда наш народ был еще достаточно сильным, чтобы бороться и избрать новый путь.

Дувим Твар иронично улыбнулся:

— Это всего лишь точка зрения, Эльрик, и она по-своему справедлива, я допускаю это. Но расскажи о ней людям, которые из-за тебя потеряли родных и дома, воинам, которым приходится ухаживать за изувеченными товарищами, братьям, отцам и мужьям тех жен, дочерей и сестер, гордых мелнибонэйских женщин, которые удовлетворяли похоть варваров-грабителей.

— Да.— Эльрик опустил глаза. Но когда он вновь заговорил, его голос звучал ровно и спокойно.— Я ничего не могу исправить. Я часто тоскую по Имрриру, его женщинам, винам и развлечениям. Но я могу предложить вам самый богатый дворец в Бакшаане, если вы забудете старые обиды и снова последуете за мной.

— Ты хочешь овладеть богатствами Бакшаана, Эльрик? Ты ведь никогда не стремился к драгоценностям и золоту! Зачем тебе это?

Эльрик провел руками по белым волосам, и в его рубиновых глазах мелькнуло беспокойство.

— Ради мести, Дувим Твар. У меня есть долг. Волшебник из Пан Танга — Телеб К'аарн. Ты, возможно, слышал о нем. Он довольно могуществен для такой сравнительно молодой расы.

— Тогда мы присоединимся к тебе, Эльрик, — угрюмо заявил Дувим Твар. — Ты не единственный из мелнибонэйцев, кто хочет расквитаться с Телебом К'аарном! Из-за этой суки, королевы Итаны из Джаркора, одного из наших людей замучили до смерти самым позорным и ужасным способом. Его уничтожил Телеб К'аарн, потому что парень принял обаяния Итаны, которая искала тебе замену. Мы можем объединиться, чтобы отомстить за пролитую кровь, император Эльрик, и это убедит тех, кто предпочел бы видеть твою кровь на своих кинжалах.

Они договорились, но Эльрик не испытывал радости. У него вдруг появилось тревожное предчувствие, но он все равно улыбался.

* * *

В дымящейся яме, где-то за границами пространства и времени, начало двигаться существо. Вокруг него шевелились бесчисленные спутники ночи. Это были тени людских душ, и они, эти тени, качавшиеся в темноте, были хозяевами существа. Оно позволяло им повелевать собой — до тех пор, пока они платили ему. На языке людей существо называлось Кваолнаргом, и оно откликалось на это имя, когда его правильно произносили.

Сейчас существо беспокоилось. Оно слышало свое имя, доносившееся через барьеры, которые обычно преграждали ему путь в мир людей. Прозвнесенное вслух, имя открывало проход в этих

неосязаемых стенах. Кваолнаргн снова завозился, потому что его имя прозвучало во второй раз. Он не знал, зачем и кто его вызывал. Он только воспринял зов. Когда путь открывался, существо могло насытиться. Оно не питалось ни плотью, ни кровью. Оно поглощало сознание взрослых мужчин и женщин. Время от времени, чтобы разжечь аппетит, оно лакомилось сладкими кусочками невинной жизненной силы, высасывая ее из детей. Животные не интересовали его, поскольку их зачаточная сознательность имела неприятный вкус. Существо это, правда, на свой лад, было тонким ценителем человеческих душ и гурманом.

Теперь его имя называли в третий раз. Оно снова зашевелилось и поплыло вперед, подрагивая от предвкушения великолепного пиршества...

* * *

По спине Телеба К'арна пробежал озноб, когда он подумал о том, что содеял. Вообще-то он считал себя человеком мирным. Всепоглощающая любовь к Итане довела его до сумасшествия, но разве это его вина?! Из-за этой женщины он стал повелителем нескольких могущественных злых демонов, он кормил этих тварей рабами и пленниками, а они защищали дворец торговца Никорна. Чародей не испытывал раскаяния и не считал, что поступает неправильно. Проклятые обстоятельства загнали его туда, откуда нет возврата. Он хотел бы никогда не встречаться с Итаной, а встретившись, не возвращаться к ней после того ужасного случая за стенами Танелорна.

Чародей снова ощутил неприятный холодок. Он стоял внутри пятиугольника и вызывал Кваолнаргна. Слабый дар предвидения позволил ему рассмотреть лишь небрежный набросок ближайшего будущего, но он понял, что Эльрик готовится к битве. И Телеб К'аарн решил использовать все подвластные ему силы. Кваолнаргн уничтожит альбиноса до того, как тот доберется до замка. Телеб К'аарн похвалил себя за предусмотрительность: он сохранил локон белых волос, который позволил ему в прошлом послать другого, теперь уже бессильного, демона против Эльрика.

Кваолнаргн знал, что приближается к своему хозяину. Демон медленно двигался вперед, пока наконец не почувствовал жалящую боль, которая подсказала, что он на месте. Демон жадно принохивался к потокам сознания господина. Душа этого человека находилась совсем близко, но, к великому разочарованию, всегда оставалась недостижимой. Что-то рядом упало. Кваолнаргн уловил запах и понял, что это кусочек нового лакомства, и он поплыл дальше, намереваясь найти свою жертву до того, как боль — верная спутница демона в чужом мире — станет нестерпимой.

* * *

Эльрик ехал во главе небольшого отряда своих соотечественников. Справа от него покачивался в седле Дувим Твар, Повелитель Драконов, слева — Мунглум из Элвера. Позади следовали две сотни всадников и телеги с добычей, боевыми машинами и рабами.

Над караваном развевались гордые знамена Имррира и сверкали длинные наконечники копий. Солнце отражалось от стальных кобыческих ножных лат, племов и наплечников, полированные нагрудники поблескивали под длинными распахнутыми меховыми куртками. Поверх курток воины надели яркие плащи из имррирских тканей, которые искрились от капель воды, пронизываемых солнечными лучами. Вслед за предводителем отряда ехали лучники. В руках они держали костяные луки, пока с ненатянутой тетивой — оружие чудовищной силы, которое подчинялось только умелым рукам уроженцев Мелнибонэ. За спинами у них висели колчаны, полные стрел с черным оперением. Дальше, наклонив блестящие копья, чтобы не задевать низких ветвей деревьев, двигались копейщики. За ними на нервных породистых лошадях гарцевали имррирские кавалеристы, вооруженные длинными мечами и своеобразными кинжалами — слишком короткими, чтобы считаться мечами, но длинноватыми для ножей.

Отряд въехал в предместье Бакшаана, направляясь ко дворцу Никорна в северной части города. Воины двигались в полном молчании. Им не о чем было говорить: впервые за пять лет сам император вел их на битву.

Мунглум, встревоженный тем, что в грядущей схватке ему придется встретиться и с колдовством, беспокойно ерзал в седле. Он с отвращением думал о магии и мерзких тварях, которые подчиняются темным заклинаниям сумасшедших чародеев. Мунглум считал, что люди должны разбираться между собой без чужой помощи, но, к сожалению,

нию, даже его странный приятель думал совсем иначе. Приносящий Бурю, черный демонический клинок, дрожал под рукой Эльрика, предвкушая кровавый пир. Вдруг меч словно встревожился и начал толкать альбиноса в бок. Клинок тихо застонал, и в стоне его послышалось предупреждение. Эльрик поднял руку, и кавалькада остановилась.

— К нам что-то приближается! Справиться с ним могу только я,— объявил он людям.— Я поеду вперед.

Пришпорив лошадь, он погнал ее осторожным легким галопом, внимательно глядя вперед. Голос Приносящего Бурю стал громче и резче и теперь походил на сдавленный крик. Испуганная лошадь дрожала. Эльрик не ожидал, что неприятности начнутся так скоро, и молился, надеясь, что, какое бы зло ни пряталось в лесу, оно не было направлено против него.

— Ариох, будь со мной,— выдохнул он.— Помоги мне теперь, и я посвящу тебе целый отряд воинов. Помоги мне, Ариох.

Дурной запах ударил в ноздри Эльрика. Он кашлянул и закрыл рот рукой, ища глазами источник вони. Лошадь заржала. Альбинос соскочил с седла и шлепнул коня по крупу, отправляя его обратно по тропинке, а сам осторожно двинулся вперед, сжимая в руке меч. Черный металл Приносящего Бурю дрожал от острия до рукояти.

Эльрик почувствовал Нечто колдовским взглядом своих праотцов еще до того, как увидел глазами, и сразу узнал кошмарное создание. Он и сам был одним из его хозяев. Но на сей раз он не мог управ-

лять Кваолнаргом, поскольку не стоял в пятиугольнике, и в его распоряжении теперь оставались только меч и разум. Эльрик, зная о мощи Кваолнаргна, вздрогнул. Сможет ли он победить этот ужас?

— Ариох! Ариох! Помоги мне! — Высокий и отчаянный крик прорезал тишину и замер. — Ариох!

Времени на заклинание уже не оставалось. Кваолнаргн стоял перед ним — огромное, зеленое, похожее на жабу существо, которое тяжело прыгало по тропинке и стонало от боли. Чудовище возвышалось над Эльриком, как гора, и альбинос оказался в тени демона, когда до него оставалось еще десять футов. Эльрик глубоко вздохнул и снова закричал:

— Ариох! Кровь и души, если ты поможешь мне!

Вдруг демон-жаба прыгнул. Эльрик попытался увернуться, но лапа с длинными когтями схватила его и швырнула в кусты. Кваолнаргн неуклюже повернулся, широко разинув атчную пасть — беззубую яму, из которой исходила вонь.

— Ариох!

В своей злобе и бесчувственности демон-жаба даже не расслышал имени всесильного демона-бога. Напугать эту тварь не удалось. Ее можно было только убить.

Когда демон приблизился к мелнибонэйцу во второй раз, неожиданно полил дождь, и струи воды хлестнули по лесу. С точки зрения человека, Кваолнаргн не имел органов чувств: он не мог видеть Эльрика или лес, не мог ощущать дождь. Он видел и обонял лишь человеческие души — свою пищу. Наполовину ослепленный дождем, который бил в лицо, альбинос попятился к дере-

ву. Демон-жаба неловко двинулся за ним, Эльрик высоко подпрыгнул, держа меч обеими руками, и погрузил его по самую рукоять в мягкую дрожащую спину. Плоть, образовавшая тело гадкой твари в мире людей, омерзительно хлопнула. Эльрик потянул за рукоять меча, и Приносящий Бурю легко разрезал податливое вещество. Кваолнаргни заверещал от боли. Голос его оказался тонким, вибрирующим. Корчась от ужасных мук, демон нанес ответный удар.

Воин почувствовал, как его разум словно онемел, а голова тут же наполнилась болью, совершенно неестественной. Он не мог даже кричать. Его глаза расширились от ужаса, когда он понял, что происходит: из него вытягивали душу. При этом Эльрик не чувствовал физической слабости, он только смотрел...

Но кошмарное видение стало тускнеть, свет померк, и даже боль постепенно начала угасать.

— Ариох! — едва слышно пролепетал Эльрик.

Он неистово призывал силу из пустоты. Он забыл о Приносящем Бурю, забыл о себе, он обращался в никуда. И что-то наконец отозвалось. Оно дало ему силу — ровно столько, сколько понадобилось для последнего удара.

Эльрик выдернул меч из спины демона и увидел, что стоит над Кваолнаргни. Вернее, не стоит, а скорее плавает — не в земном воздухе, а в какой-то неведомой субстанции. Или парит... Присмотревшись, альбинос нашел единственное уязвимое место на черепе демона, которое Приносящий Бурю мог разрубить. Медленно и осторожно,

словно во сне, Эльрик опустил меч и повернул его, пронзая череп Кваолнаргна.

Мерзкая жаба взвыла, опрокинулась на бок — и исчезла.

Вытянувшись, Эльрик лежал в кустах. С трудом преодолев бившую его дрожь, он медленно поднялся — вся энергия ушла на схватку с демоном. Приносящий Бурю, по-видимому, тоже потерял силу, но Эльрик знал, что меч восстановится быстрее и вдохнет жизнь в своего хозяина.

Вдруг что-то начало меняться. Альбинос почувствовал, как напряглось все его тело. Враг еще жив? Или откуда-то пришла помощь? Чувства Эльрика начали гаснуть. Ему казалось, что он смотрит в черный туннель, уходящий в бесконечность. Все исчезло, и осталось только ощущение движения. Альбиноса несло куда-то против его воли. Утешало лишь, что Приносящий Бурю, его жизнь, по-прежнему зажат в правой руке.

Затем Эльрик почувствовал под собой твердый камень, открыл глаза — или же, подумал он, возвращается зрение? — и посмотрел наверх, на искаженное гримасой злобной радости чернобородое лицо.

— Телеб К'аарн... — хрипло прошептал он. — Как ты сделал это?

Волшебник наклонился, выхватил Приносящего Бурю из слабой руки Эльрика и усмехнулся:

— Я следил за твоей похвальной битвой с моим посланцем, лорд Эльрик, а когда понял, что ты призвал помощь, быстро произнес заклятье и перенес тебя сюда. Теперь у меня и твой меч, и твоя сила. Я знаю, что без него ты — ничто. Ты в моей власти, Эльрик из Мелнибонэ.

Альбинос коротко вдохнул. Мучительная боль охватила все его тело. Он хотел было улыбнуться, но не стал одаривать улыбкой своего палача.

— Верни мой меч.

Телеб К'аарн самодовольно рассмеялся:

— Ты еще думаешь о мести, Эльрик?

— Верни мой меч! — Альбинос попробовал подняться, но у него ничего не выходило. Перед глазами расстился туман, и он едва видел ликующего врага.

— Неужели ты предлагаешь мне сделку? — спросил Телеб К'аарн. — Ты ведь очень нездоровый человек, лорд Эльрик, а больные не могут диктовать условия. Они просят.

Эльрик задрожал от бессильной ярости и сжал губы: ни просить, ни торговаться он не собирался. Не отрываясь, он смотрел на волшебника пылающим взглядом.

— Я об этом подумал в первую очередь, — сказал Телеб К'аарн, ехидно улыбаясь. — Я запрю его. — Чародей взвесил меч на руке, повернулся к шкафу, который стоял за его спиной, достал ключ, открыл потайной замок и, поместив внутрь меч, тщательно запер дверцу. — А теперь, я думаю, стоит показать нашего мужественного героя его бывшей любовнице — сестре человека, которого он погубил.

Эльрик поморщился.

— А потом, — продолжал Телеб К'аарн, — я отдам своему хозяину, Никорну, глупого убийцу, который намеревался совершить невозможное. — Он снова улыбнулся. — Что за день! — Он радостно хмыкнул. — Что за день! Сколько событий! Сколько удовольствия!

Телеб К'аарн мерзко захихикал, взял колокольчик и позвонил. Дверь мгновенно открылась, и двое рослых воинов из пустыни вошли внутрь. Они посмотрели на Эльрика, затем — с искренним удивлением — на Телеба К'аарна.

— Никаких вопросов! — вспыхнул чародей. — Возьмите этого подонка и отнесите в комнаты королевы Итаны.

Воины легко подхватили альбиноса и понесли. Эльрик, хоть его и раздражала собственная беспомощность, сопротивляться не мог, а потому принялся рассматривать охранников Никорна. Это были темнокожие и бородатые люди весьма свирепого вида, их маленькие злобные глазки сидели глубоко под выступающими надбровными дугами. На головах они носили отделанные мехом металлические шапки — своеобразный племенной знак, а их оружие было сделано не из железа, а из крепкого дерева, обтянутого кожей. Хихикающий суетливый волшебник не отставал от них ни на шаг. Они протащили Эльрика по длинному коридору и, остановившись перед дверью, грубо постучали в нее.

Женщина предложила войти, и Эльрик узнал голос Итаны.

— Подарок тебе, Итана, — объявил Телеб К'аарн.

Воины вошли. Альбинос не мог видеть женщину, но слышал, как она ахнула.

— На кушетку, — указал волшебник.

Эльрика уложили на мягкую ткань. Совершенно измученный, он лежал на спине и бездумно смотрел на весьма фривольную яркую фреску, украшавшую потолок.

Итана наклонилась над ним. Эльрик почувствовал опьяняющий запах ее духов и хрипло проговорил:

— Вот мы и встретились, королева.

На мгновение в глазах Итаны мелькнуло беспокойство, но они тут же стали суровыми, и королева Джаркора цинично расхохоталась:

— О, наконец мой герой вернулся ко мне. Но я бы предпочла, чтобы он пришел сюда сам, а не был бы притащен за шиворот, как нашкодивший щенок. Волчьи клыки вырваны, и теперь ему нечем грызть меня по ночам.— Грима-са отвращения исказила раскрашенное лицо, и Итана отвернулась.— Унесите. Телеб К'аарн, ты добился своего.

Волшебник кивнул.

— А теперь,— сказал он,— нанесем визит Никорну. Думаю, он нас уже ждет...

* * *

Никорну из Илмира уже давно перевалило за пятьдесят, но выглядел он гораздо моложе. Его типично крестьянское лицо с резкими, но не грубыми чертами, вряд ли сильно изменилось со времен далекой юности. Возраст выдавали глаза. Их жесткий пронизательный взгляд буквально пронзил Эльрика, тяжело опиравшегося на кресло.

— Итак, ты Эльрик из Мелнибонэ, волк с берегов Кипящего моря, грабитель и убийца. Впрочем, теперь ты вряд ли в состоянии убить даже муху. Однако я должен сказать, что мне неприятно видеть в таком положении любого человека, особенно такого деятельного, как ты. Скажи, ча-

родей говорит правду? Тебя в самом деле наняли мои враги, чтобы убить меня?

Эльрик подумал о том, что будут делать его люди. Подождут или двинутся вперед? Если они попытаются взять приступом дворец, они обречены так же, как и он сам.

— Это правда? — настаивал Никорн.

— Нет, — шепотом ответил альбинос. — У меня был спор с Телебом К'аарном, и я хотел свести с ним старые счеты.

— Меня не интересуют ваши отношения, другой, — жестко проговорил Никорн. — Меня волнует только собственная безопасность. Кто послал тебя сюда?

— Телеб К'аарн лжет. Никто меня не нанимал. Я надеялся только вернуть старый долг.

— Не только волшебник рассказал мне об этом, — возразил Никорн. — У меня много шпионов в городе, и двое из них независимо друг от друга сообщили о заговоре местных торговцев. Они наняли тебя, чтобы покончить со мной. — Голос Никорна прозвучал неожиданно мягко.

Эльрик слабо улыбнулся.

— Очень хорошо, — согласился он, — так это и было, но я вовсе не собирался выполнять их заказ.

Никорн пожал плечами и улыбнулся в ответ.

— Я готов поверить тебе, Эльрик из Мелнибонэ, но теперь не знаю, что же мне делать с тобой. Я не в праве оставить тебя на милость Телеба К'аарна. Можешь ли ты дать мне слово, что откажешься от новой попытки покушения на мою жизнь?

— Значит, мы торгуемся, мастер Никорн?

— Да, пожалуй.

— Что же получу я за свое слово, милостивый государь?

— Жизнь и свободу, лорд Эльрик.

— И меч?

Никорн, словно извиняясь, пожал плечами.

— Сожалею, но меч — нет!

— Тогда возьми мою жизнь, — судорожно вздохнул Эльрик.

— Соглашайся, лорд Эльрик, на мое предложение. Жизнь и свободу в обмен на обещание оставить меня в покое. А?

Эльрик сделал глубокий вдох:

— Хорошо.

Никорн подошел к скрытой драпировками двери. Телеб К'аарн, видимо прятаясь там в тени, шагнул вперед и положил руку на плечо торговца:

— Ты и правда собираешься отпустить его?

— Да, — ответил Никорн. — Теперь он не опасен ни для кого из нас.

Эльрику показалось, что Никорн почему-то расположен к нему, и альбинос сам почувствовал симпатию к этому смелому и умному человеку.

Но как же он станет жить без Приносящего Бурю?

* * *

Две сотни имррирских воинов все еще прятались в кустарнике, когда наступили сумерки. Они ждали и удивлялись. Что же случилось с Эльриком? На самом ли деле он теперь в замке, как думал Дувим Твар? Повелитель Драконов владел

некоторыми несложными магическими приемами, как и каждый член императорской семьи Мелнибонэ, и, используя их, смог определить, что Эльрик находится за крепостной стеной.

Но как штурмовать замок без красноглазого чародея? Кто, кроме него, осмелится бросить вызов Телебу К'аарну?

Имррирские воины не раз и не два скрытно осмотрели дворец Никорна и пришли к самым неутешительным выводам. Это здание — или, скорее, целая система зданий — представляло собой мощную крепость, окруженную глубоким рвом с темной стоячей водой. Возведенное на вершине скалы, а может, и вырезанное из нее, оно возвышалось над окружающим лесом. Неведомые создатели замка руководствовались больше соображениями пользы, чем красоты, и поэтому он, безобразно расползшийся среди горных отрогов, напоминал разлагающийся труп древнего чудовища. Впечатление усиливали грязно-черный камень стен и потеки воды, сочившейся из скал. В целом это место внушало ужас и казалось неприступным. Без помощи магии нечего было и пытаться штурмовать такую крепость силами двух сотен воинов.

Нетерпение уже охватило мелнибонэйцев, начались разговоры, что Эльрик снова предал их. Однако Дувим Твар и Мунглум считали иначе. Они кое-что видели, кое-что слышали и поэтому были убеждены, что исчезновение альбиноса связано с недавно случившейся в лесу схваткой.

Люди ждали или сигнала из замка, или... Предчувствие беды витало в воздухе. Многие не отры-

ваясь смотрели на огромные главные ворота — и дождались. Деревянные, обитые железом створки повернулись на цепях внутрь, и взглядам воинов предстал белолицый человек, на одежде которого виднелись следы герба Мелнибонэ. Он появился в сопровождении двух могучих стражников, которые, казалось, поддерживали его. Потом воины толкнули альбиноса вперед, он, спотыкаясь, прошел несколько ярдов по скользкому каменному мостику, перекинутому через ров, а затем упал и пополз к лесу, явно передвигаясь с большим трудом.

— Что они сделали с ним? Я должен помочь! — прорычал Мунглум, но Дувим Твар удержал его.

— Нет. Нельзя, чтобы они узнали о нас. Пусть поползет до первых кустов, и тогда мы поможем ему.

Даже те, кто проклинал Эльрика, теперь чувствовали жалость к альбиносу, видя, как он то ползком, то едва передвигая ноги, идет к ним. Со стен крепости донесся мерзкий смех, можно было расслышать и несколько слов.

— Как ты себя чувствуешь, волк? — спросил чей-то неприятный голос. — Не правда ли, отличная прогулка?

Мунглум, дрожа от ярости, стиснул кулаки. Он готов был немедленно перегрызть глотку тому, кто насмеялся над его ослабевшим другом.

— Что случилось с ним? Что они сделали?

— Терпение, — сказал Дувим Твар. — Вскоре мы все узнаем.

Было так трудно ждать, пока Эльрик наконец доберется на коленях до кустов!

Мунглум выскочил вперед. Он обхватил Эльрика за плечи, пытаясь поднять, но альбинос заворчал и стряхнул руки. Его лицо горело страшной ненавистью, смертельной ненавистью бессилия. Император Мелнибонэ не мог уничтожить то, что ненавидел. Он ничего не мог сделать.

Дувим Твар быстро заговорил:

— Эльрик, расскажи нам, что произошло. Чтобы помочь тебе, мы должны это знать.

Альбинос молча кивнул в знак согласия. Чуть-чуть передохнув и успокоившись, он слабым голосом рассказал обо всем.

— Итак,— с горечью подвел итог Мунглум,— наши планы сорвались, а ты к тому же утратил свои силы и, видимо, навсегда.

Эльрик покачал головой.

— Еще не все потеряно,— выдохнул он.

— Если у тебя есть план, Эльрик, я готов его немедленно выслушать.

Эльрик сглотнул и заговорил:

— Очень хорошо, Мунглум, слушай. Но слушай внимательно, потому что у меня нет сил повторять.

* * *

Мунглум вообще-то любил темное время суток, ему нравилось прогуливаться по ярко освещенным факелами улицам спящего города, заходить в таверны, любезничать с уличными красотками, но ночь на открытой местности всегда вызывала у храброго воина чувство тревоги. Вот и теперь, когда густые сумерки окутали замок Никорна, Мунглум забеспокоился, но заставил

себя собраться и, полагаясь на удачу, двинулся в путь.

Если Эльрик прав в своих предположениях, то битву все же можно было выиграть и захватить дворец Никорна. Это, конечно, радовало Мунглума, но нынешнее ночное приключение не становилось менее опасным, а приятель альбиноса не относился к тем, кто по своей воле лезет в пасть к демону.

С отвращением посмотрев на стоячую воду рва, Мунглум подумал, что уже этого достаточно, чтобы проверить, насколько сильна дружба. Усмехнувшись собственным мыслям, он погрузился в воду и поплыл через ров.

Мох, покрывавший скалу, оказался чрезвычайно скользким, но, цепляясь за него, Мунглум добрался до крепкой ветви плюща и начал медленно карабкаться наверх. Он надеялся, что Эльрик, более искушенный в магическом искусстве, не ошибся: Телеб К'аарн, утомленный колдовством, нуждается в хорошем отдыхе. Правда, как долго чародей будет набираться сил, не знал никто, и поэтому альбинос советовал поспешить. Мунглум достиг небольшого незарешеченного окна, которое и искал. Человек средних размеров не смог бы через него протиснуться, но Мунглум был щуплым и телосложением почти не отличался от подростка.

Он влез в окно, дрожа от холода, и спрыгнул на твердый камень узкой лестницы. Итак, он оказался на внутренней стене крепости. Осмотревшись, насколько это можно сделать в крошечной тьме, Мунглум решил двигаться вверх. Эльрик приблизительно описал ему, где находится нужная комната.

Постоянно готовясь к худшему, он шел мягкими шагами по каменным ступеням, направляясь к покоям Итаны, королевы Джаркора.

* * *

Мунглум, мокрый как мышь, замерзший и усталый, вернулся примерно через час. В руках он сжимал Приносящего Бурю. Он нес рунный меч бережно и осторожно, ощущая злобную разумность оружия и сильно нервничая от этого. Меч жил — своей непонятной колдовской жизнью.

— Я оказался прав, — слабо проговорил Эльрик. Он лежал на походной постели, окруженный несколькими соотечественниками, включая Дувима Твара, который с беспокойством посмотрел на альбиноса. — Я молился, чтобы не вышло опибки. Телеба К'аарна действительно утомило колдовство, и он отправился отдыхать...

Он попытался сесть, и Дувим Твар помог своему императору. Эльрик протянул тонкую белую руку, словно наркоман к возжеленному снадобью, к своему мечу.

— Ты передал ей мое послание? — рассеянно спросил он, ласково поглаживая рукоять Приносящего Бурю.

— Да, — кивнул Мунглум, — и она согласилась. Знаешь, Эльрик, твои предположения оказались чрезвычайно точны. Она легко вытащила ключ у спящего Телеба К'аарна. Волшебник чрезвычайно устал, а Никорн беспокоился о том, что случится, если нападение произойдет, пока Телеб К'аарн не способен действовать. Она сама пошла к шкафу и принесла мне меч.

— Женщины иногда могут быть полезны,— сухо проговорил Дувим Твар.— Хотя обычно они только мешают.

Повелителя Драконов что-то беспокоило, и вряд ли он сейчас думал о захвате замка. Но вопросов ему никто не задавал. Скорее это было что-то личное.

— Я согласен, лорд Дувим,— ответил Эльрик почти весело: меч уже начал питать изнуренное тело альбиноса.— Пришло время мести. Но помни: Никорн не должен пострадать. Я дал ему слово.— Он обхватил правой рукой рукоять Приносящего Бурю.— А теперь в бой. Я уверен, что смогу привлечь тех, кто поможет нам обезвредить колдуна, пока мы будем штурмовать замок. Я позову их, и мне не потребуется пятиугольник!

Мунглум провел языком по полным губам:

— Значит, снова заклинания. В самом деле, Эльрик, эта страна начинает смердеть колдовством.

Эльрик улыбнулся и, поманив друга, шепнул ему на ухо:

— Никаких злых сил. Только вольные стихии, одинаково могущественные на многих путях. Укроти свой животный страх, Мунглум. Всего несколько простых заклинаний — и у Телсба К'арна пропадет желание сопротивляться.

Альбинос замер и нахмурился, вспоминая тайные договоры своих предков. Он сделал глубокий вдох, закрыл наполненные болью глаза цвета темного рубина и начал раскачиваться, едва удерживая в руке рунный меч. Слова, которые он произносил нараспев, звучали тихо, как приглушенный расстоянием вой ветра. Грудь Эльрика стала быстро подниматься и

опускаться, и некоторые юнцы, еще не посвященные в древние знания Мелнибонэ, поежились.

Красноглазый чародей позабыл о людях. Его слова были обращены к невидимому, неосязаемому — сверхъестественному. Древний напев начал раскладывать слова-руны...

Услышите печальный призыв обреченного,
Ветра Гиганты изменчиволикие!
Граол и Миро, с ревом и стонами,
С горестным воем и смехом пронзительным,
Прочь унесите врага моего,
Словно листок, словно птицу подбитую.

Красные камни бессмертного Солнца,
Черной отравой сочащийся меч мой,
Боль и стenanья пустынь Ласхаара —
Вы породите свирепую бурю.

Пусть же быстрее, чем стрелы в полете,
Пусть же стремительней молнии грозной.
Пусть, обгоняя сияние солнца,
Силы волшебные хлынут на землю!

Голос Эльрика прервался, а затем он воззвал ясно и высоко:

— Миро! Миро! Во имя моих отцов я зову тебя, Повелитель Ветров!

Почти тут же деревья в лесу неожиданно наклонились, словно гигантская рука пригнула их, и неизвестно откуда донесся жуткий вой. Все, кроме погруженного в транс Эльрика, вздрогнули.

— *Эльрик из Мелнибонэ* — загремел голос, подобный раскатам грома, — *мы знали ваших отцов. Я знаю тебя. Долг наш семье Эльрика забыт смертными, но Граол и Миро, Повелители Ветров, помнят. Чем может Ласхаар помочь тебе?*

Голос казался почти дружелюбным, но и гордым, отчужденным и внушающим благоговение.

Эльрик вскинул руки и забился в конвульсиях. Пронзительный крик вырвался из его горла. Затем он заговорил. Слова были чужими, нечеловеческими, страшно раздражающими слух и нервы окружающих. Выслушав, невидимый Повелитель Ветров заревел в ответ:

— *Я сделаю то, о чем ты просишь.*

Деревья нагнулись еще раз, и наступила тишина.

Кто-то из воинов чихнул, и тут же люди загомонили, зашумели, стряхивая оцепенение и ужас перед неизвестным.

Эльрик еще долго стоял неподвижно, словно статуя. Потом неожиданно его удивительные глаза открылись, он с легким недоумением осмотрелся и, сжав рукоять Приносящего Бурю так, что побелели костяшки пальцев, наклонился вперед и объявил людям Имррира:

— Вскоре Телеб К'аарн будет в нашей власти, мои друзья, а нам достанутся богатства дворца Никорна!

Вдруг Дувим Твар помрачнел и вздрогнул.

— Я не настолько искушен в тайном знании, — тихо сказал он, — но глазами души ясно вижу трех волков, ведущих стаю на битву, и один из этих волков должен умереть. Мне кажется, моя судьба ходит рядом.

Эльрик поморщился:

— Не беспокойся, Повелитель Драконов. Ты еще поживешь, подразнишь воронов и, может быть, успеешь истратить добычу из Бакшаана.

Но в голосе альбиноса не было убежденности.

* * *

Неожиданно Телеб К'аарн почувствовал себя неуютно в постели из шелка, расшитого шкурками горноста, и проснулся. Его терзало внутреннее ощущение близкой опасности, и чародей вспомнил, что накануне, несмотря на усталость, он потратил остатки сил в любовных играх с Итаной, и это вряд ли было разумно. Подробности улетучились из его памяти, но теперь, обеспокоенный тяжелым предчувствием, он и не пытался ничего вспомнить. Чародей поспешно встал и, натянув через голову одежду, побрел к посеребренному зеркалу, укрепленному на дальней стене спальни и ничего не отражавшему. По пути Телеб К'аарн пытался расправить свой наряд торопливыми движениями плеч — со стороны казалось, что великого волшебника заели блохи.

С затуманенным взором и трясущимися руками он занялся приготовлениями. Из глиняного сосуда — на скамье у окна стояло не меньше сотни таких емкостей — он извлек вещество, напоминавшее цветом высушенную кровь, смешанную с застывшим синим ядом черной змеи, которая обитала на самом краю света — в далеком Дореле. Чародей пробормотал короткое заклинание, затем высыпал порошок в колбу и швырнул сосуд в зеркало, прикрыв рукой глаза. Послышался звук удара, сильный и резкий, вспыхнул нестерпимо яркий зеленый свет и тут же погас. Зеркало ожило: серебряное покрытие начало дышать, мерцая и вспыхивая. Потом появилось изображение.

Телеб К'аарн знал, что отраженное событие случилось в недалеком прошлом: в зеркале был

виден Эльрик, обращавшийся к Повелителям Ветров.

Темное лицо Телеба К'аарна исказилось от ужаса, пальцы начали дергаться, он задрожал всем телом. Бормоча что-то, он бросился к скамье и, опираясь на нее руками, уставился в окно на глубокую ночь. Он знал, чего ожидать. Грядет страшная буря: весь Ласхаар придет к порогу Никорна за душой Телеба К'аарна. Он должен был защищаться, иначе Повелители Ветров вытянут душу чародея и бросят ее духам воздуха, обрекая на вечные скитания. И голос его станет подобен эху, словно у феи цветов среди холодных вершин высоких ледяных гор, потерянной и одинокой. Душа Телеба К'аарна будет вечно носиться над землей, подчиняясь капризам четырех ветров, и никогда не обретет покоя.

Телеб К'аарн чувствовал рожденное страхом уважение к могуществу магов воздуха, к их редкому колдовству, которое позволяло человеку призывать в союзники своенравные ветры. И этим искусством в совершенстве владели Эльрик и его предки. Только теперь чернобородый чародей понял, с чем он осмелился тягаться: десять тысяч лет сотни поколений волшебников собирали по крохам знания на земле и за ее пределами и передали их альбиносу, которого он, Телеб К'аарн, хотел уничтожить. Но никакие искренние сожаления уже не могли ничего изменить.

Телеб К'аарн не мог справиться с могущественными Повелителями Ветров, и ему оставалось надеяться лишь на битву стихий. Темнолицый чародей владел магией огня, он повелевал

свирепыми духами пламени, но сейчас всей его силы могло не хватить на противостояние сверхъестественным ветрам, которые вскоре сотряснут воздух и землю.

Телеб К'аарн стряхнул наваждение и торопливо начал магический ритуал. Трясущиеся руки чародея выписывали в воздухе сложные фигуры, сухие губы шептали слова чудовищных договоров с любыми огненными тварями, способными явиться на землю в этот раз.

Чародей соглашался на вечную смерть ради нескольких лет жизни.

* * *

Необычная гроза оповестила людей о начале битвы. Небеса озарили вспышки бесчисленных молний, которые, впрочем, не доходили до земли и потому не были смертельно опасными. Эльрик и его небольшое войско хорошо знали, что происходит, но только альбинос со своим колдовским зрением мог увидеть Гигантов Ласхаара. Для всех остальных они оставались невидимыми.

Боевые машины, которые воины Имррира торопливо готовили к штурму, конечно, не могли сравниться по силе с могуществом Повелителей Ветров, но победа определялась этими ничтожными созданиями рук человеческих, поскольку битва все-таки происходила в мире людей.

Боевые тараны и осадные лестницы медленно принимали нужную форму в умелых руках соотечественников Эльрика. Между тем буря надвигалась: ветер усилился до урагана, непрерывно гро-

хотал гром. Огромная черная туча закрыла луну, и люди работали при свете факелов.

За два часа до рассвета все было готово.

Наконец воины Имррира под предводительством Эльрика, Дувима Твара и Мунглума двинулись к замку Никорна. Красноглазый колдун издал невообразимый вопль, и в ответ ему загремел гром. Огромная молния ринулась с небес ко дворцу, но шар пламени лилово-оранжевого цвета вдруг появился над замком и поглотил небесный огонь! Земля затряслась и застонала: началась битва стихий.

Лес и отроги гор наполнились злобными криками и стонами, оглушавшими людей. Воины каждым нервом ощущали разгоревшуюся схватку, но видели очень немного.

Над цитаделью повисло неземное свечение, которое то усиливалось, то ослабевало: оно защищало бормочущего чернобородого волшебника, который знал, что погибнет, если Повелители Огня уступят ревушим Повелителям Ветров.

Эльрик спокойно улыбался: он знал, что победит воздушная стихия, но перед ним стоял хорошо защищенный замок, взять который предстояло силами людей. Искусство владения мечом и талантливое командование — вот что воины Имррира могли противопоставить свирепости воинов пустыни, которые столпились на неприступных стенах, готовые уничтожить жалкие две сотни нахальных захватчиков.

В воздух взвилось золотое знамя Дракона, мерцавшее в неверном свете. Мелкими подвижными группами сыны Имррира двинулись в атаку. Вверх

поднялись осадные лестницы, командиры отдали приказ начать штурм. Темные лица защитников невозможно было разглядеть на фоне мрачных стен, и пронзительные голоса жителей пустыни звучали откуда-то сверху, как крик чаек на морском берегу.

Основные силы наступавших сосредоточились напротив главных ворот. Сюда же принесли два боевых тарана. Узкий мост хоть и был наиболее опасным местом, но давал возможность быстро пересечь ров, не переплывая его. Каждый из огромных обитых железом таранов несли по двадцать человек. Стоило им перейти на бег, как сверху посыпались стрелы. Прикрываясь щитами, воины добрались до моста и помчались по нему. И вот первый таран громко бухнул в ворота. Эльрику казалось, ничто не может противостоять этой силе, однако ворота едва дрогнули и выдержали!

Взвыв от досады, словно хищный зверь, от которого ускользнула добыча, мелнибонэйцы разошлись в стороны, пропуская другой таран. И снова ворота только дрогнули, хотя и более заметно, но не поддались.

Дувим Твар кричал, подбадривая тех, кто взбирался по осадным лестницам. Только смельчаки, полные бесшабашной удали, лезли на стены, а смерть шла за ними по пятам: их могли сбросить, могли убить. Даже вскарабкавшись наверх, они вынуждены были отчаянно биться, чтобы выжить, пока не подоспеет подмога.

Расплавленный свинец шипел в огромных котлах, установленных на осях так, чтобы их было

легко опрокинуть и быстро наполнить снова. Многие отважные имррирские воины попадали туда и погибли от ожогов еще до того, как коснулись острых скал. Большие камни вылетали из кожаных мешков, подвешенных к крутящимся шкивам, — на головы атакующих сыпался смертельный дождь, сокрушающий кости. Но соотечественники Эльрика упорно шли вперед, подбадривая себя воинственными кличами, и карабкались по длинным лестницам, в то время как их товарищи, прикрывая головы щитами, таранили ворота.

Эльрик, Дувим Твар и Мунглум не могли помочь тем, кто был на лестницах или у ворот. Все трое превосходно владели мечами, но их время еще не пришло. Пока свое мастерство показывали лучники. Выстроившись на относительно безопасном расстоянии, они выпускали черные стрелы в защитников замка.

Наконец ворота начали поддаваться. В них появились все увеличивавшиеся трещины и разломы, и вскоре правая створка заскрежетала на сломанных петлях и рухнула. Торжествующий рев вырвался из глоток нападавших, и, бросив тараны, они устремились в пролом. Топоры и булавы замелькали в воздухе, как серпы и цепи, и враги начали падать на землю, как пшеница в дни страды.

— Замок наш! — закричал Мунглум, кинувшись к пролому в воротах. — Замок взят!

— Не спешి говорить о победе, — ответил ему Дувим Твар, но тут же рассмеялся и побежал вперед, к замку.

— Ну и где же твоя судьба? — спросил у него Эльрик и замолчал, увидев, как потемнело лицо Повелителя Драконов.

Однако Дувим Твар не был бы мелнибонэйцем, дай он волю чувствам. Он весело улыбнулся:

— Бродит где-то здесь, Эльрик, совсем рядом, но это не повод для уныния. Если она, например, сейчас висит над моей головой, вряд ли я смогу остановить ее, когда она вздумает опуститься!

Миновав высокий арочный вход, они попали во двор замка, где беспорядочная борьба постепенно перешла в отдельные поединки: каждый воин выбирал противника и бился с ним насмерть.

Приносящий Бурю вскоре попробовал свежей крови, высосав до дна душу человека из пустыни. Песня, которую он пел, разрезая воздух, звучала зло и торжественно.

Темнолицые воины пустыни, значительно превосходившие атакующих в численности, были знамениты отвагой и умением биться на мечах, их кривые клинки безжалостно отбирали жизни у имррирцев.

Где-то вверху взобравшиеся по лестницам соотечественники Эльрика уверенно отвоевывали пространство на стенах, вынуждая людей Никорна отступить, при этом многие падали с неогражденных краев парапета. Один такой защитник крепости с криками и проклятиями рухнул почти на Эльрика, ударив альбиноса по плечу, от чего тот тяжело повалился на скользкие от крови и дождя булыжники. Боясь упустить случайную удачу, воин пустыни, хоть и приволакивал ногу, бросился вперед, злорадно ухмыляясь. Его кривой

меч готов был обрушиться на врага, но вдруг шлем без пяти минут победителя разлетелся на куски, и изо лба выплеснулся сгусток крови.

Дувим Твар выдернул застрявший топор из его черепа и улыбнулся Эльрику, который с глубоким вздохом облегчения поднимался с земли.

— Мы все-таки доживем до победы! — закричал Повелитель Драконов, перекрывая шум борющихся стихий и лязг оружия. — Судьба моя, я убегу от тебя, если...

Он замолк, на его тонком лице отразилось удивление, а у Эльрика замерло сердце, когда он увидел, как стальное острие пронзило бок Дувима Твара: за спиной Повелителя Драконов стоял злобно улыбавшийся воин пустыни. Эльрик выругался и ринулся вперед. Противник поднял меч, пытаясь защититься и поспешно пятясь от разъяренного альбиноса. Приносящий Бурю метнулся вверх, потом вниз. Он выл песню смерти и рвался к теплой вражеской плоти. Легко отбросив кривой клинок, рунный меч коснулся плеча воина пустыни и разрубил его грудь пополам. Эльрик обернулся к Дувиму Твару: тот все еще стоял на ногах, но был бледен и напряжен. Кровь сочилась из его раны и текла по одежде.

— Ты тяжело ранен? — с беспокойством спросил Эльрик. — Можешь говорить?

— Меч этого отродья прошел между ребрами, думаю, ничего страшного. — Дувим Твар охнул и попытался улыбнуться. — Я бы почувствовал.

С этими словами он упал ничком. Эльрик перевернул его и увидел, что он мертв. Повелитель

Пещер Драконов больше никогда не сможет ухаживать за своими животными.

Альбинос почувствовал себя больным и усталым. Он стоял, молча смотрел на тело своего родственника и думал, что стал причиной гибели еще одного прекрасного человека. Впрочем, время печали еще не настало, схватка продолжалась.

Лучники, закончив свою работу снаружи, вбежали через брешь в воротах и теперь поражали стрелами вражеские ряды.

Эльрик громко закричал:

— Мой родственник Дувим Твар лежит мертвым, заколотый в спину воином пустыни! Отомстите врагам! Отомстите за Повелителя Пещер Драконов Имррира!

Тихий стон вырвался у многих мелнибонэйцев, и их атака стала еще более свирепой. Альбинос созвал нескольких воинов с топорами, которые спустились со стены, полностью подавив сопротивление защитников дворца Никорна:

— Следуйте за мной. Мы должны отомстить за кровь, которая пролилась из-за Телеба К'аарна!

Эльрик неплохо представлял, где находится комната чернобородого чародея.

Откуда-то закричал Мунглум:

— Подожди секунду, Эльрик, и я с тобой!

Прямо перед Эльриком спиной вперед рухнул громадный воин пустыни, и альбинос увидел улыбающегося Мунглума с мечом, покрытым кровью от острия до рукояти.

Эльрик повел маленький отряд к небольшой двери в главной башне замка, показал на нее и велел воинам с топорами:

— Прорубите ее, ребята, и поскорее!

Угрюмые воины начали рубить прочное дерево. Эльрик с нетерпением наблюдал, как разлетаются щепки.

Битва стихий была ужасной. Телеб К'аарн рыдал, видя, как рушатся его надежды. Какатал, Повелитель Огня, и его приспешники не могли серьезно сопротивляться Гигантам Ласхаара. Казалось, сила духов воздуха все увеличивается. Темнолицый волшебник грыз пальцы и трясся от страха в своей комнате, а внизу, во дворе и на стенах, люди бились, истекали кровью и умирали. Телеб К'аарн заставил себя сосредоточиться только на одном — полном уничтожении сил Ласхаара. Но чутье подсказывало колдуну, что в любом случае он обречен.

Топоры врубались все глубже и глубже в темное от времени дерево. Наконец оно поддалось.

— Мы пробились, милорд.— Один из воинов гордо показал на дыру, проделанную в двери.

Эльрик просунул в нее руку и попробовал сдвинуть засов. Железный брус податся вверх, упал со звоном на каменный пол, и альбинос надавил плечом на дверь.

А высоко над крепостью в небе неожиданно появились две огромные, почти человеческие фигуры. Одна, золотая, сверкающая, как солнце, держала в руке огромный огненный меч. Вторая, темно-синяя с серебром, корчилась, цепляясь за оранжевое мерцающее копьё.

Миро и Какатал столкнулись. Исход их битвы мог решить судьбу Телеба К'аарна.

— Быстро,— сказал Эльрик.— Наверх!

Они побежали по лестницам, которые вели к спальне Телеба К'аарна.

Возле странной, черной как смола двери с красными железными полосами воины остановились. Ни отверстия для ключа, ни засова, ни бруса не было на этой двери, но что-то подсказывало людям, что она закрыта. Эльрик приказал воинам рубить ее, и все шестеро одновременно ударили по непонятному материалу, вскрикнули и исчезли. Там, где они стояли, не осталось даже дымка.

Мунглум попятился, аккуратно обошел Эльрика, замершего чуть в отдалении с вибрирующим мечом в руке и прошептал:

— Идем, Эльрик, это волшебство страшной силы. Пусть твои друзья, духи воздуха, сами прикончат волшебника!

— С магией надо бороться магией! — нервно выкрикнул альбинос.

Он метнулся вперед, вкладывая всю силу в удар, который нанес по черной двери. Приносящий Бурю вошел в нее с громким воплем победителя, а затем завыл, как голодный демон. Секундная вспышка невероятно яркого света, страшный рев — и ощущение полета: волшебная дверь рухнула внутрь. Мунглум остался на месте против своей воли.

— Приносящий Бурю редко подводит меня, приятель, — крикнул Эльрик, прыгая в комнату. — Вперед, мы попали в логово Телеба К'аарна...

Он замолчал, увидев лепечущее существо у двери. Это, несомненно, был человек, и когда-то его звали Телебом К'аарном. Теперь он напоминал горбатую скрюченную обезьяну. Некогда мо-

гучий волшебник сидел посередине разломанного пятиугольника и хихикал, пуская слюни.

Неожиданно взгляд его стал осмысленным.

— Слишком поздно для мести, лорд Эльрик, — сказал он. — Я победил, ты видишь — я объявил твою месть своей.

Не отвечая на его слова, Эльрик шагнул вперед, поднял Приносящего Бурю, опустил стонущий рунный меч на череп волшебника и оставил его там на несколько мгновений.

— Пей сколько хочешь, черный клинок, — проговорил он. — Мы заслужили это, ты и я.

И вдруг наступила тишина.

* * *

— Это неправда! Вы лжете! — кричал перепуганный мужчина. — За это мы не отвечаем.

Пилармо стоял перед знатными горожанами. За спиной богато одетого торговца переминались с ноги на ногу его собраты по ремеслу — те самые, что встречались с Эльриком и Мунглумом в таверне.

Один из выдвинувших обвинение горожан показал пухлым пальцем на север, в сторону дворца Никорна:

— Никорн отравлял жизнь всем торговцам Бакшаана. С этим я согласен. Но вот банда кровожадных грабителей штурмует его замок, прибегая к помощи демонов, и Эльрик из Мелнибонэ ведет их! И все это происходит по вашей вине — слухи идут по всему городу. Вы наняли Эльрика!

— Но мы же не знали, что он зайдет так далеко и решит захватить дворец Никорна, — про-

лепетал толстый Тормил, нервно потирая руки. На его пухлой физиономии одновременно читались обида и испуг. — Вы несправедливы к нам. Мы только...

— Мы несправедливы к вам! — возмутился Фаратт, толстогубый и румяный представитель перепуганных горожан. Он даже замахал руками в гневном возбуждении. — Когда Эльрик и его шакалы покончат с Никорном, они нападут на город. Глупец! Этот проклятый альбинос задумал захватить Бакшаан с самого начала. Он просто одурачил вас, и вы дали ему повод. Мы можем бороться с вооруженными людьми, но противостоять магии не в силах!

— Что же делать? Бакшаан может пасть в течение дня! — Тормил повернулся к Пилармо. — Это была твоя затея, ты и думай, как выпутаться!

— Мы можем заплатить выкуп... Ну подкупить их... Дать им денег, чтобы они успокоились, — запинаясь, предложил Пилармо.

— А кто даст эти деньги? — поинтересовался Фаратт.

И снова разгорелся спор.

* * *

Эльрик с отвращением смотрел на поверженного Телеба К'аарна. Казалось, он может просто-так целую вечность. Голос Мунглума вывел его из задумчивости:

— А теперь идем отсюда, Эльрик. Итана ждет тебя. Пора завершить сделку, которую я организовал.

Эльрик обернулся, посмотрел на смертельно бледного приятеля и устало кивнул.

— Да, похоже, мои соотечественники уже захватили замок. Они примутся набивать карманы, а мы, пока есть возможность, отправимся в город. Но все же позволь мне побыть здесь еще немного одному. Меч отвергает душу.

Мунглум благодарно вздохнул:

— Встретимся во дворе через четверть часа. Я хочу получить свою часть добычи.

Он вышел и торопливо застучал каблуками по лестнице, а Эльрик остался стоять над телом врага. Затем, все еще сжимая меч, альбинос широко развел руки, и с Приносящего Бурю закапала кровь.

— Дувим Твар,— закричал Эльрик,— ты и твои соотечественники отомщены! А теперь пусть злой дух, который завладел душой Дувима Твара, отпустит ее и возьмет взамен душу Телеба К'аарна.

И в то же мгновение что-то невидимое и неосязаемое проплыло по комнате и повисло над распростертым телом Телеба К'аарна. Эльрик, поvinуясь внутреннему порыву, выглянул в окно: он услышал шум кожистых крыльев дракона, почувствовал едкий запах дыхания чудовищной рептилии и увидел в рассветном небе силуэт сказочного создания, которое уносило Дувима Твара, Повелителя Драконов, в родные Пещеры.

Эльрик едва заметно улыбнулся.

— Боги Мелнибонэ защитят тебя, где бы ты ни оказался,— тихо проговорил он и, скользнув взглядом по двору, в котором шла кровавая резня, отвернувшись от окна и решительно вышел из комнаты.

На лестнице он встретил Никорна из Илмира. Лицо торговца пылало гневом. Он дрожал от ярости, в руке его поблескивал большой меч.

— А-а, я нашел тебя, волк! — рывкнул он. — Я сохранил тебе жизнь, и вот как ты со мной расплатился!

Альбинос устало покачал головой:

— Это должно было случиться. Но я дал слово, что не стану покушаться на твою жизнь, и, поверь мне, не собираюсь нарушать наш договор. По правде говоря, Никорн, я не хочу убивать тебя, даже если бы и не давал слова.

Торговец стоял в двух шагах от двери, ведущей во двор, загораживая выход.

— Тогда я возьму твою жизнь. К бою!

Он выскочил во двор, споткнувшись о труп имррирца, выпрямился и застыл, ожидая в неугасающем гневе, когда выйдет Эльрик. Тот появился, не вынимая меча из ножен.

— Нет.

— Защищайся, волк!

Правая рука альбиноса мгновенно легла на рукоять меча, но он не стал обнажать оружие. Никорн выругался и нанес хорошо рассчитанный удар, от которого Эльрик едва смог увернуться. Он отскочил назад и, неохотно вытащив Приносящего Бурю, приготовился к бою. Красноглазый чародей намеревался только обезоружить Никорна: он уважал торговца за смелость и был признателен ему за великодушный поступок, позволивший Эльрику уйти живым из рук Телеба К'аарна.

Никорн нанес еще один мощный удар, альбинос парировал его. Приносящий Бурю тихо застонал, содрогаясь и вибрируя. Металл зазвенел, и теперь бой пошел уже всерьез: неистовство Никорна сменилось спокойной уверенной яростью.

Эльрику пришлось защищаться, используя все свое искусство и силу. Хотя Никорн был всего лишь городским торговцем и к тому же пожилым человеком, он оказался отличным фехтовальщиком. Он двигался с невероятной ловкостью и удивительно быстро, и вполне мог добиться успеха: Эльрику не раз и не два приходилось поспешно отступать.

Но тут что-то стало происходить с рунным мечом. Он крутился в ладони альбиноса, вынуждая идти в контратаку. Никорн попятился, ощутив могущество закаленной злыми силами стали, в его глазах мелькнул страх. Торговец яростно сражался, а Эльрик как мог уходил от боя, но за него сражался свирепый меч, который легко пробивал защиту Никорна.

В какое-то мгновение Приносящий Бурю вдруг дернулся в руке альбиноса, тот от неожиданности ослабил хватку, и рунный меч, выскочив из руки хозяина, ударил точно в сердце Никорна.

— Нет!

Эльрик пытался остановить клинок, но Приносящий Бурю уже погрузился в тело жертвы и торжествующе завопил:

— Нет!

Эльрик схватил меч за рукоять и попытался выдернуть его из тела Никорна. Тщетно. Торговец закричал от дикой боли. Он должен был погибнуть, но он все еще жил.

— Она добралась до меня, эта трижды проклятая штука! — послышался перебиваемый бульканьем голос Никорна, вцепившегося в черную сталь костенеющими руками. — Останови ее, Эльрик, я прошу тебя, останови! Пожалуйста!

Эльрик снова попытался выдернуть клинок из сердца Никорна, но меч словно врос в плоть несчастного. Он жадно стонал, всасывая то, что прежде было Никорном из Илмира, он пил жизненную силу умирающего человека, и резкий голос его звучал до отвращения чувственно.

— Будь ты проклят! — Из горла Эльрика вырвалось рыдание. — Этот человек был почти моим другом. Я дал ему слово не убивать его.

Но, казалось, Приносящему Бурю нет дела до страданий хозяина.

Никорн вскрикнул еще раз, затем его крик перешел в тихий стон, и тело его умерло, а душа соединилась с душами других жертв Черного Меча, которые поглотил тот, кого питал Эльрик из Мелнибонэ.

Эльрик потряс над головой сжатыми кулаками.

— За что мне это проклятье? За что? — вскричал он и повалился на землю — в грязь и кровь.

Мунглум появился во дворе через несколько минут. Увидев лежавшего лицом вниз Эльрика, он схватил его за плечи, перевернул — и вздрогнул: лицо друга исказила страшная гримаса боли.

— Что случилось?

Эльрик приподнялся, опираясь на локоть, и показал на тело Никорна.

— Еще один, Мунглум. О, проклятье этому клинку!

Мунглум поморщился и с рассудительностью жителя востока проговорил:

— Этот торговец, несомненно, убил бы тебя. Не думай о нем. Обещания часто оказываются несбыточными не по вине того, кто их дает. Идем, мой друг, Итана ждет нас в таверне «Пурпурный голубь».

Эльрик с трудом встал, подобрал меч и медленно пошел к разбитым воротам дворца: в лесу, за мостом, были привязаны их лошади.

Вскоре они двинулись в сторону Бакшаана, не ведая о том, что происходит сейчас в городе. Впрочем, дела его жителей мало занимали Эльрика. Он бормотал что-то невнятное под нос, а один раз даже ударил Приносящего Бурю, который снова мирно висел на боку хозяина. Глаза альбиноса были жесткими и сердитыми, словно он пытался заглянуть в собственную душу.

— Берегись этого кошмарного клинка, Мунглум. Он убивает врагов, но предпочитает наслаждаться кровью друзей и родственников.

Мунглум покачал головой, словно отказывал мечу в праве на существование, и отвернулся, ничего не ответив.

Эльрик открыл было рот, собираясь заговорить снова, но вдруг понял, что сказать ему нечего. Он так хотел отвлечься, но не мог этого сделать.

* * *

Пилармо хмурился. Он печально смотрел, как рабы вытаскивали сундуки с его сокровищами и складывали прямо на улице рядом с большим домом торговца. В других частях города еще трое князей торговли тоже пребывали на грани нервного срыва: они прощались со своим богатством, и их ожидали разорение и смерть в нищете. Жители Бакшаана называли имена тех, кто должен заплатить выкуп.

Внезапно какой-то оборванец пробежал по улице, показывая назад и крича:

— Альбинос и его приятель у северных ворот!

Горожане, стоявшие рядом с Пилармо, обменялись взглядами. Фаратт сглотнул и сказал:

— Эльрик идет за добычей. Быстро! Откройте сундуки и прикажите стражникам пропустить его.

Слуга Пилармо бросился выполнять указание.

Через несколько минут, в течение которых Фаратт и рабы Пилармо, пыхтя, поспешно открывали сундуки и раскладывали драгоценности, чтобы показать их альбиносу, Эльрик с Мунглумом подъехали к дому торговца. Равнодушно рассматривая копошащихся людей и скрывая изумление, приятели помалкивали.

— Что это? — наконец спросил Эльрик, бросив взгляд на Пилармо.

Купец съежился от страха.

— Сокровища, — простонал он. — Твои, лорд Эльрик. И твоих людей. Их будет еще больше. И не нужно применять волшебство и тратить силы, а твоим людям ни к чему нападать на нас. Эти сокровища сказочно велики. Ты согласен взять их и оставить город в покое?

Мунглум с трудом сдерживал рвущийся из груди смех.

Эльрик спокойно кивнул:

— Хорошо. Позаботься, чтобы это и остальное было доставлено к моим людям в замок Никорна, или мы завтра зажарим тебя и твоих друзей на костре.

Фаратт вдруг закашлялся:

— Как скажешь, лорд Эльрик. Все будет исполнено в лучшем виде.

Воины повернули лошадей в сторону таверны «Пурпурный голубь». Когда они отъехали довольно далеко, Мунглум заметил:

— Насколько я понял, мастеру Пилармо и его друзьям пришлось-таки заплатить, хоть мы об этом и не просили.

Эльрик, настроенный чрезвычайно мрачно, хмыкнул:

— Да. Я с самого начала собирался их ограбить, а теперь достойные бакшаанцы сделали это за нас. На обратном пути возьмем свою долю добычи.

Он прищепил коня и подъехал к таверне. Итана, уже переодетая для путешествия, нервничая, ждала его здесь. Увидев знакомое смертельно бледное лицо, она вздохнула с облегчением и вкрадчиво улыбнулась.

— Значит, Телеб К'аарн мертв, — сказала она. — Теперь мы снова можем быть вместе, Эльрик.

Альбинос кивнул:

— Это моя часть сделки. Я освобождаю тебя, если ты поможешь Мунглуму вернуть мой меч.

Эльрик выглядел безразличным. Она обняла его, но он отстранился:

— Позже. Но это обещание я не собираюсь нарушать, Итана.

Он подал ей руку, они вышли из таверны, Эльрик помог удивленной женщине сесть в седло, и они поехали обратно к дому Пилармо.

Женщина спросила:

— А что с Никорном? Он в безопасности? Мне всегда нравился этот человек.

— Он умер. — Голос Эльрика прозвучал бесстрастно.

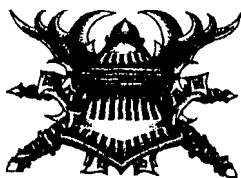

— Почему? — спросила она.

— Потому, что он был торговцем и запросил слишком высокую цену, — горько ухмыльнулся альбинос.

Тягостное молчание сопровождало трех всадников, мчавшихся к воротам Бакшаана. Эльрик даже не остановился, как сделали остальные, чтобы взять свою долю богатств Пилармо. Он продолжал скакать, не замечая ничего вокруг, и его спутникам пришлось прищипорить коней, чтобы догнать альбиноса в двух милях за городом.

Жара окутала Бакшаан. Воздух замер в неестественной неподвижности: ни легкого сквозняка в садах богачей, ни пыльного ветерка, охлаждавшего потные лица бедняков. Только в небесах сияло солнце — круглое и красное, да тень, похожая на дракона, заслонила его на миг и исчезла.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Короли во тьме

Т

ишину прохладной северной ночи неожиданно прорезали вопли и топот копыт. Эльрик, правитель погибшей и разделенной на части империи Мелнибонэ, радуясь, как вырвавшийся из ловушки волк, и бешено погоняя скакуна, летел через тьму и что-то весело и бездумно выкрикивал. Он мчался из Надсокора, Города Нищих, и лютая ненависть пре-

следовала его. Отвратительные обитатели чудовищного города узнали в нем своего старого врага еще до того, как он выведал тайну, за которой пришел, и теперь они гнались за ним и за забавным щуплым человеком, который скакал, хохоча во все горло, рядом с Эльриком. Это был Мунглум Чужеземец из Элвера, далекой восточной страны, не обозначенной ни на одной карте.

Пламя факелов разрывало бархат ночи, и крики сотен оборванцев, подгонявших тощих кобыл, будили тихие поля. И хотя преследователи были трусливыми заморышами с ухватками шакалов, они представляли собой грозную силу, так их было много, и все они имели длинные ножи и костяные луки, поблескивавшие в свете факелов. Два воина не могли противостоять им и даже вряд ли сумели бы нанести серьезный урон этой толпе, и потому Эльрик и Мунглум решили покинуть город без боя. Теперь приятели скакали навстречу выползавшей из-за леса полной луне, которая слабыми лучами выхватывала из темноты беспокойные воды реки Варкалк — единственную надежду на спасение.

Правда, грозная река и разъяренная толпа нищих представляли собой примерно одинаковую опасность, но если в схватке с жителями Надсогора беглецы никак не могли уцелеть, то со стихией еще можно было побороться. У крутого берега темной реки кони заупрямились и начали пятиться, однако воины резко прищипорили скакунов и заставили их спуститься к воде. Умные животные осторожно вошли в реку и поплыли, фыркая и храпя. Река с ревом несла их к зловещему

лесу Троос, который находился в пределах Орга, страны черной магии и древнего зла.

Эльрик вытер лицо об рукав и кашлянул.

— Я думаю, они не сунутся в Троос! — крикнул он, перекрывая шум воды.

Мунглум ничего не ответил. На его смутлом лице застыло выражение, которое в зависимости от обстоятельств можно было рассматривать и как веселую усмешку, и как гримасу ужаса. Кони плыли, подчиняясь течению, а толпа оборванцев, продолжая погоню по берегу, что-то вопила им вслед. Порой до воинов долетали глумливые выкрики:

— Лес сделает за нас эту работу! Счастливого пути!

Альбинос злобно расхохотался в ответ. Темная прямая река, широкая и глубокая, несла двух всадников, словно щепки, к утру, умирающему без солнца, холодному, словно дыхание льда. Плоские утесы изредка оживляли унылую равнину, прорезанную Варкалком точно посередине. Нечто черное и коричневое с зеленым оттенком торчало из расщелин прибрежных скал, трава на равнине колыбалась под ветром так, словно выполняла тяжелую работу. В рассветном сумраке толпа нищих, наконец отказавшихся от мысли вернуть ускользнувшую добычу, постепенно растаяла — оборванцы возвращались в Надсокор.

Когда они ушли, Эльрик и Мунглум, приглядев подходящее место, заставили коней подплыть к берегу и выбраться наверх. Равнина уже уступила место редкому лесу, и уродливые деревья торчали из бурой почвы, покрывая ее пятнами теней.

Листва шевелилась, странно дергаясь, словно отвоевывая право на самостоятельную жизнь.

Это был лес ядовитых цветов, окрашенных в кровавый цвет и покрытых болезненными пятнами, лес изогнутых, вывернутых стволов, черных и блестящих, лес остроконечных темно-пурпурных и ярко-зеленых листьев — определенно нездоровое место, где воздух был пропитан отвратительной воонью гниющих растений.

Мунглум сморщился и выразительно покосился в сторону реки.

— Может, вернуться? — предложил он. — Лучше миновать Троос и срезать путь по Оргу, тогда через день мы окажемся в Бакшаане.

Альбинос нахмурился:

— Я не сомневаюсь, что в Бакшаане нас встретят так же тепло, как в Надсогоре. Жители этого заплывшего жиром городка не забыли ни о разрушенном дворце Никорна, ни о богатствах, которые мы получили с их торговцев. Нет, лучше уж познакомиться с этим лесом. Я слышал рассказы о нем и об Орге и хочу узнать, насколько они правдивы. Мой клинок и магия защитят нас.

Мунглум вздохнул:

— Эльрик, давай не будем дергать тигра за усы.

Альбинос холодно улыбнулся. Его рубиновые глаза горели на фоне мертвенно-бледной кожи особенно ярко.

— Ну что за глупости тебя тревожат! В худшем случае нас ожидает только смерть.

— Вот именно это мне и не нравится, — пожал плечами Мунглум. — Роскошь Бакшаана или, если ты предпочитаешь, Джадмара...

Но Эльрик уже погнал скакуна вперед, углубляясь в лес. Мунглум со вздохом последовал за ним.

Вскоре густые кроны странных деревьев, усеянные темными цветами, закрыли большую часть неба, которое так и не просветлело, и путешественники оказались в своеобразном туннеле, образованном влажными черными стволами. Рассмотреть что-либо впереди было невозможно, но оба чувствовали: там, за этим туннелем, десятки и сотни еще более безрадостных мест, утонувших в угнетающей мгле.

Мунглум решил, что рассказы про этот лес, которые он слышал от путников с безумными глазами, которые изредка заглядывали в таверны Надсохора, вполне соответствовали действительности.

— Пожалуй, это в самом деле лес Троос,— сказал он Эльрику.— Говорят, Обреченный Народ освободил чудовищные подземные силы, и они вызвали ужасные изменения в людях, животных и растениях. Этот лес — последнее, что они создали, и последним исчезнет.

— Дети иногда ненавидят своих родителей,— загадочно проговорил Эльрик.

— Ну да, таких деток надо особенно опасаться,— отозвался Мунглум.— Рассказывают, что, когда Обреченные правили миром, у них не было богов, которых бы они боялись.

— Действительно бесстрашный народ,— слегка улыбнулся Эльрик.— По крайней мере, они заслуживают уважения. Испугайтесь, и боги вернутся к вам — вот что утешает большинство людей.

Мунглум слегка удивился, но промолчал: ему стало как-то не по себе.

Весь лес был наполнен злобным шуршанием и шепотом, хотя ни одно живое существо не попало путешественникам на глаза. Ни птиц, ни грызунов, ни насекомых, и это еще больше пугало и настораживало.

Чтобы хоть немного отвлечься и стряхнуть наваждение зачарованной чащобы, Мунглум дрожащим голосом затянул песню:

Улыбка и слово — мое ремесло,
Они меня поят и кормят.
Хоть я невысок и совсем не герой,
Меня надолго запомнят.

Распевая все громче и уверенней и чувствуя, как возвращается его природная жизнерадостность, Мунглум ехал за человеком, которого именовал другом, хотя тот был до некоторой степени его хозяином, пусть никогда не позволял себе даже намекнуть на это.

Эльрик улыбнулся:

— Вряд ли балладой о своей невзрачности и отсутствии смелости можно отпугнуть врага, Мунглум.

— Но зато я не дразню его,— бойко ответил Мунглум.— Пока я пою о своих недостатках, мне ничто не угрожает. Если я начну хвалить себя, кто-нибудь может расценить это как вызов и решит проучить меня.

— Верно,— согласился загнанный в тупик Эльрик,— и вполне разумно.

Он сменил тему и стал показывать на разные цветы и листья, обращая внимание Мунглума на

их непривычную окраску и форму и используя при этом непонятные простому человеку слова, которые обычно употребляют маги. Казалось, альбинос совершенно не боится, но Мунглум знал, что Эльрик превосходно умеет скрывать свои истинные чувства.

Примерно через час они остановились, чтобы немного передохнуть, и Эльрик принялся внимательно изучать сорванные с различных растений листья. Покончив с этим, он аккуратно спрятал свою добычу в пояс и улыбнулся Мунглуму, который с интересом наблюдал за ним:

— Вперед, тайны Трооса ждут нас.

Но тут из мглы прозвучал женский голос:

— Не ходите туда сегодня, чужеземцы.

Эльрик остановил коня, хватаясь за рукоять Приносящего Бурю. Голос незнакомки странно подействовал на него, он был низким, глубоким и, казалось, касался сокровенных глубин души. Эльрик вдруг почувствовал, что вновь оказался на одной из дорог Судьбы, но куда она может привести его, не знал. Стряхнув наваждение, альбинос привел в порядок смятенные мысли и, размеренно дыша, стал всматриваться в окружающую тьму, пытаясь определить, откуда раздался голос.

— Возможно, ты дала нам добрый совет, госпожа,— произнес он строго.— Теперь покажись и объясни...

Незнакомка, не заставляя себя упрашивать, вышла на поляну. Ее черный конь гарцевал так, что женщина едва сдерживала его. Мунглум, посмотрев на нее, одобрительно хмыкнул: хотя, на его вкус, немного крупноватая, женщина была не-

вероятно красивой. Ее лицо и манера держаться неопровержимо свидетельствовали о благородном происхождении, серо-зеленые влажные глаза выражали одновременно загадку и невинность. Несомненно, она была очень молода, лет семнадцати или чуть больше.

Эльрик нахмурился:

— Ты одна?

— Теперь — да, — ответила она, украдкой рассматривая альбиноса и стараясь скрыть явное удивление. — Мне нужны помощь и защита. Я еду в Карлаак, и воинов, которые обеспечат мою безопасность, там ждет хорошая плата.

— Карлаак? Возле Плачущей Пустоши? Это по другую сторону Илмиора, в сотне лиг отсюда. Неделя езды на хороших лошадях. — Эльрик не стал дожидаться ее ответа. — Мы не наемники, госпожа.

— Но тогда вы связаны клятвой рыцарства и не сможете отказать в моей просьбе.

Эльрик усмехнулся:

— Рыцарство, говоришь? Но мы не связаны узами родства с выскочками Юга, нам чужды их странные обычаи и правила поведения. Мы благородные люди древних рас, которые ничего не делают против своей воли. Ты бы не стала просить нас ни о чем, если бы знала наши имена.

Она облизнула полные губы и спросила почти покорно:

— Вы...

— Эльрик из Мелнибонэ, госпожа, известный на Западе как Эльрик Убийца женщин, а это Мунглум из Элвера по прозвищу Бессовестный.

Незнакомка сказала:

— Ходят легенды... Белолицый грабитель, злой волшебник с мечом, который пьет души людей...

— Да, это верно. И хотя сказки все преувеличивают, они не скрывают темной правды, которая породила их. Ты по-прежнему готова принять нашу помощь?

Голос Эльрика звучал мягко и почти добродушно, в нем не было даже намека на угрозу: он видел, что женщина и так очень напугана, хотя старается не показывать страха.

— У меня нет выбора. Мой отец, старший советник Карлаака, очень богат. Карлаак называют Городом Нефритовых Башен, и это правда. Такого редкого нефрита и янтаря больше нет нигде. Сотни замечательных безделушек могут стать вашими.

— Поосторожнее, госпожа, не серди меня, — предупредил Эльрик, заметив, что в глазах Мунглума вспыхнул алчный огонек. — Мы ведь не лошади, которых можно нанять, и не товары, которые можно купить. А кроме того, — он надменно улыбнулся, — я происхожу из разрушенного Имррира, Города Грез на Острове Драконов, в центре древнего Мелнибонэ, и я знаю, что такое настоящая красота. Ваши безделушки не могут соблазнить того, кто видел молочное Сердце Ариоха, сияющее над Рубиновым Троном, и томные, непостижимые цвета Акторианского камня в Кольце Королей. Это больше, чем просто драгоценные камни, госпожа, они хранят жизненное вещество вселенной.

— Я прошу извинения, лорд Эльрик и сэр Мунглум.

Эльрик нервно расхохотался:

— Мы печальные клоуны, милая девочка, но боги удачи помогли нам сбежать из Надсогора, и теперь за нами должок. Мы проводим тебя в Карлаак, Город Нефритовых Башен, а изучением леса Троос займемся в другой раз.

Переводя настороженный взгляд с прозрачно-бледного лица Эльрика на смуглое лицо Мунглума и обратно, незнакомка произнесла заученные слова благодарности.

— А теперь, коль уж мы представились,— сказал Эльрик,— может быть, ты будешь так добра, что назовешь свое имя и расскажешь, как попала сюда.

— Я Зариния из Карлаака, дочь Вуашуна. Мы принадлежим к самому могущественному клану в юго-восточном Илмиоре. У нас немало родственников в торговых городах на берегах Пикарайда, и я отправилась навестить их со своими братьями и дядей.

— Опасное путешествие для молоденькой девушки.

— Да, и, как оказалось, нас подстерегали не только обычные опасности долгого пути. Две недели назад мы отправились домой. Благополучно переплыли залив Вилмир и наняли вооруженных людей — получился сильный караван. Надсокор мы решили миновать, поскольку слышали, что Город Нищих плохо встречает честных путешественников...

— Насколько мы знаем, иногда и нечестных тоже,— улыбнулся Эльрик.

Зариния снова с удивлением посмотрела на него: вежливый, наделенный чувством юмора со-

беседник вовсе не походил на кошмарного героя страшных легенд.

— Обогнув Надсокор, — продолжала она, — мы пересекли границу Орга в том месте, где находится Троос. Мы двигались очень осторожно по этому лесу, зная, что местные жители пользуются дурной славой. Но затем на нас напали, и наши наемные защитники сбежали.

— Напали, говоришь? — прервал ее Мунглум. — А кто напал, ты знаешь?

— Судя по мерзкой внешности и низкому росту, это местные уроженцы. Мои родственники смело бились, но погибли. Один из братьев успел ударить по крупу моего коня, и тот поскакал так, что я не могла удержать его. Я слышала страшные крики — так вопят безумцы, и жуткое хихиканье, а когда наконец остановила лошадь, то поняла, что заблудилась. Потом до меня донеслись ваши голоса, и я затаилась, ожидая, когда вы проедете мимо. Сначала я думала, что вы тоже из Орга, но потом, расслышав ваш акцент и некоторые слова, подумала, что вы можете мне помочь.

— И мы тебе поможем, милая, — подхватил Мунглум, галантно раскланиваясь в седле. — Я обязан тебе за то, что ты убедила лорда Эльрика изменить свои планы. Если бы не ты, мы блуждали бы по гнусным закоулкам этого ужасного леса. Я сожалею о смерти твоих родственников и заверяю, что теперь ты будешь защищена не только мечами и смелыми сердцами, но и волшебством.

— Надеюсь, оно не понадобится. — Эльрик нахмурился. — Ты так легко говоришь о волшеб-

стве, дружище Мунглум, а ведь ты ненавидишь это искусство.

Мунглум усмехнулся:

— Я только утешал юную леди, Эльрик. И потом, я не раз благодарил небо за твои ужасные способности. А теперь предлагаю устроиться на ночлег, хорошенько отдохнуть и продолжить путь на заре.

— Хорошо, — согласился Эльрик, в замешательстве бросив взгляд на девушку и снова почувствовав, как сердце подпрыгнуло к самому горлу. Успокоиться в этот раз оказалось гораздо труднее.

Зариния, казалось, тоже испытывала нечто подобное. Между случайными знакомыми возникло притяжение, которое, все усиливаясь, могло изменить их судьбы гораздо сильнее, чем любые заранее продуманные действия.

* * *

На лес быстро опустилась ночь: в этих краях дни коротки. Пока Мунглум разводил костер, нервно поглядывая по сторонам, Зариния с изяществом лесной кошки прокралась туда, где Эльрик раскладывал собранные им травы. Юная женщина опасливо взглянула на него и, видя, что он поглощен делом, устроилась рядом.

Он посмотрел на нее, слегка улыбнулся, и его странное лицо впервые показалось ей открытым и приятным.

— Некоторые из этих трав — лечебные, — сказал он, — а другие нужны, чтобы вызывать духов. А вот эти позволяют обрести невероятную силу,

стоит их только понюхать. Правда, от этого обычные люди сходят с ума, но мне они пригодятся.

Зариния, откинув назад черные волосы, поинтересовалась:

— Ты в самом деле ужасный носитель зла из легенд, лорд Эльрик? Или кому-то просто понравилось пугать твоим именем непослушных детей?

— Я не раз приносил людям зло, но обычно оно уже жило в их душах. Я не собираюсь оправдываться, так как знаю, кто я что сотворил. Я убивал черных магов и уничтожал захватчиков, но я же погубил и многих прекрасных воинов, и женщину, мою двоюродную сестру, которую любил. Правда, их, скорее, убил мой меч.

— Разве ты не хозяин своему мечу?

— Я часто сомневаюсь в этом. Но без него я беспомощен,— он сжал рукоять Приносящего Бурю,— и потому должен быть благодарен ему.

И снова его красные глаза, казалось, стали глубже, скрывая какую-то горькую тайну его души.

— Прости, если я вызвала неприятные воспоминания...

— Ты ни в чем не виновата, леди Зариния. Эта боль давно живет в моем сердце. А ты, наверное, даже немного успокоила ее.

Она чуть покраснела и улыбнулась:

— Я не распутница, сэр, но...

Он быстро поднялся на ноги:

— Мунглум, как у нас там с костром?

— Хорошо, Эльрик. Он будет гореть всю ночь.

Мунглум задумчиво почесал кончик носа: как не похоже это на Эльрика — задавать столь пустые вопросы. Не дождавшись продолжения, ма-

ленький воин пожал плечами и занялся своим снаряжением.

Не придумав, о чем бы еще спросить у приятеля, альбинос отвернулся и проговорил тихо и взволнованно:

— Я убийца и вор, и вряд ли...

— Лорд Эльрик, я...

— Ты наслушалась красивых сказок, милое дитя.

— Нет! Если бы ты понимал, что чувствую я...

Ты ошибаешься.

— Ты очень молода.

— Но я уже и не ребенок.

— Берегись. Я следую своему предназначению.

— Предназначению?

— Ну да. Ты знаешь, что такое рок? И у меня нет жалости. Чтобы познать его, я должен вглядываться в собственную душу. Тогда я становлюсь другим. Но я не люблю смотреть, и это предписано роком, который ведет меня. Ни Судьба, ни Звезды, ни Люди, ни Демоны, ни Боги. Посмотри на меня, Зариния. Перед тобой Эльрик, жалкий выродок, выбранный в качестве игровой кости богами времени. Эльрик из Мелнибонэ, который сам себя постепенно разрушает.

— Это же самоубийство!

— Да. Я пленник медленной смерти. И те, кто рискует пойти со мной, обречены на страдания.

— Ты говоришь глупости, лорд Эльрик. И это безумие порождено чувством вины.

— Я и в самом деле виновен, госпожа.

— А Мунглума твой рок также касается?

— О-о, ему ничего не грозит! Его самоуверенность лучше любой брони.

— Я тоже самонадеянна, лорд Эльрик.

— Это болезнь юности. С возрастом она тает, как снег весной.

— Неужели ты считаешь, что через пару лет я стану податливой, словно воск?

— Честно говоря, вряд ли. Ты очень настойчива, и, скорее всего, в этом твоя сила. Большая сила.

Она встала и раскинула руки:

— Тогда примиись, Эльрик из Мелнибонэ.

Он с радостью обнял ее и приник к упругим губам, как умирающий от жажды к спасительному роднику. Впервые он не вспомнил о Каймориль из Имррира. Они лежали рядом на мягкой траве и ласкали друг друга, не обращая внимания на Мунглума, который чистил свой кривой меч.

* * *

Пока они спали, костер потух.

Эльрик — от радости или по невнимательности — забыл, что ночью принято выставлять дозор хотя бы ради безопасности, а Мунглум, силы которого не подпитывались ничем извне, бодрствовал, сколько мог, пока сон все-таки не свалил его.

В тени жутких деревьев появились сторбленные фигуры, двигавшиеся шаркающей настороженной походкой — это уродливые жители Орга подкрадывались к спящим.

Разбуженный внутренним толчком, Эльрик открыл глаза, взглянул на спокойное лицо Заринии, мирно посапывавшей рядом, затем, не поднимая головы, посмотрел в другую сторону... Переку-

вырнувшись, он выхватил Приносящего Бурю из ножен. Меч гневно загудел, недовольный тем, что его разбудили.

— Мунглум! Опасность! — Громкий крик Эльрика прорезал ночь.

Теперь альбиносу было что защищать кроме своей жизни. Голова щуплого воина дернулась. Кривой меч, который он чистил вчера вечером, по-прежнему лежал на коленях. Схватив его, Мунглум вскочил на ноги и кинулся на помощь приятелю, которого окружали люди Орга.

— Извини, — выдохнул коротышка.

— Это моя ошибка, я...

И тут люди Орга бросились на них. Эльрик и Мунглум стояли возле девушки. Она проснулась и, проявив немалое мужество, принялась спокойно осматриваться в поисках оружия, но ничего не нашла и замерла на месте, чтобы не мешать мужчинам.

Целая дюжина воняющих, словно падаль, непрерывно бормочущих существ накинута на Эльрика и Мунглума, размахивая тяжелыми клинками, похожими на ножи мясника — длинными и опасными.

Приносящий Бурю взвыл и, отбив меч противника, снес омерзительному созданию голову. Тело повалилось прямо в еще теплые угли, заливая их кровью. Мунглум, уворачиваясь от следующей твари, потерял равновесие, но падая, успел перерезать сухожилия на ее кривых ногах, и она с криком повалилась. Не поднимаясь с земли, Мунглум нанес удар вверх и попал еще одному противнику в сердце. Затем он вскочил на ноги и встал

плечом к плечу с Эльриком. Теперь, под надежным прикрытием, Зариния смогла встать и спрятаться за их спинами.

— Лошади! — крикнул, не оборачиваясь, альбинос. — Если они на месте, постарайся привести их.

Еще семеро местных разбойников, шипя и воя, продолжали наступать. Мунглум застонал, когда вражеский клинок срезал плоть с его левой руки, и тут же ответил, пропоров нападавшему горло, а затем слегка повернулся и ударил другого в лицо. Друзья прокладывали себе путь, уничтожая разъяренных уродцев. Левая рука Мунглума окрасилась кровью, но он, преодолевая боль, достал из ножен длинный кинжал и держал его, прижимая к ладони большим пальцем. Поднырнув под меч очередного противника, маленький воин на мгновение приник к нему и всадил нож под ребра — снизу вверх. И тут же сам скорчился от приступа боли.

Эльрик взялся за рукоять рунного меча обеими руками и работал им, как дровосек, разрубая врагов на куски. Зариния тем временем успела добежать до коней, вскочила на своего и подвела остальных к сражающимся. Эльрик, прикончив напоследок еще одного разбойника, вспрягнул в седло, радуясь собственной предусмотрительности: все снаряжение оставалось притороченным к седлам, и теперь они без помех могли скрыться. Мунглум быстро последовал примеру приятеля, и через несколько минут маленький отряд был уже довольно далеко от проклятой поляны.

— Седельные сумки! — крикнул Мунглум. В его голосе слышалась смертельная мука. — Мы оставили седельные сумки!

— Ну и что? Не испытывай судьбу, друг мой.

— Но ведь там все наши сокровища!

Эльрик весело рассмеялся — напряжение и страх растаяли как дым.

— Добудем еще, не беспокойся.

— Я знаю тебя, Эльрик. Тебе не нужно золото, — обиженно проговорил Мунглум, но вскоре и он развеселился: в конце концов, пока они живы, возможность разбогатеть всегда остается.

Они рысью скакали по лесной дороге. Эльрик догнал и обнял Заринию.

— Ты унаследовала отвагу своего благородного клана, — сказал он.

— Благодарю, — слегка наклонила голову юная женщина. — Но, боюсь, наши мужчины не могут сравниться с тобой в искусстве боя на мечях. Ничего подобного я никогда не видела.

— Это клинок, — кратко пояснил Эльрик.

— Да неужели? Я думаю, что ты слишком доверяешь этому кошмарному оружию, каким бы мощным оно ни было.

— Я нуждаюсь в нем.

— Почему?

— Он дает силы мне, а теперь еще и тебе.

— Я не вампир, — улыбнулась она.

— Лучше принимай все как есть. — Эльрик помрачнел. — Ты не сможешь любить меня, если клинок перестанет давать мне силу. Без него я как выброшенная на берег медуза.

— Я не верю в это, но спорить не хочу.

Некоторое время они ехали молча. Наконец Эльрик решил, что они уже в безопасности и могут остановиться. Путешественники спешили,

и Зариния занялась Мунглумом. Она наложила травы, которые дал ей красноглазый чародей, и забинтовала раненую руку.

Все это время альбинос словно находился где-то далеко отсюда. Невидящий взгляд и отрешенное выражение лица говорили о том, что он погружен в раздумья. Лес наполнился таинственными пугающими звуками.

— Мы оказались в самом сердце Трооса, — сказал наконец Эльрик. — Обогнуть его нам не удалось. Я собирался только посетить короля Орга.

Мунглум расхохотался:

— Может быть, нам стоит послать вперед наши мечи? И заодно связать себе руки? — Боль благодаря сильнодействующим травам, уже не беспокоила язвительного жителя востока.

— Выслушай, а потом веселись. Жители Орга нанесли нам большой ущерб. Они убили родственников Заринии, ранили тебя и захватили наши сокровища. Так что у нас достаточно причин требовать у короля возмещения. По-моему, эти лесовики не блещут умом, и провести их будет легко.

— Да. Король с удовольствием заплатит! Прикажет отрубить нам руки и ноги.

— Я говорю вполне серьезно. Можете считать, что я настаиваю на своем предложении.

— Конечно, я хотел бы вернуть наше богатство. Но мы не можем рисковать безопасностью юной дамы, Эльрик.

— Я стану женой Эльрика, Мунглум. И если он хочет посетить короля Орга, я тоже пойду с ним, — горячо заговорила Зариния.

Мунглум поднял бровь:

— Быстро же вы договорились!

— Тем не менее она говорит правду. Мы все пойдем к Оргу, и волшебство защитит нас от королевского гнева, ведь мы явимся без приглашения.

— И ты по-прежнему хочешь смерти и мести, Эльрик.— Мунглум пожал плечами и забрался в седло.— Я не кровожаден, но, если можно получить прибыль, охотно поработаю мечом. Ты можешь считать себя лордом Неудачи, но мне пока нравятся наши приключения! — И щуплый воин выразительно потряс мешочек с деньгами.

— Мы больше не станем ухаживать за смертью,— улыбнулся Эльрик.— Заплатим долги и уедем.

— Скоро наступит заря.— Мунглум посмотрел вверх, на просвечивавшее между ветвями звездное небо.— По моим расчетам, цитадель Оргов находится примерно в шести часах езды отсюда, на юго-юго-восток по Древней Звезде, если, конечно, карта, которую я видел в Надсогоре, составлена правильно.

— Ты замечательно чувствуешь направление, Мунглум. Любой караван не отказался бы от такого проводника, как ты.

— У нас в Элвере создана целая наука о звездах,— ответил Мунглум.— Мы считаем, что они определяют судьбы всей Земли и каждого человека. Когда они крутятся вокруг планеты, они видят все: прошлое, настоящее и будущее. Это наши Боги.

— По крайней мере, это предсказуемые Боги,— одобрительно кивнул Эльрик, и они двинулись в сторону Оргы, не задумываясь о последствиях.

* * *

Мало что известно о крошечном королевстве Орг. Оно было укрыто в самом сердце ужасного леса Троос, а его жители отличались столь своеобразным гостеприимством, что, пожалуй, никому из путешественников по доброй воле не приходило в голову описывать эти места. Уроженцы этих мест отличались крайне неприглядной внешностью и малым ростом. Говорили, что эти уродцы — потомки Обреченного Народа. А правители, как гласили легенды, выглядели вполне нормальными людьми, но разум их был искажен еще более ужасно, чем тела несчастных подданных.

Немногочисленные жители были рассеяны по всей стране, а король правил ими из цитадели, которая также называлась Оргом.

Именно туда и направлялись наши путешественники. По дороге Эльрик рассказал друзьям, как он собирается защитить их — и себя, конечно, — от жителей Орга.

Он нашел в лесу особые листья, которые, если их приготовить определенным образом и произнести соответствующие заклинания, вызывавшие духов, делали любого временно неуязвимым. Правда, произносивший их подвергался хоть и небольшой, но все-таки опасности.

Эти чары каким-то образом преобразовывали кожу и плоть так, что их не разрушали никакие острые предметы, а почти любой удар становился безболезненным. Эльрик объяснил с необыкновенной для него болтливостью, как все это происходит, но его спутники не поняли и половины слов альбиноса.

* * *

Они остановились в часе езды от места, где Мунглум ожидал найти цитадель, чтобы Эльрик смог приготовить снадобье и вызвать чары.

Он разожгли маленький костер, и Эльрик, используя нехитрые приспособления алхимика — ступку и пестик, приступил к делу. Сначала он растер листья и смешал их с небольшим количеством воды. Когда смесь, поставленная на огонь, закипела, он начертил на земле витиеватые руны, и некоторые из них тут же приобрели такие странные формы, словно побывали в ином мире, а потом вернулись обратно.

Кости и кровь, жилы и плоть
Чары и дух прочно свяжите.
Вечные листья, каплю бессмертия
Бросьте в сосуд человеческой жизни.

Эльрик говорил нараспев, и небольшое розовое облачко, зависшее в воздухе над костром, зашевелилось, вытянулось и свилось в спираль, которая устремилась в чашу. Жидкость забулькала и замерла. Волшебник с глазами цвета темного рубина, улыбнувшись, пояснил:

— Это старое заклинание из детских лет, такое простое, что я чуть не забыл его. Нужные листья растут только в Троосе, и поэтому редко удается получить их.

Жидкость затвердела, и Эльрик разломал то, что получилось, на маленькие кусочки.

— Если принять сразу слишком много, — предупредил он, — можно отравиться и умереть. Снадобье действует несколько часов. Точную дозу я

вычислить не могу. Нет времени. Так что придется рискнуть.— Он вручил Мунглуму и Заринии по кусочку, и друзья с сомнением посмотрели на магическое угощение.— Проглотите до того, как мы попадем в цитадель,— сказал им Эльрик,— а если на нас нападут, применяйте немедленно.

После этого все сели на коней и поехали дальше.

В нескольких милях к юго-востоку от Трооса слепой человек пел печальную песню во сне и проснулся от звука собственного голоса...

Путешественники добрались до цитадели в сумерках. Гортанные голоса окликнули их со стены вырубленного в скале древнего жилища королей Орга. Чудовищный монолит был покрыт влагой и изъеден лишайниками и хилыми пестрыми мхами. К единственному входу, достаточно высокому, чтобы в него можно было въехать верхом, вела тропа, больше похожая на мелкий ручей из смердящей черной грязи.

— Какое у вас дело к королевскому двору Гутерана Могущественного?

Они не могли видеть того, кто задал вопрос.

— Мы ищем крова и аудиенции у вашего господина,— вежливо ответил Мунглум, скрывая нервозность.— Мы принесли в Орг важные вести.

Стражник с изуродованным лицом свесился со стены:

— Входите, путники, и привет вам.

Сказанное прозвучало как приказ убираться вон.

Тяжелые деревянные ворота поднялись вверх, открывая вход, всадники медленно въехали по глубокой грязи во двор цитадели и спешились.

Серое небо неожиданно превратилось в поле состязаний черных лохматых туч, которые мчались к горизонту, словно стремясь покинуть поскорее жуткие границы Орга и мерзкий лес Троос. Зловонная грязь, точно такая же, что и возле ворот, покрывала двор, правда, не таким толстым слоем. Тяжелые неподвижные тени скрывали архитектурное убранство древнего строения. Справа от Эльрика виднелась выщербленная лестница, которая вела наверх, к арочному входу. Уродливые пятна лишайников — альбинос заметил их и на внешних стенах, и в лесу Троос — покрывали изъеденный временем камень.

Спустя мгновение на верху лестницы появился высокий человек. Остановившись и поглаживая лишайники бледной рукой, украшенной кольцами, он принялся рассматривать посетителей. В противоположность поспешно заполнявшим двор уродцам он был красив, а его длинные волосы были такими же белыми, как у Эльрика. Впрочем, волосы этого крупного и несколько обрюзгшего человека явно нуждались в горячей воде, мыле и расческе. Одежду стареющего красавца — выглядел он лет на пятьдесят — тоже не мешало бы почистить: тяжелый камзол из простеганной и украшенной рельефом кожи покрывали сальные пятна, а достигавшая лодыжек накидка прежде имела желтый цвет. За пояс этот человек заткнул широкий кинжал без ножен. Эльрик вновь перевел взгляд на лицо хозяина цитадели. Мужественное, хотя и слегка нервное, покрытое морщинами и следами от оспы, оно не выражало ничего.

Король, не произнося ни слова, жестом приказал опустить ворота, и они тут же закрылись с сильным ударом, отрезая путешественников от внешнего мира.

— Убейте мужчин, но оставьте в живых женщину, — проговорил повелитель Орга тихим бесцветным голосом. Эльрику доводилось слышать, что так говорят мертвые.

Согласно продуманному плану Зариния, стояла между Эльриком и Мунглумом, которые, услышав приказ, усмехнулись и скрестили руки на груди.

Удивленные и настороженные уродцы, шаркая, приблизились к ним. Широкие штаны стражников тащились по грязи, руки были скрыты длинными бесформенными рукавами засаленных одежд. Они выхватили мечи, похожие на большие ножи мясников, взмахнули ими... Альбинос почувствовал несколько слабых толчков, и, судя по выражению лица Мунглума, он испытал то же самое.

Стражники попятились — испуг и изумление застыли на их хищных лицах.

Высокий человек широко раскрыл глаза, поднес руку, унизанную кольцами, к толстогубому рту и принялся грызть ноготь.

— Наши мечи не берут их, король! Они прочнее камня, и из них не течет кровь. Кто это?

Эльрик нарочито рассмеялся:

— Мы не обычные люди, запомните это, маленькие человечки. Мы, посланцы богов, принесли вашему королю весть от наших великих хозяев. Не беспокойтесь, мы не причиним вам вреда. Опустите ваши бесполезные мечи и приветствуйте нас.

Эльрик заметил, что король Гутеран, несмотря на явное замешательство, не поверил ни одному его слову, и выругался про себя. Считая лесных уродцев недоумками, он недооценил их правителя, а этот король, безумный или нет, оказался весьма сообразительным — по крайней мере, обмануть его не удалось. Альбинос направился по лестнице к сердитому Гутерану.

— Приветствуем тебя, король Гутеран. Боги наконец вернулись в Орг и желают, чтобы ты знал это.

— Орг не поклоняется никаким богам целую вечность,— глухо ответил король, поворачиваясь спиной к непрошеным гостям и собираясь уйти.— Зачем они нам теперь?

— Ты дерзок, король.

— А вы не в меру нахальны. Откуда я знаю, что вас послали боги?

Мерно печатая шаги, он шел через низкие залы. Эльрик и его друзья — следом.

— Ты видел, мечи твоих подданных не причинили нам вреда.

— Верно. Буду считать это доказательством. Полагаю, следует устроить пиршество в вашу честь? Я распоряжусь. Добро пожаловать, посланцы.

Его слова звучали неискренне, но определить, что чувствует король, было невозможно: он говорил ровно, спокойно и равнодушно.

Эльрик скинул тяжелый дорожный плащ и беспечно заявил:

— Мы расскажем о твоей доброте нашим хозяевам.

* * *

Дворец представлял собой бесконечную череду мрачных залов, в которых, казалось, витали тягостные воспоминания о бессмысленно потерянной жизни. Эльрик, пытаясь хоть немного разобраться, что происходит, задал Гутерану множество вопросов, но король не отвечал на них или отделялся ничего не значащими фразами.

Гостям, пусть и незванным, не отвели даже комнат для отдыха. Вместо этого они простояли несколько часов в главном зале перед Гутераном, который развалился на троне и грыз ногти, не только не отдав приказа готовить обещанное застолье, но вообще, казалось, позабыв о существовании чужестранцев.

— Удивительное гостеприимство, — прошептал Мунглум.

— Эльрик, как долго действует снадобье? — Зариния по-прежнему стояла рядом с ним.

Он обнял ее за плечи:

— Не знаю. Не слишком долго. Оно уже со служило свою службу. Я сомневаюсь, что они открыто нападут еще раз. Надо опасаться чего-то более изощренного.

В главном зале, который отличался от прочих более высоким потолком и расположенной по периметру несуразной галереей, было ужасно холодно: в открытых очагах огня не разводили, видимо, целую вечность. Безобразные пятна сырости покрывали голые стены, сложенные некогда из серого пористого камня, пол был усыпан костями и гниющими объедками.

— Вряд ли можно гордиться таким домом, не так ли? — заметил Мунглум, с отвращением глядя и вокруг, и на Гутерана, который не обращал на них ни малейшего внимания.

Сгорбленный слуга прошаркал через зал и шепнул королю несколько слов. Тот кивнул, поднялся с места и пошел к выходу из большого зала.

Вскоре появились люди, которые притащили скамьи и столы, а затем принялись расставлять их. Потом приволокли кубки и блюда с какой-то весьма непривлекательной снедью. Обещанное застолье должно было наконец начаться. Но вся эта безрадостная суета пугала больше, чем тягостное ожидание. Угроза ощущалась в самом воздухе этого мрачного зала.

Прошло совсем немного времени, и то, что именовалось в Орге пиршеством, потекло своим чередом. Гости сидели справа от Гутерана, украшенного теперь знаком королевского отличия. Его сын и несколько бледнолицых женщин из королевской семьи занимали места слева. Они не разговаривали даже между собой.

Принц Хурд, мрачный молодой человек, который, казалось, таил на отца смертельную обиду, набросился на еду, как голодный волк. Запивал он ее невероятным количеством местного вина, почти безвкусного, но крепкого, которое в конце концов развязало языки сидевших за столом.

— И чего же хотят боги от нас, бедного народа Орга? — поинтересовался Хурд, пристально глядя на Заринию.

Эльрик ответил:

— Им ничего не нужно от вас, только признание. За это они будут при случае помогать вам.

— И это все? — расхохотался Хурд. — Пожалуй, побольше, чем могут предложить те, с Холма, а, отец?

Гутеран медленно повернул большую голову и сурово посмотрел на сына.

— Да, — ответил он, и в его тоне слышалось предостережение.

Мунглум спросил:

— Холм — что это такое?

Ответа не последовало. Пронзительный истеричный смех привлек всеобщее внимание. У входа в большой зал появился изможденный человек с застывшим взглядом. Его лицо с впалыми щеками очень напоминало лицо Гутерана. В костлявых, похожих на птичьи лапы руках он сжимал какой-то музыкальный инструмент. Отсмеявшись, странный человек ударил по струнам, и они издали пронзительный вой.

Хурд повернулся к королю:

— Смотри, отец, пришел слепой Вееркад, мнестрель, твой брат. Он споет для нас?

— Споет?

— Пусть он споет свои песни, отец.

Губы Гутерана задрожали и скривились, но через мгновение он произнес:

— Он может развлечь наших гостей героической балладой, если захочет, но...

— Но некоторых песен он петь не будет... — Хурд злобно улыбнулся. Казалось, он умышленно терзает отца. Принц закричал слепцу: — Дядя Вееркад, ну-ка спой!

— За столом есть чужеземцы,— проговорил Вееркад глухо, сопровождая слова звуками своей дикой музыки.— Чужестранцы в Орге...

Хурд захихикал и выпил вина. Гутеран нахмурился и, пытаясь унять нервную дрожь, снова принялся грызть ногти.

— Мы хотели бы услышать песню, менестрель,— объявил Эльрик.

— Тогда, чужеземцы, послушайте песню о Трех Королях и узнайте ужасную историю правителей Орга.

— Нет! — закричал Гутеран, вскакивая, но Вееркад уже начал:

Во тьме покоятся три короля,
Гутеран из Орга и я —
Под блеклым бессолнечным небом,
А третий лежит под Холмом.
И третий восстанет из-под Холма,
Когда умрут Гутеран или я...

— Остановись! — Король в безумной ярости прыгнул на стол и, дрожа от страха, с побелевшим лицом побежал к менестрелю, дважды ударил своего брата, тот упал и замер.— Унесите его вон! И не разрешайте ему входить! — От крика на губах Гутерана появилась пена.

Хурд, мгновенно протрезвев, вскочил на стол, разбрасывая блюда и кубки, и схватил отца за руку.

— Успокойся, отец. Я предлагаю другое развлечение.

— Ты! Ты жаждешь моего трона. Это ты подготовил Вееркада спеть его страшную песню. Ты знаешь, что я не могу слышать без... — Он посмотрел на дверь.— Однажды предсказание сбудется, и придет Король Холма. Тогда я, ты и Орг исчезнем.

— Отец...— На лице Хурда играла жуткая улыбка.— Пусть гостя станцует нам танец богов.

— Что?

— Пусть женщина станцует для нас, отец.

Эльрик слушал его и размышлял: снадобье, скорее всего, уже не действует, значит, пора принять следующие дозы, но как? Встревоженный бледнолицый чародей встал из-за стола:

— Это святотатство, принц!

— Мы развлекли вас. Теперь ваш черед. Таков наш обычай.

И вновь угроза стала ощутимой. Эльрик уже не раз пожалел о своей задумке обмануть людей Орга, но сделанного не воротишь. Идея собрать дань во имя богов казалась такой привлекательной... Однако эти сумасшедшие больше боялись ощутимых опасностей, чем эфемерного гнева сверхъестественных созданий.

Альбинос понимал, что допустил чудовищную ошибку, поставив под угрозу жизни своих друзей, да и свою собственную. Что же теперь делать? И тут Зариния проговорила:

— Я училась танцевать в Илмиоре, у нас этому искусству обучают всех девочек благородного происхождения. Позволь мне выполнить их просьбу. Они успокоятся и, может быть, станут более покладистыми. Тогда мы сделаем то, за чем пришли.

— Ариох знает, выйдет у нас что-нибудь или нет. Напрасно я уговорил вас сунуться сюда. А теперь, Зариния, станцуй для них, но остерегайся.— Он закричал Хурду: — Леди порадует вас своим искусством. Но после этого вы дол-

жны заплатить дань, потому что боги не любят ждать.

— Дань? — Гутеран удивленно посмотрел на него. — Вы ничего не говорили о дани.

— Признание богов всегда означает подношения. Драгоценные камни и металлы, благовоения... Я думал, это и так понятно.

— Вы становитесь больше похожими на обычных воров, чем на посланцев неведомого, друзья мои. Мы живем небогато, и ничего не даем шарлатанам.

— Твои слова разгневают богов, король! — Ясный голос Эльрика эхом прокатился по залу.

— Мы посмотрим танец и потом определим, лжете вы или нет.

Эльрик опустился на место и, подбадривая Заринию, легонько сжал под столом руку девушки.

Она грациозно и уверенно вышла на середину зала и начала танцевать. Альбиноса, и так безмерно восхищавшегося юной дамой, изумили ее изящество и артистизм. Прекрасные старинные танцы Илмиора очаровали даже тупоголовых жителей Орга. Спокойствие опустилось на большой зал, и в это мгновение внесли большую золотую чашу.

Хурд бросил быстрый взгляд на отца и сказал Эльрику:

— Эта чаша для гостей. В знак дружбы наши гости пьют из нее. Это еще один обычай наших предков.

Эльрик, недовольный тем, что его отвлекли от чудесного зрелища, кивнул — он, не отрывая глаз, смотрел на Заринию, впрочем, как и все остальные. В зале царило молчание.

Хурд передал Эльрику чашу, и тот бездумно поднес ее к губам. Увидев это, плясунья вскочила на стол и устремилась туда, где сидел ее возлюбленный. Он сделал первый глоток, Зариния закричала и ударом ноги выбила чашу из его рук. Вино выплеснулось на вскочивших с мест Гутерана и Хурда.

— Оно отравлено, Эльрик!

Хурд схватил девушку и ударил в лицо. Она со стоном упала на грязный пол.

— Сука! Разве посланцы богов могут пострадать от отравы?

Разъяренный Эльрик оттолкнул метнувшегося к нему Гутерана и набросился на Хурда так яростно, что изо рта молодого человека хлынула кровь. Но яд уже начал действовать. Гутеран что-то прокричал, и Мунглум выхватил меч, но все это альбинос видел словно во сне. Он заметил, как слуги схватили Заринию, а потом все начало расплываться перед его глазами. Он чувствовал слабость и головокружение и едва мог шевелить руками. Собрав остатки сил, Эльрик сбил Хурда с ног одним сильнейшим ударом, а затем потерял сознание.

* * *

Он чувствовал холод цепей, которые сковали его запястья, и мелкий дождь, колотивший по исцарапанному ногтями Хурда лицу. Осмотревшись, он понял, что прикован между двумя каменными столбами над гигантским могильным холмом. Была ночь, и бледная луна висела прямо над головой. Он взглянул вниз и увидел несколь-

ких людей, а среди них — Хурда и Гутерана. Они насмешливо улыбались ему.

— Прощай, посланец. Ты сослужишь нам добрую службу и успокоишь кое-кого из Холма! — крикнул Хурд, устремляясь вместе с другими к цитадели, которая виднелась неподалеку.

Где он оказался? Что случилось с Заринией и Мунглумом? Зачем его приковали над этим — он понял и вспомнил — Холмом?

Он ужаснулся, осознавая свое плачевное положение, и задержался с отчаянием обреченного, но цепи не поддавались. Он начал было обдумывать, как спастись, но тревога за спутников мешала сосредоточиться. И тут послышался отдаленный вой. Посмотрев вниз, Эльрик увидел ужасную белую фигуру, которая спешила к нему. Он снова забился в цепях, и звон крепких железных звеньев огласил округу.

* * *

Странное пиршество в большом зале цитадели превратилось в оргию. Совершенно пьяные Гутеран и Хурд безумно хохотали, радуясь победе.

В коридоре, за дверью зала, слушая их, задыхался от ненависти Вееркад. Он был бы счастлив разорвать на кусочки своего брата, Гутерана, который сначала отнял у него, Вееркада, трон, а затем и зрение, чтобы тот не смог изучить волшебство, способное воскресить Короля Холма.

— Время настало, пора, — прошептал слепой и остановил проходившего мимо слугу. — Скажи, где держат девушку?

— В комнатах Гутерана, хозяин.

Вееркад отпустил слугу и, изображая смертельно пьяного, на ощупь двинулся по мрачным коридорам. Отыскав нужную дверь, он вынул ключ, один из многих, сделанных без ведома Гутерана, и открыл дверь.

Зариния видела, как слепой вошел и направился прямо к ней, но ничего поделать не могла. С заткнутым какой-то вонючей тряпкой ртом, связанная своим собственным платьем, с кружившейся от удара мерзавца Хурда головой, она не имела возможности даже пошевелиться. Из путанных речей притаивших ее стражников она знала о страшной участи, уготованной Эльрику, и о побеге Мунглума. Теперь отвратительные уроды пытались поймать юркого восточного воина в грязных коридорах Орга, а Зариния ждала...

— Я пришел развеять твое одиночество, милая девушка.

Вееркад улыбнулся, грубо схватил пленницу, с нечеловеческой силой, которую питало его безумие, вскинул на плечо и понес к двери. Он отлично знал все коридоры Орга, потому что родился и вырос здесь, а кроме того, им руководило невероятно развитое чутье. Впрочем, сейчас, стремясь осуществить свой кошмарный замысел, слепой не заметил двух людей, затаившихся недалеко от апартаментов Гутерана.

Одним из них был Хурд, принц Орга, возмущенный тем, что отец взял девушку себе, и вознамерившийся силой исправить это недоразумение. Он видел, как Вееркад тащил Заринию, и, слившись со стеной, постарался не привлекать к себе внимание дядюшки.

А другой наблюдатель, Мунглум, прятался здесь от стражников. Когда Хурд осторожно последовал за слепцом, Мунглум двинулся за ним.

Вееркад вышел из цитадели через маленькую боковую дверь и потащил свою ношу к могильному холму.

У подножия чудовищного кургана толпились белые, как ядовитые грибы Трооса, живые мертвецы, возбужденные присутствием Эльрика, которого принесли им в жертву люди Орга.

Теперь Эльрик понял, кого Орг боялся больше, чем богов. Это были предки тех, кто теперь пировал в большом зале. Возможно, именно их называли Обреченным Народом. Неужели им не суждено успокоиться? Никогда не умереть? Превратиться в жутких упырей?

Отчаяние вернуло альбиносу память. Его голос прозвучал криком агонии, что взывал к беспокойному небу и шевелившейся земле.

— Ариох! Разрушь камни! Спаси своего слугу! Ариох! Хозяин! Помоги мне!

Тишина. Мертвецы собрались вместе и начали, бормоча и раскачиваясь, подниматься по холму к беспомощному человеку.

— Ариох! Эти создания отвергают тебя и твою память! Помоги уничтожить их! — воскликнул Эльрик.

Земля задрожала, и тучи, скрыв луну, заволокли небо, но белесые твари уже касались его подошв.

Вдруг высоко над головой Эльрика появился огненный шар, и само небо содрогнулось, извергая его. Через мгновение две молнии с ревом и

грохотом ринулись вниз и разметали в пыль каменные столбы.

Альбинос вскочил на ноги, зная, что Ариох потребует плату, и тут первые ходячие трупы достигли его.

Он не отступил, а в гневе и отчаянии принялся неистово молотить их кусками цепи, прыгая и кружась, словно бесноватый. Упыри падали на землю, подвывая, сбегали вниз по холму и проваливались в темноту.

Теперь Эльрик рассмотрел, что внизу, под ним, зиял пустотой открытый вход в гробницу. Тяжело дыша, чудом спасшийся красноглазый воин обнаружил, что его пояс остался на нем. Вытащив из кармашка кусочек тонкой золотой проволоки, Эльрик начал торопливо открывать ею замки оков.

А внизу, под холмом, в густой тени, слепой все еще тащил свою ношу. Наконец он удовлетворенно хмыкнул, и Зариния, услышав это, почти обезумела от ужаса. А он продолжал цедить ей в ухо слова:

— Когда поднимется третий? Только если умрем или я, или мой братец. Когда потечет красная кровь, мы услышим звук шагов мертвого. Ты и я, мы воскресим его, и он отомстит моему проклятому родственничку. Нет, я не хочу умирать! Твоя кровь, моя дорогая, именно она освободит его.— Не ощущая присутствия живых мертвецов, Вееркад решил, что они успокоились, приняв жертву.— Твой любовник оказался мне очень полезен,— рассмеялся он, входя в гробницу.

Запах смерти лишил девушку последних сил, и она жалобно заскулила, а слепой безумец тащил ее вниз, в сердце Холма.

Хурд, протрезвевший после прогулки на свежем воздухе, ужаснулся, увидев, куда идет слепец: гробница, Холм Королей, была самым страшным местом на земле Орга. Перепуганный принц задержался перед черным входом и медленно попятился. И тут, подняв глаза, на фоне прояснившегося неба он увидел Эльрика, который спускался по склону, отрезая путь к бегству.

С диким криком Хурд вбежал внутрь Холма.

Эльрик не заметил принца, но, услышав крик, попытался рассмотреть, кто кричал, но тот уже исчез. Встревоженный и удивленный, альбинос кинулся вниз, по крутому склону, ко входу в гробницу. В это мгновение еще один человек появился из темноты.

— Эльрик! Спасибо звездам и всем богам! Ты жив!

— Благодаря Ариоху, Мунглум. Где Зариния?

— Здесь. Слепой менестрель утащил ее, и за ним последовал Хурд. Они все безумны, эти короли и принцы, и я не понимаю, что они делают.

— Мне кажется, Зариния в опасности. Этот менестрель способен на все. Быстро, надо их догнать.

— Во имя звезд, этот запах смерти! Я никогда не вдыхал ничего подобного, даже после великой битвы в долине Эшмира, где армии Элвера столкнулись с войсками Калега Вогуна, узурпатора Тангхенси. Тогда полмиллиона трупов завалили огромную долину от края до края.

Они бросились в проход, слыша издали сумасшедший смех Вееркада и звук шагов перепуганного Хурда, который оказался между двумя врагами и еще больше боялся третьего.

Внезапно послышался какой-то шум, и, всхлипывая от страха, принц бросился в темноту.

* * *

В самой середине гробницы Вееркад, окруженный разложившимися телами своих предков, которые слегка светились в темноте, распевал ритуальные заклинания перед гробом Короля Холма — гигантским каменным саркофагом, рядом с которым безумный менестрель, довольно рослый, казался жалким заморышем. О своей безопасности Вееркад не вспоминал, он думал только о мести своему брату Гутерану. Он занес длинный кинжал над Заринией, которая лежала на полу возле гроба, закрыв глаза от ужаса.

Ритуальное убийство должно было стать кульминацией, а затем... Черная сила вырвется на свободу.

Так, по крайней мере, думал безумец. Он произнес последнее слово и приготовился нанести удар в тот самый миг, когда Хурд, вопя от страха, вбежал в середину гробницы с мечом в руках. Вееркад резко повернулся, и его слепое лицо исказилось от ярости.

Не задерживаясь ни на секунду, Хурд ткнул мечом в грудь менестреля с такой силой, что клинок вошел по самую рукоять и окровавленное острие вышло через спину. Но Вееркад в предсмертных судорогах схватил принца за горло и сомкнул пальцы с силой капкана.

Какое-то время эти двое, еще сохраняя остатки уходящей жизни, кружились в жутком танце смерти, а гроб Короля Холма начал раскачиваться и трястись, пока едва заметно.

Эта чудовищная картина предстала удивленным взглядам Эльрика и Мунглума. Увидев, что Вееркад и Хурд почти мертвы, альбинос кинулся к Заринии, которая лежала в беспамятстве и потому ничего не видела. Эльрик сгреб ее в охапку и кинулся к выходу, успев бросить взгляд на гроб.

— Скорей, Мунглум! Этот слепой глупец, похоже, разбудил мертвого.

Мунглум ахнул и побежал вслед за альбиносом.

— Куда теперь, Эльрик?

— Придется рискнуть и вернуться в цитадель. Там наши кони и пожитки. Нужно поскорее убраться отсюда, а пешком мы далеко не уйдем. Похоже, здесь намечается жуткое кровопролитие, если меня не обманывает мой внутренний голос.

— Вряд ли нам кто-нибудь сможет помешать, Эльрик. Они все уже были пьяны, когда я сбежал. Поэтому мне и удалось так легко улизнуть. А теперь, если они продолжали пить, как лошади на водопое, они вряд ли способны вообще двигаться.

— Тогда вперед.

Оставив Холм позади, они устремились к цитадели.

* * *

Мунглум оказался прав. В большом зале все уже валялись в пьяном сне. В очагах ярко горел

огонь, и уродливые тени плясали на стенах и закопченном потолке. Эльрик тихо сказал:

— Мунглум, идите с Заринией в конюшню и подготовьте наших лошадей. А я хочу отдать долг Гутерану.— Он взмахнул рукой.— Смотри, радуясь своей очевидной победе, они свалили всю добычу на стол.

Приносящий Бурю лежал на куче порванных мешков и седельных сумок — это были вещи родственников Заринии, а также Эльрика и Мунглума.

Девушка — она пришла в сознание, но вряд ли оправилась от пережитого — молча отправилась с Мунглумом искать конюшни, а Эльрик двинулся к столу, обходя валявшихся возле горящих очагов пьяных жителей Орга, и радостно схватил выкованный черными силами рунный меч.

Он перепрыгнул через стол и собирался было клинком разбудить Гутерана, на шее которого по-прежнему красовалась украшенная драгоценными камнями цепь, но в это мгновение тяжелые двери зала распахнулись, и ледяной ветер, завывая на галерее, заставил метаться пламя факелов. Эльрик обернулся, забыв про Гутерана, и глаза его широко раскрылись.

У входа в зал стоял Король Холма.

Давно умершего монарха возродили заклинания Вееркада, собственная кровь которого завершила ритуал. На Короле были полуистлевшие одежды, кости без мышц покрывали опметки кожи, сердце не билось — оно давно стало прахом, он не дышал, потому что его легкие были съедены трупными червями. Но, как это ни ужасно, он был жив...

Король Холма. Последним великий правитель Обреченного Народа, который в своей ярости уничтожил половину земли и создал лес Троос. За спиной мертвого владыки толпились ожившие трупы воинов, похороненных вместе с ним в легендарном прошлом.

Началось избиение!

Эльрик мог только предполагать, развязку какой кровавой драмы ему привелось увидеть, зато он прекрасно понимал, что зритель этого действия вряд ли сумеет остаться в живых.

Когда пробудившаяся от вечного сна орда обратила свой гнев на людей, зал наполнился криками и жуткими воплями несчастных. Эльрик, остолбеневший от ужаса, замер с мечом наготове возле трона. Ужасный Гутеран, стряхнув пьяную одурь, увидел Короля Холма, его кошмарную свиту и вскрикнул почти с благодарностью:

— Наконец-то я могу отдохнуть!

И тут же повалился, схватившись за грудь. Мстить больше было некому.

Печальная песня Вееркада эхом отозвалась в памяти альбиноса. Три короля во тьме: Гутеран, Вееркад и Король Холма. Теперь в Орге остался лишь тот, кто умер в незапамятные времена.

Холодные мертвые глаза Короля, обшаривая зал, увидели Гутерана, на мертвой груди которого висел знак монаршей власти. Эльрик, повинувшись необъяснимому порыву, сдернул королевскую цепь и, заметив движение кошмарного пришельца, начал отступать, но вскоре уперся спиной в стол. Вокруг пировали ожившие трупы древних воинов, а мертвый Король подходил все

ближе и ближе, а затем со стоном, который исходил из глубины его полусгнившего тела, бросился на Эльрика. Тот, стряхнув наконец непонятный морок, начал отчаянно сражаться с немыслимым врагом, плоть которого и не кровоточила, и не чувствовала боли. Даже волшебный рунный меч не мог справиться с этим существом, у которого не было ни души, чтобы ее унести, ни крови, чтобы выпустить ее.

Красноглазый воин неистово колот и рубил Короля Холма, но острые когти впивались в его тело, зубы норовили вцепиться в горло, а тяжелый трупный запах, пропитавший воздух, отравлял кровь, просачиваясь через кожу.

И тут Эльрика окликнули. Чуть повернув голову, он увидел на опоясывавшей зал галерее Мунглума. В руках маленький воин держал бочонок масла.

— Замани его поближе к большому очагу, Эльрик. Только так можно победить это отродье. Быстрее, а то погибнешь!

Собрав все силы, бледнолицый чародей погнал Короля к пламени. Вокруг них безучастные к схватке упыри пожирали останки своих жертв, и крики живых людей леденили кровь.

Теперь Король Холма стоял, ничего не чувствуя, спиной к огромному очагу и готовился к очередному броску. Мунглум тем временем метко швырнул бочонок, и тот разбился о каменный пол, облив Короля вспыхнувшим маслом. Мертвец закачался, и Эльрик, объединив усилия с Приносящим Бурю, ударил его изо всех сил, толкая в пламя. Король шагнул назад...

Отчаянный вопль вырвался из груди горящего гиганта. Еще секунду он стоял, воздев сжатые кулаки к небу, а затем рухнул, и огонь поглотил его. Языки пламени взлетели к потолку, и пожар начал распространяться по залу с чудовищной быстротой. Вскоре все помещение превратилось в огненное море. Гудящее пламя пожирало останки истерзанных людей и отвратительные ходячие трупы, которые яростно вгрызались в любую плоть, ничего не замечая. Бежать было некуда.

Эльрик посмотрел вокруг: вот он, путь к спасению — наверх. Сунув в ножны меч, он разбежался, подпрыгнул и схватился за поручни — пламя мгновенно метнулось туда, где он только что стоял. Мунглум наклонился и втянул приятеля на галерею.

— Я разочарован, Эльрик, — улыбнулся он, — ты забыл взять сокровища.

Выразительно покачав головой, альбинос показал ему то, что держал в левой руке, — украшенную драгоценными камнями цепь, знак королевской власти.

— Эта безделушка хоть немного развеет твою печаль? — Он усмехнулся, рассматривая сверкающую цепь. — Я ничего не украл, клянусь Ариохом! В Орге не осталось королей, которые могли бы носить это. Идем скорее к Заринии.

Они помчались по галерее: в большом зале уже начали обрушиваться стропила.

Неистово погоняя коней, они поскакали прочь от цитадели и, обернувшись, увидели, как в ее стенах появились огромные трещины. Даже сюда долетал рев пламени, которое пожирало все, что

было когда-то Оргом. Круг замкнулся, сгинули во тьме Три Короля, настоящее и прошлое слились воедино. Ничего не останется от Орга, кроме пустого могильного холма и двух трупов, обреченных вечно сжимать друг друга в смертельных объятиях, там, где столетиями не знали успокоения их предки. Эльрик и его друзья, сами того не желая, разорвали связь с предыдущей эпохой и очистили Землю от древнего зла. И только страшный лес Троос остался на память об Обреченном Народе. И как предупреждение.

Но теперь, когда все испытания были уже позади, Эльрик вдруг задумался и помрачнел.

— Почему ты так нахмурился, любовь моя? — спросила Зариния.

— Я понял, что был не прав. Помнишь, ты сказала, что я слишком полагаюсь на свой рунный меч?

— Да. И еще я добавила, что не буду спорить с тобой.

— Так вот, меня не оставляет ощущение, что права все-таки ты. На Холме и внутри него я был один, без Приносящего Бурю, и тем не менее выжил и победил, потому что беспокоился за тебя.— Последние слова он произнес так тихо, что девушка с трудом их расслышала.— Может быть, со временем я смогу поддерживать свои силы с помощью трав, которые попались мне в Троосе, и расстаться с мечом навсегда.

Мунглум расхохотался:

— Эльрик, я никогда не думал, что услышу от тебя что-либо подобное. Ты осмеливаешься думать о том, чтобы проститься с этим кровопий-

цей и душегубом! Не знаю, добьешься ли ты успеха, но сама по себе эта мысль очень приятна.

— Это так, друг мой, это так.

Он наклонился и, притянув Заринию к себе, обнял ее за плечи, хотя они продолжали скакать галопом, не сбавляя скорости. На полном скаку он поцеловал ее и закричал, перекрывая ветер:

— Это начало! Начало новой жизни, любовь моя!

* * *

Потом они ехали, весело болтая, к Карлааку у Плачущей Пустоши, чтобы, познакомившись с Городом Нефритовых Башен и разбогатеv, устроить самую странную брачную церемонию, которая когда-либо совершалась в Северных Странах.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ Поджигатели

К

оршуны с окровавленными клювами парили на холодном ветру, сопровождая орду всадников, которая неудержимо двигалась по Плачущей Пустоши.

Орда пересекла две пустыни и три горных хребта, стремясь попасть в эти края: голод гнал их все дальше и дальше. Их подстегивали сказки о благодатных северных землях и подбадривал неулыб-

чивый тонкогубый вожак, который с важным видом ехал впереди, держа в одной руке десятифутовое копьё, украшенное кровавыми трофеями прежних грабительских набегов.

Всадники ехали медленно: они устали и не ведали, что приближаются к цели.

А тем временем далеко позади орды из Элвера — шумной столицы восточного мира — выехал коренастый всадник. Путь его лежал по долине, некогда плодородной и прекрасной, а теперь мертвой и пустой.

Обугленные стволы деревьев впивались в небо, как пальцы мертвого великана, и лошадь, храпя и фыркая, мчалась среди них, увязая копытами в земле цвета золы. А всадник неистово погонял перепуганное животное, стремясь как можно скорее преодолеть больную пустыню, которая не так давно была добрым Эшмиром, золотым садом востока.

Несчастье постигло Эшмир, а саранча погубила его красоту. Несчастье, что обрушилось на некогда процветающую страну, имело имя — Терарн Гаштек, вожак Орды Всадников, узолиций безумный кровопийца, сжигавший все на своем пути, по прозвищу Поджигатель.

Всадник, без усталости гнавший коня, носил имя Мунглум из Элвера. Был он воином и поэтом и теперь скакал в Карлаак у Плачущей Пустоши — последний оплот западной цивилизации, о которой в восточных землях почти никто не знал. В Карлааке Мунглум хотел отыскать Эльрика из Мелнибонэ — колдуна-альбиноса, императора погибшего Имррира, который теперь постоянно

жил в прекрасном городе своей жены. Он хотел предупредить друга о чудовищной опасности и попросить о помощи.

Низкорослый и самоуверенный, с большим улыбчивым ртом и густыми рыжими волосами, Мунглум казался человеком, которого никакие превратности судьбы не могут выбить из колеи, но теперь на губах его не было улыбки. Слившись воедино со скакуном, он летел к Карлааку — ради Эшмира, прекрасного Эшмира, родины его славных предков.

Больше всего он боялся опоздать.

Туда же направлялся и Тераρν Гаштек. И уже достиг Плачущей Пустоши. Орда перемещалась медленно: ее задерживали телеги. Сначала обоз с продовольствием оставили далеко позади, но, поголодав пару дней, передумали. Однако на скрипучих телегах везли не только еду: на одной из них лежал связанный пленник, проклинавший Терарна Гаштека и его косоглазых воинов.

Впрочем, не только кожаные ремни, из-за которых он и изрыгал проклятья, мешали Дриниджу Бара освободиться. Он был волшебником, и любые, даже самые крепкие, путы вряд ли могли удержать его против воли, но постыдная слабость к вину и женщинам сослужила ему дурную службу. Когда орда ворвалась в городок, где находился волшебник, он пребывал в столь плачевном состоянии, что и сам не заметил, как оказался в руках Терарна Гаштека, завладевшего его душой.

Душа Дриниджа Бара скрывалась в теле черного котенка (обычай чародеев востока предпри-

сывали для безопасности помещать свою душу в тело какого-либо животного). Терарн Гаштек поймал его и постоянно держал при себе. Вот так могущественный Дринидж Бара стал рабом вожака Орды Всадников и вынужден был ему повиноваться, а иначе тот грозил убить котенка и отправить душу волшебника в черную бездну.

* * *

На бледном лице Эльрика из Мелнибонэ виднелись едва заметные следы усталости, но мечтательная улыбка уже тронула его губы: прогуливаясь по висячим садам Карлаака, он с радостью и волнением смотрел на юную черноволосую красавицу.

— Эльрик,— улыбнулась Зариния,— ты нашел свое счастье?

Он кивнул:

— Да. Приносящий Бурю покрывается пылью в оружейной твоего отца. Снадобье, которое я делаю из растений Трооса, придает мне силу и ясное зрение, и его нужно принимать лишь изредка. Я могу позабыть о скитаниях и битвах, боях и походах. Я доволен тем, что живу здесь, с тобой, и изучаю книги в библиотеке Карлаака. Чего еще мне желать? Ты подарила мне радость.

— Ты так часто хвалишь меня, что я возгоржусь.

Он рассмеялся:

— Это лучше, чем мучиться от сомнений. Не беспокойся, Зариния, у меня теперь нет причин пускаться в новые приключения. Не хватает Мунглума, но уроженцу востока неуютно на сумереч-

ном западе. Он тосковал по родине и потому решил съездить туда.

— Я рада твоему умиротворению, Эльрик. Знаешь, мой отец не хотел, чтобы ты жил здесь, опасаясь зла, которое прежде сопровождало тебя, но сейчас он понял, что зло исчезло без следа.

Вдруг с улицы донесся голос мужчины, и кто-то принялся колотить в ворота.

— Пустите меня, проклятье, я должен поговорить с вашим хозяином!

Прибежал слуга:

— Лорд Эльрик, прибыл человек с вестями. Он утверждает, что дружил с вами.

— Как его зовут?

— Мунглум. Так он себя назвал.

— Мунглум! Недолго же он гостил в Элвере. Впусти его!

В глазах Заринии мелькнул страх, и она схватила мужа за руку:

— Эльрик, я чувствую: он привез дурные вести и ты скоро покинешь меня!

— Не бойся, милая. Никакая весть не разлучит нас.

Он поспешил из сада во двор дома. Мунглум стремительно въехал в ворота и соскочил с коня.

— Мунглум, друг мой! К чему эта спешка? Я, конечно, всегда рад видеть тебя, но ты так стремительно ворвался... Что случилось?

Покрытое дорожной пылью лицо Мунглума было угрюмым.

— Поджигатель идет сюда. С ним волшебник, — проговорил он. — Надо поскорее предупредить горожан!

— Поджигатель? Это имя ничего не говорит мне. Ты не бредишь?

— Да, верно. У меня бред! От ненависти. Он разрушил мою родину, уничтожил всю семью, друзей и теперь мечтает завоевать запад. Два года назад он был самым обычным разбойником в пустыне, но затем собрал целую орду варваров и стал грабить города по всем восточным землям. Только Элвер пока не подвергся нападению, потому что город слишком велик, чтобы даже этот негодяй смог взять его приступом. Но две тысячи миль плодородной земли он превратил в дымящуюся пустыню. Он собирается покорить весь мир, а сейчас идет на запад, и с ним — пятьсот тысяч воинов!

— Ты упомянул о волшебстве. Неужели варвары владеют этим сложным искусством?

— Варвары — нет. Но он взял в рабство одного из самых великих волшебников — Дриниджа Бара. Его схватили в Фуме, в таверне, когда он лежал пьяный между двумя бабами. Когда-то давно этот пьяница переселил свою душу в тело кота, чтобы никто не смог украсть ее во сне. Но Терарн Гаштек, Поджигатель, прознав об этой уловке, поймал кота, связал ему лапы и завязал платком морду. Теперь беспутная душа Дриниджа Бара принадлежит Поджигателю, а волшебник стал рабом варвара. Если он перестанет повиноваться, кота прикончат железным мечом, а душу чародея обрекут на вечные муки.

— Хм, какое-то незнакомое волшебство, — сказал Эльрик. — Очень смахивает на суеверие.

— Пусть так. Но Дринидж Бара думает иначе и бесприкословно подчиняется Терарну Гаштеку.

Несколько гордых городов уже разрушены с помощью его магии.

— Как далеко от нас этот Поджигатель?

— Не больше трех дней пути. Я ехал длинной дорогой, стараясь не попадаться на глаза его воинам.

— Значит, надо готовиться к осаде.

— Нет, Эльрик, надо бежать!

— Бежать? Я должен убедить жителей Карлаака покинуть свои дома и оставить этот прекрасный город на потеху свирепой орде?

— Если они не послушаются тебя, пусть поможет им небо. Но ты можешь спастись. Ты и твоя жена. Никто не может противостоять такому врагу.

— Я тоже неплохо владею магией.

— Вряд ли магия в силах оттеснить полмиллиона человек, которым тоже помогает волшебство.

— Да.— Эльрик помрачнел.— И Карлаак — это торговый город, а не крепость. Мунглум, старина, ты убедил меня. Я выступлю на Совете города и постараюсь, в свою очередь, убедить их.

— Только поторопись, Эльрик. Карлаак не продержится и полдня под натиском кровавых псов Терарна Гаштека.

* * *

— До чего же упрямы эти горожане,— говорил Эльрик, когда они вдвоем с Мунглумом сидели в его кабинете поздно вечером.— Они не хотят понять, как велика опасность, отказываются бежать, а я не могу покинуть их. Они встретили меня добром и сделали гражданином Карлаака.

— Значит, мы должны остаться здесь и умереть?

— Возможно. Похоже, выбора нет. Хотя у меня появилась одна идея. Ты сказал, что тот волшебник стал пленником Терарна Гаштека. Что бы он сделал, если бы получил обратно свою душу?

— О! Он с радостью отомстил бы своему обидчику. Но Поджигатель не настолько глуп, чтобы допустить это. Нет, беспутный чародей нам не помощник.

— А если мы сумеем помочь ему?

— Как? Это невозможно.

— В самом деле? — Эльрик иронично вскинул бровь. — Ну ладно. А этот варвар что-нибудь слышал обо мне? Как я выгляжу, чем занимаюсь?

— Нет, насколько я знаю.

— Сможет он узнать тебя?

— Каким образом?

— Тогда я предлагаю присоединиться к нему.

— Присоединиться к нему?! Эльрик, ты сошел с ума!

— У каждого человека есть слабое место, и, только отыскав его, мы сумеем победить Поджигателя. А для этого нужно сначала приблизиться к нему. Мы выедем на заре, времени терять нельзя.

Мунглум обреченно кивнул:

— Остается надеяться на удачу. Прежде она сопутствовала нам, но теперь... Боюсь, она ушла вместе с твоими прежними привычками.

— Найдём ее снова.

— Ты возьмешь с собой Приносящего Бурю?

— Но ты ведь не любишь его! Да и я надеялся больше никогда не прибегать к его помощи. Он — смертельный друг.

— К сожалению, без него сейчас не обойтись.— Мунглум, казалось, удивился собственной уверенности.

— Да, ты прав. Я возьму его.— Эльрик нахмурился, сжимая кулаки.— И это означает, что я нарушил слово, данное Заринии.

— А как иначе ты собираешься защищать ее от вонючих кочевников?

* * *

Держа в руке смоляной факел, Эльрик открыл дверь оружейной и вошел. Шагая по узкому коридору, вдоль которого было развешано затупившееся старинное оружие, он почувствовал слабость.

Сердце его тяжело забилося, когда он коснулся еще одной двери и, скинув закрывавший ее брус, ступил в небольшую комнату, где хранились королевские регалии давно умерших властителей Карлаака и Приносящий Бурю. Эльрик глубоко вздохнул и потянулся к мечу — черный клинок протяжно застонал, словно приветствуя хозяина. Сдавленное рыдание слетело с губ альбиноса, он схватился за рукоять, и все его тело сотряслось в нечестивом экстазе. Эльрик поспешно сунул меч в ножны и почти бегом выскочил из оружейной на свежий воздух.

* * *

Эльрик и Мунглум, одетые как обычные наемники, сели на снаряженных коней и попрощались с членами Совета Карлаака.

Зариния поцеловала бледную руку Эльрика.

— Я понимаю, что это необходимо,— сказала она, с трудом сдерживая слезы.— Но будь осторожен, любовь моя.

— Я постараюсь. Помолись, чтобы удача не отвернулась от нас.

— Белые Боги да пребудут с вами.

— Нет. Молись силам тьмы, потому что в этом деле я могу надеяться только на их помощь. И не забудь слова моего устного послания, передай их гонцу как можно точнее. Пусть он немедленно отправляется в путь, на юго-восток, к Дувиму Слорму.

— Я ничего не забуду,— ответила она.— Меня тревожит, не увлекут ли тебя вновь черные пути.

— Беспокойся о ближайшем будущем. О своей судьбе я подумаю сам. Позже.

— Тогда прощай, милорд, и будь удачлив.

— Прощай, Зариния. Моя любовь даст мне больше силы, чем этот кровавый меч.

Он прищипорил коня, и воины выехали в ворота, направляясь к Плачущей Пустоши.

* * *

Затерянные в бескрайних просторах укутанного мягким дерном плато, которое называли Плачущей Пустошью, потому что его всегда поливал дождь, двое всадников гнали усталых коней.

Промокший до костей воин пустыни увидел их и понял, что эти люди приближаются к нему. Он долго разглядывал их сквозь пелену дождя, а затем, развернув крепкого пони, погнал назад, к лагерю. Через несколько минут он приблизился к небольшому отряду воинов облаченных, как и он

сам, в меха и железные племы с кистями. Их вооружение составляли кривые мечи и короткие костяные луки. Колчаны, полные длинных стрел с черным оперением из крыльев коршунов, висели у них за плечами.

Дозорный обменялся несколькими словами с товарищами, и вскоре они устремились навстречу чужакам.

— Далеко еще до лагеря Терарна Гаштека, Мунглум? — устало спросил альбинос: они ехали безостановочно целый день.

— Уже близко, Эльрик. Мы должны быть... Смотри! — Мунглум показал вперед.

Десять всадников быстро приближались к ним.

— Это варвары из пустыни — люди Поджигателя. Готовься к бою. Они не станут терять время на переговоры.

Приносящий Бурю вылетел из ножен. Он словно помогал руке Эльрика и, казалось, стал почти невесомым.

Мунглум выхватил оба своих меча и зажал короткий в той же руке, что и поводья.

Воины Орды выстроились полукругом и, приближаясь к противникам, разразились дикими боевыми кличами. Эльрик резко осадил коня и ткнул ближайшего варвара в горло острием меча. В воздухе запахло серой, и воин испустил дух, успев осознать свою ужасную судьбу: Приносящий Бурю явно проголодался и теперь пил души и кровь с нескрываемым удовольствием.

Эльрик ударил следующего — отсек варвару руку с мечом и разнес его украшенный гербом шлем вместе с черепом. Дождь и пот струились

по белому напряженному лицу альбиноса, заливая темно-красные горящие глаза. Он стряхнул воду, едва не выпав из седла, но успел отбить летящий в него кривой меч, затем одним движением запястья обезоружил воина и вонзил меч прямо ему в сердце. Умиравший завыл, словно волк на луну, долго и протяжно, и Приносящий Бурю поглотил его душу.

Лицо Эльрика исказилось от отвращения, но он продолжал биться, и его нечеловеческая сила все увеличивалась. Мунглум старался держаться подальше от меча альбиноса, зная, что тот с удовольствием уносит жизни друзей Эльрика.

Вскоре в живых остался только один варвар. Альбинос обезоружил его, отчаянно удерживая жадный меч, который стремился полоснуть пленника по горлу.

Примирившись с тем, что неизбежно погибнет, воин сказал что-то на гортанном языке, который Эльрику частично удалось понять. Покопавшись в памяти, он понял, что варвар использовал один из древних языков, которые не мог не знать любой волшебник.

Чуть подумав, Эльрик спросил пленника на том же языке:

— Ты воин Терарна Гаштека? Поджигателя?

— Да. А ты, наверное, белолицее зло из легенды. Я прошу убить меня чистым оружием, а не этим кошмарным мечом.

— Я не хочу тебя убивать. Мы едем, чтобы присоединиться к Терарну Гаштеку. Отведи нас к нему.

Человек поспешно кивнул и забрался на лошадь.

— Кто ты такой, что говоришь на Высоком Языке нашего народа?

— Меня зовут Эльрик из Мелнибонэ. Ты слышал это имя?

Воин покачал головой:

— Нет. Как странно... На Высоком Языке не говорили целые десятилетия, только шаманы знают его. Но ведь ты не шаман. По твоей одежде ты скорее воин.

— Мы оба наемники. Но хватит разговоров. Я объясню остальное твоему хозяину.

Оставив обильное угощение шакалам, они последовали за дрожавшим воином к лагерю Поджигателя.

Довольно скоро горизонт заволокло низким дымом от многих костров, и они увидели вдали стоянку огромной армии. Она растянулась на великом плато больше чем на милю. Варвары поставили кожаные палатки на круглых основаниях, и теперь их привал походил на большое поселение дикарей. В его середине стояло большое сооружение, украшенное пестрыми шелковыми лентами и парчой.

Мунглум сказал на языке западных стран:

— Скорее всего, это жилище Терарна Гаштека. Смотрите, он накрыл полуобработанные шкуры множеством восточных боевых знамен.

Лицо маленького воина стало еще более угрюмым, когда он заметил порванный штандарт Эшмира, знамя Окара и испачканные в крови вымпелы Шанхая.

Пленник провел незваных гостей через ряды сидевших на корточках варваров. Увлеченные

своими разговорами, они не обратили на чужаков ни малейшего внимания. Перед входом в палатку Терарна Гаштека, вбитое в землю, торчало острием вверх огромное боевое копьё, украшенное множеством чудовищных трофеев — черепами и костями восточных принцев и королей.

Эльрик поморщился:

— Нельзя допустить, чтобы такой человек ступил на землю Молодых Королевств, где только начала возрождаться цивилизация.

— Молодые государства всегда неподатливы, — заметил Мунглум. — Правда, когда они дряхлеют и плохо держатся на собственных ногах, их охотно терзают такие, как Тераρν Гаштек.

— Пока я жив, он не разрушит Карлаак и не дойдет до Бакшаана.

— Интересно, как бы его приветствовали в Надсогоре? Город Нищих заслуживает, чтобы его посетил Поджигатель. Если Карлаак падет, Эльрик, только море может остановить его, и то вряд ли.

— С помощью Дувима Слорма мы уничтожим его. Будем надеяться, что гонец из Карлаака быстро найдет моего родственника.

— Если он опоздает, нам придется туго. Бороться против полумиллиона воинов непросто, друг мой.

Варвар прокричал:

— О, властелин, могущественный Хозяин Огня! Я привел людей, которые хотят говорить с тобой.

— Пусть войдут, — невнятно отозвался недовольный голос.

Они вошли в дурно пахнувшую палатку, которую освещал костер, окруженный кольцом камней. Изможденный человек, небрежно одетый в пестрые одежды, лежал, развалившись, на деревянной скамье с тяжелым золотым кубком в руке. В палатке было несколько женщин, одна из них как раз наливала своему господину вина.

Терарн Гаштек выпрямился, оттолкнув женщину так, что она упала, и посмотрел на вошедших. Хозяин Огня удивительно походил на обтянутый кожей череп вроде тех, что украшали копье: щеки провалились, а узкие косые глаза настороженно смотрели из-под густых бровей.

— Кто такие?

— Господин, я не знаю, но они убили десять наших людей и едва не прикончили меня.

— Ты не меньше заслуживаешь смерти, если позволил себя обезоружить. Иди вон. И найди быстро новый меч, или я прикажу шаману использовать твои потроха для гадания.

Воин тут же выскочил наружу.

Терарн Гаштек снова развалился на скамье.

— Итак, вы убили десять моих степных воинов и пришли сюда, чтобы похвастаться? Я правильно понимаю?

— Мы просто защищались, а вовсе не искали ссоры.— Эльрик старался говорить на этом грубом языке как можно лучше.

— Нечего сказать, хорошая защита. Мы считаем, что каждый из нас способен противостоять троим живущим в домах. Ты, несомненно, с запада, хотя твой молчаливый друг смахивает на элверита. Вы идете с востока или с запада?

— С запада,— ответил Эльрик.— Мы свободные воины. Мы нанимаемся со своими мечами к тем, кто платит или обещает хорошую добычу.

— И что, все западные воины такие же искусные, как вы? — Терарн Гаштек вдруг подумал, что, возможно, недооценил людей, которых собирался завоевать, и не сумел скрыть беспокойства.

— Мы чуточку лучше, чем большинство,— солгал Мунглум,— но совсем немного.

— А как насчет волшебства? Применяют там настоящую магию?

— Нет,— покачал головой Эльрик.— Это искусство для большинства утрачено.

Тонкие губы варвара скривились в зловещей улыбке, выражавшей одновременно облегчение и радость. Кивнув сам себе, он сунул руку в складки широких шелковых одежд, вынул небольшого черного с белым котенка со связанными лапками и принялся его гладить. Тот всячески извивался, стараясь освободиться, и злобно шипел на своего мучителя.

— Тогда мы можем не беспокоиться,— заявил Поджигатель.— А теперь скажите, зачем вы явились сюда? Я мог бы приказать замучить вас до смерти за то, что вы лишили жизни десять лучших моих всадников.

— Мы подумали, что, присоединившись к твоему войску, неплохо заработаем,— уверенно проговорил Эльрик.— Мы знаем, где находятся богатейшие города и слабо укрепленные селения. Возьмешь нас на службу?

— Мне нужны такие люди, как вы, это верно. Я охотно возьму вас, но не стану доверять,

пока вы не докажете свою преданность. Теперь найдите себе пристанище, а вечером приходите ко мне на пир. Я покажу вам частицу того могущества, которым обладаю. Эта сила сметет сопротивление запада и превратит его в бескрайнюю пустыню.

— Благодарю, — ответил Эльрик. — До вечера.

Они вышли из жилища Поджигателя и направились сквозь беспорядочное скопище палаток, костров, телег и животных. Еды здесь, похоже, не хватало, но вино водилось в изобилии, и голодные варвары жадно лакали его, чтобы хоть немного заглушить голод.

Эльрик и Мунглум остановили какого-то воина и передали ему приказ Терарна Гаштека. Тот кивнул и мрачно повел их к палатке.

— Вот сюда. Здесь жили трое из тех, кого вы убили. Теперь она ваша по праву победителей, так же как оружие и добыча внутри нее.

— Хорошее начало, — улыбнулся Эльрик с притворной радостью.

В палатке, еще более грязной, чем у Терарна Гаштека, они обсудили свои дела.

— Я чувствую себя препогано, — печально проговорил Мунглум, — среди этих косоглазых варваров. И как вспомню, что они сделали с Эшмиром, так у меня начинают чесаться руки! Я поубивал бы их всех до единого. И что теперь?

— Пока ничего. Подождем до вечера. — Эльрик вздохнул. — Наша задача кажется невыполнимой: я никогда не видел такой огромной орды.

— Они непобедимы уже сами по себе, — продолжил Мунглум. — Даже без разрушающего кре-

постные стены волшебства Дриниджа Бара. И никакая нация в одиночку не сможет противостоять им, а бесконечная грызня всех этих самолюбивых западных королей помешает им объединиться вовремя. Возникла угроза самой цивилизации. Будем молиться о какой-то вдохновляющей идее. Твои темные боги, Эльрик, по крайней мере, разумны, и мы должны надеяться, что эти дикари вызвали у них такое же негодование, как и у нас.

— Они играют в странные игры с людьми-пешками, — тихо ответил альбинос, — и кто знает, что они задумали на этот раз?

* * *

Закопченная палатка Терарна Гаштека теперь освещалась еще и тростниковыми факелами, а ужин, состоявший в основном из вина, уже начался — Эльрик и Мунглум немного опоздали.

— Привет, друзья мои! — заорал Поджигатель, размахивая кубком. — Здесь все мои сотники. Подходите и присоединяйтесь к ним!

Эльрик никогда не видел такой злобной своры варваров. Уже порядочно пьяные, дурно пахнущие, безвкусно одетые в разнообразные, явно похищенные тряпки, они вызвали чувство гадливости.

Новым гостям уступили место на одной из скамей и предложили вина, которое они лишь пригубили.

— Приведите сюда раба! — крикнул Тераρν Гаштек. — Приведите Дриниджа Бара, нашего ручного волшебника.

Перед ним на столе лежали связанный кот и большой железный клинок.

Вскоре воины, пьяно ухмыляясь, приволокли сухощавого человека со скорбным лицом и заставили его встать на колени перед повелителем варваров. Несчастный молча повиновался, но глаза его метали молнии. Не отрываясь, он смотрел на Терарна Гаштека и котенка. Затем, заметив нож, побледнел и потупился.

— Чего ты от меня хочешь? — мрачно спросил он.

— Как ты обращаешься к своему хозяину, чародей? Впрочем, не имеет значения. Нам надо развлечь гостей. Они обещали провести нас к жирным торговым городам. Покажи несколько трюков.

— Я не фигляр. Неужели один из величайших волшебников мира станет заниматься подобной ерундой?

— Я не прошу. Я приказываю. Повесели нас. Что тебе нужно для этого? Несколько рабов, кровь девственниц, еще что-нибудь? Только скажи...

— Приманки мне не нужны. Я ведь не полумный шаман.

И вдруг волшебник увидел Эльрика. Альбинос почувствовал, как мощный разум этого человека осторожно касается его сознания, значит, узнал в нем чародея. Не выдаст ли его Дринидж Бара?

Эльрик напрягся, и, откинувшись в тень, сложил определенным образом пальцы, подавая знак, по которому волшебники на западе узнают друг друга. Поймет ли его восточный маг?

Он понял. Мгновение Дринидж Бара колебался, глядя на своего повелителя. Затем отвернулся и начал делать пассы, бормоча что-то под нос.

Присутствующие ахнули, увидев над головами облако золотого дыма, которое, постепенно сгустившись, приняло очертания гигантского всадника с лицом Терарна Гаштека. Повелитель варваров подался вперед, всматриваясь в изображение.

— Что это?

Под копытами лошади появилась разворачивающаяся карта, которая показывала земли и моря.

— Западные земли,— пояснил Дринидж Бара.— Это пророчество.

— А это что?

Призрачная лошадь начала топтать карту. Карта разорвалась на тысячи дымящихся частей и разлетелась в разные стороны. Затем исчезло и изображение всадника, так же распавшись на части.

— Таким образом могущественный Хозяин Огня поступит с процветающими нациями запада! — воскликнул Дринидж Бара.

Варвары радостно завопили, но Эльрик только слегка улыбнулся: восточный волшебник явно дразнил Терарна Гаштека и его людей.

Тем временем дым превратился в золотой шар, который вспыхнул и исчез.

Тераρν Гаштек расхохотался:

— Славный трюк, чародей. И предсказание верное. Ты неплохо поработал. Отправляйся обратно в свою конуру!

И Дриниджа Бара потащили к выходу. Оглянувшись, он посмотрел на Эльрика — теперь альбинос знал, где искать раба-чародея.

* * *

Поздно вечером, когда варвары напились до потери сознания, Эльрик и Мунглум выскользнули из жилища Поджигателя и направились туда, где держали Дриниджа Бара.

Без особого труда они нашли крошечную грязную палатку, возле входа которой торчал один из узкоглазых воинов. Мунглум вынул мех с вином и, изображая пьяного, нетвердым шагом двинулся к нему. Эльрик оставался на месте.

— Чего тебе надо, иноземец? — прорычал стражник.

— Ничего, друг мой. Мы пытаемся вернуться в нашу собственную палатку, только и всего. Ты не знаешь, где она?

— Как я могу это знать?

— В самом деле, откуда ты можешь знать? Хочешь вина? Неплохое — из собственных запасов Терарна Гаштека.

Воин протянул руку:

— Давай.

Мунглум убрал мех в сторону:

— Нет, я передумал. Пожалуй, оно крепковато для тебя. Жаль переводить добро на того, кто не сможет его оценить.

— Вот как? — Варвар угрожающе двинулся к Мунглуму. — Тебе придется изменить свое мнение! И думаю, твоя кровь улучшит его вкус, мой маленький друг.

Мунглум попятился. Воин последовал за ним.

Тем временем Эльрик тихо подбежал к палатке и нырнул в нее. Дринидж Бара со связанными запястьями лежал на куче невыделанных шкур. Он мрачно посмотрел на альбиноса:

— Ну а ты чего хочешь?

— Всего-навсего помочь тебе, Дринидж Бара.

— Помочь мне? Но почему? Разве мы друзья? Чего ты добиваешься?

— Мы оба занимаемся магией. Разве этого мало? — уклончиво ответил Эльрик.

— Я сразу понял, что ты маг. Правда, я не верю в дружелюбие волшебников. В моей стране между ними другие отношения.

— Хорошо. Я скажу правду: нам нужна твоя помощь, чтобы остановить кровавое наступление варваров. У нас общий враг. Если мы вернем тебе душу, ты поможешь нам?

— Конечно. Все это время я придумываю, как отомщу за себя. Но, ради меня, будьте осторожны. Если Поджигатель заподозрит, что вы помогаете мне, он убьет кота и всех нас заодно.

— Мы постараемся принести кота. Это все, что тебе нужно?

— Да. Мы должны обменяться кровью, я и кот, и тогда душа вернется в мое тело.

— Очень хорошо. Я попытаюсь... — Эльрик повернулся, услышав голоса снаружи. — Что там такое?

— Это, наверное, Терарн Гаштек. Он приходит каждую ночь, чтобы поиздеваться надо мной, — испуганно ответил волшебник.

— Где стражник? — Грубый голос варвара раздался ближе, и он вошел в маленькую палатку. — Что это?..

Он увидел Эльрика, стоявшего над волшебником, и в его глазах появились удивление и насто-роженность.

— Что ты делаешь здесь? И что случилось с моим стражником?

— Стражник? — Изображая пьяное недоумение, альбинос затряс головой и замахал руками. — Я не видел никакого стражника. Я шел в свою палатку, услышал лай шавки и решил заглянуть. А тут волшебник... Почему-то связанный и грязный...

Терарн Гаштек нахмурился:

— Еще раз забредешь не туда, и увидишь, как выглядит твое собственное сердце. А теперь уходи. Мы выступим утром.

Эльрик, пошатываясь и спотыкаясь, вышел из палатки.

* * *

Одинокый всадник в одежде официального посланца Карлаака гнал коня на юг. Миновав вершину холма, он увидел раскинувшуюся на равнине деревню и, прищпорив коня, буквально влетел в нее. На улице было довольно пустынно: в грязи возились дети, да какой-то старик тащил мешок с мукой. Посланец догнал прохожего и закричал:

— Скажи мне быстро, ты знаешь Дувима Слорма и его имррирских наемников? Они проходили здесь?

— Да. Неделю назад. Они направлялись к Ригнариому у границы Джадмара — хотели наняться на службу в Вилмире.

— Они ехали на конях или шли пешком?

— Были и те и другие.

— Благодарю тебя, дедушка! — воскликнул посланец и помчался к Ригнариому.

Всадник из Карлаака скакал всю ночь по совсем новой дороге. Видимо, огромная сила проложила ее, и он молился, чтобы этой силой были Дувим Слорм и его имррирские воины.

А Карлаак, прекрасный Город Нефритовых Башен, утопая в сладко благоухающих садах, ждал вестей, добрых или худых, которые могли достичь стен славного города еще не так скоро. Жители полагались и на Эльрика, и на посланца. Если удача улыбнется только одному из них, мучения будут дольше, а гибель — страшнее. Спасение западных цивилизаций зависело от успеха обоих. И только обоих.

* * *

Беспорядочный шум сотен проснувшихся людей прогнал тишину плаксивого утра, и резкий голос ненасытного завоевателя Терарна Гаштека призвал воинов поторопиться.

Рабы разобрали жилище Поджигателя и уложили на повозку. Вожак Орды Всадников собственноручно выдернул из мягкой земли длинное боевое копьё и повернул коня на запад. Его сотники и Эльрик с Мунглумом поспешили за ним.

По дороге приятели обсуждали на незнакомом варварам языке, как быть дальше. Поджига-

тель не сомневался, что они ведут Орду к богатой и легкой добыче. Всадники с раскосыми глазами скакали широким фронтом, и потому обойти селения стороной было невозможно. К тому же бесчестно было бы жертвовать другим городом, чтобы Карлаак смог прожить еще несколько дней...

Немного погодя двое запыхавшихся всадников подскакали к Терарну Гаштеку:

— Впереди город, повелитель! Небольшой, и его легко захватить!

— Наконец-то! Опробуем наши мечи и посмотрим, как поддается клинку плоть западников. А затем отыщем на более крупную дичь! — Он повернулся к альбиносу: — Ты знаешь этот город?

— Где он находится? — хрипло спросил Эльрик.

— В дюжине миль отсюда на юго-запад, — ответил всадник.

Несмотря на то что теперь этот город был обречен, Эльрик вздохнул с облегчением: они говорили о Горджхане.

— Знаю, — кивнул он.

* * *

Седельник Кавим, отвозивший на дальнюю ферму новую конскую сбрую, обратил внимание на всадников вдаль только потому, что его интересовали странные вспышки света: солнечные лучи отражались от металлических шлемов. Неизвестные воины приближались со стороны Плачущей Пустоши, и было их так много, что Кавим

сразу понял: надвигается большая опасность. Развернув коня, он, подгоняемый страхом, поскакал обратно в Горджхан.

Плотная засохшая грязь на улицах города дрожала под копытами коня Кавима, и его громкий крик легко проникал сквозь закрытые ставни.

— Грабители идут! Берегитесь грабителей!

За четверть часа хозяева города собрались на совет, чтобы обсудить, что делать: бежать или сражаться. Старики советовали спастись бегством всем, кто способен на это, молодые предлагали остаться и принять бой. Некоторые говорили, что их бедный городок вряд ли привлечет грабителей.

Пока жители Горджхана спорили, первые отряды варваров уже подошли к городской стене.

Когда стало ясно, что на разговоры времени уже не осталось и беда стоит на пороге, горожане бросились на стены, вооружаясь на ходу всем, что попадало под руку.

— Не будем тратить время на осаду! Приведите волшебника! — заорал Терарн Гаштек воинам, месившим грязь возле Горджхана.

Привели Дриниджа Бара. Поджигатель вынул из складок одежды черного котенка и поднес к его горлу железный нож.

— Давай, волшебник, разрушь эти стены!

Чародей нахмурился и поискал глазами Эльрика, но альбинос пригнулся в седле и отъехал за спины воинов. Тогда Дринидж Бара начал действовать. Он достал из пояса пригоршню порошка и рассеял его по ветру. Тут же заструился легкий дым, затем из него возник мерцающий огненный

шар, и вскоре в этом пламени появилось страшное лицо, не похожее на человеческое.

— Разрушитель Даг-Гадден,— заговорил Дринидж Бара,— ты поклялся соблюдать наш старый договор. Будешь ли ты подчиняться мне?

— Я должен, значит, буду. Приказывай!

— Уничтожь стены этого города. Пусть его люди станут словно улитка без раковины или краб, лишенный панциря!

— Я с радостью повинуюсь, ибо разрушение — моя суть.

Пылающее, как пламя, лицо померкло, раздался жуткий крик, и красный сияющий купол взметнулся ввысь, закрыв небо. На мгновение повисла предгрозовая тишина, а затем демон ринулся вниз, и, едва купол опустился на город, стены Гордж-хана застонали, рассыпались и исчезли.

Эльрик ужаснулся: если Даг-Гадден придет в Карлаак, старинную крепость постигнет такая же участь.

Торжествующие варвары бросились в беззащитный город.

Хотя Эльрик и Мунглум постарались не участвовать в этой бойне, они ничем не могли помочь несчастным горожанам. Бессмысленная кровавая резня настолько ошеломила приятелей, что они скрылись в небольшом, еще не разграбленном доме.

На них уставились четыре пары перепуганных глаз: трое съжившихся от страха ребятишек прижимались к девочке постарше. Вцепившись в старую косу, она приготовилась защищать малышей.

— Не трать нашего времени, девочка,— сказал ей Эльрик,— мы не хотим причинять вам зла. В этом доме есть чердак?

Она кивнула.

— Тогда бегите туда. И быстро.

Эльрик и Мунглум, будучи не в силах смотреть на чудовищное избиение, обосновались в доме. Но вопли жертв, хохот опьяневших от крови дикарей и тяжелый запах истерзанной плоти проникали даже сюда.

Неожиданно дверь распахнулась, и перепачканный в крови варвар втащил за волосы женщину. На ее измученном лице застыла гримаса ужаса и боли, и она не пыталась сопротивляться.

— Найди другое гнездо, коршун, а это наше,— прорычал Эльрик.

— Здесь хватит места и для меня, и для этой шлюхи,— огрызнулся варвар.

И тут наконец бесконечное напряжение этого дня нашло выход. Правая рука альбиноса метнулась к левому бедру, длинные пальцы обхватили черную рукоять Приносящего Бурю, и клинок сам выскочил из ножен. Глаза Эльрика полыхнули, как угли, он шагнул вперед и обрушил меч на голову узкоглазого воина. Затем, хоть это было уже совсем не нужно, просто чтобы излить накопившуюся ярость, он повторил удар и разрубил варвара пополам. Женщина осталась лежать на полу, она была в сознании, но не шевелилась.

Эльрик взял ее на руки и осторожно передал Мунглуму.

— Подними ее наверх к остальным,— сказал он отрывисто.

Тем временем варвары начали поджигать дома: избиение жителей они закончили и теперь занялись грабежом.

Эльрик вышел на улицу.

Горджхан не относился к богатым городам, грабители не получили обильной добычи, и тогда они, разочарованные и обозленные, кинулись уничтожать все, что попадалось на пути: вещи, здания, людей...

Сжимая в руке подрагивавший от нетерпения Черный Меч, Эльрик смотрел на горящий город, и его лицо напоминало трагическую маску, вылепленную из теней и отблесков пламени, длинные языки которого лизали туманное небо.

Где-то неподалеку варвары ссорились из-за какой-то мелочи, время от времени раздавался женский визг, перекрывавший другие звуки, а потом вновь звенел металл и ревели грубые голоса.

Неожиданно отрывистая речь варваров послышалась совсем близко. К грубым и чуть хрипловатым голосам воинов примешивался звук другого, высокого, голоса: кто-то, поскуливая и всхлипывая, о чем-то просил завоевателей. Из дымной завесы появился небольшой отряд во главе с самим Терарном Гаштеком.

Поджигатель нес что-то окровавленное. Присмотревшись, Эльрик понял, что это отрубленная кисть человеческой руки. Два дюжих сотника волокли следом избитого и окровавленного голого старика.

Терарн Гаштек замер, увидев альбиноса, а затем, красуясь перед ним, закричал:

— Эй, западник, сейчас ты увидишь, какими дарами умиротворяли наших богов! Клянусь, это получше, чем жратва и кислое молоко, которыми их пичкала эта свинья. Скоро он у нас попляшет! Люблю все доводить до конца!

Подвывания исчезли из голоса старика, а его лихорадочно блестящие глаза впились в лицо Эльрика. Он заговорил, точнее, завизжал на таких высоких нотах, что альбинос вздрогнул, словно от удара. Вместе с тем неопикуемый голос показался ему даже притягательным.

— Вы, собаки, можете лаять сколько угодно! — словно выплонул он. — Но Мирадх и Т'ааргано отомстят за разрушение своего храма и убийство жреца. Вы принесли сюда огонь, и он пожрет вас! А ты, — он ткнул окровавленным обручком в Эльрика, — ты изменник! Ты предавал не раз и не два, это написано на твоём лице. Хотя теперь... Ты... — У старика перехватило дыхание.

Эльрик провел языком по пересохшим губам.

— Я тот, кто я есть, — ответил он. — А ты всего лишь старик, который скоро умрет. И твои бессильные боги не способны повредить нам. Они не защитили тебя теперь, не вспомнят и потом. Прими свою судьбу и не заставляй других слушать старческие бредни.

На лице жреца отразились бесконечное страдание и боль, словно он один терпел муки за весь покинутый богами истребленный народ.

— Набери воздуха, чтобы вскрикнуть погромче, — приказал Поджигатель полуживому старику.

— Убийство жреца грозит несчастьем! — воскликнул Эльрик.

— Ты, похоже, слабоват на живот, друг мой. В качестве жертвы нашим богам он принесет нам удачу, не бойся.

Альбинос отвернулся. Входя в дом, он услышал дикий крик и неприятный смех, следовавший за ним.

Позже, когда все еще горевшие дома разгоняли тьму ночи, Эльрик и Мунглум, изображая пьяных, отправились на край лагеря. Они тащили на плечах большие мешки и волокли с собой женщин — точно так выглядели почти все воины Поджигателя, шатавшиеся среди развалин, а юный возраст спутницы малорослого воина вызывал только завистливые взгляды. Примерно там, где прежде находилась городская стена, Мунглум оставил мешки и женщин под защитой Эльрика и отправился назад, но вскоре появился снова — с тремя лошадьми. Приятели подсадили в седла молчаливых женщин, затем вынули из мешков дремавших детей, тоже устроили на конских спинах, и женщины поскакали прочь.

— А теперь, — сквозь зубы процедил Эльрик, — мы должны выполнить задуманное независимо от того, нашел посланец Дувима Слорма или нет. Я не перенесу еще одну такую бойню.

* * *

Терарн Гаштек напился до полного бесчувствия и заснул, растянувшись на полу, в верхней комнате одного из уцелевших домов.

Эльрик и Мунглум тихо подползли к нему. Пока альбинос наблюдал, чтобы Поджигатель не проснулся, Мунглум, встав на колени, осторожно

ощупывал одежду варвара. Наконец он победно улыбнулся и выгашил извивавшегося котенка. Вместо зверька он засунул в карман набитую кроличью шкурку, которую специально приготовил заранее. Прижав к себе животное, юркий воин ловко вскочил на ноги и кивнул Эльрику. Стараясь двигаться совершенно бесшумно, они покинули дом.

— Чародей лежит там, в большой повозке, — сказал альбинос другу. — Поспешим, главная опасность позади.

— Когда кот и Дринидж Бара обменяются кровью и душа волшебника вернется в его тело, что произойдет, Эльрик? — спросил Мунглум.

— Объединив наши магические силы, мы могли бы повернуть варваров назад, но... — Он замолк: орава узкоглазых воинов преградила им дорогу.

— Это западник и его маленький друг, — рассмеялся один из них. — Куда это вы идете, а?

Эльрик мгновенно понял, чего они добиваются: реки пролитой сегодня крови не утолили жажду насилия, и варвары явно искали ссоры.

— Так, никуда, — ответил он.

Пьяные вояки обступили их со всех сторон.

— Мы много слышали о твоём прямом клинке, чужеземец, — с усмешкой сказал задира, — и я хочу знать, может ли он противостоять настоящему оружию. — Он выхватил из-за пояса кривой меч. — Что ты на это скажешь?

— Я бы посоветовал найти другое развлечение, — холодно ответил Эльрик.

— Да ты прямо мудрец! Но лучше бы тебе согласиться.

— Немедленно пропустите нас! — рявкнул Мунглум.

В глазах варваров вспыхнули злые огоньки.

— Как ты говоришь с завоевателями мира? — возмутился один из них.

Мунглум отступил назад и выхватил меч, держа в левой руке гневно шипящего кота.

— Они меня уговорили. — Эльрик подмигнул приятелю и вынул рунный меч из ножен. Приносящий Бурю запел мягкую насмешливую песню. Варвары, услышав ее, отступили на шаг.

— Ну как, ничего? — Альбинос встал на изготовку.

Задира, казалось, начал сомневаться, но затем, взяв себя в руки, закричал:

— Чистое железо может противостоять любому волшебству! — И бросился вперед.

Эльрик, радуясь возможности отомстить за уничтоженный город, преградил ему дорогу, быстрым ударом отбросил кривой меч и разрубил задиру пополам чуть выше бедер. Варвар мгновенно умер. Мунглум бился еще с двумя. Одного он убил, но, уворачиваясь от второго, подставил под удар левое плечо и, взыв от боли, выронил сердитого котенка. Эльрик шагнул вперед и одним движением зарубил противника Мунглума — Приносящий Бурю восторженно взвыл. Остальные варвары поторопились смыться.

— Серьезная рана? — Бескровное лицо альбиноса казалось встревоженным, но Мунглум, не отвечая, бросился на колени, вглядываясь во мглу.

— Эльрик, быстро, ты видишь кота? Я уронил его во время схватки. Если мы потеряли зверька, наши дни сочтены.

Они торопливо принялись обшаривать близлежащие развалины, но тщетно: невероятно проворный котенок как сквозь землю провалился.

Чуть позже они услышали гневные крики, доносившиеся из дома, который занял Тераарн Гаштек.

— Он обнаружил пропажу! — воскликнул Мунглум. — Что же теперь делать?

— Не знаю. Надо искать. Будем надеяться, что он не заподозрил нас.

Они снова начали копаться в обгорелых досках и ворошить угли, но по-прежнему все было напрасно. Когда приятели решили передохнуть, к ним подошли несколько варваров, и один из них сказал:

— Наш повелитель желает говорить с вами.

— О чем?

— Он скажет сам. Идем.

Им ничего не оставалось, как в окружении узкоглазых воинов пойти на встречу с разъяренным Тераарном Гаштеком. Поджигатель метался по комнате, сжимая набитую кроличью шкурку в похожей на клешню руке, и лицо его кривилось от ярости.

— У меня украли власть над волшебником! — проревел он. — Что вы об этом знаете?

— Я не понимаю, — ответил Эльрик.

— Кот исчез! Вместо него я нашел эту дрянь. Ты говорил недавно с Дриниджем Бара, я сам видел и считаю, что ты к этому причастен.

— Это твое право, но мы ничего не знаем,— ответил Мунглум.

Терарн Гаштек прорычал:

— Лагерь сейчас в беспорядке, мои люди никому не подчиняются, и понадобится день, чтобы восстановить дисциплину. Но когда они протрезвеют, я допрошу каждого. Если вы сказали правду, я отпущу вас, а пока у вас есть возможность вволю поговорить с волшебником.— Он сверкнул глазами.— Отнимите у них оружие, свяжите, выведите отсюда и бросьте в повозку Дриниджа Бара.

Соппротивление могло только приблизить печальный конец, поэтому приятели безропотно дали себя связать и запихнуть в грязную телегу с кожаным навесом. Когда варвары ушли, Эльрик прошептал:

— Надо бежать и найти этого паршивого кота. Вот об этом я и в самом деле хотел бы побеседовать с Дриниджем Бара. Ты ведь можешь помочь?

Из темноты раздался голос раба-чародея:

— Нет, собрат, я не стану помогать вам. Это слишком опасно.

— Но Терарн Гаштек теперь не страшен тебе.

— А если он снова поймает кота? Как тогда?

Эльрик ничего не ответил: он пытался поудобнее устроиться на жестком и неровном ложе из грубо обработанных досок. В конце концов, убедившись, что, пока связан, он может только елозить на одном и том же месте, альбинос решил вернуться к прерванному разговору, но тут кожаный полог отъехал в сторону, и в повозку бросили еще одного пленника. Во вновь насту-

пившей темноте Эльрик поинтересовался у вновь прибывшего на языке варваров:

— Кто ты?

— Я не понимаю,— ответил человек на хорошо знакомом западном наречии.

— О, так ты с запада? — Эльрик легко перешел на другой язык.

— Да. Я официальный посланец из Карлаака. Я возвращался в город, когда меня поймали эти вонючие шакалы.

— Что? Ты тот человек, которого мы послали к Дувиму Слорму, моему родственнику? Я Эльрик из Мелнибонэ.

— Милорд, выходит, все мы пленники? О, боги! Тогда Карлаак погиб.

— Ты встретился с Дувимом Слормом?

— Да, я догнал его отряд. К счастью, они оказались ближе к Карлааку, чем мы думали.

— И что он ответил на мою просьбу?

— Он пообещал помочь и сказал, что ему потребуется время только на дорогу до Острова Драконов, но это он проделает с помощью волшебства. Так что еще не все потеряно.

— Ты славно потрудился, друг мой,— с грустной улыбкой проговорил Эльрик.— К сожалению, если мы не выполним свою часть задуманного, твоя работа пойдет насмарку. Надо как-то вернуть душу Дриниджа Бара, и тогда Поджигатель лишится магической защиты...— Не закончив фразу, альбинос погрузился в размышления. Потянулись минуты напряженной тишины.— Кажется, я придумал. В давние времена мой род правителей Мелнибонэ состоял в кровном родстве с существом,

которое называло себя Мееркларом. Оно могло бы нам помочь. — Альбинос вновь завозился в повозке. — Благодаря богам я нашел в Троосе замечательные листья, и у меня снова появилась сила. А теперь я должен вызвать свой меч.

Закрыв глаза, он заставил разум и тело полностью расслабиться, а затем сосредоточиться на единственной вещи в мире — Черном Мече.

За многие годы человек и меч почти слились в единое целое, но теперь эта удивительная привязанность никак не давала о себе знать.

Тогда Эльрик закричал:

— Приносящий Бурю! Приносящий Бурю, объединись со своим братом! Иди ко мне, славный рунный меч, выкованный темными силами ревнивый убийца! Твой хозяин нуждается в тебе...

Снаружи словно взвыл ветер. Послышались крики ужаса и терзающий душу свист. Затем в кожаном пологе повозки образовалась дыра, и на фоне звездного неба в отверстии показался меч, который, дрожа, повис в воздухе прямо над головой альбиноса. Эльрик рванулся вверх, заранее чувствуя отвращение к тому, что собирался сделать, и убеждая себя, что цель этого поступка благородна.

— Дай мне силу, Приносящий Бурю, — простонал он, хватаясь связанными руками за рукоять. — Дай мне твою силу, и будем надеяться, что это в последний раз.

Меч согнулся, и могучий поток силы, высосанной демоническим вампиром из сотен людей — неистовых воинов, хитроумных чародеев, мудрых женщин, — устремился в тело альбиноса.

Теперь Эльрик обладал особой мощью. Застонав от напряжения, он обуздал бешеный поток энергии и восстановил прежние отношения с рунным мечом: и то и другое угрожали захватить белолицего чародея полностью и подчинить его себе. Теперь можно было начинать. Он разорвал связывавшие его кожаные ремни и поднялся.

Варвары уже бежали к повозке. Эльрик быстро освободил остальных пленников и, не обращая ни на кого внимания, произнес имя.

Он заговорил на незнакомом, чужом языке, который не мог помнить. Это был язык, которому учили волшебников-императоров Мелнибонэ, предков Эльрика, еще до создания Имррира, Города Грез, больше десяти тысяч лет назад.

— Меерклар, Повелитель Котов, я Эльрик из Мелнибонэ, последний из рода императоров, связанных с тобой кровными узами, прошу о помощи. Ты слышишь меня, Повелитель Котов?

* * *

Далеко от Земли, в чудесном мире, не отягощенном физическими законами пространства и времени, человекоподобное существо, наслаждаясь глубоким теплом синевы и янтаря, потянулось и зевнуло, показав тонкие острые зубки. Оно лениво прижало голову к покрытому мехом плечу и прислушалось.

До его чуткого слуха донесся голос, не принадлежавший, впрочем, кому-либо из его нежно любимого мохнатого народа, но оно узнало язык.

Существо улыбнулось, вспоминая о давно забытой дружбе. Оно подумало о старинном чело-

веческом роде, с представителями которого в отличие от прочих людей, вызывавших только презрение, его объединяло истинное родство душ: их характеризовали жестокость и искушенность в житейских делах, любовь к роскоши и удовольствиям — это были мелнибонэйцы.

Меерклар, Повелитель Котов, Защитник Копачьего Рода, грациозно потянулся к источнику голоса.

— Чем я могу помочь тебе? — промурлыкал он.

— Меерклар, мы ищем одного из сынов копачьего племени. Он где-то поблизости.

— Да, я чувствую его. Зачем он вам?

— Видишь ли, он счастливый обладатель двух душ, одна из которых ему не принадлежит.

— Это так. Его имя Фиаршерн из великой семьи Тречовв. Я вызову его. Он подойдет ко мне.

Варвары остановились в нерешительности, боясь приблизиться к повозке, где происходило нечто невероятное. Поджигатель, брызгая слюной, в ярости орал на них:

— Нас пятьсот тысяч, а их несколько человек. Хватайте этих ублюдков и тащите сюда!

Варвары осторожно двинулись вперед.

Фиаршерн, черно-белый котенок, услышав голос, инстинктивно понял, что глупо было бы не подчиниться, и быстро побежал на зов.

— Смотрите! Кот! Вот он! Ловите его!

Два воина Терарна Гаштека бросились выполнять приказание, но юркий зверек ускользнул от них и прыгнул в повозку.

— Отдай человеку его душу, Фиаршерн, — тихо сказал Меерклар.

Кот слабо мяукнул в знак согласия, подошел к беспутному рабу-чародею и вонзил острые зубки в его вену.

Через мгновение Дринидж Бара дико расхохотался:

— Моя душа снова во мне. О Повелитель Котов, позволь мне достойно отблагодарить тебя.

— Не стоит, — насмешливо ответил Меерклар. — И кроме того, я полагаю, твоя душа уже кому-то заложена. Всего доброго, Эльрик из Мелнибонэ. Мне было приятно ответить на твой призыв, хотя с огромным сожалением я вижу, что ты отказался от древних путей своих отцов. Тем не менее ради старой привязанности я не отказываю тебе в своем расположении. Прощай, я возвращаюсь в более теплое и уютное место, чем это.

Повелитель Котов исчез. Он вернулся в свой бирюзовый и янтарный ласковый мир, где возобновил прерванный сон.

— Идем, собрат! — ликуя, закричал Дринидж Бара. — Пришла пора отомстить.

Он и Эльрик выпрыгнули из повозки. Мунглум и воин из Карлаака, оставшиеся без оружия, не особенно спешили за ними.

Люди Поджигателя окружили повозку. В руках варвары держали приготовленные к стрельбе луки с длинными стрелами, некоторые вытащили кривые мечи, пытаясь, видимо, разогнать собственный страх.

— Скорее стреляйте в них! — закричал Поджигатель. — Стреляйте, пока они не позвали демонов!

Дождь стрел обрушился на повозку и людей возле нее. Дринидж Бара улыбнулся, произнес несколько слов и, казалось бы, беззаботно развел руками. Стрелы остановились в полете, повернули назад, и каждая точно попала в горло того, кто ее выпустил. Терарн Гаштек ахнул и, расталкивая своих людей, кинулся подальше от чародея. Отбежав на безопасное расстояние, Поджигатель приказал воинам вновь напасть на четверку.

Варвары, понимая, что если они побегут, то погибнут, сомкнули ряды и подобно лавине двинулись на противника.

Начиналось утро. Затянутое облаками небо немного посветлело, и Мунглум, посмотрев наверх, вдруг радостно завопил:

— Эльрик! Смотри, Эльрик!

— Только пять. — Альбинос, казалось, не разделял восторга друга. — Только пять. Но, возможно, этого будет достаточно.

Эльрик бился с десятком врагов одновременно. Его сверхчеловеческой мощи хватило бы и на всю орду, но вряд ли с таким напряжением мог бы справиться обессиленный рунный меч, который сейчас не отличался от обыкновенного клинка. Правда, со временем все изменилось: поток энергии ослабел, и невероятная сила потекла обратно из тела альбиноса в Приносящего Бурю.

И снова рунный меч взвыл и жадно рванулся к глоткам и сердцам узкоглазых варваров.

У Дриниджа Бара не было меча, но волшебник, используя совсем иное, более изощренное, оружие, в нем и не нуждался. Те, кто рискнул

преградить ему дорогу, полегли вокруг в виде лишенных костей кусков мяса и жил.

Два чародея и два воина весьма успешно пробивали себе путь сквозь полубезумную толпу варваров, которые тщетно пытались уничтожить этих вселявших ужас людей. К сожалению, в сумятице невозможно было о чем-либо договориться, поэтому Мунглум и гонец из Карлаака, вооружившись кривыми мечами убитых врагов, просто прикрывали своих могущественных соратников с тыла.

Постепенно они достигли внешней границы лагеря. Отсюда было прекрасно видно, что, пока часть варваров выполняла безумный приказ Поджигателя и пыталась уничтожить отважную черверку, остальные устремились на запад, к беззащитному Карлааку. С гневом и болью смотрел им вслед Эльрик и вдруг заметил Терарна Гаштека с луком в руках. Он понял намерения Поджигателя и закричал, предупреждая Дриниджа Бара, который стоял спиной к варвару, выкрикивая какое-то заклинание. Волшебник обернулся и замолк на полуслове. Мгновение спустя губы чародея вновь зашевелились, но тут стрела ударила ему в глаз.

— Нет! — вскричал он и умер.

Увидев, как погиб его союзник, Эльрик тяжело вздохнул и посмотрел на небо — там парили огромные летающие существа.

Дувим Слорм, родственник Эльрика, сын недавно погибшего Дувима Твара, нынешний Повелитель Драконов, привел легендарных чудовищ Имррира на помощь альбиносу. Правда, большинство из этих гигантских созданий было погружено в глубокий сон, и им предстояло спать еще

целое столетие. Только пятерых юных дракончиков удалось разбудить и поднять в воздух. Крылатые чудовища уже довольно давно кружили над лагерем варваров, но до этого Дувим Слорм ничего не мог сделать, опасаясь причинить вред Эльрику и его друзьям.

Терарн Гаштек тоже смотрел на драконов. Его грандиозный замысел завоевать весь мир рухнул, и он, вдруг осознав это, бросился на Эльрика, размахивая мечом.

— Ты, белолицее дерьмо! — вопил он. — Это все из-за тебя, и ты заплатишь мне!

Эльрик рассмеялся, одним движением выбил клинок из руки разъяренного варвара и показал ему на небо:

— Вот кого можно назвать Поджигателями, причем у них на это больше права, чем у тебя!

С этими словами он вонзил рунный меч в грудь Терарна Гаштека — варвар глухо застонал.

— Меня называли Разрушителем, Эльрик из Мелнибонэ, — выдохнул он, — но мой путь был чище твоего. Будь же ты и все, что тебе дорого, проклято навеки!

Кровь хлынула изо рта Поджигателя, и он умер. Эльрик вновь рассмеялся, но уже печальней и тише.

— Твои проклятия сбылись задолго до того, как ты их произнес, друг мой! А теперь, я думаю, они бессильны. — Альбинос на мгновение замолк, затем добавил: — Клянусь Ариохом, я надеюсь, что прав. Похоже, мой злой рок лишь ненадолго позабыл обо мне, а я-то думал, что избавился от него навсегда...

* * *

А Великая Орда, не зная о гибели своего повелителя, уже выступила в поход. Те, кто уцелел в схватке с чародеями, оседлали коней, собрали обоз и тронулись вслед за основными силами — на запад. Варварское войско двигалось удивительно быстро и согласованно, и ужас охватил Эльрика при мысли, что эти узкоглазые насильники и убийцы сделают с незащищенным Карлааком.

Над головой альбиноса хлопали огромные — длиной в тридцать футов — кожистые крылья, и знакомый запах гигантских летающих рептилий, преследовавший его с той поры, когда он вел грабительский флот на свой родной город, окутывал Эльрика. Затем он услышал удивительные звуки Рога Драконов и, присмотревшись, увидел, что на спине первого чудовища с длинным, похожим на копье шестом, который использовался вместо хлыста, сидел сам Дувим Слорм.

Дракон начал стремительно опускаться по спирали, и с грацией, удивительной для его размеров, приземлился примерно в сорока футах от белолицего человека и тут же сложил перепончатые крылья вдоль тела. Повелитель Драконов снял с правой руки теплую защитную перчатку и помахал Эльрику.

— Привет, император Эльрик, похоже, мы едва не опоздали.

— Времени достаточно, друг мой, — улыбнулся альбинос. — Ты похож на своего отца, Дувима Твара, и мне это очень приятно. Я боялся, что ты можешь не откликнуться на мою просьбу.

— Старые счеты смыты кровью, пролитой в битве при Бакшаане, когда мой отец, Дувим Твар, погиб, помогая тебе осаждать крепость Никорна. Жаль только, что лишь молодые животные были готовы пробудиться. Ты помнишь, остальным пришлось повоевать всего несколько лет назад. Да ты это знаешь не хуже меня.

— Да уж, я вряд ли вообще смогу позабыть тот день,— просто ответил Эльрик.— Могу я попросить еще об одной милости у Дувима Слорма?

— Какой?

— Позволь мне занять твое место на спине первого дракона. Я обучался этому искусству, и у меня есть веская причина возглавить атаку против варваров: совсем недавно мы стали свидетелями бессмысленной бойни, и я хотел бы отплатить кровавым степным собакам той же монетой.

Дувим Слорм кивнул и соскочил с дракона. Чудовище беспокойно завозилось и повернуло назад хищную морду с открытой пастью, в которой торчали зубы толщиной с человеческую руку, длинные, как меч. Раздвоенный язык беспокойно задергался, а огромные холодные глаза не мигая смотрели на Эльрика.

Альбинос запел на старом мелнибонэйском языке и, взяв шест и Рог Дракона у Дувима Слорна, осторожно забрался в высокое седло у основания мощной шеи. Обутые в сапоги ноги он поместил в серебряные стремена.

— А теперь лети, братец-дракон,— пел Эльрик,— все выше и выше, и готовь свой яд.

Он почувствовал движение воздуха — это заработали огромные крылья, затем великолепная

рептилия оторвалась от земли и понеслась вверх, к серому, покрытому тучами небу.

Остальные четыре дракона, беззаботно парившие на небольшой высоте, последовали за первым, и когда они уже приготовились нырнуть в облака, Эльрик начал извлекать из Рога особые звуки, указывая могучим тварям и их погонщикам направление. Затем он вынул из ножен меч.

Несколько столетий назад предки Эльрика на своих драконах завоевали весь западный мир. В те далекие дни в Пещерах Драконов не было свободного места, теперь же осталась лишь горстка легендарных созданий, и только самые молодые поспали достаточно долго, чтобы их можно было разбудить.

* * *

Гигантские рептилии поднялись высоко в зимнее небо. Длинные белые волосы альбиноса и покрытый пятнами черный плащ развевались на ветру, а сам он пел радостную Песню Повелителей Драконов, подгоняя своих подопечных:

Дикие кони ветра мчатся по облакам,
И гибельный рок, хохоча, устремился в полет.
Но нам ли бояться? Весь мир покорился нам,
И день не настал, когда смерть за нами придет.

Человеческие мысли о любви, о жизни, даже о мести забылись в этом безрассудном полете посреди сердитого неба, нависавшего над землей, как древние эпохи — над веком Молодых Королевств. Эльрик, последний отпрыск великого рода,

гордый и надменный в своей уверенности, что даже его больная кровь — это кровь императоров-волшебников Мелнибонэ, почувствовал себя одной из свободных и бесконечно одиноких стихий прекрасного и страшного мира.

Теперь в его душе не осталось места ни для врагов, ни для друзей, и если зло обладало им, то это было чистое, сверкающее зло, не испорченное человеческими страстями.

Драконы продолжали лететь на большой высоте, пока внизу не показалось огромное черное пятно с изменчивыми очертаниями, словно уродливая клякса на потемневшей от времени карте. Это мчалась подгоняемая жаждой крови и страхом орда варваров, которые думали, что сумеют завоевать любимые земли Эльрика из Мелнибонэ.

— Эй, братцы-драконы, изливайте ваш яд, жгите, жгите! Огнем очищайте мир!

Приносящий Бурю присоединился к человеку в диком ликующем крике, и дракон устремился вниз, к изумленным варварам, выпуская потоки воспламеняющегося яда, который не могли погасить ни песок, ни вода. Чудовищные вопли перепуганных насмерть людей, неописуемый смрад обгоревшей плоти, клубы черного жирного дыма и пляшущее пламя сверхъестественного огня поднимались к равнодушным небесам. Должно быть, именно так выглядела Черная Бездна — Эльрик стал Лордом Демонов, вершивших кровавый суд.

Но гордый наследник императоров не чувствовал радости, пьянящий восторг победителя

улетучился, как утренний туман, оставив после себя тяжелое похмелье. Эльрик честно выполнил тяжелую, отвратительную работу и очень устал.

Молча он повернул своего дракона вверх и назад, призывая звуками Рога остальных рептилий последовать за ним. Печаль и разочарование заполнили сердце и разум красноглазого чародея.

«Я по-прежнему принадлежу Мелнибонэ,— думал он,— и не в силах вытравить эту печать из своей души, как не смог бы избавиться от собственной тени. Я, как калека за костыль, хватаюсь за этот проклятый меч при каждом удобном случае...»

И застонав от отвращения, он выхватил Приносящего Бурю из ножен и отшвырнул прочь. Тот вскрикнул, как женщина, и полетел к далекой земле.

— Ну вот,— утрюмо проговорил Эльрик,— наконец я это сделал.

Затем, немного успокоившись, он повернул туда, где оставил друзей, и направил дракона вниз.

— Где же твой меч, император Эльрик? — спросил его Дувим Слорм.

Альбинос вздрогнул и принялся многословно благодарить нынешнего Повелителя Пещер за предоставленную великую честь вести за собой огнедышащее войско, пусть и маленькое.

Затем Дувим Слорм, Мунглум и гонец из Карлаака забрались на спины драконов, и «ди-

кие кони ветра» понесли седоков в Город Нефритовых Башен.

Увидев легендарных чудовищ, Зариния узнала в одном из наездников своего возлюбленного и поняла, что Карлаак и западный мир спасены.

Воины спешили к городским стенам и направились к главным воротам.

Поступь Эльрика была гордой, но лицо печальным: его наполняла прежняя тоска, которая — им так хотелось на это надеяться — осталась в далеком прошлом. Зариния подбежала к мужу, и он обнял ее, молча прижимая к себе.

Попрощавшись с Дувимом Слормом и его воинами, он вместе с Мунглумом и посланцем вошел в Карлаак и направился прямо к своему дому, безразлично выслушивая поздравления восторженных горожан.

— Что случилось, любимый? — спросила Зариния, когда он с тяжелым вздохом вытянулся на огромной постели. — Может, я смогу облегчить твою ношу?

— Ах, милая девочка, я устал от мечей и волшебства, только и всего. Но зато я, кажется, избавился от этого кошмарного клинка. Прежде я считал, что нести его — мое предназначение.

— Ты говоришь о Приносящем Бурю?

— Ну да, конечно.

И она ничего не сказала.

Она не стала рассказывать ему о Черном Мече, который сегодня утром с отчаянным

криком прилетел в Карлаак, проник в оружейную и повис на своем старом месте в темноте.

Альбинос закрыл глаза и со всхлипом вздохнул.

— Спи, любимый, — тихо проговорила Зариния.

Украдкой смахнув слезы, она легла рядом с мужем.

Ей не нравилось это утро.

СОДЕРЖАНИЕ

МЕСТЬ РОЗЫ

Перевод с английского Н. Баулиной

5

ПРОКЛЯТИЕ ЧЕРНОГО МЕЧА

Перевод с английского Я. Забелиной

343

Литературно-художественное издание

МАЙКЛ МУРКОК

МЕСТЬ РОЗЫ

Перевод с английского

Ответственный редактор *Александр Тишинин*

Выпускающий редактор *Наталья Памфилова*

Главный художник *Сергей Шикин*

Шрифтовой дизайн *Дмитрия Вяземского*

Художники *Владислав Асадуллин, Кирилл Рожков*

Художественный редактор *Елена Иванова*

Верстка *Анны Новиковой*

Корректор *Татьяна Мельникова*

Подписано в печать с готовых диапозитивов 23.04.98.

Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская.

Гарнитура «Гарамонд». Печать офсетная. Усл. печ. л. 26,88.

Тираж 7000 экз. Заказ 2445.

Издательство «Северо-Запад».

Лицензия ЛР № 071380 от 20.01.97.

194352, Санкт-Петербург, ул. Кустодиева, д. 16, корп. 3.

ЗАО «Издательство «ЭКМО».

Лицензия ЛР № 061309 от 17.06.92.

123298, Москва, ул. Народного Ополчения, 38.

Для писем: 197046, Санкт-Петербург, а/я 771.

E-mail: sevzap@infopro.spb.su.

При участии ООО «Харвест». Лицензия ЛВ № 32 от 27.08.97.

220013, Минск, ул. Я. Коласа, 35 — 305.

Отпечатано с готовых диапозитивов заказчика
в типографии издательства «Белорусский Дом печати».

220013, Минск, пр. Ф. Скорины, 79.

Впервые в России!
ЗНАМЕНИТАЯ ЭПОПЕЯ
МАЙКЛА МУРКОКА
"САГА ОБ ЭЛЬРИКЕ
МЕЛНИБОНЭЙСКОМ"

в 4-х томах

- ♦ ПОХИТИТЕЛИ СНОВ ♦
- ♦ СТРАЖ ХАОСА ♦
- ♦ МЕСТЬ РОЗЫ ♦
- ♦ ПРИНОСЯЩИЙ БУРЮ ♦

fantasy

Издательство «Северо-Запад» представляет серию «fantasy»

*Каждая новая книга этой серии —
волшебное полотно, на котором
чудесными нитями мифов выткано
повествование о борьбе с силами
Хаоса и Тьмы.*

В серии «fantasy» вышли книги:

С. Ланье «Иеро не забыт»

Т. Сванн «День Минотавра»

М. Муркок «Город в осенних звездах»

Б. Ламли «Воин древнего мира»

М. Лэки «Герольды Валдемара»

Сенсация!

Впервые на русском языке
пенталогия

БАРБАРЫ ХЭМБЛИ

«ХРОНИКИ ДАРВЕТ»

- Время тьмы •
- Стены воздуха •
- Легионы света •
- Дворец зимы •
- Ледяной ястреб •

Чудовища, приходящие в ночи,
заброшенные замки, разрушенные города,
драконы, сторожащие древние клады,
ждут вас на страницах романов
Барбары Хэмбли

Впервые в России!

**ПОЛНОЕ
СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ**

МАСТЕРА ФЭНТЕЗИ,
СОЗДАТЕЛЯ «САГИ О КОНАНЕ»

РОБЕРТА ГОВАРДА

**ВЫШЛИ В СВЕТ
СЛЕДУЮЩИЕ ТОМА:**

- Черный камень •
- Ночь волка •
- Гончие смерти •
- Проклятие океана •
- Клинок судьбы •
- Железный кулак •
- Кровь Богов •
- Лик смерча •
- Тень ястреба •
- Врата Империи •
- Знак огня •
- Воин снегов •

**Читайте в новой серии
издательства «Северо-Запад»
лучшие книги отечественных
авторов!**

*Научная фантастика и фэнтези,
альтернативная история и мистика
ждут вас на*

"Перекрестке миров"

КНИГИ ИЗДАТЕЛЬСТВА
"СЕВЕРО-ЗАПАД"

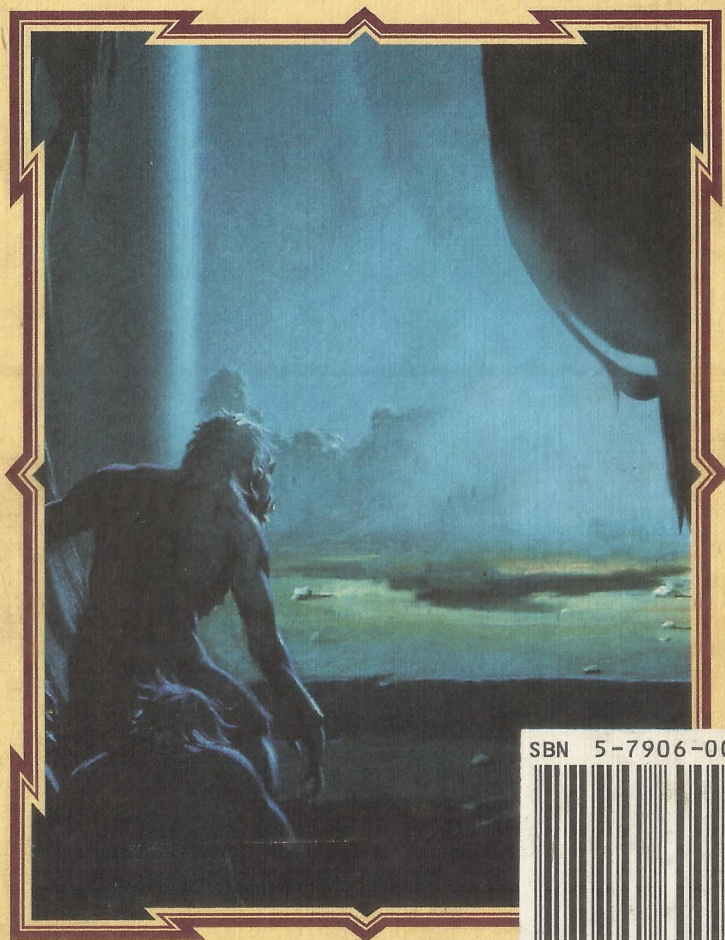
ВЫ МОЖЕТЕ ПРИОБРЕСТИ В ФИРМЕ
"АСТ"

По вопросам покупки книг обращаться по адресу:

г. Москва, Звездный бульвар, дом 21, 7-й этаж.
Тел. (095) 215-4338; (095) 215-0101; (095) 215-5513

Или заказать по адресу:
107140, г. Москва, а/я 140

fantasy

SBN 5-7906-0091-3

9 795790 600912 >

•Северо-Запад®